

ВИДЕТЬ КАК МЕНЯЮТСЯ ГОРОДА

МЕСТНАЯ КУЛЬТУРА И КЛАСС

ДЖЕРОМ КРАС

**ВИДЕТЬ КАК МЕНЯЮТСЯ ГОРОДА
МЕСТНАЯ КУЛЬТУРА И КЛАСС
ГОРОДСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ**

Джером Крас
Городской университет Нью-Йорка

*Переведено с английского языка под патронажем НИИ Памяти
Переводчики: Сапаркина Мария, Лопатюк Ирина*

Содержание:

Благодарности	4
Введение	5
Глава 1. Видеть разнообразие в Нью-Йорке	38
Глава 2. Видеть перемены в Маленькой Италии	71
Глава 3. Китайский квартал: визуальный подход к этническим представлениям	91
Глава 4. Визуализация американских городов	112
Глава 5. Польские и итальянские пейзажи	140
Глава 6. Этническая преемственность в большой Италии	158
Глава 7. Джентрификация в Польше и Полонии	181
Глава 8. Видеть сообщества в мультикультурном обществе	206
Заключение	237
Источники	241

Благодарности

Эта скромная книга - результат почти четырех десятилетий прогулок и фотографирования городских кварталов по всему миру. Поэтому в первую очередь следует отметить тех, кто сделал путешествие возможным. Первым среди них является Мюррей Коппельман, который щедро пожертвовал позицию профессора в Бруклинском колледже, чтобы отметить факультет за выдающиеся заслуги перед колледжем и бруклинским сообществом. Я получил эту награду в 1999 году, и он любезно финансировал последующие визуальные экспедиции. Поддержка также была оказана Управлением ректора Бруклинского колледжа, Конгрессом профессиональных сотрудников/Городским университетом Нью-Йорка по путешествиям, а также программами присуждения наград по исследованиям факультетов. Другими лицами, оказавшими поддержку глобальным исследованиям и изображениям, представленным в этой книге, были, в хронологическом порядке: Университет Пизы, Фонд Костюшко и Министерство национального образования Польши, Правительство Шэньчжэня, Университет Тренто, Университет Рима La Sapienza, Хорватская комиссия по делам ЮНЕСКО, Университет Западной Австралии, Международный совет музеев, в Европе, и Центр документации по миграции людей в Берлине, правительство провинции Апулия, Программа городов и Центр городских исследований Лондонской школы Экономики, Комиссия по городской антропологии Международного союза антропологических и этнологических наук, Институт независимых исследований в Санкт-Петербурге, Центр исследований разнообразия при Кельнском университете и Французское сообщество Бельгии. Я благодарен всем тем, кто позволил мне, в большинстве случаев совершенно незнакомому человеку, гулять по их районам, смотреть, видеть и пытаться уловить проблески невероятной способности обычных людей изменять мир, изменяя его внешний вид. Хотя я сосредотачиваюсь здесь на довольно приземленных достопримечательностях, часто бывает скрыто гораздо больше, чем кажется на первый взгляд. Изменение того, что видно в публичном пространстве, например, на улицах или площадях, может показаться несведущим не таким уж значимым, но те, кто прекратил войны и свергнул репрессивные режимы, точно знают, о чем я говорю, пишу и показываю. Это способность обычных людей производить изменения, о чем мы, социологи, так редко говорим, возбуждают воображение как студентов, так и преподавателей.

Как и следовало ожидать, многие идеи, сформулированные и объединенные в этой книге, были представлены в других местах. Учитывая масштаб, начиная от моей диссертации 1973 г. до 2011 г., было бы неразумно перечислять их все здесь, но их можно найти в разделе «Ссылки» под обозначением «Krase, J.» Хотя это была попытка одного человека, в конечном итоге мои коллеги, такие как Тимоти Шортелл и другие сотрудники Академии гуманитарных наук и наук им. Феликса Гросса по городской этнографии CUNY, давали советы, даже если я их не просил и не принял, но это дало мне понять, что усилия стоят потраченного времени, и наоборот. Наконец, за титаническое терпение я бесконечно благодарен своей жене Сюзанне Николетти.

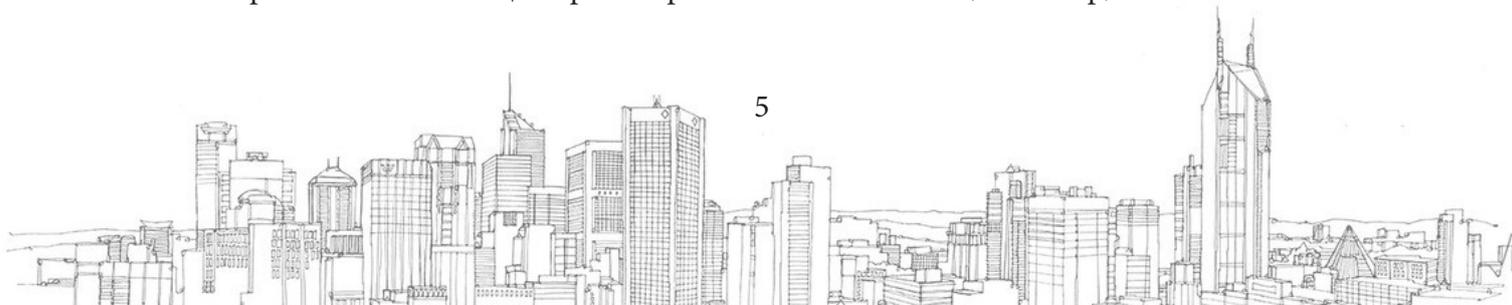

Введение

В этом введении наиболее подробно обсуждаются теории и методы, которые используются в последующих главах. Он охватывает большую часть подходов, которые используются для изучения города – от культурной антропологии и географии, до городской социологии и планирования. Некоторые из центральных тем – аспекты культурного ландшафта, такие как народная архитектура и пейзажи. Визуальная этнография с особым вниманием к визуальной социологии, конечно же, будет в центре внимания. Также необходимо коснуться пространственной семиотики, символического интеракционизма и других феноменологических подходов, а также основных классических и современных структурных теорий о городских изменениях. Хотя книга начинается с изучения американских городов, они являются лишь отправной точкой для кросс-культурного и сравнительного анализа городов. Таким образом, «Видеть, как меняются города» - подходящее название для обозначения глобального масштаба проекта.

Проходя через городские пространства, такие как жилые кварталы, которые мы раньше не посещали, мы похожи на туристов, которые используют глаза, чтобы расшифровать подсказки и знаки, которые громко и тихо окружают нас. Мы можем спросить себя: это безопасное или опасное место? Рады ли мне тут или мне нужно уйти, пока не стало слишком поздно? Что это за район? Люди, которые здесь живут, богаты или бедны? Какая у них раса, национальность или религия и какое (или почему) это имеет значение? Некоторые вещи легко определить на улице, например, продается ли там что-то. Законные торговцы стараются сделать очевидным то, что они ищут клиентов с помощью знаков, которые соревнуются за внимание, но при продаже незаконных товаров знаки, которые выставляют продавцы, более тонкие. И все же кажется, что для знающего покупателя они на виду. Это чтение «уличных знаков», так сказать, не просто эстетическое упражнение. То, что мы видим, влияет на то, как мы реагируем на места и людей, с которыми мы встречаемся в нашей все более сложной и меняющейся городской среде.

Я выбрал подчеркнуть и выделить те теории, методы или просто идеи, которые в той или иной мере являются «визуальными», и сплести их вместе в своего рода повествование. Для начала я бы сказал, что общество, а, следовательно, и его изучение, по существу, зависят от видимого. Наши первые переживания жизни как «социальной жизни» в основном видимые, например, когда мы встречаемся, узнаем и различаем людей. В социальных науках также постоянно утверждается, что взаимодействие лицом к лицу (а, следовательно, и глаза-в-глаза) в первичных группах является строительным материалом для последующей социальной жизни. Конечно, можно оспаривать первичность визуального восприятия и настаивать на том, что именно обоняние является более первичным, чем зрение, но трудно представить себе сложные наборы социальных взаимодействий, основанные на запахах, которые эволюционировали бы в своего рода полноценные общества, в котором мы в настоящее время проживаем. Я полагаю, что мир, основанный на

запахах, должен выглядеть иначе.

Я думаю об этой книге как о части моего собственного, но незаконченного «Проекта Аркад», имитирующего попытку Вальтера Бенджамина установить теоретическую связь между пространством и обществом в Париже девятнадцатого века. Там Бенджамин попытался реконструировать социальную жизнь, заключенную в стеклянных и железных коридорах, которые в определенном смысле представляли развивающуюся потребительскую экономику. Аркады были построены в начале века и непреднамеренно подготовили почву для самобытной уличной жизни того периода, населенным фланёрами, которые гуляли по ним, чтобы увидеть и быть увиденным.

Точно так же эта моя гораздо более скромная книга имеет долгую историю, которая началась с моего первого курса урбанистической социологии в докторантуре Нью-Йоркского университета в 1970 году. Класс вел Алан Блум, который убедил меня, что то, как мы глядим на такие вещи, как города, тонко, но сильно влияет на то, что мы думаем и что мы видим. В результате его интеллектуального вмешательства я написал диссертацию «Представление себя в городском обществе», в которой использовались различные феноменологические, особенно символический интеракционистский подход, для исследования городского мира, который я просто принимал как должное. Эти, в то время нетрадиционные, идеи помогли мне объяснить, почему, среди прочего, совершенно «нормальный» в основном средний класс, но отчетливо афро- и карибский американский (т.е. «черный») район Бруклина, в котором я жил, считается посторонними, за неимением лучших слов, опасной «трущобой» или «гетто». В то время, 1960-е и 1970-е, обычные люди, а также городские эксперты были убеждены, что американские города, особенно их внутренние укромные уголки, имеют лишь самое мрачное будущее. В результате термин «меняющийся район» стал почти модным в качестве кода или метафоры расовой интеграции местных сообществ. Растущее массовое бегство из городов, называемое «Белым бегством», озадачило меня, особенно потому, что, когда я смотрел на окрестности и на соседей, казалось, что им было нечего бояться.

Как и сегодня, в то время я не проводил много времени в «Башне из слоновой кости», и моя работа продолжается сегодня, опираясь на общественный активизм. По мере того, как я углублялся в свои докторские исследования, я понял, что становлюсь больше участником, чем наблюдателем, в этой проблеме. В результате я стал прагматиком, который почувствовал необходимость синтезировать теории и соединять их с практической работой. Когда я впервые начал преподавать городскую социологию около трех десятилетий назад, Чикагская школа городской экологии была предложена как единственный способ подойти к изучению города. Как часть поколения 60-х, я, естественно, попал в его политически консервативный, спенсеровский намек, на то, что бедственное положение жителей центральной части города было вызвано некой «невидимой рукой» или, что еще хуже, их собственными действиями. В моей диссертации этот, казалось бы, нечувствительный детерминизм подвергался критике с точки зрения объединения более критических подходов феноменологии и символического интеракционизма. В центре моих аргументов активистов была работа Эрвинга Гоффмана (1959), которого

в то время социологи придали анафеме. По сути, я пытался показать, что районы, населенные небелыми, порицались, клеймились позором, как таковые. В свою очередь, их дискредитированный внешний вид ограничивал моральный капитал их местных лидеров и организаций, поскольку они обращались к государственным и частным властям за социальной справедливостью. С практической точки зрения, я разработал и обучил драматургическим методам «Представления сообщества в городском обществе» клейменных позором людей, живущими в таких же местах (Krase 1973, 1977, 1979). Примерно десятилетие спустя ведущие работы разделили область городской социологии на различные точки зрения социальной организации, городской экологии и социальной психологии. Сегодня мы видим доминирование политико-экономических и мировых систем в теоретических дебатах между сторонниками «новой» и «старой» городской социологии или, как это описывает Фланаган, культурологами, которые «исследуют культурные, организационные и социально-психологические последствия городской жизни», и структуралистами, которые «озабочены более широким экономическим и политическим влиянием города» (1999, 385–98; см. также Клиневский).

Антропологи и социологи, основным подходом которых является визуальный подход, не имеют монополии на визуальные подходы к городской жизни и культуре. Соответственно, в следующих главах будет содержаться призыв к визуально ярким описаниям того, что журналисты, поэты и писатели видели на городских улицах, чтобы добавить глубины и патины тем, что предлагают ученые. В главе своей книги «Наблюдаемый город: фланер в социальной теории» Дэвид Фрисби объявил, что, несмотря на резкую критику этой области со стороны самого Уолтера Бенджамин, он «показал себя... социологом» (30). Фланери читает визуальные и письменные тексты, в которых люди отмечаются как социальные типы в социальном и пространственном контексте. Фрисби предлагает, как и я, что

Исследование фланера в социальной теории должно превратиться в изучение вкладов тех, кто вообще не был признан социологами, таких как Бенджамин, или тех, чьи работы часто включались в негативную карикатуру формальной социологии, например, Зиммела, или те, кто был помещен в зал славы социологии «без галстуков» (незамысловатый), например, Роберт Парк, или те, чей социологический вклад редко даже признавался в англо-американском дискурсе, например, Зигфрид Кракауэр. (30)

Некоторые утверждали, что зрение и пространственная память неразделимы, как показано в обзоре книги Джошуа Фоера Александры Горовиц в *New York Times* «Лунная походка с Эйнштейном: искусство и наука запоминания всего» (2011), где она отмечает:

Искусство запоминания приписывают древнегреческому поэту Симониду, который смог прекрасно вспомнить сцену в банкетном зале за мгновение до обрушения крыши, просто просматривая ее мысленным взором. «Метод локусов» (прим.пер. – известно также как «Дворец памяти», «чертоги разума») приписывает отличительные образы всему, что человек хочет запомнить,

помещая образы в знакомые комнаты или здания. Воспоминание, таким образом, становится вопросом путешествия по этим местам, или «дворцам памяти», и тому чтобы отметить собранные там образы. Эта кажущаяся ловкость рук - запомнить X, чтобы запомнить Y - использует простой факт человеческого познания: мы естественно запоминаем визуальные образы. Найдите минутку, чтобы представить себе собственную гостиную; подробное описание всего, что там видно, не требует усилий.

Если мы думаем о повседневных местах, в которых мы живем, за пределами нашей гостиной, применима та же логика, хотя точность нашей зрительной памяти, конечно, будет подвергаться сомнению из-за масштаба и сложности более крупных пространственных схем. Например, в своей классической книге «Образ города» (1960) Кевин Линч сделал восприятие обычными людьми мест и пространств своего собственного города и их результирующих «ментальных карт» в центре внимания городских планировщиков, а также экологических психологов и других специалистов социологии. Линч видел в этих картах сеть «путей», «краев», «районов», «узлов» и «ориентиров». Пути - это маршруты, по которым движутся люди, например, тротуары. Края - это границы, которые не являются дорожками, такими как заборы или стены. Районы - это идентифицируемые части города, такие как кварталы. Узлы - это точки сосредоточения деятельности, например, хорошо используемые площади. Ориентиры - это объекты, такие как здания, которые служат ориентирами для согласования планировки города (1960, 46–90; см. Также Sundilson 2011).

В своей работе, я продолжаю акцентировать социологический метод *verstehen* (нем. - понимание) который впервые разработал Макс Вебер (1947). В книге «Теория Социально-экономической организации», Вебер утверждал, что человеческое общество становится возможным, когда социальные субъекты могут представить себя на месте других (на месте тех, с кем они взаимодействуют), и тем самым могут правильно предвидеть поведение других. Мы могли представить наши социальные миры, как зависимость от общих или разделяемых «посылов» (работ). В моем случае работы, которые я анализирую и пишу, состоят из и сформированы визуальными образами. Также я настаиваю на том, чтобы эти образы не просто «находились» там, а были в динамике и имели воздействие. Независимо от подхода, который выбирает человек при изучении общества, факт остается фактом - городские изменения принимают разные формы и является результатом многих факторов. Вот что я обнаружил в ходе моей работы в городах по всему миру: индивидуальные решения принятые обычными горожанами, а также теми, кто обладают огромной властью в государственном и частном секторе, были частично следствием, а также причиной образов: тех что в наших головах, и тех что мы видим физически. Поэтому я считаю, что необходимо использовать визуальный подход, в дополнение к обычным методам и теориям, когда мы объясняем и описываем, как меняются города по расовому, этническому признаку, религиозному и экономическому как следствие сильных социальных, политических и экономических сил. Здесь мы рассмотрим мировые явления такие как *джентрификация* (или *гентрификация*) (процесс возрождения центральных частей ряда городов), а также этнические изменения как следствие

иммиграции и глобализации. Например, ясно, что присутствует существенный визуальный элемент в дебатах начала двадцать первого века и в Европе, и в США в отношении иммиграции из мусульманских стран, где уделяется особое внимание стилю одежды мусульманок в общественных местах и строительству крупных религиозных сооружений.

Студенты и практикующие урбанистику одновременно благословлены и прокляты конкурирующими теориями и методами описания постмодернистского, постиндустриального центральной городской сцены. Но во всех теоретических, методологических и идеологических вопросах, характеризующие эти сферы, центральная организационная часть в науке урбанистика - последовательно выражалась в той или иной форме, как «пространство». Поэтому, важнейшей целью является объяснение того, как эти реальные и воображаемые пространства используются, оспариваются и преобразуются различными социальными группы. Поскольку науки описываются с точки зрения их способности производить совокупные знания, очевидно требовалось то, что может связать воедино огромное количество разрозненных нитей (направлений). Можно непреднамеренно заметить, как часто сторонники конкурирующих точек зрения о городах и обществах повторяли друг друга (как эхо), но при этом не признавали мнения (голоса) «других».

Большинство считает, что шить бесшовную социологическую одежду - чрезмерно амбициозная цель. Однако, принимая во внимание такие вещи, как простонародные ландшафты в этнических (например, итальянских или китайских) районах могли бы стать некой преемственностью от «старой» городской науки к «новой» и от до-постмодернистских к постмодернистских городским сценам. Современные урбанонологи иногда страдают от параллакса зрения. Один глаз, возможно, «правый», видит «естественную» пространственную форму и функцию города в качестве биологической аналогии, так как делали Роберт Эзра Парк и Эрнест У. Берджесс. Другой глаз, возможно, «левый», видит эти же городские места и пространства, как товары, репродукции власти, и схемы капитала а-ля Мануэль Кастельса, Давида Харви и Анри Лефевра. С тех пор как Парк и Берджесс опубликовали свои классические исследования по Чикаго, которые описывали «как» жилые кварталы следуют четкой экологической модели, как поколения городских практиков и теоретиков рисовали свои собственные метафоры общества, одновременно споря друг с другом о том, «почему» они распределены пространственно.

Что такое визуальный подход?

Визуальные подходы к изучению мест и пространств в обществе, особенно в наших городах, не новое явление. Георг Зиммель давно установил центральную роль видимого в теоретизировании сложных и постоянно меняющихся европейских крупных городах в начале двадцатого века. Это внимание к визуальному остается традицией во всех урбанических науках, хотя бы как мощный подтекст. Столетие назад Зиммель писал, что «современная социальная жизнь все более усиливает роль простого визуального впечатления, которое всегда характеризует преобладающую часть всех чувственных отношений между человеком и человеком и должно возлагать

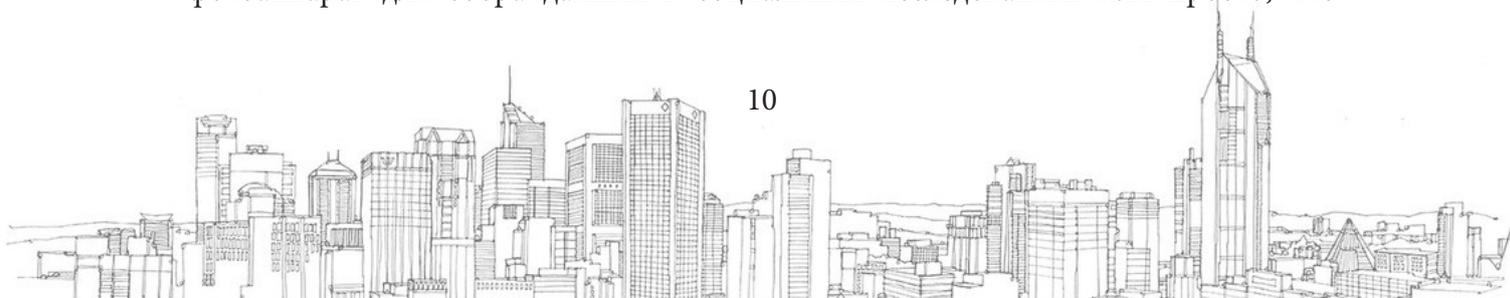

социальные отношения и чувства на полностью изменившейся основе» ([1908] 1924, 360). Эта работа также была значительно усилена городскими исследованиями Лин Х. Лофланд и теоретической перспективой символического интеракционизма, которую она использует. Лофланд отметила, что ее коллеги-интеракционисты внесли значительный вклад в знания о городских мирах, продемонстрировав, как самые разные люди общаются через искусственную среду, например, с помощью общепринятой практики рассмотрения поселений как символов (2003, 938–9; см. Также) 1985, 1998). Отдельные лица и группы взаимодействуют друг с другом в городе через визуальные образы, которые влияют на то, что люди видят на улицах. Однако значения того, что они видят, происходят из другого источника - значений символов, усвоенных в процессе социализации. Лофланд также утверждала, что «город из-за своего размера является средоточием особой социальной ситуации; люди, находящиеся в его границах в любой момент, ничего лично не знают о других – о подавляющем большинстве, с которыми они делят это пространство». Она добавила, что «городская жизнь стала возможной благодаря «упорядочению» городского населения с точки зрения внешнего вида и пространственного расположения, так что жители города могли многое узнать друг о друге, просто посмотрев» (1985, 22). Эта необходимость наведения порядка особенно актуальна сегодня в отношении тех территорий, становящихся все более транснациональными, территорий, где они проживают, которые современные мигранты стремятся создать и изменить.

В книге «История, город и интеракционистский подход: Ансельм Штраус, образы городов и городская социология» (1991) Лофланд отмечает свое недоумение по поводу очевидного отсутствия значительного интеракционистского вклада в область городской социологии, несмотря на ее корни в Чикагской школе. Это было особенно странно, учитывая широкий набор тем, на которые можно было нанести ярлык «городской» («урбанистический»). Однако она утверждала, что, если использовать более «аналитически строгое» определение сферы, становится ясно, что интеракционист Ансельм Штраус сыграл важную роль, отмечая роль городских образов.

Рассматривая город - форму городского поселения - как тему исследования, Штраус избегал стандартных вопросов того времени. Он не спрашивал, обязательно ли горожане отдалены и отчуждены от сообщества или можно найти сплоченные и интегрированные районы. Он также не спрашивал, как произошло типичное разделение американских городов на «природные зоны» или как перемещение населения повлияло на стоимость земли и модели землепользования. Вместо этого Штраус подошел к городу как к теме исследования в типичной интеракционистской манере: он спросил о значении. Он спросил, «что американцы думают и думали о своих городах» (1961, viii); он спросил о «символических представлениях городской среды» (Wohl and Strauss, 1958). Он спросил, как американцы определяют городскую ситуацию; как они интерпретируют калейдоскоп знаков, звуков и запахов городской среды. Вкратце он спросил о городских образах. (207)

Большинство из нас думает, что визуальная социология просто использует фотоаппарат для сбора данных в социальных исследованиях или просто, что

более интересно, иллюстрирует конкретное открытие, сделанное с помощью других, невизуальных, методов. В связи с этим последним пунктом являются частые объявления современных авторов и издателей учебников, призывающие к фотографиям для иллюстрации или иного изображения их письменного текста. Мы редко видим текст, требующий иллюстрирования фотографии. Не совсем противоположно этой позиции, Дуглас Харпер утверждал, что эта область делится как минимум на два разных типа: «Визуальные методы», которые включают любой проект, в котором исследователи используют фотографию для изучения социальных миров и «Визуальные исследования», в которых исследователи проводят анализ культурных образов. Именно в этом последнем подходе социологи могут исследовать семиотику систем визуальной коммуникации. Харпер также выделил четыре режима исследования: «научный», при котором мир категоризируется и создаются данные; «повествование», где данные структурированы по учетным записям; «рефлексивный», где данные строятся с точки зрения их субъектов; и «феноменологический», в котором исследователи используют свой собственный субъективный опыт в качестве источника данных (1988).

Джон Грэди расширил сферу визуальной перспективы на социальное с тремя работами «Прагматическое определение» (1996). Первая - «Видение: как зрение и взгляд помогают создавать социальную организацию и смысл». Вторая, «Общение с помощью знаков (условных обозначений)», рассматривает, как изображения и образы могут как информировать, так и использоваться для управления социальными отношениями. Третья, которую я нашел наиболее ценной в моей собственной работе о местных городских ландшафтах всех видов, - это «Визуальное изучение социологии» или «как методы создания и декодирования изображений могут быть использованы для эмпирического исследования социальной организации, культурного значения и психологических процессов». Именно в этой последней области наиболее известны методы, методологии и проблемы визуальной социологии, и где камера и другие методы репрезентации играют решающую роль в аналитическом процессе (14).

Наконец, что касается главных основ визуальной социологии, Джон Ригер отметил, что среди многих других преимуществ в исследованиях, таких как замораживание сложной сцены или возможность ненавязчивого измерения, «[р] фотография хорошо подходит для изучения социальных изменений, из-за способности записывать сцену с гораздо большей скоростью и полнотой, чем когда-либо мог бы сделать человек-наблюдатель, делающий записи» (1996: 6). Учитывая быстро меняющиеся столичные пейзажи, которые в некоторых случаях просто проносятся мимо незамеченных исследователей, очевидно, что визуальные методы и приемы имеют ценность. А поскольку как фактически, так и виртуально районы географически неподвижны, они являются отличным местом для социологического исследования глобализации и деиндустриализации. Изменяющиеся миры вокруг них становятся визуально очевидными на уличных сценах внутри квартала.

Несмотря на то, что некоторые люди могут увидеть в этой книге «новаторский» визуальный подход, он довольно обычен в отношении социальных научных исследований и анализа. Такой подход не повсеместно пользуется уважением лидеров

во многих областях визуальных исследований. Например, Сара Пинк рассматривает свой «рефлексивный» подход как отход от «научно-реалистической» парадигмы и придает меньшее значение основополагающему акценту на интерсубъективности и, действительно, рефлексивности в развитии родственных дисциплин социологии и антропологии.

Антитезис Пинк, если хотите, таков:

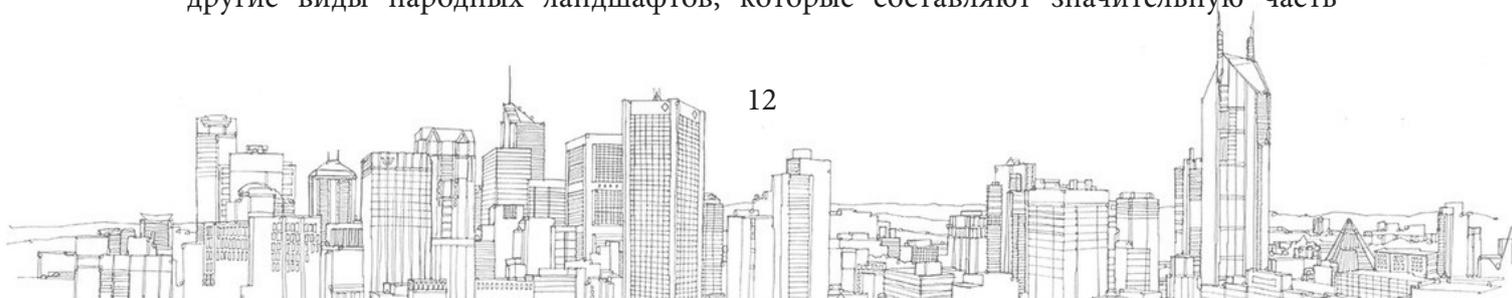
Подход тех визуальных социологов, которые стремились включить визуальное измерение в уже установленную методологию, основанную на «научном» подходе к социологии [здесь она перечисляет Grady 1996; Prosser 1996; Проссер и Шварц 1998] не позволяет реализовать потенциал визуального в этнографии. Их предложение о том, что визуальные образы должны поддерживать проект научной социологии, страдает от проблем перспектив, таких как феминизм равенства: он должен подписаться под доминирующий дискурс, чтобы быть включенным. Сторонники этой консервативной стратегии - это те, кто обязан доказать ценность визуального образа для научной социологии, в которой преобладает письменное слово, таким образом эффективно оценивая ценность образов для исследования с точки зрения социологической повестки дня, которая отвергает важность визуальных значений и потенциал изображений для представления и создания новых типов этнографических знаний. (2006, 5–6)

С другой стороны, необходимость прочно закрепить визуальную работу внутри дисциплины подчеркивает Маркус Бэнкс:

Визуальная антропология начинает пониматься как изучение видимых культурных форм, независимо от того, кто их создал и почему. В каком-то смысле это открывает шлюзы - визуальные антропологи - это те, кто создает фильмы, фотографии, карты, рисунки, диаграммы, а также те, кто изучает кино, фотографию, телевидение, искусства скульптуры - и могут угрожать заболочиванием (суб)дисциплины.

Но есть ограничения; во-первых, изучение видимых культурных форм является лишь визуальной антропологией, если оно основано на проблемах и понимании антропологии в целом. Если антропология, определенная очень грубо, - это упражнение по межкультурному переводу и интерпретации, которое стремится понять другие культурные мысли и действия в их собственных терминах, прежде чем делать их в терминах, доступных (в основном) евро-американской аудитории, если антропология стремится устранить разрыв между «большой картиной» (скажем, глобальный капитализм) и локальными формами (например, рыночная торговля в небольшом городке), если антропология рассматривает долгосрочное активное наблюдение и владение местным языком в качестве аксиоматических предпосылок для этнографического исследования, тогда визуальные исследования должны заниматься этим, если они хотят, чтобы их воспринимали серьезно как визуальную антропологию. (1998: 11)

Энтони Д. Кинг (1996) не является ни визуальным социологом, ни антропологом, но также говорит о городах как о «тексте», который нужно читать. Этнические и другие виды народных ландшафтов, которые составляют значительную часть

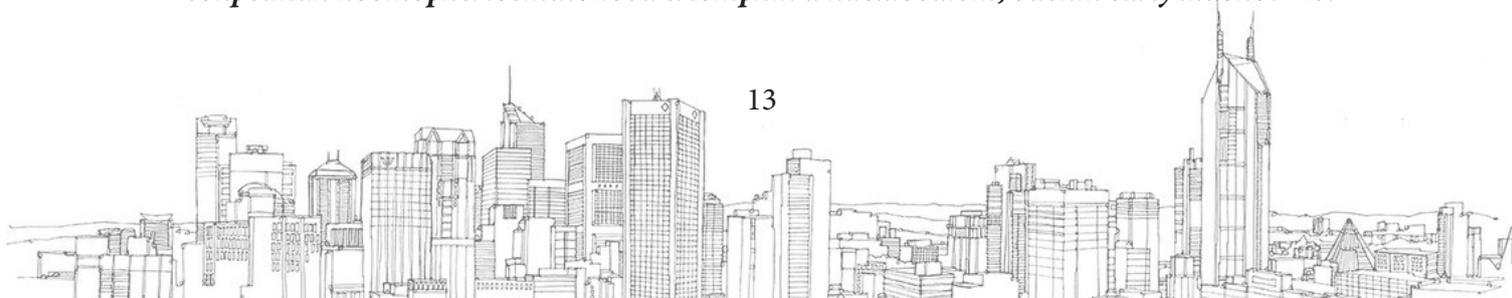

этой книги, имеют решающее значение, но часто игнорируются части этого городского текста. В основном согласившись с Кингом, Шарон Зукин отметила, что акцент и интерес многих урбанистов был сделан на географических битвах за доступ и представление городского центра. В связи с этим она писала: «Таким образом, визуальные артефакты материальной культуры и политической экономии усиливают социальную структуру или комментируют ее. Делая социальные правила «четкими», они представляют город» (1966, 44). В качестве видимого признака упадка, например, Зукин предположил, что «в долгосрочной перспективе пустое и недооцененное пространство неизбежно уступит место простонародным ландшафтам бессильных и будет заменено новым ландшафтом власти» (49). В своей классике американского планирования «Образ города» Кевин Линч ввел понятия «разборчивости» (различимости) и «визуализации», чтобы помочь понять и спланировать те аспекты физической среды, которые составляют ментальные карты, составленные обычными людьми (1960, с. 1–13).

Дэвид Харви подробно обсудил «Пространственные практики» Анри Лефевра, чтобы отметить, что те, кто обладает властью управлять пространством и создавать его, также могут воспроизводить и усиливать свою собственную власть. Именно в границах, созданных этими практиками, протекает местная жизнь обычных городских жителей. По мнению Харви, «разные классы по-разному строят свое чувство территории и сообщества. Этот элементарный факт часто упускается из виду теми теоретиками, которые априори предполагают, что существует некоторая идеальная типичная и универсальная тенденция для всех людей создавать человеческое сообщество примерно одинакового типа, независимо от политических или экономических обстоятельств» (1989, 265). В том же ключе Пьер Бурдьё отметил, что «наиболее успешными идеологическими эффектами являются те, в которых нет слов и требуются не более чем соучастие в молчании». Следовательно, мы можем сказать, что производство символического капитала выполняет идеологические функции, потому что механизмы, с помощью которых он способствует «воспроизводству установленного порядка и увековечиванию господства, остаются скрытыми» (1977, 188, см. Также King 1996, 112–1). 36). Для Визуального социолога многие из этих «скрытых» репродукций и репрезентаций местной социальной жизни находятся в довольно «простом виде». Понятие Бурдьё о «габитусе» или практиках, которые в данном случае порождают видимые закономерности, также полезно для наблюдения за эффектами сильного мира сего (1977, 72–95).

Для Лефевра визуальное восприятие было центральным в создании и воспроизведении социального пространства любого масштаба:

Таким образом, пространство, несомненно, создается даже тогда, когда масштаб не соответствует масштабам крупных автомагистралей, аэропортов или общественных работ. Еще одним важным аспектом подобных пространств является их все более ярко выраженный визуальный характер. Они созданы с учетом видимого; видимость людей и вещей, пространств и всего, что в них содержится. Преобладание визуализации (более важной, чем «зрелищность», которая в любом случае входит в ее состав) служит для сокрытия повторяемости. Люди смотрят и наблюдают, видят саму жизнь. Мы

строим на основании бумаг и планов. Покупаем на основе изображений. Зрение и видение, которые когда-то олицетворяли собой разборчивость западной традиции, превратились в ловушку: средства, с помощью которых в социальных пространствах можно симулировать разнообразие, а пародия на просвещение и понятность скрывается под знаком прозрачности. (1991, 75–6)

Для одного из пионеров визуальной социологии Ховарда С. Беккера (1995), а также Кэрол А. Уоррен и Трейси Х. Карнер (2005), визуальные методы - важные инструменты в репертуаре современных авторитетных исследователей. Джон Проссер утверждал, что «[] за последние три десятилетия исследователи качественных исследований серьезно задумались об использовании изображений со словами для улучшения понимания состояния человека. Они включают в себя широкий спектр форм, включая фильмы, фотографии, рисунки, карикатуры, граффити, карты, диаграммы, знаки и символы. Накопленные изображения являются индикаторами культуры; взятые по отдельности, они являются артефактами, которые предоставляют нам очень конкретную информацию о нашем существовании» (1998, 29). Он добавил, что фотография является особенно ценным инструментом для качественных исследователей, поскольку она приводит к созданию «другого порядка данных и, что более важно, альтернативы тому способу, которым мы воспринимали данные в прошлом» (там же). Джон Грэди (1996, 14) описывает визуальную социологию как организованную попытку исследовать, «как зрение и видение помогают конструировать социальную организацию и значение и как образы и изображения могут как информировать, так и использоваться для управления социальными отношениями». Дуглас Харпер, комментируя как Беккера (1974), так и Грэди (1996), а также другие основополагающие статьи в развитии этой области, расширил видение визуальной социологии, приняв во внимание постмодернистскую и другую критику научной социологии, но в основном он утверждает: «Я думаю, что визуальная социология должна начинаться с традиционных допущений полевой социологической работы и социологического анализа. Фотографию можно рассматривать как «данные»; на самом деле уникальный характер фотографических изображений заставляет нас переосмыслить многие из наших предположений о том, как мы переходим от наблюдения к анализу во всех формах социологического исследования. Но обратите внимание, что я предложил, чтобы анализ создания изображения начинался с этих и других традиционных допущений и практик. И на этом все не кончается!» (1998, 34–5).

Визуальные методы сбора и анализа данных также могут быть ценным дополнением к «нормальным» городским исследованиям и докладам. Очевидно, что визуальные подходы к изучению городов могут помочь продемонстрировать способность даже наименее способных визуально влиять на окружающую их среду. Например, мы можем использовать фотографические обзоры в сравнении с историческими фотоархивами, чтобы увидеть и зафиксировать, как различные конструкции пространства и пространственные практики новых иммигрантов меняют ландшафт города. Мы можем фотографировать, снимать фильмы или видео этнических анклавов, чтобы задокументировать и проиллюстрировать, как их новые обитатели меняют определенные пространства. Особый интерес

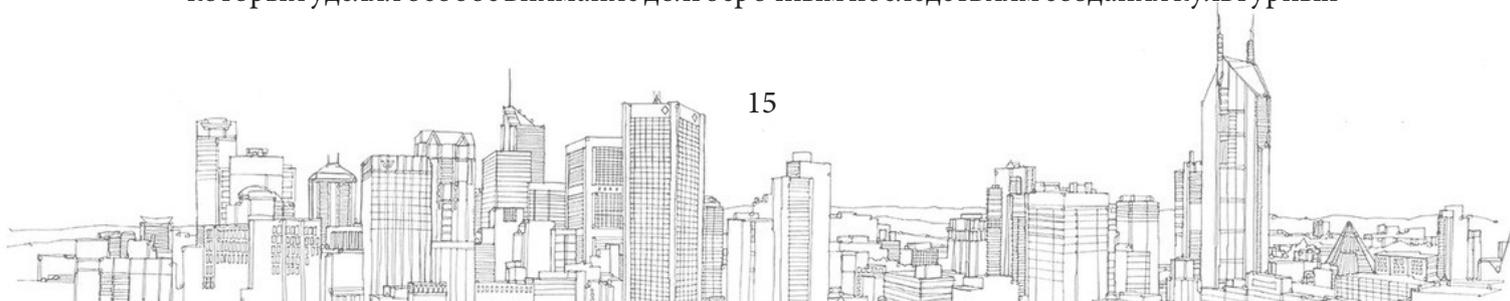
для урбанистов может представлять способы использования общественных мест. Визуальные методы облегчают изучение нового строительства, а также изменения существующих пространств. В книге «Визуальный поворот» Люк Пауэлс жалуется, что прикладные исследования многих ученых (возможно, включая меня) происходят за счет улучшения теоретических и методологических основ. В своем эссе он проводит различие между акцентом на предмете и не менее важным «конкретным визуальным способом изложения»:

Некоторые ученые-визуалы твердо убеждены, что нам не следует слишком много теоретизировать, и что использование визуального и визуальных средств в некоторой степени освобождает нас от следования заявленной и согласованной методологии, или, другими словами, некоторые считают, что сила визуальных эффектов убивается усилиями по рационализации его использования. Тем не менее, я думаю, что развитие теории и методологии – это явно не те моменты в современной визуальной науке, которым уделяется много внимания - необходимы для продвижения проекта построения более визуальной науки. Мы все применяем наши убеждения и нормы, когда создаем и оцениваем визуальные представления и конструкции, поэтому у всех нас есть свои теории и способы работы. Пришло время вывести их на поверхность и сделать их первыми предметами конструктивного обсуждения. (2000, 10–11)

Зачем смотреть на городские народные пейзажи?

Городские народные ландшафты являются лишь одной, хотя и важной, частью более крупного культурного ландшафта, определенного The Cultural Landscape Foundation (Фон культурного ландшафта) как «географическая область, которая включает культурные и природные ресурсы, связанные с историческим событием, деятельностью, человеком или группой людей. Культурные ландшафты могут варьироваться от тысяч акров сельской земли до усадеб с небольшими двориками. Они могут быть искусственным выражением визуальных и пространственных отношений, включая большие поместья, сельскохозяйственные угодья, общественные сады и парки, кампусы колледжей, кладбища, живописные шоссе и промышленные объекты. Культурные ландшафты - это произведения искусства, тексты и повествования о культурах и выражения региональной идентичности. Они также существуют во взаимосвязи со своим экологическим контекстом» (2009).

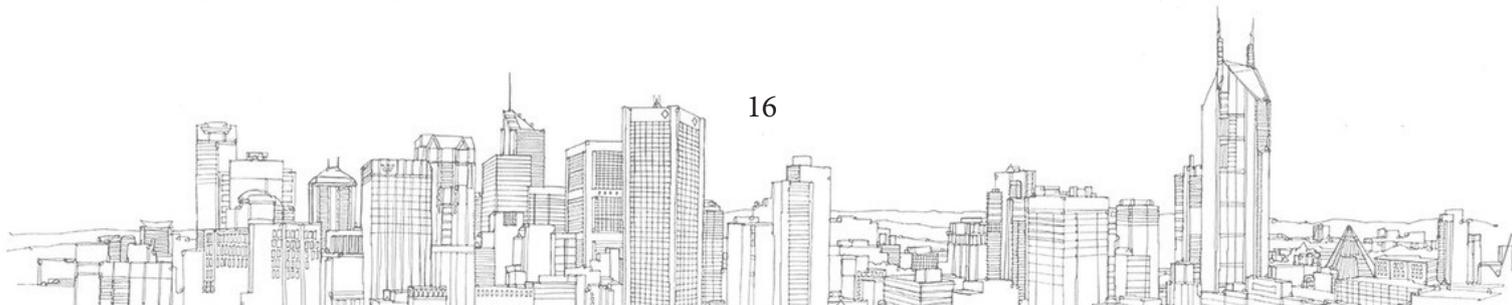
Географ Карл О. Зауэр, пожалуй, оказал наибольшее влияние на широкий спектр социальных и культурных исследований, подчеркнув способность человека изменять видимые особенности поверхности Земли и в процессе этого создавать культурные ландшафты. Для ранних немецких географов термин *Landschaft* (ландшафт) был областью, определяемой видимыми, физическими и культурными особенностями. Работа Зауэра и других сотрудников Школы культурной географии Беркли расширили сферу географии, уменьшив экологический детерминизм, который доминировал в изучении ландшафтов географами. Исторически исследование культурных ландшафтов было по сути национальным проектом, который уделял особое внимание долгосрочным последствиям создания культурных

групп. В Соединенных Штатах группы основателей были самыми ранними англосаксонскими поселенцами. В результате поиск типичного «американского» персонажа показал исторический небольшой город и сельский уклон. Более поздние иммигранты, особенно те, которые приехали в Америку после середины XIX века, рассматривались как нарушители окружающей среды, и их влияние на культурный ландшафт Америки обычно рассматривалось как простая модификация того, что уже было установлено. Однако, за исключением, пожалуй, традиций коренных американцев, все строительные традиции Америки пришли из-за границы. Эта аксиома материальных культур в равной степени применима к домам «шотган» (узкие прямоугольные дома с 2 дверьми напротив друг друга), построенным для рабов и рабами, которые можно проследить до Западной Африки, а также к амбарам и фермерским домам, построенным первыми свободными немецкими поселенцами в Пенсильвании.

Культурные ландшафты, однако, не являются фиксированными, а скорее динамичными, поскольку как более ранние, так и более поздние иммигранты продолжают влиять на культурные произведения и обычаи друг друга. Например, в Америке существует несколько версий номинально «креольских» культур, в которых испанские, французские и английские поселенцы смешали свои отличительные этнические обычаи и пищевые обычаи с африканскими рабами, а также коренными американцами. Вплоть до конца двадцатого века вариации этнических народных ландшафтов в Европе с другой стороны, скорее всего, рассматривались как региональные или производились группами национальных меньшинств, а в случае таких стран, как Франция и Англия, приток мигрантов из бывших стран-колоний. С тех пор репертуар местных ландшафтов увеличился за счет этнического разнообразия в увеличившемся потоке мигрантов внутри Европейского Союза и иммиграции из-за пределов Европы.

В смежных дисциплинах антропологии и социологии - архитектуре и географии - ведется энергичное обсуждение более и менее «прогрессивных» подходов к построенной среде сильных мира сего и / или бессильных, что аналогично тому, что мы находим в социальных и гуманитарных науках. Одним из наиболее важных культурных или социальных географов, вышедших из влиятельной школы Беркли, был Уилбур Зелински, чья книга *«Культурная география Соединенных Штатов»* (1973) до сих пор считается стандартом во многих академических областях. Для него это были первые волны иммигрантов, которые установили стандарты американской культуры, но он также отметил непрерывную и разнообразную миграцию, которая могла повлиять на нее. С другой стороны, Зелинский сомневался в «аутентичности» этнических ландшафтов и предположил, что, хотя «экзотические лакомые кусочки» можно найти в этнических кварталах, они недостаточно существенны, чтобы их можно было рассматривать в качестве отдельной формы. В книге *«Взгляд за пределы доминирующей культуры»* он также отметил, что в тех частях городских районов, где определенные этнические группы доминируют над местным населением, можно найти «этнические маркеры», которые он считал «чисто косметическими». В отличие от известного городского историка и архитектора Долорес Хайден, фактически превозносящего банальные произведения менее могущественных

жителей городских кварталов, Зелинский утверждал, что здесь нет значимых этнических ландшафтов. По его словам, «конечно, есть определенные районы города, где определенная этническая группа или ее потомки составляют все или большую часть населения. И, конечно же, можно встретить «этнические маркеры», такие как отличительные знаки магазинов, экзотические религиозные предметы во дворах или на крыльцах, эфемерные праздничные украшения, определенные элементы кладбища, случайные исторические памятники или поразительные новые цветочные узоры для домов» (1973, 8). Другими словами, такие постановки недостаточно значительны, чтобы заслужить серьезного внимания. Это может звучать как отстранение себя, но на самом деле Зелинский, как и другие, высказал предостережение, что это может привести к переоценке власти относительно беспомощных городских жителей. Сегодня эти часто игнорируемые и мало ценимые общие элементы народных ландшафтов можно найти в городах по всему миру. К счастью, более поздние работы в этой междисциплинарной и многопрофильной области стали более всеобъемлющими, в них также уделяется особое внимание некогда забытому вкладу более поздних и современных иммигрантов.

Иммигрантская архитектура является важным, но часто упускаемым из виду аспектом американского культурного ландшафта и условно делится на два типа: религиозные и светские. Хотя значительное внимание уделялось религиозной архитектуре, созданной переселенцами в Америку на протяжении веков, такой как христианские церкви, еврейские синагоги, а также более поздние буддийские, мусульманские и индуистские храмы, гораздо меньше внимания уделялось их менее внушительным светским продуктам. Для многих ученых в этой области «иммигрантская» и «этническая» архитектуры являются синонимами, и их можно увидеть во всем, от традиционных строительных практик до новых или гибридных архитектурных форм. До конца двадцатого века в академическом дискурсе термин «этнический» обычно использовался только для описания миллионов бедных иммигрантов из рабочего класса, которые хлынули в США в период с 1880 по 1920 год, и их более или менее ассимилированных потомков. Большинство этих групп, например восточноевропейские евреи, славяне и южные итальянцы, обосновались в уже застроенных городских районах, где им не хватало сил радикально изменить свою среду обитания. По мере ассимиляции они переняли ценности среды господствующего общества. Поэтому только ограниченные «следы» или просто «архитектурные пережитки» первоначальных территориальных ценностей родины можно найти в полученных ландшафтах и местах.

В «Следах дома» (прим. пер. в значении дома из которого прибыли мигранты, т.е. родины) я утверждал: «Теоретически, если бы иммигранты могли, они бы воспроизвели высоко ценимые места и пространства, из которых они прибыли» (1993, 46). Однако архитектурные и другие физические артефакты этнической принадлежности замечаются только тогда, когда они успешно вступают в противоречие с культурными ценностями доминирующего общества. Согласно работе известного архитектора Винсента Скалли «Американская архитектура и урбанизм», хотя американские жилищные нормы являются «кочевыми», в то же время они демонстрируют «самодовольство американского пуританства, которое

должно видеть альтернативы в терминах черного или белого» (1969, 229). Вот почему в большинстве случаев приходится довольствоваться обнаружением примеров этнических влияний, обнаруженных в местной архитектуре и ландшафтах.

Американский культурный ландшафт демонстрирует следы самого разнообразного множества этнических влияний в любой точке мира. Они проявляются во множестве материальных и нематериальных форм, начиная от стилей народной архитектуры и музыки, таких как джаз, до географических названий районов, улиц и городов. В этом отношении можно отметить, например, внутреннюю архитектуру Нового Орлеана и культурные обычаи Каджун. Возможно, менее экзотичными, но даже более многочисленными являются улицы, названные в честь Христофора Колумба в Маленьких Италии, и бесчисленное множество этнических парадов, которые ежегодно проходят почти в каждом городе, маленьком или большом. Более нормальная ситуация культурного насыщения сохранилась для менее многочисленных, но более этнически разнообразных иммигрантских потоков, которые прибыли в Америку после серьезных изменений в иммиграционном законодательстве Соединенных Штатов в 1960-х годах и впоследствии.

Возможно, наиболее значительный вклад в понимание бесчисленного множества культурных ландшафтов был внесен Джоном Бринкерхоффом Джексоном, чье краткое, по сути, визуальное определение его как «части земной поверхности, которую можно понять с первого взгляда» (1984, 3) оказало неизгладимое влияние на разные дисциплины. Бернард Рудофски в своей работе «Архитектура без архитектуры» определил местную архитектуру как «беспородную», «анонимную», «спонтанную» и «исконную» (1964, 1), в то время как Джексон перенаправил внимание ученых на потребности и вкусы среднестатистических работающих людей в отличие от проектов архитекторов и проектировщиков. По его словам, в пейзаже нужно жить, а не просто смотреть. Таким образом, эти повседневные миры обычных людей заслуживают серьезного внимания.

Воодушевленное чувствительностью и более широким размахом работы Джексона, глобальное исследование культурных ландшафтов продолжает развиваться. Сегодня интерес больше к городским и к пригородным условиям и проблемам, так как раньше он был ограничен сельскими пейзажами и небольшими городками. Например, историческое исследование Долорес Хайден показало влияние ландшафтной застройки пригородов почти на все аспекты современной жизни и продемонстрировало, как оно включает в себя ряд маркеров социальной интеграции и исключения. Проницательная работа Джексона прекрасно дополняет интересы социальных исследователей в отношении того, как и почему группы находятся там, где они находятся в городе, и как пространство влияет на их социальные взаимодействия и возможности. По словам Хелен Лефковиц Горовиц,

Джексон всегда утверждал, что для точной интерпретации ландшафтов мы должны обращаться к обычным местам обычных людей, а не к изысканным проектам архитекторов и проектировщиков... Он был на стороне, осознавший его собственную «общность», настаивал на том, что ландшафт сформированный по потребностям и вкусам рядовых трудящихся было важнее, чем созданное архитекторами и проектировщиками. В этом ключе он утверждал, что мы

должны учитывать дома и места работы как бедных, так и богатых, как находящихся на периферии, так и тех, кто находится в центре. В эссе, которые другие критиковали как слишком лояльное к современному упадку, Джексон настаивал на том, что мы не отвергаем общий ландшафт, а стремимся понять и полюбить его. (1997, xxx – xxxi)

Джексон увидел, что то, что люди делают на определенной физической территории и как они используют предметы на ней, имеет решающее значение для понимания этого пространства. Рассказывая о джентрификации и вытеснении деятельности бедняков с улиц и городских пространств в Англии восемнадцатого и девятнадцатого веков, он писал: «Короче говоря, большая часть традиционной пьесы, популярной среди граждан рабочего класса, расположенной в центре города, где жили и говорили игроки, был изгнан либо из-за нехватки места, либо из-за решений полиции улучшить движение транспорта и поддержать порядок» (11). Относительно того, почему изучение просторечия в отличие от «вежливой» архитектуры стало более ценным для понимания социальной истории, он утверждал, что с XIX века «[i] бесчисленное количество новых форм возникло не только в нашем общественном существовании - завод, торговый центр, заправка и так далее, но и в нашей частной жизни» (118–19). Особенно ценно для наших целей Джексон прокомментировал визуальную конкуренцию торговых улиц, которая, по его мнению, представляла «новую и действенную форму того, что можно назвать коммерческим жаргоном» (246), включая мотели, франшизы быстрого питания, гаражи и торговые центры. Эти банальные аспекты могут рассказать нам о себе и о том, как мы относимся к окружающему миру.

Анастасия Лукаиту-Сидерис обнаружила, что, несмотря на их функциональную важность и наставления Джексона, вездесущие городские коммерческие полосы мало изучены архитекторами, проектировщиками и географами. Больше всего внимания было уделено их внешнему виду (визуальное загрязнение) и изменяющейся архитектуре полосы. Она добавила, что некоторые географы изучили «землепользование вдоль городских магистралей в определенные моменты времени, но очень немногие проанализировали динамические аспекты развития полосы во времени или социальную экологию полосы - различные типы пользователей и использования - в отношении к его дизайну и управлению» (1997, 1–2).

По мнению Джексона, «Народный ландшафт» находится под символами постоянной власти, выраженными в «Политическом ландшафте». Он гибкий, без общего плана и содержит пространства, которые организованы и используются традиционным образом. Большая часть этого «деревенская» (сельская); дом сделан с использованием местных технологий, местных материалов, с учетом местной окружающей среды. Здесь я использую термин «сельский» с географической точки зрения, поскольку даже в урбанизированных местах местные ландшафты являются частью жизни сообществ, которые управляются обычаями и держатся вместе за счет личных отношений». Для него и его учеников «народный пейзаж невозможно понять, если мы не воспринимаем его как организацию пространства; если мы не спросим себя, кому принадлежат эти пространства, как они были созданы и как меняются» (1984: 6).

В «Потенциале этнических мест для городских ландшафтов» (1990) Хайден писал, что этнические городские ландшафты состоят из культурно значимых народных построек, локализованных пространственных моделей, фольклорных и других народных искусств и материальных традиций, которые устанавливают «территориальную историю», определяющую политическую и экономическую власть. Она также утверждала, что понимание этих ландшафтов также принесет пользу городскому планированию, то есть сделает городскую жизнь более пригодной для жизни и равноправной, а также визуально интересной. Современный географ и социальный теоретик Дэвид Харви, кажется, повторяет Рудольфа, Джексона, а также Хайден, когда он утверждает:

Разные классы по-разному строят свое чувство территории и сообщества. Этот элементарный факт часто упускается из виду теми теоретиками, которые априори предполагают, что существует некоторая идеально-типичная и универсальная тенденция для всех людей создавать человеческое сообщество примерно такого же типа, независимо от политических или экономических обстоятельств. (1989, 265)

Для тех, кому не хватает власти (особенно «малообеспеченное население»),

основной способ доминировать в пространстве - это постоянное присвоение. Обменных ценностей мало, поэтому поиск потребительных ценностей для повседневного выживания является центральным элементом социальных действий. Это означает частые материальные и межличностные транзакции и образование очень мелких сообществ. В пространстве сообщества потребительские ценности разделяются посредством некоторого сочетания взаимопомощи и взаимного хищничества, создавая тесные, но зачастую весьма конфликтные межличностные социальные связи как в частных, так и в общественных местах. В результате часто возникает сильная привязанность к месту и «территории» и четкое ощущение границ, потому что контроль над пространством обеспечивается только через активное присвоение. (265–6)

Ясно, что изучение народного пейзажа подходит всем, кто изучает город.

Многие также обращали внимание на этнические гибриды и наложение почтенных «американских» архитектурных стилей, таких как колониальный, георгианский, викторианский или другие европейские классические и неоклассические выражения в архитектурной среде. Культурные обмены, которые происходят между колониальными державами и колонизированными, часто признаются. Например, стойкое влияние британской архитектуры на ее обширную империю. Менее заметным, но, возможно, визуально очевидным был столь же глобальный эффект Испании в Западном полушарии. Антрополог Сета Лоу проделала важную работу в этом отношении об «испанско-американских» площадях. Ей было ясно, что центральные площади во многих городах следует рассматривать как продукт местных, а также испанских методов создания и поддержания городских пространств:

К сожалению, у нас есть лишь ограниченное количество свидетельств о процессе, посредством которого происходил этот синтез, и несколько текстов,

в которых обсуждается процесс пространственного присвоения, помимо именованя и основания городов (Seed 1993). Можно утверждать, особенно в отношении Мехико и таких археологических памятников, как Типу и Ламанаи, что пространственные отношения, поддерживаемые за счет строительства на руинах, с использованием тех же камней и фундамента, позволяли сохранить элементы местной политико-религиозной системы. Эти скрытые значения не обязательно использовались публично, но они, возможно, были полезны для усиления аспектов самобытности, самоуважения и духовной силы коренных народов, которые помогли сохранить местные народные обычаи, верования и практики. Остается вопрос, что означают такие конструкции, когда они использовались в районах, где не было соответствующих архитектурных форм коренных народов. (758)

В более поздних исследованиях рассматривается влияние ислама, особенно турецкого, на городские пейзажи Германии или влияние Северной Африки на города Франции. В двадцать первом веке можно легко найти множество других примеров самобытных этнических ландшафтов в сельской местности, а также в мультикультурных «этнобарабанах», усыпанных восточно-азиатскими чайными пузырями и юго-восточными азиатскими чайными с пузырьками, а также торговыми центрами с четко выраженной этнической маркировкой, такие как можно найти в Маленьком Сайгоне в округе Ориндж в Калифорнии или в Торонто, Канада.

Другие отличительные варианты народных ландшафтов можно найти на продовольственных рынках в «Маленьком Сенегале» в итальянском городе Брешиа, жилых районах, зарезервированных для временных иностранных рабочих всех мастей в Дубае и Эр-Рияде, а также в мобильных лагерях Рима по всей Европе, так как лагеря зимбабвийских беженцев в южноафриканских поселках.

За пределами уже переполненных и развитых городов мигранты, у которых есть для этого средства, были более способны реализовать свои предпочтения, такие как поселение Генуя, штат Висконсин, которое было основано и построено в 1860-х годах группой альпийских итальянских иммигрантов, которые выбрали это место, потому что один из их членов привез в Италию новости о том, что он нашел копию их дома в Пьемонте. Точно так же историки и социологи отметили иммигрантскую архитектуру, такую как дома и сауны в скандинавском стиле в районе «Финн Таун» в Красном Облаке, Монтана, а также в других регионах Соединенных Штатов. Вместо того, чтобы смотреть на отдельные выражения в искусственной среде, такой как casitas или saunas, другой подход к этнической народной архитектуре и ландшафтам заключается в рассмотрении областей, таких как городские кварталы, в целом. Исторически сложилось так, что исследователи часто замечали такие структуры, как монументальные ворота Китайского квартала и стереотипную коммерческую архитектуру Маленькой Италии, найденную в центрах многих мировых городов, таких как Сидней, Австралия, Лондон, Англия или Сан-Франциско, США.

Из-за разнообразия современной американской иммиграции и более открытого отношения нации к культурному разнообразию, выраженному в Культурном плюрализме и мультикультурализме, вероятно, что светская иммигрантская и этническая архитектура выйдет за пределы обычных границ гибридных

коммерческих фасадов и незначительных модификаций резиденции. Например, сегодня во многих местах архитекторы работают с группами иммигрантов, чтобы создать новые пространства, которые больше соответствуют их культурным вкусам и обычаям. Это развитие не ограничивается жилыми и коммерческими помещениями, но также и градостроительством, особенно для рекреационных интересов новых иммигрантов, занимающихся спортом и такими видами деятельности, как футбол и крикет.

Этнические народные ландшафты являются важным, но часто упускаемым из виду аспектом чрезвычайно разнообразных материальных культур, которые встроены в городские пейзажи многих больших и малых городов мира, а также их пригороды. Эти народные ландшафты также повсюду и меняются в результате глобализации, урбанизации, модернизации, иммиграции и других факторов, которые во многих случаях создают слои или палимпсесты конкурирующих культурных артефактов Европы, Азии, Африки и Латинской Америки. В некоторых случаях этническая архитектура может быть важным аспектом местного туризма. В статье «Визуализация этнических народных ландшафтов в американских городах» я попытался продемонстрировать, как можно использовать более или менее аутентичные образцы материальной культуры для создания и поддержания того, что я назвал «этническими тематическими парками». Эти пространства и места можно легко рассматривать как вариант «тематизации» городских пейзажей Майкла Соркина, который он рассматривал как попытку социального контроля. Соркин посетовал, что потенциальная потеря «знакомых пространств традиционных городов, улиц и площадей, дворов и парков - это наши великие сцены гражданского, видимого и доступного, наших связующих агентов» (1992, xi – xv) . Что касается важности видеть эти различия в городе, Ричард Сеннет так прокомментировал управление различиями в Нью-Йорке: «Что характерно для нашего городского строительства, так это то, что они не допускают различий между людьми, предполагая, что эти различия с большей вероятностью будут взаимно опасными, чем взаимно стимулирующими. То, что мы делаем в городской сфере, является мягким, нейтрализующим пространством, которое устраняет угрозу социальных контактов: уличные стены, облицованные листами из листового стекла, шоссе, отделяющие бедные кварталы от остальной части города, жилые дома общежитий» (1990, p. xii).

Примеры этого явления можно легко найти в большинстве глобальных городов мира. Он представляет собой форму «превращения в товар» (товаризация), или когда экономическая ценность приписывается чему-то, что ранее не рассматривалось с экономической точки зрения; например, идея, идентичность или полная «товаризация» народной архитектуры и других пространственных практик расширяет или создает новый рынок и применяется как к этническим, так и ко многим рыночным «стилям жизни» или другим пространственным практикам, таким как арт-сообщества. В представлении этнического тематического парка социальная ценность этнического квартала, создаваемого иммигрантом, трансформируется благодаря его способности проводить фестивали, рестораны и другие развлечения для посторонних. По сути, это место и его жители проданы.

Менее известными примерами этого явления являются причудливые магазины и ветряные мельницы в датском стиле в Солванге, Калифорния, и имитирующая восточноевропейская коммерческая архитектура Кливленда, славянской деревни Огайо, которая находится рядом с менее экзотическим, но более аутентичным историческим районом США. Варшавы.

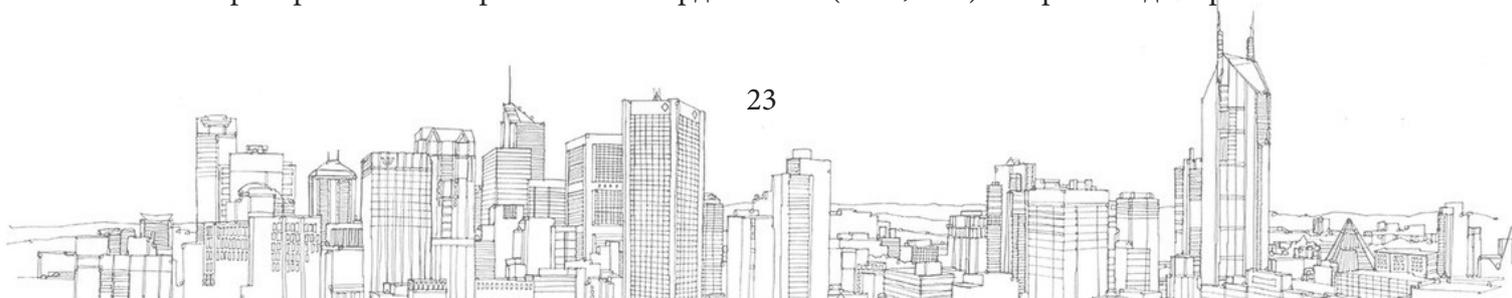
Синтез новой и старой городской социологии

Интерес к народным ландшафтам выходит далеко за рамки географии и обогащен теориями Майка Дэвиса, Пьера Бурдьё, Энтони Д. Кинга, Ульфа Ханнерца, Ролана Барта и Анри Лефевра. В результате сегодня фестивали, музыка, искусство, ремесла, общественные сады и народная архитектура, созданные самыми разнообразными культурными группами, находятся в центре внимания исследований также в антропологии, истории культурологии, литературной критике и социологии. Например, Ричард Дж. Джонс-младший и Кристина Р. Фуст рассмотрели, как стимулирование потребительского интереса разыгрывается и осуществляется в торговом центре на 16-й улице.

По мере того, как мы далее разбираем проявления потребительства в реконструированном городе, полезно провести различие между слоями пространства Лефевра. «Представления пространства» обращаются к «концептуальному пространству» инженеров и проектировщиков, которые «идентифицируют то, что воспринимается, с тем, что задумано». Деловые интересы также попадают в эту категорию, поскольку они вписывают в материальность пространства свои собственные желания для получения дохода через перестройку. Напротив, «Репрезентативные пространства [...] накладываются на физическое пространство, символически используя его объекты». Жители и пользователи пространств сами проживают образы и символы пространства, а не определенные экспертами или санкционированные цели (10).

Мой собственный синтез теорий о визуализации пространственных практик состоит в том, что обычные люди меняют значение пространств и мест, изменяя их внешний вид (1993, 2002 и 2004а). Например, как я также писал об итальянских кварталах в Соединенных Штатах: «За грандиозными общественными пространствами и зданиями лежит обширная область маленьких людей и маленьких построек, которые на самом деле составляют большую часть нашего материального общества и где обычные люди создали различные пейзажи и места. Планировка этих кварталов такова, что пространство устроено социально. Итальянцы, как и все мигранты, несут проектирование или жизнь из первоначальной домашней среды и адаптируют их к ресурсам и возможностям в новых местах» (2004b, 24).

Визуальная социология и народные пейзажи связаны через пространственную семиотику. С точки зрения литературной критики Юлия Кристева пишет: «Таким образом, когда мы говорим о семиотике, мы имеем в виду (пока нереализованное) развитие моделей, то есть формальных систем, структура которых изоморфна или аналогична структуре другой системы (исследуемой системы)... Определяя семиотику как производство моделей... репрезентации и, как таковые, производятся в пространственно-временных координатах» (1994, 275). Марк Готтдинер мог бы

возразить, что специалист по пространственной семиотике признает эти социальные и культурные значения, которые придаются городским пейзажам, а также людям и видам деятельности, наблюдаемым на месте событий (1994b, 15–16). Эти определения более чем смутно напоминают более или менее «классические» дискуссии Клода Леви-Стросса (1963), Роберта К. Мертона (1968), К. Райта Миллса (1959) и Альфреда Шутца (1964), среди многих других, - отношения между социальной структурой и культурой. «Культурным» является конкретное содержание или социально значимая модель, а «структура» относится к общей или универсальной модели или договоренностям. Леви-Стросс сформулировал это наиболее лаконично, поскольку «социальная структура» не имеет ничего общего с эмпирической реальностью, а связана с моделями, построенными на ее основе» (271).

Более того, «теория структурирования» Энтони Гидденса требует серьезного предостережения о том, что для понимания городских регионов, городов и кварталов необходимо не только понимание теории, но и местной истории, ресурсов и идей местного лидерства (1984). Ясно, что Зелинский и другие, кто сомневается в «аутентичности» этнического народного ландшафта, могли бы извлечь пользу в своих наблюдениях за этническими кварталами благодаря пониманию семиотики и социопространственного анализа. Вывески магазинов, написанные на иностранном языке, легко заметить, но «видение» использования и / или значений пространства требует чуткости и понимания конкретной культуры, которая создает, поддерживает и использует повторно обозначенное пространство. Другими словами, даже самый беспомощный из городских жителей является социальным «агентом» и, следовательно, участвует в локальном воспроизводстве региональных, национальных и глобальных общественных отношений. Визуальный осмотр даже наиболее разрушенной центральной части города наглядно продемонстрировал бы это «человеческое учреждение» наименее находящихся у власти. Это может помочь уловить «преднамеренные усилия людей, думающих и действующих, в одиночку или сообща» по созданию или изменению занимаемых ими пространств, даже когда это демонстрируют только банды с низким доходом, «маркирующие» разговорный язык пейзажей с загадочно символическими граффити.

Немногие социологи моего поколения (р. 1943 г.) не запомнили диаграмму концентрических зон Эрнеста У. Берджесса из книги «Рост города» (1925 г.). Несмотря на утверждения об обратном, мы практически не продвинулись дальше его символизма. Для некоторых молодых новых городских социологов перечитывание работ Уолтера Фейри «Настроения и символизм как экологические переменные» (1945) и «Землепользование в Центральном Бостоне» (1947) также может быть социологически унижительным опытом как новаторская пространственно-семиотическая работа. Можно сказать, что Берджесс предоставил нам семиотику «The» (прим. пер. – автор делает акцент на определенный артикль “the”) для «The» Города. До нынешнего десятилетия большинство городских исследований, особенно этнографических, были сосредоточены на владениях и обитателях «Внутреннего города» или других эвфемизмах того, что Берджесс назвал «Зоной перехода». Там можно было найти поселенцев, бомжей, наркоманов, бедняков, представителей небелого меньшинства и иммигрантов из низшего сословия, которые жили в гетто,

трущобах, китайском квартале, преступном мире, Вайс, и Маленькой Сицилии.

Чисто описательные модели классической городской экологии имеют в качестве основного источника биологическую аналогию. В городе равновесие выражается через взаимодействие человеческой природы с географическими и пространственными факторами, порождающими «естественные» территории. Политические экономисты, напротив, рассматривают те же самые природные территории и экологические зоны как результат «неравномерного развития» и, возможно, даже хорошо спланированных циклов упадка и обновления. Остается вопрос, вызывают ли эти несопоставимые причины несопоставимые визуальные эффекты. В зависимости от идеологии обитатели трущоб могут рассматриваться как жертвы или преступники. В нашем обществе также необходимо признать, что видимый цвет кожи жителей центральной части города влияет на их моральную оценку зрителями. В этом отношении особенно поучительны блестящие документальные фотоработы Камило Хосе Вегады, такие как «Новое американское гетто» (1995). [1]

На самом интеллектуальном уровне пространственной семиотики или символической экологии Джеймс Дикинсон видит в ландшафте «зона социальной патологии» - больше, чем простой процесс заброшенности - точка зрения, разделяемая как географами Чикагской школы, так и марксистами. Глядя на разрушенные кварталы, он утверждает, что «Эти разрушающиеся зоны становятся фабриками, производящими руины, которые станут памятниками завтрашнего дня. Итак, вот пороговые зоны, где обсуждаются новые значения и ценности старых структур» (1996, 82). В этот момент можно было бы рассмотреть значение рушащейся Берлинской стены до и после 1989 года, то есть как символ угнетения и символ освобождения, или Римский Форум как символ славы Римской империи или ее упадка и падения.

Пытаясь найти социологический мост между старым и новым, я обнаружил, что «Сетка пространственных практик» Харви из книги Лефевра «Производство пространства» (262) является наиболее теоретически и практически мощной. Перефразируя Харви, на арене социальных конфликтов и борьбы командование и создание пространств воспроизводит и усиливает власть. Большая часть этой работы оформлена в терминах «Пространственных практик» Лефевра, представленных Харви. Харви признает, что те, кто обладает властью управлять пространством и создавать его, могут воспроизводить и усиливать свою собственную власть. В рамках, установленных этими практиками параметров протекает местная жизнь обычных городских жителей. Подводя итог, в левой части таблицы мы находим: «Материальные пространственные практики (опыт)», «Репрезентации пространства (восприятие)» и «Пространства репрезентаций (воображение)». В верхней части таблицы находится надпись, «Доступность и дистанцированность», которая «говорит о роли «конфликт расстояния» в человеческих делах. Расстояние является одновременно барьером и защитой от человеческого взаимодействия. Это накладывает транзакционные издержки на любую систему производства и воспроизводства»; «Присвоение пространства», которое «исследует способ использования и занятости пространства отдельными лицами, классами или другими социальными группами»;

и «Доминирование пространства», которое «отражает то, как отдельные лица или влиятельные группы доминируют в организации и производстве пространства, чтобы в большей степени контролировать конфликт расстояния или то, как они или другие используют пространство» (261–2).

Согласно Готтдинеру (1994а), самая основная концепция урбанистических исследований - это пространство поселения, которое одновременно построено и организовано: «Оно построено людьми, которые следовали некоторому значимому плану с целью сдерживания экономической, политической и культурной деятельности. В нем люди организуют свои повседневные действия в соответствии со значимыми аспектами сконструированного пространства» (16). Как часть национальных и глобальных систем, широкий спектр сил со стороны предложения влияет на районы. Например, Харви отметил, что движение пространственно-ориентированных общественных организаций, вдохновленное классовой политической риторикой, угрожает контролю, осуществляемому экономическими элитами, и поэтому требует идеологического сдвига для облегчения процесса урбанизации столицы. Практическим примером этого были успешные попытки убедить белых жителей американских городов переехать, а также заложить свое будущее в пригородном жилье. «Блокирование» и «расовое управление» в районах проживания белых этнических меньшинств в беспокойные 1960-е также имеют иные значения, чем традиционная городская экологическая интерпретация, как просто сопутствующая «естественному» процессу этнического вторжения и наследования. Здесь мы могли бы подумать также о пространственной семиотике бегства белых и джентрификации. Поучительно, что итальянско-американские кварталы, которые будут обсуждаться особенно в главе 3, такие как Канарси и Бенсонхерст в Бруклине, штат Нью-Йорк, стали символизировать сопротивление этнической преемственности, будь то «естественный» процесс или просто этап в круговороте столицы (Rieder 1985, Kruse 1994a).

Этнографическое исследование Итало Пардо о трудных и сложных, отношениях между иммигрантами и родными итальянскими предпринимателями в Неаполе подняло смежные вопросы оспариваемого городского пространства. Как утверждалось во многих других местах, возрождающаяся этническая принадлежность способствовала созданию новых социальных границ, а также новых форм неравенства. Ситуацию усугубляли слабая взаимосвязь между гражданством и управлением, а также видимость для коренных жителей того, что иммигранты пользуются привилегиями за их счет. Например, по историческим причинам неаполитанцы уже считали себя итальянскими гражданами второго класса (2009 г.). Тщательная работа Пардо и других этнографов, таких как Джулиана Прато (2009) и Дамила Майер (2009), демонстрирует, что любой анализ локального воздействия глобального движения рабочей силы и капитала в Европе требует более пристального внимания к культуре и ценностям как рожденных тут жителей, так и теми, кто не совсем новички, но зачастую новые конкуренты за ограниченные ресурсы. Точно так же Эрик Фонт (2009 г.), Чжан Цзицзяо (2009 г.) и Сумита Чаудхури (2009 г.) продемонстрировали в своей работе по миграции и иммиграции в Канаде, Китае и Индии соответственно, что, хотя на города миграция влияет повсеместно,

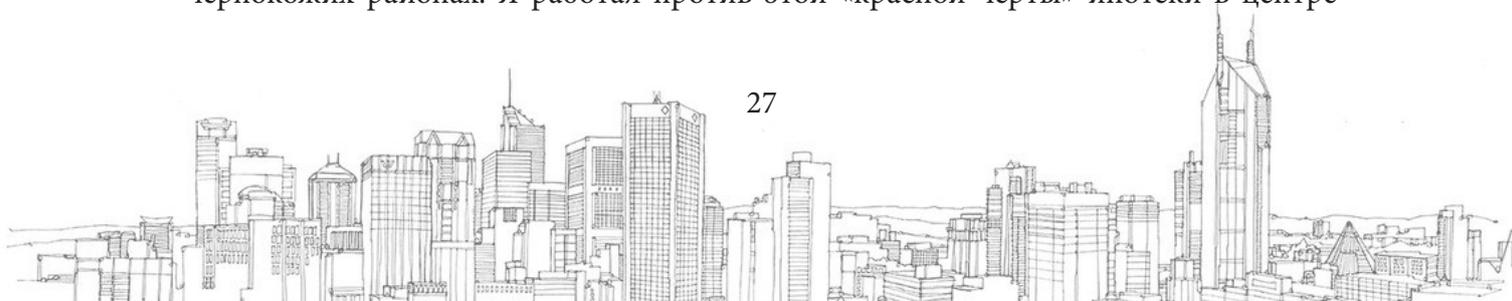

конкретные эффекты сильно различаются.

Мануэль Кастельс дает нам иное представление о том, как реальные и воображаемые городские пространства используются, оспариваются и трансформируются различными социальными группами, обсуждая «Реконструкция социального смысла в пространстве потоков». В современном мире власть - это информация; поэтому «Пространства мест» вытесняются сетями информации или «Пространствами потоков». Однако наряду с глобализацией потоков власти происходит действие на возвращение к «родовому» местным сообществ. По мере того, как местная самобытность теряет значение, местные общества и культуры (города, кварталы) также теряют власть. Кастельс считает, что этот импульс к полному лишению прав и возможностей городских жителей может быть обращен вспять путем реконструкции пространственного значения с помощью социальных и пространственных проектов на трех уровнях: культурном, экономическом и политическом. Именно этот культурный уровень наиболее актуален для местных обществ. Территориально определенные этнические группы могут сохранять свою идентичность и опираться на свои исторические корни независимо от того, каким образом они зависят от пространства потоков. Это достигается «символическим обозначением мест», сохранением «символов узнавания» и «выражением коллективной памяти в реальных практиках общения». В то же время он предостерег от «чрезмерного утверждения» местной идентичности, которое может привести к трайбализму (племенному строю) и фундаментализму (1989, 1996).

Я могу согласиться с предостережением Кастельса о том, что этнические и другие местные группы должны сотрудничать, чтобы оказывать положительное влияние на политическую структуру, благодаря моему собственному обширному опыту работы на «низовом уровне». Классическое экологическое объяснение массового исхода белых из центральной части города в 1960-х годах заключалось в том, что они покинули отрицательно ценимую внутреннюю часть города в погоне за положительными пространственными ценностями в пригороде. Однако для того, чтобы этот исход произошел, значения, которые белые этнические представители занимали в помещениях, должны были быть изменены со священного «дома» на нечестивый кусок «недвижимости». Разочарование в районе стало возможным благодаря манипулированию расовыми предубеждениями. Чтобы вытеснить глубоко укоренившихся жителей, местная индустрия недвижимости экспроприировала фанатизм белого рабочего класса. Выживание некоторых из этих этнических анклавов также содержит полезные уроки в свете наблюдения Готтдинера о бесполезности организационных усилий по стабилизации кварталов в центре города перед лицом «объединенного брака между государством и экономикой, который способствовал развитию периферийных территорий в пост-военные жилищные потребности белого населения» (1994b, 11).

Проведя два десятилетия на передовой, способствуя как расовой интеграции, так и стабилизации соседства, я должен отметить здесь экономическую пользу расового предубеждения в поощрении «бегства белых» из центрального города. В 1970-х сберегательные банки отказывались предлагать ссуды в демографически чернокожих районах. Я работал против этой «красной черты» ипотеки в центре

города вместе со многими более или менее прогрессивными общественными организаторами и организациями. По иронии судьбы, подчеркнув эту проблему расовой дискриминации, мы случайно способствовали массовому исходу из городов, оттолкнув белых жителей рабочего класса. Сосредоточение внимания на особых проблемах небелого населения увеличило разделение между группами, что, в свою очередь, помогло ускорить еще больший спрос на отток капитала, чтобы избежать проблемных соседей (Krase 1997). В последние десятилетия мы стали свидетелями обратной стороны этого процесса ухудшения состояния микрорайонов в «джентрификации», переводе социально маргинальных и рабочих районов центрального города в жилые помещения среднего класса, который начался в 1960-х годах. Если бы мы были городскими экологами, мы могли бы назвать это явление вторжением и преемственностью городских кварталов «новой буржуазией и мелкой буржуазией».

Визуальная социология и внимание к местным ландшафтам в центральной части города позволяют нам видеть конфликты, конкуренцию и доминирование на уровне, который обычно не замечается, и который легко может быть связан с теориями и описаниями Лефевра и Бурдьё. Только подумайте, насколько разными и, возможно, более интересными становятся «доступность» и «дистанцирование» Лефевра, когда мы говорим о расовой дискриминации на местных рынках жилья и межэтническом насилии на улицах. Что может быть лучшим знакомством с этническим соседством, чем когда Харви говорит о пространственном доминировании следующим образом: «Успешный контроль предполагает способность исключать нежелательные элементы. В рамках такого процесса построения сообщества часто используются тонко настроенные этнические, религиозные, расовые и статусные различия» (266), Другие произведения «Символического капитала», определяемые Бурдьё как «коллекционирование предметов роскоши свидетельство вкуса и отличия владельца» (1977, 188), может помочь нам понять жилое и коммерческое расширение этих самых тех же самых, часто принадлежащих рабочему классу, белых этнических районов на более позднем этапе во втором кругообороте капитала. Именно тогда этнические кварталы становятся убогими шикарными местами для жизни, как, например, богемная (и итальянская) Гринвич-Виллидж в Нью-Йорке в 1970-х годах (см. Jacobs 1969, Ware 1965 и Tricarico 1984).

Для тех, кто изучает город, есть два важных вопроса. Первый описательный: «Кто или что есть в городе?» Второй - аналитический: «Как и почему» они туда попали. Как уже отмечалось, консервативные по своей природе описательные экологические модели рассматривают городское равновесие, создаваемое взаимодействием «человеческой природы» с географией, порождающей «естественные» области. Те, кто придерживается левых политических взглядов, рассматривают эти же зоны как результат «неравномерного развития» или, возможно, намеренно спланированных циклов упадка и обновления. В другом теоретическом плане Шарон Зукин обрисовала в общих чертах две школы мысли о городской среде:

Кто-то, отождествляемый с политической экономией, подчеркивает инвестиционные сдвиги между различными кругооборотами капитала, которые передают владение и использование земли от социального класса к

другому. Его основные термины - земля, труд и капитал. Другая школа мысли, отождествляемая с символической экономикой, фокусируется на репрезентациях социальных групп и визуальных средствах исключения или включения их в общественное и частное пространство. С этой точки зрения бесконечное обсуждение культурных значений в построенных формах - в зданиях, улицах, парках, интерьерах - способствует построению социальной идентичности. (1996, 43)

Зукин предлагает использовать и то, и другое для интерпретации ландшафтов культуры и власти в городе.

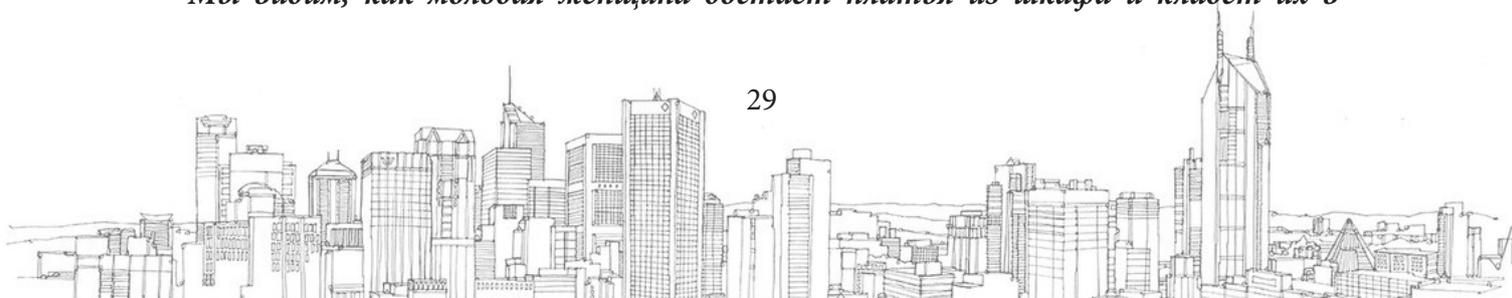
Согласно Шортеллу и Кразу в книге «Видение различия: пространственная семиотика этнической и классовой идентичности в глобальных городах», маркеры этнической идентичности находятся в постоянном напряжении среди альтернативных интерпретаций себя и других. Якобсон (1960, 1972) определил три функции знаков, которые могут помочь распутать конкурирующие значения, применяемые к визуальным представлениям идентичности в городских районах: экспрессивное, конативное и фатическое.

Выразительные знаки дают голос объекту; они являются важным компонентом социальной активности. В контексте городских кварталов люди создают выразительные знаки в ходе своей повседневной практики, когда они разыгрывают ритуалы идентичности. Среди наиболее заметных из этих практик - использование флагов или национальных цветов для объявления происхождения. Призывные знаки пытаются влиять на поведение других. Один из важных типов этих знаков - маркеры исключения. В некоторых случаях можно сказать, что граффити относится к этому типу. То же самое можно сказать и об использовании родных алфавитов. В конце концов, знаки, которые способствуют социальным отношениям, фатические знаки, могут быть наиболее распространенным обозначением этнического языка. Эти знаки являются артефактами обычного социального взаимодействия, которые становятся маркерами пространства поселения. Они являются индикаторами того, что мы дома в нашем районе. В то же время они могут быть извлечены из этого контекста и интерпретированы как репрезентации этнических пространств.

Определенная социальная практика может генерировать визуальные репрезентации, которые влекут за собой несколько функций обозначения. Например, стиль одежды в важном смысле является фатическим знаком, поскольку он является ключевым компонентом социальных взаимодействий тех, кто разделяет культуру. Но для чужеземцев стиль одежды работает как выразительный знак, рекламируя место происхождения, религиозную принадлежность и т. Д. Эта двойственность действует вне намерений того, кто ее носит. В некоторых случаях человек может выбрать стиль одежды, потому что он одновременно фатичный и выразительный.

Независимо от того, является ли он «капиталом» того или иного сорта или нет, Ролан Барт, кажется, способен распознать «очень французское»:

Я видел по телевизору (пришлось ждать до полуночи) очень французский фильм: «Винсент, Франсуа, Поль и остальные». Почему «очень французский»? Мы видим, как молодая женщина достает платья из шкафа и кладет их в

чемодан; она покидает супружескую постель и уют - ситуация, супружеская измена, кризис. Что ж, тогда это хороший драматический фильм. Вот что делает его более французским: актеры, кажется, проводят время в кафе или за семейными обедами. Здесь стереотип национализируется; он принадлежит художественному оформлению, а не истории: следовательно, он имеет значение, а не функцию. Что ж, тогда это хороший реалистичный фильм. Наконец, и самое главное, у каждого актера свой приступ гнева, который терроризирует всех остальных; после чего наступает примирение. (103)

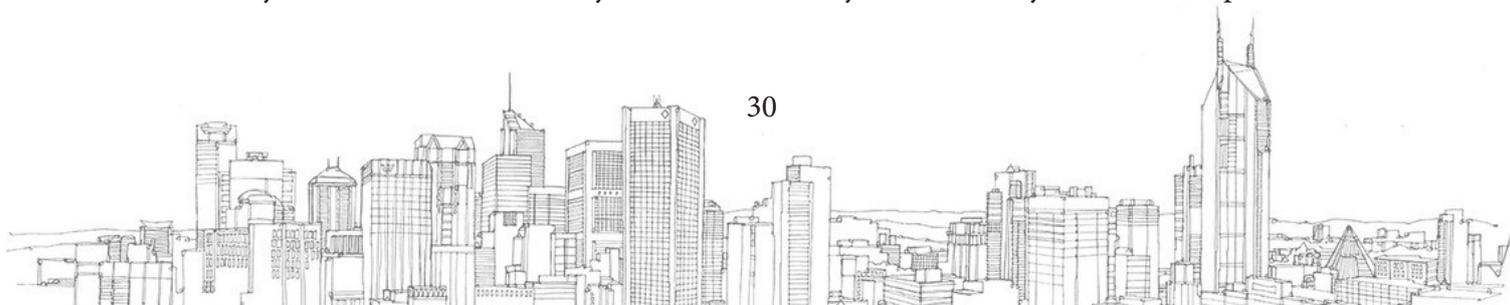
Версия социальной семиотики, которую я практикую, движется, иногда необъяснимо, между тем, что Джей Л. Лемке считает двумя основными традициями; Обобщение формальной, структуралистской лингвистики Фердинандом де Соссюром (1966) и расширение рассуждений и логики в естественных науках Чарльзом С. Пирсом (в Wiley, 2006). И, как подчеркивает Лемке, тогда как:

Общая семиотика имеет тенденцию быть формалистической, абстрагируя знаки от контекстов использования... Социальная семиотика рассматривает процесс создания смысла, «семиозис», как более фундаментальный, чем система смысловых отношений между знаками, которые рассматриваются только как ресурсы, используемые для создания смысла. Социальная семиотика исследует семиотические практики, специфичные для культуры и сообщества, для создания различных видов текстов и значений в различных ситуационных контекстах и контекстах культурно значимой деятельности. Таким образом, социальная семиотика не делает радикального разделения между теоретической и прикладной семиотикой и более тесно связана с анализом дискурса, мультимедийным анализом, исследованиями в области образования, культурной антропологии, политической социологии и т. д. (2011)

В своей книге «О знаках» Маршал Блонски подчеркнул не только культурное и идеологическое содержание знаков, но и ценность семиотики как практики. Он отмечает, как в 1970-х годах семиотика перетекла в архитектуру и урбанистику, рассматривая порождение значения (смысла) и оспаривая их официальные значения. Он также призвал к разработке стратегий исследования эмпирического мира, а для семиотики и семиотиков - оставить башню из слоновой кости, чтобы стать «частью общества» и «гармонизировать с ним». Блонский писал:

«Пока остается это что-то добавленное, оно будет небольшим. Руки должны пачкаться», - сказал Сартр. «Семиотика работоспособна, аналитически и творчески. Может применяться в мире. Но нужно избавиться от ее нынешнего использования и не принимать во внимание отказы злоупотреблять им. Использование семиотического предприятия в политических или коммерческих целях - это не-порочность. Напротив, изоляция будет разрушением семиотики». (1985, L)

Метафора Мишеля Де Серто о видении города с вершины башен-близнецов помогает нам понять, что теоретически мы не можем действительно видеть то, что находится внизу - «сверху». Поскольку «история начинается на уровне земли, со ступенек», мы должны спуститься «вниз» туда, где «живут обычные практики

города». Выйти за пределы взгляда сверху туда, где «город создается» с помощью «Практики пространства» и «Выражений словами пешеходов», Серто рассматривал прогулку по городу как процесс создания города (1985, 129):

Конечно, процесс ходьбы можно обозначить на городских картах таким образом, чтобы транслировать его следы (здесь тяжелые, там очень легкие) и траектории (этой дорогой, а не той). Однако эти кривые, широкие или скудные, относятся, как слова, только к отсутствию того, что прошло. Следы путешествия теряют то, что существовало: само движение. Акт перехода, блуждания или «осмотра витрин» - другими словами, действия прохожих переносятся в точки, которые создают суммирующую и обратимую линию на карте. Таким образом, это позволяет постичь набор с большим пережитком во вневременной проективной поверхности. Оно видимое, но его эффект заключается в том, чтобы сделать действие, которое сделало это возможным, невидимым. Эти фиксации составляют процесс забывания. Совет заменяется практикой. Он демонстрирует свойство (ненасытность) способности географической системы преобразовывать действия в удобочитаемость, но тем самым заставляет упускать из виду один из способов существования. (129; см. Также Pink 2008)

Менее образно говоря, предостережение Серто - еще одна веская причина, по которой я всегда прошу своих студентов-социологов прогуливаться по кварталу, так сказать. Одно из распространенных заданий, которые я даю им, - это посмотреть на демографические данные о конкретном районе, а затем написать о том, что, по их мнению, они увидят, когда поедут туда. После того, как они пойдут и прогуляются по кварталу, они рассмотрят, насколько их визуальные ожидания оправдались или не оправдались и почему. Многие визуальные работы сегодня демонстрируют близость к постмодернизму, который вкратце определяется отказом от научной объективности. Моя собственная работа относится к допостмодернистской стороне. Для меня наука - это метод и точка зрения, которые имеют такую же (не большую) ценность, чем любые другие. И как прагматик я вижу ценность научного метода в его полезности. Представленные мной образы явно связаны со структурными и культурными теориями общества. Чтобы любой визуальный подход к изучению общества имел ценность, он должен быть надежно встроен в теории и методы самих дисциплин, а не просто использовать изображения в качестве украшения для слов.

Визуальная, пространственная, семиотика позволяет увидеть, как обычные люди обладают способностью создавать смысл, влияя на внешний вид мест и пространств. Достаточно открыть глаза и прогуляться где угодно. Даже самые абсурдные, неприятные и / или заведомо ложные утверждения, тем не менее, «аутентичны», даже если их можно критиковать и оспаривать, анализировать или, конечно, «интерпретировать». Эта идея действия также следует из точки зрения социального конструкционизма Питера Бергера и Томаса Лакманна (1967), утверждающих, что, среди прочего, индивидуумы (умы) активны в социальном создании или построении общества. Семиотический и социопропространственный анализ позволяет увидеть наиболее бессильных городских жителей в качестве социального агента в локальном воспроизводстве региональных, национальных и глобальных социальных отношений. В связи с этим важно отметить, что восприятие и оценка пространств

жилых кварталов, например, могут значительно отличаться для инсайдеров по сравнению с посторонними. Для случайных прохожих вывески магазинов на иностранном языке легко заметны, но понимание значений пространств, которые они определяют, требует чуткости и понимания конкретной культуры, которая создает, поддерживает и использует повторно обозначенное пространство. Ссылаясь на работу Лефевра о социальном производстве пространства, Ларс Фрерс и Ларс Мейер утверждают, что мы привносим «определенные значения в места и социальные группы» в эти «столкновения(встречи)». Эти значения не установлены и не статичны, а социально сконструированы и, следовательно, являются частью процесса конструирования значений (2007, 1). Как и Хелен Лиггетт, я считаю, что уличная фотография, которой мы оба занимаемся, связывает повседневную жизнь с репрезентацией. В процессе мы создаем пространство для «избытка фактов» о городской жизни и эстетике, которое можно анализировать, а также наслаждаться. Она предлагает: «Если фотографирование - это не захват объекта, а создание пространства, то создание хороших фотографий означает, что фотографическое пространство всегда содержит какой-то элемент, который необходимо обнаружить» (2007, 23).

Иронично, что для тех, кто изучает города, «глобальные» силы увеличили потребность в понимании значения «местных» городских пейзажей. Глаза многих исследователей переориентировались на конкуренцию между идентичностями мигрантов и на то, как их пространственные практики являются индикаторами глобализированных, или, возможно, точнее, «глокализированных» городов (термин использующийся для обозначения продукта/сервиса, который распространяется глобально). То, как повседневная жизнь горожан представлена в застроенной среде, издавна интересовало архитекторов и проектировщиков, изучающих местные ландшафты. Местные практики обычных людей, которых объединили далекие силы и процессы, являются примерами того, для чего Роланд Робертсон ввел термин «глокализация» (1997). Согласно Юргену Остерхаммелю и Нильсу Петерссону, «Робертсон признал, что гомогенизирующие и универсализирующие силы глобализации не стирают неоднородность и специфичность местных сил, поскольку их взаимодействие создает различные степени гибридной культуры» (2005, 7).

Глобальные города - это парадигматические площадки для визуального и символического соревнования, и, как отмечает Саския Сассен, они являются площадками для противоречий глобализации капитала. Здесь сосредоточены как могущественные, так и обездоленные, а маргинализированные также находят способы претендовать на «оспариваемую территорию». Глобальный город увеличивает разнообразие за счет концентрации мигрантов и иммигрантов. Сассен отмечает, что, хотя доминирующая корпоративная культура «вписывает некорпоративные культуры и идентичности в «инаковость», тем самым обесценивая их, они присутствуют везде»; Сообщества иммигрантов и их неформальная экономика являются типичными примерами этого процесса (2001). Тарри Хам написала более прямо о роли иммигрантского бизнеса в Нью-Йорке, где она обнаружила, что, хотя его глобальный статус основан на ностальгии по

историческим анклавам иммигрантов, сегодня иммигранты трансформируют исторические ландшафты не только путем образования новых анклавов, но и путем создания и воссоздания множества многоэтнических, многорасовых кварталов (Hum, 2004). Киран Боннер внимательно изучил идеи Сассена (2000) о восстановлении пространства и мест в анализе мировой экономики путем рассмотрения обоих концов шкалы глобализации или верхних, а также «нижних» контуров глобализации. Именно на нижнем уровне можно увидеть производимый мультикультурный мир и понять, что «глобализация - это не только движение капитала глобальными корпорациями, но и движение людей, которые часто соревнуются с таким экономическим развитием» (277).

План книги

Каждая из следующих глав в значительной степени опирается на теоретические и методологические обсуждения, представленные во введении.

1. Увидеть разнообразие в Нью-Йорке

Как один из крупнейших городов страны и центр бизнеса и коммерции, Нью-Йорк уже давно предоставляет нам мозаику социальных миров, сопоставимых с Чикаго, а сегодня представляет нам этническое разнообразие, возможно, даже превосходящее Лос-Анджелес. Однако, поскольку Нью-Йорк кажется не столько узнаваемой мозаикой, сколько свободной формой, почти разбросанной по этническим местам, его редко считают «моделью» для другого городского общества. Как часто упоминается, ни в один другой исторический период Нью-Йорк не встречал такого разнообразия людей со всего мира, и это, безусловно, меняет пейзажи местных окрестностей. В дополнение к тому, что в последние несколько десятилетий в городе появились места для давно сложившихся китайских, итальянских, еврейских, афроамериканских и пуэрториканских общин, появилось много новых, даже «экзотических» этнических групп. В результате становятся все более заметными общины доминиканцев (в Манхэттене), гаитян и ямайцев (в Бруклине) и азиатов всех мастей (в Квинсе). Можно также найти Индийский субконтинент (на Стейтен-Айленде), районы албанцев (в Бронксе), а также недавних ближневосточных мусульман, которые необъяснимо смешиваются с новыми группами израильтян и других евреев в ортодоксальных общинах (в Бруклине).

2. Видеть, как меняется Маленькая Италия

Маленькая Италия - мощный символ итальянских американцев. Сильная связь в общественном сознании между местами и людьми не ограничивается итальянскими американцами, на что указывает пространственная семиотика Гетто и Темного гетто для евреев и афроамериканцев соответственно. Этнические кварталы - тоже жанр. Маленькая Италия - это лишь один из широко распространенных стереотипов среди огромной коллекции этнических мест, в которую сегодня входят миниатюрные названия Индии и Африки, многочисленные Лос-Барриос. Сегодня, в ответ на приток новых групп, некоторые из самых известных из этих Маленьких Италий остаются немногим больше, чем то, что я назвал «итальянско-американскими этническими

тематическими парками», местами, которые фактически являются итальянскими только по названию. Итальянские анклавов были выбраны в качестве теоретического примера для всех этнических анклавов по нескольким причинам. Популярная культурная идея небольших местных итальянско-американских сообществ является мощной силой в американской культуре и обществе и часто выражается в средствах массовой информации. Как и в случае с более «экзотическими» Чайнатаунами, Маленькие Италии являются хорошо известными примерами американского и даже глобального визуального словаря иммиграции. Предполагается, что их понимание может дать нам недоступное иным образом понимание формы, функционирования и развития исторических, а также современных иммигрантских анклавов.

3. Китайский квартал: визуальный подход к этническим представлениям

В этой главе рассматриваются этнические фестивали и более приземленные зрелища, проводимые в китайских кварталах, которые представляют собой еще один жанр этнических тематических парков. Он также решает такие проблемы, как усиление этнических стереотипов, а также их эксплуатацию как внутренними, так и посторонними лицами. Как и в случае с Маленькой Италией, китайский квартал как воображаемое место является основным продуктом фильмов и романов, а также его можно найти в коммерческих туристических путеводителях по городам по всему миру, из которых предоставляется подборка изображений. Он также решает такие проблемы, как усиление этнических стереотипов, а также их эксплуатацию как внутренними, так и посторонними лицами.

4. Визуализация американских городов

Центральной темой городских исследований было то, как обычные люди влияют на необычные места. Глобализация и изменения в американском иммиграционном законодательстве после 1965 года вместе значительно увеличили разнообразие постоянных и временных жителей городов страны. Издалека может показаться, что новые элементы, брошенные в котел ассимиляции американского «плавильного котла», сливаются воедино, но вблизи, на уровне улиц, они кажутся скорее частями сложной и быстро меняющейся мультикультурной мозаики. В этой главе рассматривается, как обычные люди влияют на необычные места.

5. Польские и итальянские пейзажи

Как две из самых крупных белых этнических групп, поляки и американцы итальянского происхождения создают местные ландшафты многих американских городов. В этой главе сравниваются и противопоставляются их народные пейзажи в Бруклине, Нью-Йорк. Он пытается показать, как внешний вид этих поселений связан с общей историей и индивидуальным опытом людей, которые их населяют. Эти группы особенно подходят для сравнения из-за их схожего исторического профиля с преимущественно сельскими крестьянами, исповедующими общую римско-католическую религию, большинство из которых приехали в Соединенные Штаты в период массовой миграции (1880–1920 гг.) и поселились во многих из городских и промышленных центров. Поскольку «итальянской» стороне этого

сравнения уделялось значительное внимание в главе 2, здесь больше внимания уделяется «малым Польшам».

6. Этническая преемственность в большой Италии.

В то время как статус Нью-Йорка как глобального города полон ностальгии по историческим кварталам этнических иммигрантов, современные поселения иммигрантов снова меняют городской ландшафт не только за счет обновления анклавов, но и за счет создания многоэтнических и многонациональных расовых кварталов. Многие исследования городского опыта опираются на американский опыт и его исторические ворота, такие как Нью-Йорк, Чикаго и Лос-Анджелес, но недавние тревожные события в Европе требуют сравнительного анализа моделей международной миграции и местного политико-экономического контекста. Сосредоточившись на Риме, Италии, в этой статье оценивается возможность переноса концепции глобального соседства в международный контекст и дается этнографический и визуальный взгляд на демографические и пространственные преобразования. Итальянско-американские кварталы похожи на кварталы в Италии в том смысле, что они были изменены миграцией различных этнических групп.

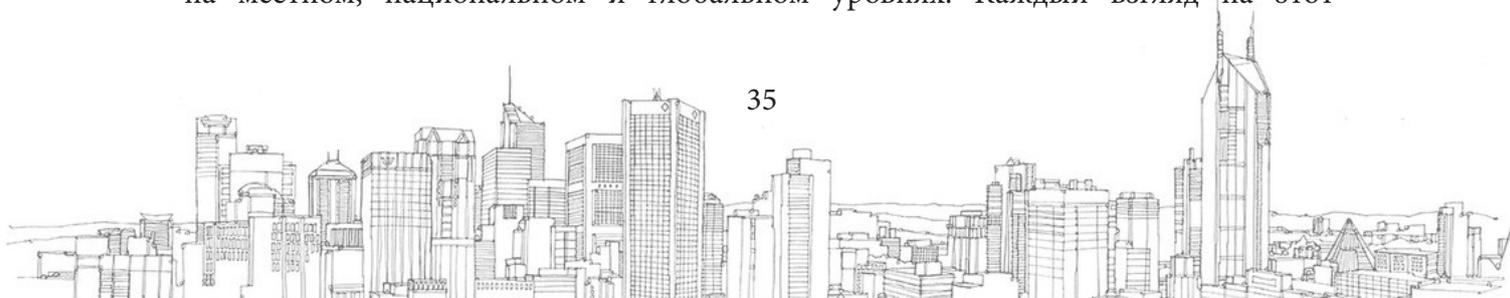
7. Джентрификация в Польше и Полонии

Джентрификация - это процесс, с помощью которого жители с более высоким статусом вытесняют жителей с более низким статусом. Первоначально считавшаяся исключительно англо-американской, сегодня джентрификация носит глобальный характер. В этой главе рассматривается джентрификация в польско-американском районе Нью-Йорка и Кракова, Польша. Утверждается, что, хотя прямые причины джентрификации в разных местах исторически различны, в *je ne sais quoi* (прим. пер. - фр. - «что-то вроде этого») джентрификации как символической или семиотической деятельности есть что-то, что лучше всего можно понять с помощью исследований на основе изображений и рассмотрение контрастных уличных пейзажей как пространственно-семиотических примеров вкусов «необходимости» и «роскоши» Пьера Бурдьё (1984).

8. Увидеть сообщество в мультикультурном обществе

В этой главе делается попытка более тесно связать вместе два важных и взаимосвязанных понятия: сообщество и мультикультурализм. Они играют центральную роль в понимании многих изменений, происходящих в городах сегодня. Он начинается с размышлений об этнических и классовых уличных выступлениях сообщества в Соединенных Штатах и о том, как они могут быть переданы на международном уровне. Затем акцент смещается на родственную концепцию мультикультурализма, в которой уличные сцены будут еще более глобальными. Великолепная демонстрация расового, религиозного, этнического и прочего образа жизни, такого как гей и лесбиянка, представлена на улицах глобальных городов. Однако разнообразие, похоже, делает возможность существования сообщества проблематичной.

Есть много способов приблизиться к мультикультурализму и его пересечениям на местном, национальном и глобальном уровнях. Каждый взгляд на этот

предмет добавляет новое измерение к нашему пониманию этого сложного и меняющегося явления. Здесь предлагается визуальный подход к одной из наиболее распространенных его версий - этническому разнообразию, выраженному в народных ландшафтах. Такой подход мог бы обеспечить некоторую необходимую направленность междисциплинарных и внутридисциплинарных дебатов о культурном разнообразии в его многочисленных научных и связанных идеологических формах. Предлагаются изображения, которые отражают некоторую символическую конкуренцию, создаваемую более или менее недавними мигрантами, когда они претендуют на оспариваемые территории, изменяя свой внешний вид. Хотя такие методы часто отвергаются как простое обозначение территории, они имеют решающее значение для понимания, зачастую враждебной, реакции на них доминирующего общества. Есть также краткое заключение, в котором предлагается ретроспектива того, как эта работа стремится продемонстрировать глобально и наглядно, как значения городских пространств, больших, но особенно маленьких, меняются теми обычными людьми, которые живут и работают в них, или просто проходят через них, становясь в процессе как их продуктами, так и производителями.

Сноски:

1 - <http://invinciblecities.camden.rutgers.edu/intro.html>.

Глава 1

Видеть разнообразие в Нью-Йорке

Введение

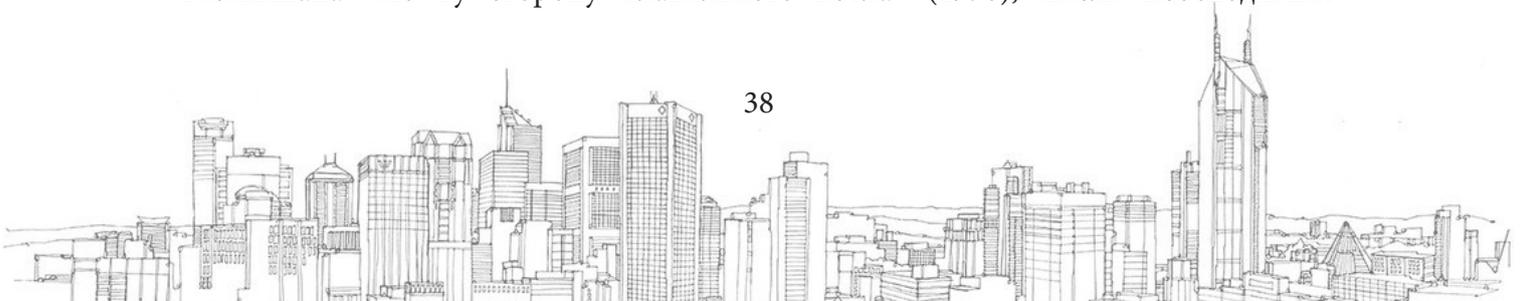
Как мы с Рэем Хатчисоном доказывали в своей работе «Раса и этническая принадлежность в Нью-Йорке», поскольку люди думают, что Нью-Йорк, возможно, «слишком» уникален, он никогда не использовался в качестве модели в городских исследованиях, хотя другие столь же уникальные места служили такому потенциалу. «В то время как Чикаго долгое время служил удобной и хорошо изученной моделью городской социологии, в 1990-х Эд Соджа и другие утверждали, что Лос-Анджелес заменил Чикаго в качестве центра городских исследований - в то время как Чикаго был подходящей моделью для промышленного города, Лос-Анджелес стал центром постмодернистского гетерополиса и фактически стал моделью города будущего» (2004, x).

С момента своего рождения в шестнадцатом веке Нью-Йорк был одним из крупнейших мегаполисов Америки и центром национального бизнеса и торговли. В нынешнем, двадцатом веке, он может быть наиболее известен по трагедии «11 сентября» и повторяющимся изображениям падающих башен-близнецов. Нью-Йорк также был более интеллектуальным предметом, поскольку он давно предоставляет туристам и социологам мозаику социальных миров, а не более упорядоченные и, следовательно, более понятные концентрические круги Чикаго. На мой взгляд, его нынешнее, почти калейдоскопическое этническое разнообразие также выходит за рамки того, что прославляет Лос-Анджелес.

В дополнение к тому, что в последние несколько десятилетий в городе появились места для давно сложившихся китайских, итальянских, еврейских, афроамериканских и пуэрториканских общин, появилось много новых, даже «экзотических» этнических групп. В результате становятся все более заметными общины доминиканцев (в Манхэттене), гаитян и ямайцев (в Бруклине) и азиатов всех мастей (в Квинсе). Можно также найти Индийский субконтинент в Стейтен-Айленде, районы албанцев (в Бронксе), а также недавних ближневосточных мусульман, которые необъяснимо смешиваются с новыми группами израильтян и других евреев в ортодоксальных общинах (в Бруклине). Разбросанные в Нью-Йорке этнические районы вряд ли могут служить «образцом» для чего-либо. Как часто цитируют, ни в какой другой исторический период в этом городе не было такого разнообразного, глобального круга людей, которые меняют местные ландшафты.

Написание сцен разнообразия

Об этническом Нью-Йорке писали многие другие исследователи. Есть много превосходных работ о группах, которые составляют основу ландшафта Готэма, но в социальных науках немногие, начиная с работ Натана Глейзера и Дэниела Патрика Мойнихана «По ту сторону плавильного котла» (1970), имели необходимый

глобальный охват. Работы Нэнси Фонер, такие как «От острова Эллис до Джона Кеннеди» (2000) и «В новой стране: сравнительный взгляд на иммиграцию» (2005), навестили упущенное. Другие исследователи иммиграции, такие как Филип Касиниц, Джон Х. Молленкофф, Мэри С. Уотерс и Дженнифер Холдэуэй, отмечали в своих последних работах (2004, 2008), что, несмотря на спорный вопрос иммиграции, по крайней мере в Нью-Йорке иммигранты и их дети могут избежать некоторых препятствий, с которыми сталкиваются коренные меньшинства. И, как предполагает Фонер в другой работе, частичное объяснение этой открытости можно найти в «исключительности» Нью-Йорка, где его замечательное этническое и расовое разнообразие и столетия миграции помогли создать особую версию мультикультурализма (2007).

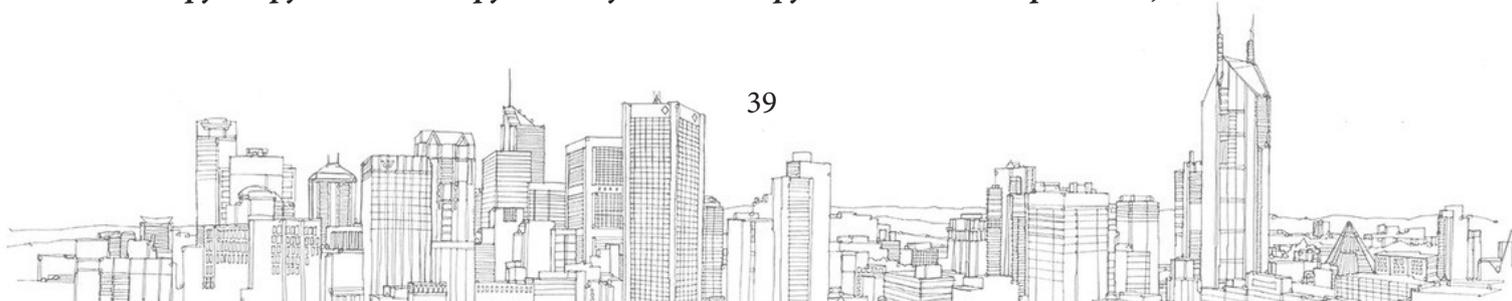
Журналист нью-йоркских таблоидов Джейкоб Вигдор согласен с положительной оценкой Фонера и считает, что Нью-Йорк обладает «гением ассимиляции иммигрантов» (2009). В качестве живой амальгамы (или живого фона) для своей статьи он использовал любопытные слова известного бейсболиста, на которого он сослался: «Больше всего мне не нравится в Нью-Йорке иностранцы». Отметив, что иммигранты Нью-Йорка быстро становятся американцами, выучив английский, а затем становятся принятыми в другое гражданство, Вигдор предложил читателям:

Что делает Нью-Йорк таким способным в интеграции иммигрантов в общий поток? У города есть несколько вещей для этого. Иммигранты в город приезжают со всех уголков земного шара, и ни одна группа не составляет более 12% от всего иностранного населения. Это затрудняет формирование изолированного анклава любой отдельной группе иммигрантов. Да, в городе есть этнические кварталы, и они всегда были, но жители этих районов легко и часто отправляются в другое место, чтобы работать или делать покупки. И даже в этническом анклаве вы встретите коренных американцев и представителей других культур. Город - общественное место, где жителям ничего не остается, кроме как делиться впечатлениями. По мере того как иммигранты и местные жители делятся опытом, они становятся все более похожими. Происходит ассимиляция.

Многие из самых известных районов города за последнее столетие пережили крайние этнические изменения. Хотя многие самые новые жители исторически иммигрантских районов, таких как Нижний Ист-Сайд Манхэттена, были бы знакомы с Парк-энд-Берджессу, другие, такие как мусульмане бангладешцы, египетские копты и корейцы-христиане, почти наверняка не будут знакомы. Разнообразие как эмблема Нью-Йорка - в ней тоже нет ничего нового. Это было отличительной чертой этого реального и воображаемого места со времен голландского поселения Новый Амстердам на острове Манхэттен около четырех веков назад. Даже официальная печать Нью-Йорка имеет намек на разнообразие в центре внимания европейца и индейца на своей городской печати:

Герб: На щите, Андреевский крест, паруса ветряной мельницы. Между парусами, главным образом, бобр, в основании - бобр, а на каждом боку - бочка для муки.

Сторонники: Справа, моряк, с согнутой правой рукой и держащим в правой руке груз; его левая рука согнута, левая рука лежит на вершине щита; над его

правым плечом крест архиепископа. Слева, индеец Манхэттена, его правая рука согнута, его правая рука лежит на вершине щита, его левая рука держит верхний конец лука, нижний конец которого опирается на землю. Щит и сторонники опираются на горизонтальную лавровую ветвь.

Описание пестрого ландшафта города - не исключительная область социальных науки этнографии. Часто названия рассказывают достаточно об истории. Конкретные слова, которые они используют для описания города, менее показательны, чем их «способ». Существует здравый смысл в предположении о разнообразии, которое в некоторых художественных произведениях становится метафорой (тропом). Список романов, пьес, телевизионных программ и фильмов на сцене Нью-Йорка по тем или иным «различиям» почти бесконечен. Вероятно, самым известным из этого пространственного жанра является бродвейский мюзикл «Вестсайдская история» 1957 года, по которому в 1961 году был снят фильм. Сцена была в бедном и рабочем районе Манхэттена в 1950-х годах, где подростковые банды «Джетс» (белые) и «Акулы» (Пуэрто-Рико) сражались за честь и территорию. Совсем недавно это был «Костер тщеславия» Тома Вулфа (1987), в котором происходят расовые и классовые конфликты на улицах города, что и отбирает затем жизнь человека, находящегося на вершине своего успеха. Хорошим примером другой книги, в которой расовые, этнические и классовые разделения играют менее впечатляющую, но, тем не менее, центральную роль, является менее известная книга Джозефа О'Нила после событий 11 сентября (Нидерланды, 2008), в которой голландскому банкиру с женой-англичанкой удается спасти свою беспокойную жизнь благодаря карибским игрокам в крикет. Самым ярким в этом этническом жанре был роман Сола Юрика «Воины» (1965). Сюрреалистично, многонациональная, многорасовая подростковая банда из Бруклина разыгрывает историю греко-персидской войны «Анабасис» Ксенофонта, когда они пытаются вернуться домой из Бронкса через враждебные территории. Версия романа появилась как фильм в 1979 году и стала, что называется, «культовой классикой».

Две научно-популярные книги, изданные с разницей в несколько лет, могли бы стать форзацами для большой коллекции текстов, описывающих вариации на эти мультикультурные, многоэтнические и многорасовые темы в истории Нью-Йорка. На одном конце книжной полки можно было бы разместить книгу историка-журналиста Рассела Шорто «Остров в центре мира: эпическая история голландского Манхэттена и забытой колонии, сформировавшей Америку» (2004). Как и следовало ожидать, книга Шорто не прославляет терпимость, а скорее объясняет, что антисемитские голландские лидеры семнадцатого века колониального форпоста принимали евреев и католиков, например, только потому, что это было хорошо для бизнеса. В то время голландцы утверждали, что сейчас является Среднеатлантическими государствами. Торговые и административные центры расположены в Новом Амстердаме (Нью-Амстердам) на острове Манхэттен (Манахата в Алгонквин):

Этот остров-город станет первым многонациональным, стремительно мобильным обществом на берегах Америки, прототипом такого общества, которое будет дублироваться по всей стране и по всему миру. Неслучайно 11 сентября 2001 г. те, кто хотел символически атаковать центр американского могущества, выбрали Всемирный торговый центр своей целью. Если то, что

сделало Америку великой, - это ее гениальная открытость для различных культур, то маленький треугольник земли на южной части острова Манхэттен - это место рождения этой идеи в Новом Свете, место, где она впервые сформировалась. Многим людям - независимо от того, живут ли они в центре или на Пятой авеню - нравится думать о Нью-Йорке как о таком диком и экстремальном в своем культурном слиянии, что это аналогия с Соединенными Штатами, почти что иностранное государство. Эта книга предлагает альтернативный взгляд: ниже уровня мифов, политики и высоких идеалов, там, где живут и взаимодействуют реальные люди, Манхэттен - это то место, где началась Америка. (3)

На другом конце длинной книжной полки могла бы быть книга репортера New York Times Джозефа Бергера «Мир в большом городе» (2007), которую я использовал на многих занятиях:

Сегодняшний город - многоязычный и полихромный, более космополитичный, чем Касабланка и Шанхай в фильмах, без парящей мавританской угрозы. В этом городе можно найти весь мир. Я могу брать интервью в таких экзотических местах, как Эквадор, Узбекистан и Бангладеш, просто садясь в метро по цене MetroCard. Когда я совершил ту прогулку по Манхэттену [когда ему было 8 лет в начале 1950-х], там было подюжины значительных этнических групп, а остальной мир почти не представлен, за исключением туристических странностей, таких как Чайнатаун и Астория. Но потомки тех групп 1950-х годов к настоящему времени в основном поселились в благородных пригородах и были заменены людьми, родившимися за границей в десятках стран. Шестьдесят процентов жителей города либо иммигранты, либо дети иммигрантов. В настоящее время появилось как минимум двадцать пять новых национальностей - доминиканцев, китайцев, ямайцев, гайанцев, мексиканцев, эквадорцев, гаитян, тринидадцев, колумбийцев, русских, узбеков, корейцев, индийцев, поляков, филиппинцев, бангладешцев, пакистанцев, сальвадорцев, нигерийцев и ганцев. И это самые крупные и значительные из них. (viii- ix)

Между книгами Шорто и Бергера можно было бы положить на полки множество других работ, в том числе произведения поэта Уолта Уитмена, который более загадочно воспевал сочное разнообразие Манхэттена в «Листьях травы» (1900):

Сохрани свое великолепное безмолвное солнце;

Береги свой лес, о Природа, и тихие места у леса;

Сохрани свои поля клевера и тимофеевки, кукурузные поля и сады;

Сохрани цветущие гречишные поля, где жужжат пчелы девятого месяца;

Дайте мне лица и улицы! дайте мне этих призраков непрекращающиеся и бесконечные по тротуарам!

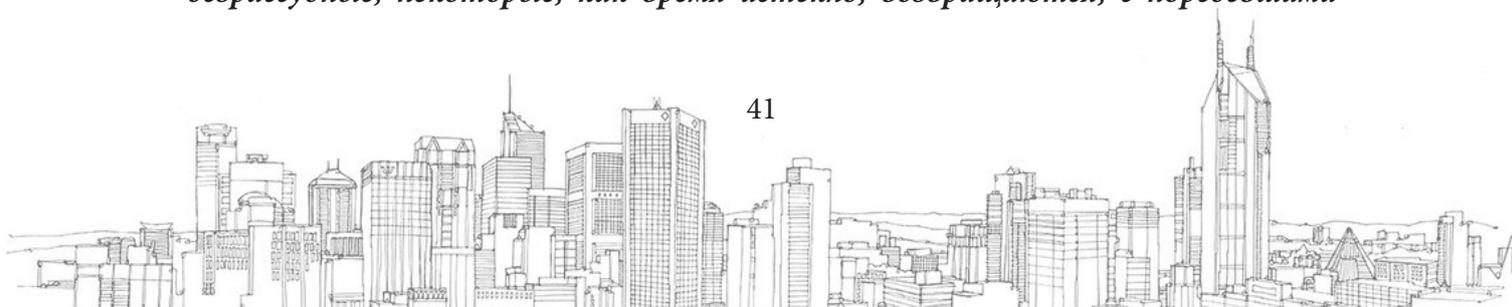
Дай мне вечные глаза! дай мне женщин! дай товарищей и любовниц тысячами!

Дай мне видеть новое каждый день!

Давай каждый день держать за руку новых! Дай мне такие шоу!

Дай мне улицы Манхэттена! Дай мне Бродвей, с марширующими солдатами - дай мне звук труб и барабанов!

(Солдаты в ротах или полках - некоторые уходят прочь, опрометчивые и безрассудные; некоторые, как время истекло, возвращаются, с поредевшими

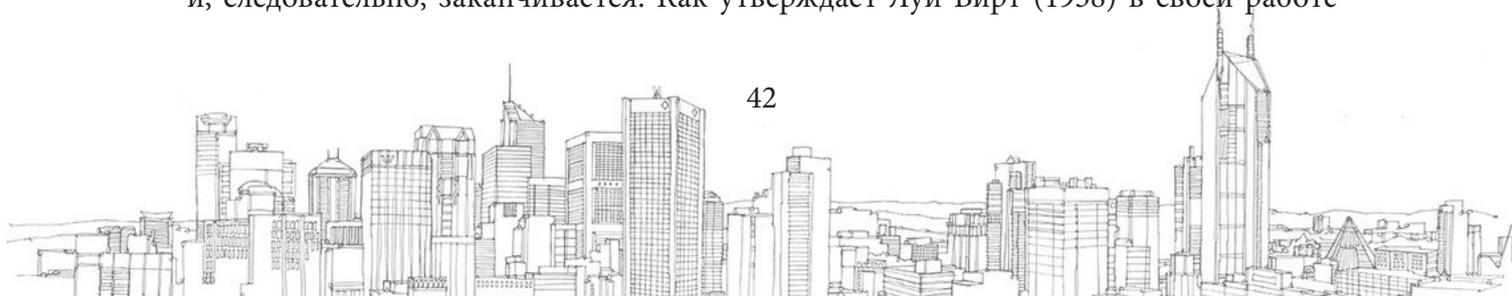

*рядами - молодые, но очень старые, измученные, маршируют, ничего не замечая;)
- Дай мне берега и пристани, окаймленные черными кораблями!
О это так по мне! О насыщенная жизнь! О, до насыщения и разнообразия!
Для меня жизнь театра, бара, огромной гостиницы!
Салон парохода! переполненная экскурсия для меня!
Факельное шествие! Плотная бригада, направляющаяся на войну, за ней
следуют военные фургоны с высокими сваями;
Люди, бесконечные, текущие, с сильными голосами, страстями, зрелищами;
Улицы Манхэттена с их мощной пульсацией, с барабанами, как сейчас;
Бесконечный и шумный хор, шелест и лязг мушкетов (даже вид раненых)
Манхэттенские толпы с их бурным музыкальным хором - с разнообразным
хором и светом сверкающих глаз;
Манхэттенские лица и глаза навсегда для меня.*

Последнее празднование этнического калейдоскопа Нью-Йорка - это виртуальная ода британского историка-эрудита Тони Джадта, которая была опубликована в The New York Times в качестве комментария вскоре после его кончины 2 августа 2010 года:

Сегодня я отдаю вещи на чистку портному Иосифу, и мы обмениваемся идишизмами и воспоминаниями (его) о еврейской России. В двух кварталах к югу я обедаю в заведении, флорентийский владелец которого не любит кредитные карты и готовит лучшую тосканскую кухню в Нью-Йорке. В спешке я могу выбрать вместо этого израильский фалафель в следующем квартале; Я мог бы найти еще лучше - с шипящим ягненком от араба на углу. В пятидесяти ярдах от меня мои парикмахеры: Джузеппе, Франко и Сальваторе, все с Сицилии - их «английский» вторят Шико Марксу. Они были в Гринвич-Виллидж всегда, но так и не осели: как им следует это сделать? Они весь день кричат друг на друга на сицилийском диалекте, заглушая свой главный источник развлечений и информации: круглосуточную радиостанцию на итальянском языке. По пути домой я наслаждаюсь mille-feuille от угрюмого бретонского кондитера, который отправил свою дочь в Лондонскую школу экономики, по одному изысканному эклеру за раз. Все это в двух квадратных кварталах от моей квартиры - и я пренебрегаю газетным киоском сикхов, венгерской пекарней и греческой закуской (на самом деле албанской, но мы делаем вид, что это не так). Три улицы на восток, и у меня есть Маленькая Габсбургия: украинский ресторан, униатская церковь, польский продуктовый магазин и, конечно же, давно зарекомендовавший себя еврейский гастроном, где под кошерными этикетками подают основные восточноевропейские продукты. Не хватает только венского кафе - для этого, что симптоматично, вы должны отправиться на окраину города в богатые кварталы города.

Джадт признал балканизированное разнообразие Лондона, Парижа и даже Амстердама, но с саркастической ссылкой на «иммигрантский вопрос». Во «Введении» мы рассмотрели метафорический призыв Серто спуститься с башен-близнецов и посмотреть на город вблизи, где его настоящая история начинается и, следовательно, заканчивается. Как утверждает Луи Вирт (1938) в своей работе

«Урбанизм как образ жизни», городское общество само по себе определяется относительными размерами, плотностью и особенно неоднородностью его населения. С положительной стороны, жизнь в разнообразии должна повышать терпимость и снижать барьеры между классом и этническими группами. С другой стороны, неоднородность может повысить анонимность и обезличивание. Для Лин Х. Лофланд разнообразие также является необходимым условием городской жизни и культуры. Это выражается в том, как города, от древних до постмодернистских, пытались справиться с вездесущими «чужаками», населяющими их. Она предположила, что способы устранения различий помещают город в континуум от доиндустриального до современного (1985). Ее яркие описания рисуют сложные исторические сцены. На всех этапах урбанизации «видение» играет важную роль, но в доиндустриальном городе оно было наиболее важным:

Тогда представьте себя современным городским человеком, брошенным на машине времени среди какого-то мифического сложного доиндустриального города. Вас поражает, прежде всего, сама активность там. Купцы, работающие из закуток, разложили свои товары на улице. Рядом с ними какая-то школа, и вам интересно, как ученики могут сконцентрироваться. Странствующий торговец приближается к вам, выкрикивая о чудесах своих товаров, и из уличного шума вы можете просто разобрать крики других странствующих торговцев, движущихся по другим улицам. Мужчина останавливает продавца, и они начинают торговаться из-за цены товара. Затем вы замечаете, что более неподвижные торговцы также вовлечены в такой торг, иногда продолжительный. Кое-где такая встреча собирала толпу, и сторонние наблюдатели вовлекались во взаимодействие. Все кричат, много сыпят оскорблениями. (30–31)

Другие городские достопримечательности - разные нищие, купец, прибитый к двери за ухо, обнаженные люди, гонимые по улицам с кнутами и щетками, а на окраинах останки тел, висящих на цепях в клетке. Эти видимые трансформации общественного порядка социологи могут описать и другими, не менее толстыми, но более поэтическими способами. Ричард Сеннетт в своей книге «Сознание глаза» (1990) обсуждал городского поэта девятнадцатого века Шарля Бодлера, который писал об иллюстрациях повседневной городской жизни Константина Гайса. Для Бодлера использование слов для создания образов разнообразия в современном городе сделало возможным выйти за пределы собственного «я», как в этом размышлении Сеннетта:

В эти дни я обычно хожу от своей квартиры в Гринвич-Виллидж до центра Ист-Сайда, чтобы поест, - пешком около трех миль. В деревне есть множество ресторанов, но ни один из них не сравнится с теми, что были чуть выше Организации Объединенных Наций, в переулках пятидесятих годов. Они французские, но не модные; еда по-прежнему готовится на сливочном масле, сале и сливках, заведоматаи и удобные меню редко меняется. Рестораны находятся на цокольных этажах таунхаусов, и большинство из них имеют одинаковую отделку: бар в передней части ведет в длинный зал, украшенный банкетками из красного плюша или красной кожи; Масляные картины воскресного художника провинциальной Франции в золотых рамах на стенах над банкетками; сзади спрятана кухня. Люди говорят, что Нью-Йорк - недружелюбный город, и я

полагаю, что любой из этих ресторанов может быть приведен в качестве доказательства. Официанты, итальянцы или французы позднего среднего возраста, не умеют успокаивать туристов. Но рестораны заполнены людьми, которые, похоже, довольны тем, что их оставили в покое, - много постоянных одиноких клиентов, а также тихо разговаривающих пар. (123)

В этом отрывке мы видим этнографический источник ранее цитировавшейся озабоченности Сеннета по поводу «ограждения» разнообразия в городе или, как мог бы выразиться Майкл Соркин, «тематизации» различий (1992, xii). Как писал Соркин, когда-то архитектурный критик Village Voice, в предисловии к книге «Вариации в тематическом парке»:

Это городское обновление с зловещим поворотом, архитектура обмана, которая в своей счастливой фамильярности постоянно дистанцируется от самых фундаментальных реальностей. Архитектура этого города почти чисто семиотическая, игра привитых значений, построение тематического парка. Независимо от того, представляет ли он общую историчность или общую современность, такой дизайн основан на тех же расчетах, что и реклама, на идее чистой вообразимости, не обращающей внимания на реальные потребности и традиции тех, кто его населяет. Добро пожаловать в Suburbia (Кибербия). (xiv – xv)

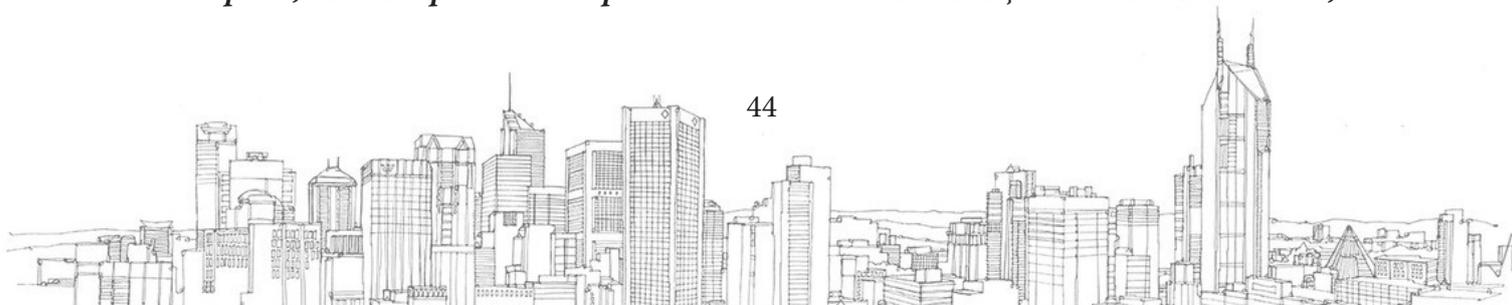
Антология Соркина из восьми эссе архитекторов и ученых критикует элитных дизайнеров и проектировщиков, и ту отчужденность, которую они создают с помощью крупных торговых центров, воссозданных исторических мест и джентрификации. Нил Смит пишет о Нижнем Ист-Сайде Нью-Йорка как о «Диком, Диком Западе» и начинает с описания беспорядков 6 августа 1988 года в парке Томпкинс-сквер между активистами, выступающими против джентрификации и жилищного строительства, «панками», артистами и другими людьми, и местными жителями (1992, 61). К задаче также относится симуляция морского порта на Саут-стрит, созданная Кристин Бойер, как историческое, коммодифицированное зрелище, в котором версия истории Нью-Йорка по существу и, возможно, неуклюже, коммерцируется (1992, 181).

Шэрон Зукин отметила, что в городе социальные правила становятся понятными в застроенной среде, и я бы добавил, что поэтому они становятся понятными:

В рамках концепции Анри Лефевра Нью-Йорк является примером абстрактного пространства: одновременно однородного и фрагментированного, подчиненного потокам и сетям мировых рынков и разделенного на единицы обмена девелоперами по недвижимости... В этом загадочном тексте торговые ряды иммигрантов иногда лучше, чем Мэдисон-авеню, а воинствующие этнические группы поддерживают нелегкое сосуществование в районах Бруклина. (50)

В «Америке» Жан Бодрийяр дает нам менее краткую, более хаотичную, но в ретроспективе не менее ясную мысленную картину Нью-Йорка (1988):

Американская улица, возможно, не знала этих исторических моментов, но она всегда бурная, оживленная, кинетическая и кинематографическая, как и сама страна, где конкретно историческая и политическая сцена мало что значат,

но где изменения, вызванные, возможно, технологиями, расовые различия или средства массовой информации принимают опасные формы: их насилие - это само насилие в образе жизни. Таков водоворот города, его центробежная сила настолько велика, что потребовались бы сверхчеловеческие силы, чтобы представить себе жизнь в паре и совместную жизнь с кем-то еще в Нью-Йорке. Только племена, банды, мафиозные семьи, тайные общества и извращенные сообщества могут выжить, но не пары. Это анти-Ковчег. В первом Ковчеге животные были по парам, чтобы спасти их от великого потопа. Здесь, в этом сказочном Ковчеге, каждый входит один - каждый вечер ему или ей предстоит найти последних выживших для последней вечеринки. В Нью-Йорке сумасшедшие были освобождены. Выпущенных в город, их трудно отличить от остальных панков, наркоманов, зависимых, алкоголиков или опустившихся, населяющих его.

Как должно быть ясно, я часто повторяюсь. Причина в том, что многие из очевидных моментов, которые я пытаюсь показать, легко упускаются как само собой разумеющиеся или просто остаются незамеченными. Существует также тенденция к неверному истолкованию уже высказанных идей, например, когда студенты отвечают на риторические вопросы. В социальных и гуманитарных науках то, что теряется при переводе, обычно исчезает между теоретическим (абстрактным) и эмпирическим (конкретным) уровнями анализа. Как уже показал де Серто, то, что выглядит разумным на вершине башни из слоновой кости, часто не имеет никакого смысла на земле, и, наоборот, то, что очевидно на уровне улицы, непонятно с высоты птичьего полета. Другой недостаток безответной науки состоит в том, что обе стороны диалогических, научных аргументов имеют тенденцию иметь место на разных уровнях анализа и, в отличие от кораблей, проходящих ночью, они сталкиваются только тогда, когда отклоняются от курса. Поэтому необходимо сразу подчеркнуть, что, например, подписи к фотографиям, предоставленным мной в этой книге, или обзор общих чтений, которые я предлагаю, могли бы быть другими, если бы вместо этого были даны теми, кто сопровождал меня в этой визуальной и литературной экскурсии или если то были Мишель де Серто, Ролан Барт, Ричард Сеннет или Жан Бодрийяр, если на то пошло.

Зукин обсудил две точки зрения на городскую среду. Первая рассматривает землю, труд и капитал как аспекты политической экономики. Мои собственные интересы привели меня ко второй из этих школ, которая рассматривает искусственно созданную среду как часть символической экономики, в которой культурные значения и социальная идентичность могут помочь нам интерпретировать «бесчисленные ландшафты культуры и власти в городе» (1996), 43). Таким же образом Марк Готтдинер предоставил еще один инструмент для расшифровки сложного мегаполиса. Он утверждает, что пространственная семиотика, определяемая как «изучение культуры, которая связывает символы с объектами», позволяет нам признать, что даже наименее влиятельные городские жители могут быть социальным «агентом» в локальном воспроизведении региональных, национальных и глобальных социальных процессов отношений (1994а, 15–16). Большая часть этой работы также оформлена в терминах «Пространственных практик» Анри Лефевра (1991), представленных Дэвидом Харви (1989), который объяснил, как

сильные мира сего могут воспроизводить и усиливать свою собственную власть в зачастую несправедливом городе. Именно в рамках параметров социальные классы конструируют свои ощущения территории и сообщества (265). Бедные люди, например, доминируют в пространстве посредством непрерывного присвоения. Дж. Б. Джексон видел, как создаются и поддерживаются местные пейзажи. Джексон отметил, что то, что люди делают на определенной физической территории и как они используют предметы на ней, имеет решающее значение для понимания пространства. Особенно важны его комментарии о визуальном соревновании на торговых улицах (1984, 246).

Для малообеспеченных пуэрториканцев Нью-Йорка фольклорист Джозеф Шиорра использовал аналогичную схему, чтобы понять богатый народный ландшафт бедных районов: «Именно в рамках этой навязанной экономической, политической и социальной маргинальности бедные цветные люди борются за изменение существующих условий, в которых живут, создавая пространства по своему собственному проекту, которые служат местом сопротивления системе неравенства и господства» (1996, 61). Жилые и коммерческие помещения - не единственные, которые менее влиятельные люди пытаются создать или изменить в соответствии со своими культурными вкусами и обычаями. Отдых - еще один интерес сообщества, которое находит выход в уличных играх и спорте. Шиорра писал, что в Южном Бронксе, Восточном Гарлеме и Нижнем Ист-Сайде пуэрториканцы,

очищают от мусора городской упадок, чтобы возделывать пышные сады и строить деревянные каркасные конструкции, типичные для Карибского моря. Эти преобразованные объекты служат убежищем для бездомных, социальными клубами, блочными ассоциациями, культурными центрами, летними домами и предпринимательскими предприятиями. Культурное производство народного садоводства и архитектуры создает местные ландшафты расширения прав и возможностей, которые служат центрами общественных действий, где люди используют способы выражения, альтернативные тем, которые навязаны сверху доминирующей культурой. В свою очередь, эти согласованные действия бросают прямой вызов официальным представлениям о статусе государственной земли и ее будущем использовании. Эти народные формы объединены во времени и пространстве с историческим лишением трудящихся владений силами глобальной капиталистической экономики. (61–2)

Мой собственный политически радикальный подход признает способность обычных людей изменять значение пространств и мест, просто находясь в них. От одиночных протестующих до массовых демонстраций, присутствие на публике и видимость иногда меняли мировую историю. Как и Энтони Д. Кинг (1996), я также думаю о городах, которые я изучаю и о которых я преподаю, как о «текстах» для чтения. В некотором смысле демонстрация визуальных образов сродни разговору вслух. Поэтому мы можем попросить Кастельса показать нам, как его теория выглядит на улице, когда, грубо говоря, территориально определенные этнические группы могут сохранять свою идентичность и опираться на свои исторические корни посредством «символической маркировки мест». Какие «символы признания» они сохраняют и как они выглядят, когда они «выражают свою коллективную память в

реальных практиках общения» (1989, 1996)?

Видя конфликт

Визуальное внимание к местным ландшафтам позволяет нам читать конфликты, конкуренцию и доминирование на уровне, который обычно не анализируется, и поэтому может быть ценным дополнением к «нормальным» городским исследованиям и докладам. Например, мы можем использовать фотографические обзоры в сравнении с историческими фотоархивами, чтобы увидеть и зафиксировать, как различные конструкции пространства и пространственные практики ландшафта новых иммигрантов преобразуют город. Мы можем фотографировать, снимать или записывать этнические или другие анклав, чтобы задокументировать и проиллюстрировать, как их старые или новые жители меняют определенные пространства. Особый интерес могут представлять способы использования зон, обозначенных как «общественные». Визуальные методы облегчают изучение нового строительства, а также изменения существующих пространств. Сила визуальных свидетельств, даже если они ошибочны для наивных наблюдателей, ясно продемонстрирована Стивеном А. Камарота (2000). Как критик иммиграции в Америку, он жаловался на почти мифические истории об иммигрантских предприятиях, оживляющих районы, которые являются основным продуктом освещения в местных новостях, используемых иммиграционными адвокатами, чтобы показать:

что иммигранты наполняют страну предпринимательским духом, которому нет равных среди местных жителей. Однако данные показывают, что иммигранты не более склонны к самостоятельной занятости, чем коренные жители. Такое впечатление создается просто потому, что большинство людей чаще сталкиваются с предпринимателями-иммигрантами, чем общаются с рабочими-иммигрантами. «Владелец ресторана-иммигрант, приветствующий клиентов, запомнится с гораздо большей вероятностью, чем иммигрантские повара и посудомойки, которых посетитель никогда не видит». И «у большинства американцев в повседневной жизни гораздо больше личных контактов с самозанятыми уличными торговцами-иммигрантами или операторами киосков, чем с иммигрантскими сельскохозяйственными рабочими или строителями». Поскольку большинство людей делают обобщения, основываясь на собственном опыте, неудивительно, что они считают иммигрантов особенно предприимчивыми. [И, я мог бы добавить, как положительный вклад в жизнь общества.]

Для некоторых жителей Нью-Йорка, например корейцев, миф о предпринимательстве иммигрантов стал меняющейся реальностью. Лаура Вандеркам, приглашенный участник секции мнений New York Daily News, написала о том, что, хотя «корейский бакалейщик исчезает, американская мечта продолжает жить» (2011). Как и во многих других историях о городских кварталах, в этом произведении используется визуальный образ - образ корейского квартала Манхэттена, который представляет собой яркий и красочный центр предприятий,

предлагающих корейскую кухню и шоппинг. Не так давно корейцы управляли многими овощными магазинами города, но сегодня они исчезают со сцены. Почти исчезновение корейских овощеводов в Нью-Йорке было связано как с изменившейся городской экономикой, так и с быстрым успехом и ассимиляцией группы. Корейские иммигранты переняли бизнес у евреев и итальянцев в криминальных районах в 1970-х и 1980-х годах из-за минимальных инвестиционных требований и быстрых денежных средств.

Это не была простая история о людях, подтягивающихся за шнурки. Скорее, общественная самопомощь была правилом. Когда несколько корейцев открывали магазины, соседи или члены церкви делились новостями о доступных местах и рассказывали другим начинающим торговцам об этом процессе. Корейские иммигранты, прибывшие из страны, раздираемой битвой против коммунизма, приняли американскую мечту. Временами казалось, что этот сон может закончиться холодным потом. Начиная с начала 1980-х годов давнее взаимное недоверие между корейцами и чернокожими в сочетании с кампаниями, поощряющими чернокожих делать покупки на предприятиях, принадлежащих черным, вылилось в серию бойкотов черных. Известный активист Сонни Карсон отправил демонстрантов с табличками: «Не делайте покупки с людьми, которые не похожи на нас». Но корейское сообщество сплотилось, и Корейская ассоциация производителей предоставила наличную помощь, спасая хоть часть магазинов. А расовая напряженность, которая характеризовала 1980-е и начало 1990-х годов, ослабла отчасти из-за того, что районы Нью-Йорка стали более этнически разнообразными, так что «мы» на вывесках Сонни Карсона больше не имело особого смысла.

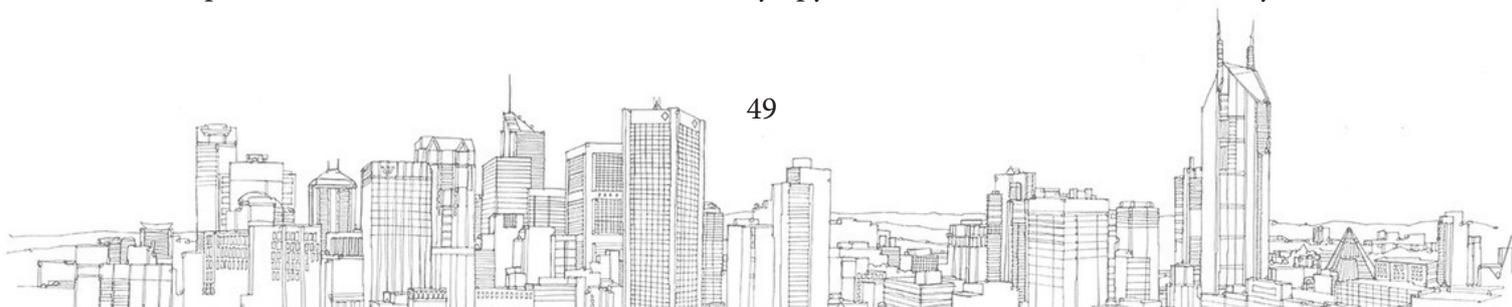
В 1980 году иммигранты составляли немногим менее четверти жителей Бруклина, но в 2006 году их было больше трети. Сегодня было бы практически невозможно избежать покупок в магазине, принадлежащем одному из «них». Открытый конфликт между чернокожими жителями и корейскими предпринимателями, о котором говорилось в предыдущем абзаце, был лишь одной из версий многочисленных межэтнических инцидентов на границе, которые привели к насилию в Нью-Йорке в 1980-х и 1990-х годах. Двумя наиболее печально известными случаями были убийство Юсуфа Хокинса в 1989 году в Бенсонхерсте, Бруклин (Krase 1994a) и «беспорядки в Краун-Хайтс» (Krase 1999). Юсуф Хокинс был афроамериканским молодым человеком, который был убит смешанной группой белых молодых людей, когда случайно попал в Бенсонхерст, визуальное стереотипный итальянско-американский квартал в Бруклине. Как будет показано в следующей главе, внешний вид этой местности стал красочным введением в рассказ Джона Кифнера (1989) «Бенсонхерст: жесткий кодекс в защиту закрытого мира», опубликованный в *New York Times*. Затем в 1991 году смерть Гэвина Като, 7-летнего чернокожего ребенка из Гайаны, вызвала беспорядки в этнически смешанном, а часто и в расовом районе Краун-Хайтс, Бруклин. Как следствие, группа чернокожих убила студента-еврея-ортодокса Янкеля Розенбаума. Эту историю «Смерть мальчика разжигает столкновения в Краун-Хайтс» (1991) также написал Джон Кифнер, который позже стал освещать Балканские войны для *New York Times*. В этой статье он уделил

меньше внимания визуальным аспектам района, возможно, потому, что визуальные стереотипы ортодоксальных еврейских районов были ему менее доступны. Семилетний Гэвин Като, родители которого были гайанскими иммигрантами, был сбит автомобилем в кортеже лидера хасидских евреев. Он и его также серьезно раненная двоюродная сестра Анджела были доставлены на машине скорой помощи в ближайшую больницу. Когда и городская, и хасидская скорая помощь прибыли на место происшествия, чтобы оказать помощь водителю, собралась разъяренная толпа и напала.

По словам чернокожего свидетеля Вона Стивенса, страсти в толпе, охваченной несколькими сотнями молодых людей, покидающих соседний концерт Би Би Кинга, еще больше разгорелись, когда они увидели, как полицейский грузовик утащил разбитый универсал, оставив лужу крови. Пятно крови вчера было отмечено цветочным венком, украшенным крошечным голубым плюшевым мишкой с надписью «Обними меня». Надписанный от руки знак над ним призвал привлечь к ответственности «белого еврея», участвовавшего в аварии. После аварии в понедельник вечером сотни чернокожих молодых людей начали бегать по улицам, бить окна, перевернули как минимум одну машину и кричали «Еврей! Еврей!» Мчась по Президент-стрит, группа чернокожих молодых людей окружила г-на Розенбаума, студента раввина, и нанесла ему ножевые ранения около 23:25, сообщила полиция. Он умер примерно через полтора часа в больнице округа Кингс. Комиссар Браун сказал репортерам, что смерть произошла в отместку за слухи о том, что хасидская скорая помощь не оказала помощь раненым черным детям.

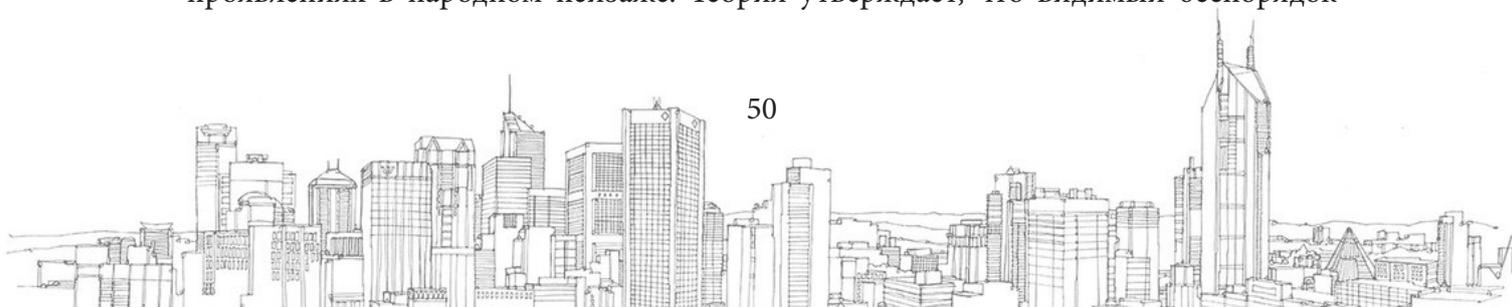
Хотя худший момент для отношений между чернокожими и евреями наступил в 1991 году с «беспорядками в Краун-Хайтс» или «погромом», как его называли некоторые в еврейской общине, нисходящее направление было задано ранее. В «Отношениях между еврейскими и карибскими американскими общинами в Нью-Йорке: восприятие конфликта и сотрудничества» (2004), Хольгер Хенке и Дж. Джордж Айриш исследовал интересную историю позитивных и негативных отношений между карибскими американцами Нью-Йорка и евреями. Они предупредили, что отношения между этими группами не следует рассматривать просто как отношения чернокожих и евреев из-за их сложности, и чтобы противостоять чрезмерному обобщению, мешающему этническим исследованиям. Краун-Хайтс расположен между двумя наиболее известными районами Бедфорд-Стайвесант на севере и Флэтбушем на юге. В течение столетия Краун-Хайтс стал домом для большого количества иммигрантов из среднего класса из Карибского бассейна. Только с 1950-х годов он стал центром расселения и организации еврейской любавичской хасидской общины. Хенке и Айриш исследовали широкий спектр исторических материалов, показывающих, что в конце 1960-х - начале 1970-х годов мирное сосуществование между двумя группами все чаще подвергалось проверке проблемами, касающимися общественных пространств и общественных ресурсов, которые находили выражение в, иногда горячих, мерах местных политических кампаний. После беспорядков местные проблемы, такие как преступность и дифференцированный доступ к ресурсам и политическому влиянию, а также значительные культурные различия продолжают влиять на отношения между группами в сообществе, поскольку они

стремятся уменьшить конфликт и восстановить более продуктивные отношения. Этническая принадлежность также является проблемой среди чернокожих. Эврик Браун писал об этнической политике в «Карибском национальном государстве в Бруклинской политике» (2004). До 1960 года этническая политическая история Бруклина в основном касалась белых этнических групп, причем чернокожие получали мало покровительства и второстепенные политические посты. По мере роста чернокожего населения черные политики и черные политические клубы завоевали независимые позиции. Когда чернокожее население Западной Индии выросло, особенно после 1965 года, настала очередь афроамериканцев защищать свою с трудом заработанную нишу в демократической организации округа Кингс.

Афроамериканская политическая машина рассматривала жителей Вест-Индии как новую «черную» группу, которая пыталась заявить о своих собственных претензиях на политическую власть и покровительство на основе этнической принадлежности, а также расы. Кажется, что в Нью-Йорке почти что обязательна особая этническая идентичность. В работе «Быть расовыми этническими» (2004) Шерри-Энн П. Баттерфилд исследовала, как жители Вест-Индии воспринимают свою собственную черную кожу, и обнаружила, что они четко идентифицируют себя как со своей расовой, так и с этнической идентичностью. Поэтому она выступала за переосмысление понятия «чернота». Нью-Йорк предлагает пространство для межкультурной интеграции, где на формирование идентичности сильно влияет присутствие других иммигрантов. Например, расовая сегрегация объединяет общины цветных коренных жителей и иммигрантов. Это делает возможной «паниммигрантскую» или «панэтническую» идентичность, особенно среди молодежи. Близость и интеграция различных сообществ иммигрантов способствует формированию новой идентичности для второго поколения. Социологи предполагают, что иммигранты просто поглощаются основной культурой, но Баттерфилд показал, что жители Вест-Индии следуют, если не создают, новой модели. Захватывающий парад в честь Дня Вест-Индии, возможно, является визуальным продуктом этого панэтнического (панкарибского) процесса. Это крупнейший этнический фестиваль Нью-Йорка, который в 2010 году посетило более двух миллионов посетителей. Здесь стоит упомянуть и о других визуальных аспектах межгруппового насилия, поскольку было много случаев, когда люди подвергались нападениям или даже убивали, потому что они «выглядели» как член группы, к которой они не принадлежали. После беспорядков в Краун-Хайтс, например, Энтони Грациози, бородатый американец итальянского происхождения в темном костюме, был застрелен группой чернокожих по соседству якобы за то, что он выглядел евреем (Shapiro 2006, 57). Во время Второй мировой войны на китайцев нападали, потому что они были приняты за японцев, а также есть случай Винсента Чина, американца китайского происхождения, который был забит до смерти в 1982 году в ответ на то, что японские автопроизводители вызвали безработицу в Детройте (Wei 2002).

«Теория разбитых окон», вероятно, является наиболее известной теоретической связью между «тем, что вы видите, и тем, что вы получаете» относительно местных преступлений. Ею создатели, Джеймс К. Уилсон и Джордж Келлинг (1982), приписали городским пространствам моральные атрибуты, основываясь на их проявлениях в народном пейзаже. Теория утверждает, что видимый беспорядок

является признаком отсутствия социальной сплоченности, что, в свою очередь, может привести к росту преступности. В качестве практического примера, в 1985 году Келлинг проконсультировался с Управлением транзита Нью-Йорка, и в результате граффити на поездах метро и собственности Управления транзита стали объектом интенсивных ударов, чтобы повысить доверие пассажиров. Когда в 1990 году Уильям Дж. Браттон стал начальником транзитной полиции Нью-Йорка, он назвал Келлинга своим «интеллектуальным наставником» и внедрил то, что позже стало известно, как политика «нулевой терпимости» к нарушениям, таким как уклонение от платы за проезд, праздничное поведение и мусор. Когда Рудольф Джулиани стал мэром в 1993 году, он и его комиссар полиции Говард Сафир приняли стратегию «нулевой терпимости», а также выступили против визуального загрязнения, «качества жизни», таких нарушений, как мочеиспускание в общественных местах, мусор и употребление алкоголя в общественных местах.

Келлинг провел собственное исследование в Ньюарке, штат Нью-Джерси, который в то время находился в тяжелом социальном, политическом и экономическом положении. Там он ходил с патрульными полицейскими, чтобы посмотреть, как они себя определяют, и, следовательно, пытался поддерживать «порядок» в оживленном, но полуразрушенном центре города. Простая, неявно наглядная логика теории разбитых окон представлена в следующем отрывке из статьи Уилсона и Келлинга в *Atlantic Monthly*:

Люди на улице в основном были черными; Офицер, который шел по улице, был белым. Люди состояли из «завсегдатаев» и «чужаков». Среди постоянных посетителей были как «порядочные люди», так и несколько пьяниц и изгоев, которые всегда были рядом, но «знали свое место». Незнакомцы были, ну, незнакомцами, и на них смотрели подозрительно, иногда с опаской. Офицер - назовите его Келли - знал, кто такие завсегдатаи, и они знали его. Видя свою работу, он должен был присматривать за незнакомцами и следить за тем, чтобы завсегдатаи с дурной репутацией соблюдали некоторые неформальные, но широко понятные правила. Пьяницы и наркоманы могли сидеть на ступеньках, но не могли лечь. Люди могли пить в переулках, но не на главном перекрестке. Бутылки должны были быть в бумажных пакетах. Строго запрещалось разговаривать, беспокоить или просить людей, ожидающих на автобусной остановке... Решительный скептик мог признать, что опытный пеший патруль может поддерживать порядок, но все же настаивать на том, что такого рода «порядок» имеет мало общего с реальными источниками общественного страха - то есть насильственными преступлениями.

Основываясь на наблюдениях и интервью, Уилсон и Келлинг обнаружили, что местные жители высоко ценят общественный порядок и согласны с социальными психологами и специалистами правоохранительных органов в том, что беспорядки и преступность связаны. Если не ремонтировать разбитое окно в здании, в конечном итоге все окна будут разбиты, поскольку это указывает на то, что это никого не волнует. Несмотря на относительно ненаучное происхождение популярного журнала, «Теория разбитых окон» оказала большое влияние на низкоуровневые правоохранительные органы во всем мире. Из-за его реализации это также было серьезно воспринято социологами. Одной из наиболее наглядных и критических

оценок этой идеи был ряд проектов, проведенных в Чикагском университете Робертом Дж. Сэмпсоном и Стивеном У. Рауденбушем. Они опубликовали много статей о своих исследованиях, две статьи из которых получили наибольшее количество цитируемости: «Расстройство зрения:

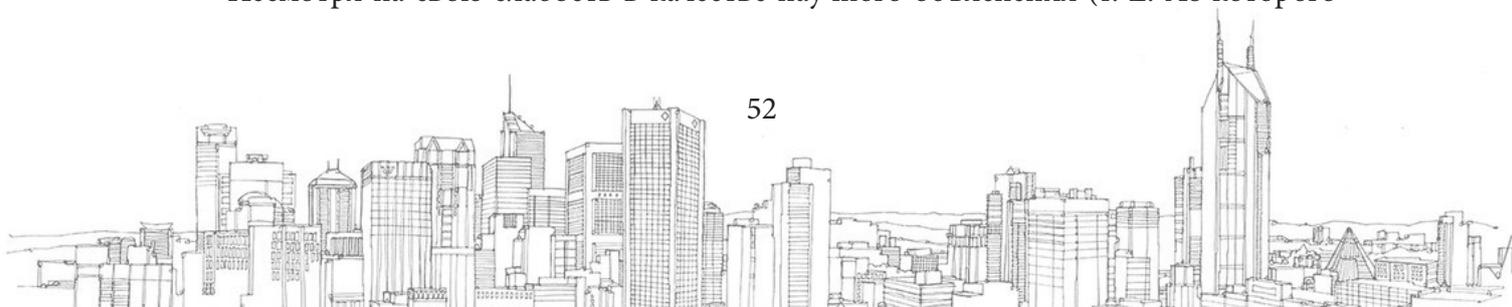
Стигма со стороны соседей и социальное конструирование «разбитых окон» (2004 г.) и «Систематическое социальное наблюдение за общественными пространствами: новый взгляд на беспорядки в городских районах» (1999 г.). По их словам:

Визуальные признаки социальных и физических беспорядков в общественных местах сильно отражают наши выводы о городских сообществах. Под социальным расстройством мы понимаем поведение, обычно связанное с незнакомыми людьми и считающееся угрозой, такое как словесные оскорбления на улице, открытое вовлечение в проституцию, общественное опьянение и хулиганские группы молодых мужчин в общественных местах. Под физическим беспорядком мы понимаем ухудшение городского ландшафта, например, граффити на зданиях, брошенные автомобили, разбитые окна и мусор на улицах. Видимые свидетельства беспорядка, или то, что Альберт Хантер (1985) называет «невежливостью», долгое время считались центральными в публичном представлении соседей (Goffman 1963). Классические наблюдения Джейн Джейкобс о городской жизни в 1950-х годах уже тогда вызвали озабоченность по поводу угрозы беспорядка для соседей (1969, 29–54), особенно обсуждения публичных встреч в «мире незнакомцев» (Lofland 1985). (1999, 603–4).

В исследовании 1999 г. были введены новшества с использованием видеозаписей сегментов более чем 23 000 улиц, которые были оценены обученными наблюдателями с использованием того, что, по их мнению, было надежными шкалами социальных и физических расстройств. Затем они объединили эти наблюдения с анализом данных переписи, полицейскими записями и опросом более 3500 жителей. Они пришли к выводу, что связь между проявлением общественных беспорядков и преступлением была по большей части ложной. Во второй статье визуальные методы были расширены за счет рассмотрения представлений жителей и лидеров общин о беспорядке. Они обнаружили, что в пределах примерно 500 групп из Чикаго, которые они изучали, хотя наблюдение беспорядка действительно предсказывало восприятие беспорядка, расовый и экономический контекст оказали большее влияние. Другими словами, теория разбитых окон ничего не говорит о причинах преступности. Хотя уменьшение проявления беспорядков может улучшить городские районы, преимущества для бедных и меньшинств ограничены:

Ограничение эффективности никоим образом не связано с недостатками жителей таких районов. Скорее, это связано с социально-психологическими процессами неявной предвзятости и статистической дискриминации, которые проявляются в текущем (и исторически устойчивом) расовом контексте городов в Соединенных Штатах. Другими словами, простое удаление (или добавление) граффити может ни к чему не привести, в зависимости от социального контекста. (2004, 337)

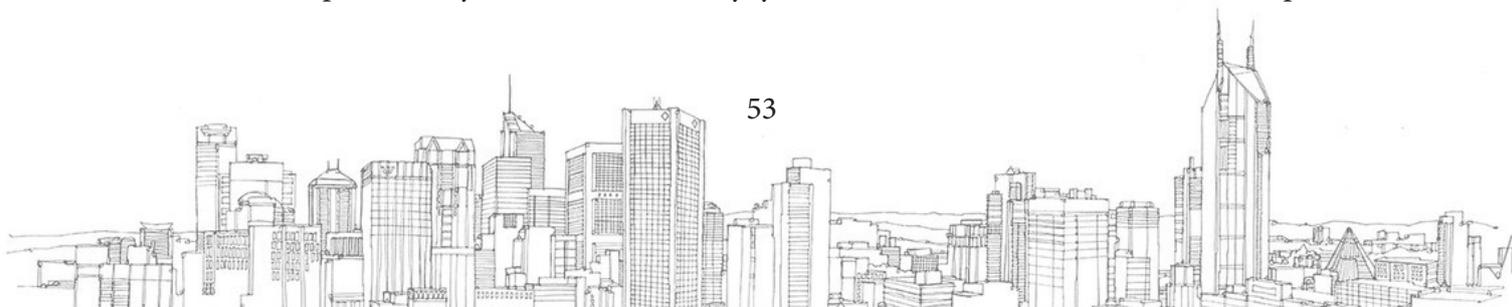
Несмотря на свою слабость в качестве научного объяснения (т. Е. Из которого

могут быть выведены эмпирически проверяемые гипотезы), теория сохраняется в полицейской практике и иногда появляется в журналистских репортажах, о чем свидетельствует статья Сэма Робертса в New York Times, который писал: «Меньше битых окон и снижение преступности» (2011a):

Получите один балл за теорию разбитых окон, которая в значительной степени является гипотетической корреляцией между вандализмом и преступностью. В целом преступность в мегаполисе Нью-Йорка снизилась за последние шесть лет. Как и количество разбитых окон. Бюро переписи населения сообщило на этой неделе, что из пяти миллионов домов и квартир, подсчитанных в 2009 году, окна были разбиты в 23 500, по сравнению с 156 900 в 4,8 млн, подсчитанных шестью годами ранее. «Похоже, это нисходящая спираль», - сказал Джордж Л. Келлинг, старший научный сотрудник Манхэттенского института и почетный профессор Университета Рутгерса, который вместе с Джеймсом К. Уилсоном, другим социологом, впервые написал о теории разбитых окон. «Уход за разбитыми окнами снижает преступность; - забота о преступности уменьшает количество разбитых окон», - сказал профессор Келлинг. Количество заколоченных окон во всем жилом доме снизилось до 16 600 с 54 000, а количество жилых домов, в которых окна были защищены решеткой, упало до 159 500 с 901 900. Можно сказать, есть много причин, по которым сегодня меньше окон с решетками, чем шесть лет назад. Например, снос старых малоэтажных домов с решетчатыми окнами и строительство многоэтажных жилых домов может иметь к этому какое-то отношение.

Из-за своей очевидной логики здравого смысла теория разбитых окон также была принята идеологически консервативными группами, поскольку она оправдывает правоприменительную практику, которую ненавидят гражданские либертарианцы, например, целенаправленные зачистки определенных районов. Внешний вид квартала также может играть разные, но взаимосвязанные роли в правоохранительной практике, например, в Нью-Йорке после событий 11 сентября, когда федеральные правоохранительные органы прочесали кварталы иммигрантов, которые были идентифицированы как «мусульманские» и, следовательно, по словам паникующих экспертов по безопасности, потенциальные убежища для террористов. Как отметил Мохаммед Равзи, основатель и директор Совета пакистанских организаций в Бруклине, штат Нью-Йорк, после падения башен-близнецов во Всемирном торговом центре возникло массовое недоумение, поскольку агенты Федерального бюро расследований и Служба иммиграции и натурализации обрушилась на его квартал, который был отмечен мечетями, южноазиатскими магазинами и жителями, одетыми в традиционную одежду. Там они собрали многих выходцев из Южной Азии, а также тех, чьи «мусульманские» имена были похожи на имена подозреваемых, которых они искали. Примерно в это же время местные предприятия, принадлежащие иммигрантам, начали вывешивать американские флаги на улице или в витринах своих магазинов по соседству (Krase 2011). Мишель С. Лагер изучал взаимосвязь между иммиграцией, глобализацией и темпоральностью в нескольких книгах (см., Например, 2003 и 2006 годы). По его словам, иммиграция в Нью-Йорк за счет увеличения числа мусульман изменила внешний вид некоторых

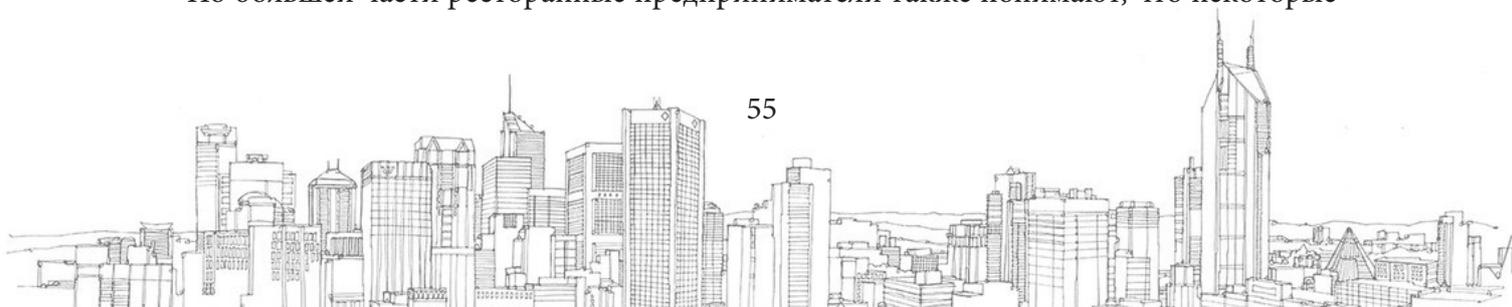
районов, изменив их временные измерения. В «Мусульманском Хронополисе и диаспора Темпоральности» (2004) он писал, что мусульманские иммигранты участвуют в социальных практиках, которые регулируются гражданским обществом Америки, а также живут в каком-то временном анклав или Хронополисе, что поддерживает их связь с более глобальным Исламом. Как и в случае с другими религиями, религиозный календарь ислама дает верующим направление для подходящих и более ортодоксальных, обязательных, ежедневных, еженедельных и ежегодных мероприятий, которые часто пересекаются друг с другом. В Нью-Йорке мусульмане считают необходимым изменить свою религиозную деятельность, чтобы приспособиться к ограничениям бизнеса и правительственным постановлениям, а также другим местным ритмам. Эти временные приспособления позволяют создать местные, но все же мусульманские временные рамки. Мусульмане приезжают в город из разных культур и национальностей. Некоторые жили в мусульманских государствах, которые навязывают всем исламский календарь, в то время как другие мигранты прибыли из мест, которые уже адаптировали глобализированные западные временные нормы. Даже эти последние рабочие-иммигранты могут продолжать, например, участвовать в своих еженедельных пятничных общих молитвах, если это разрешено работодателями.

Пятница преобладает в их светской неделе, потому что Коран предписывает в этот день полдник в мечети. Воскресенье для христиан и суббота для евреев - это более или менее официальные дни отдыха в Нью-Йорке, и большинство государственных и частных организаций все еще не приспособляются к ритмам мусульманской недели, что затрудняет их временную адаптацию. В Нью-Йорке совсем недавно были добавлены мусульманские праздники в качестве исключений для правил парковки на улице. Лагер ограничил свое исследование иммигрантами из стран Персидского залива из-за их традиционного акцента на пятничной совместной молитве. В таких странах, как Саудовская Аравия, пятница - официальный день отдыха. Напротив, Турция приспособилась к западному календарю выходных дней, чтобы облегчить международную торговлю и межгосударственные отношения, и воскресенье служит этой цели (2004 г.). Ортодоксальные евреи также совершают ежедневные совместные молитвы, и, как и в случае с мусульманами, эти небольшие местные расписания гораздо менее заметны, чем более крупные собрания во время крупных праздников, таких как Ид аль-Адха, Ид аль-Фитр и Рамадан для мусульман и Суккот, Симхат Тора, и Пурим для евреев. Кроме того, как и традиционно одетые мусульмане, отличительные дресс-коды ортодоксальных еврейских мужчин и женщин религиозно определяют несколько кварталов по внешнему виду пешеходов в таких местах, как Нижний Ист-Сайд на Манхэттене и Вильямсбурге, Краун-Хайтс и Боро-Парк в Бруклине. В последние годы появление и возможное появление мечетей в кварталах Нью-Йорка стало спорным. Предложение по созданию Исламского центра в Нижнем Манхэттене вызвало наибольший резонанс, но примечательной была и мечеть меньшего размера в районе Бруклина, где живут смешанные иммигранты, Шипсхед-Бэй. Протесты против мечетей и ислама в целом возникли по всей территории Соединенных Штатов и в некоторых случаях сформировали общее дело с движениями антимосков, против завесы и других антимигрантских, националистических или иных ксенофобских (исламофобских) движений.

Видимые признаки этнической принадлежности также являются важным аспектом практики коммерческой недвижимости в Нью-Йорке, и эстетически уместные изображения коммерческих вывесок на местном языке украшали статью Кайиты Моха (2011) в *The Wall Street Journal* «Проблемы роста на Хиллсайд-авеню в Квинсе». В статье такие предприятия, как круглосуточный супермаркет Super Halal Meat, магазин индийской уличной еды, афганский ресторан, а также салон красоты с учетом этнических особенностей, рекламируются как признаки крупного азиатского коммерческого района на Хиллсайд-авеню в Куинсе, штат Нью-Йорк. В развивающейся «Маленькой Индии» также сосредоточено множество экзотических закусовых, таких как Khana Khazana, Surya Sweets and Snacks, Афганский шашлык и Mumbai Xpress. Сообщалось также о росте старых заведений. Популярный ресторан Usha Foods занял торговые площади по соседству, а неподалеку открылся третий салон красоты Mehak. Похоже, что этнически нюансированный коммерческий переход также вызвал напряженность. Super Halal Meat пикетировали некоторые из постоянных жителей этого района и члены местных общественных объединений. Моха сообщил, что жалобы на разрешения, ненадлежащее хранение мусора и другие опасные условия были результатом «завуалированной этнической напряженности». Межэтническая напряженность также была связана с неуклонным ростом иммигрантов из Южной Азии, в основном из Индии, а также из Пакистана и Бангладеша. В 2000 году перепись показала, что чуть более трети жителей района были иностранцами, около половины из которых назвали себя индусами. Гурпал Сингх, организатор некоммерческой организации, работающей с иммигрантскими сообществами, сказал, что показатели участия в переписи населения в период с 2000 по 2010 год показали значительный рост в группах со значительным населением Южной Азии.

Как и большинство крупных компаний по недвижимости в Нью-Йорке, Coldwell Banker нанимает агентов и агентства, которые сочетаются с клиентурой. Говоря о привлекательности района «Маленькая Индия», брокер Радж Мирчандани прокомментировал: «Вы живете в черте города, но живете в пригороде и платите налоги, которые составляют менее половины округа Нассау, который всего в нескольких кварталах оттуда». Вигдор также сообщил, что новоприбывшие, такие как иммигрантка из Мумбии и владелица индийского ресторана Бринда Чандивала, говорят: «Люди здесь были настолько дружелюбны, что я не скучаю по дому» и «единственное, чего они иногда просят от меня, - это сделать их еду менее острой». Помимо этнических впечатлений, создаваемых появлением торговых улиц в кварталах для иммигрантов, я отмечу, что многие «индийские» рестораны в Нью-Йорке часто управляются бангладешцами или пакистанцами, поскольку «японскими» ресторанами часто управляют корейцы, и «Мексиканские закусовые, созданные не мексиканцами, например, доминиканцами. Помимо очевидного декора и меню, этническая аутентичность этих заведений опирается на визуальную компетентность покровителя по отношению к персоналу. Несмотря на возможность африканского происхождения, светлокожие, светловолосые голубоглазые официанты, например, вряд ли подходят для африканского ресторана, в то время как темнокожие афроамериканцы с большей вероятностью подойдут для этого. По большей части ресторанные предприниматели также понимают, что некоторые

этнические кухни имеют большую ценность, и поэтому выбирают те, которые с наибольшей вероятностью приведут к успеху. Исключением из этого правила, конечно же, являются те пищевые предприятия, которые обслуживают членов самой группы и не ищут посторонних в качестве клиентов. Именно эти, более изолированные, внутригрупповые заведения, такие как кошерные и халяльные закусочные, имеют наибольшую визуальную ценность для определения этнических кварталов, в отличие от тех районов, которые стремятся привлечь посторонних и / или туристов.

Ученые, журналисты и риелторы - не единственные профессионалы, для которых визуальное разнообразие Нью-Йорка открывает возможности. Наоми Фертитта, финансируемая фондом New York City & Company Foundation, который поддерживает туризм в Нью-Йорке, «открыла» двадцать кварталов. В книге «Нью-Йорк: Большой город и его маленькие районы» (2009) она писала, что, хотя она была коренной жительницей Нью-Йорка, многие интересные сообщества оставались практически невидимыми, пока она не решила покинуть свой изысканный манхэттенский «кокон»:

Вместе с фотографом Полом Аресу я начал путешествие, для которого требовалась только карта MetroCard. Вскоре мы обнаружили в Нью-Йорке карманы, которые казались такими же экзотическими, как Мумбаи, Касабланка, Москва и Мехико. В ходе исследования 20 кварталов я был поражен тем фактом, что я не только не был знаком с «внешними районами», но, фактически, почти не знал районов Манхэттена, которые часто находились всего в нескольких минутах езды на метро от моего дома. Я очень хорошо осознал, что в моем стремлении к изысканности я стал всего лишь провинциальным жителем Нью-Йорка, который думал, что город начинается и заканчивается у моей входной двери. (7-8)

Список визуально задокументированных миниатюрных фигур, обнаруженных ею, поучителен с этнической точки зрения, поскольку, за исключением двух Маленьких Италий и двух Чайнатаунов, это буквально шведский стол «Маленьких». В Бруклине были отмечены Бейрут из Бэй-Ридж, Иерусалим в Боро-Парке, Одесса на Брайтон-Бич, Вест-Индия Флэтбуш и Польша из Гринпойнт. В Бронксе, несмотря на его этническое разнообразие, эквивалентное Бруклину и Квинсу, она смогла найти только Италию Бельмонта, Албанию и Ирландию Вудлона. Ближе всего к ее дому на Манхэттене находились Мексика в Восточном Гарлеме, Британия в Гринвич-Виллидж, Сенегал в Гарлеме, Чайнатаун в центре города, Корейский квартал в центре города, Италия в центре и Доминиканская Республика в Вашингтон-Хайтс. В Куинсе, самом разнообразном городском районе, она открыла для себя Афины Астории, Египет Астории, «Новый» Чайнатаун Флашинга, Индию и Латинскую Америку Джексон-Хай, а также многоэтнический «Плавильный котел» Вудсайд и Саннисайд. В самом маленьком районе города, Статен-Айленде, упоминание было отмечено только в Шри-Ланке в Томпкинсвилле. В книге подчеркиваются те же визуальные образы, которые используются всеми академическими и неакадемическими городскими комментаторами, такие как национальные флаги и стереотипные продукты питания. Это важно, потому что поддерживает идею

общего визуального этнического словаря.

Еще один интересный, но часто упускаемый из виду способ, которым обычные люди визуально изменили некоторые части города, - это уличный мерчендайзинг. Один из самых известных наблюдателей и летописцев уличной жизни Элайджа Андерсон (1990, 1999, 2003) поместил уличных торговцев в центр феномена глобализации, описывая текущее состояние городской этнографии:

Например, чтобы понять новую глобальную иммиграцию, этнографы должны теперь ценить и узнавать больше о жизни британских сикхов Калифорнии, которые путешествуют туда и обратно между Нью-Йорком и большими семьями в Индии, а также прибывающих из Бомбея элиты и пенджабских фермеров в Соединенные Штаты в то же время, а индусы из низших и высших каст в Чикаго разделяют полное замешательство по отношению к жителям пригородов. Также важно, каким образом такие «новые» люди влияют на устоявшиеся этнические и расовые группы населения. История черного уличного торговца важна, как и рассказы о нью-йоркском гаитянском таксисте, который обретает собственную личность, активно дистанцируясь от афроамериканца, и который периодически навещает своих кузенов, проживающих в пригороде Парижа (см. Duneier 1999). Не менее важным является социальное положение тайваньских иммигрантов из среднего класса в Филадельфии, которые ассимилируются, чтобы «жить в дружбе», но которые совершенно неоднозначно относятся к «утрате» своего китайского наследия (Tsai 1998). (Андерсон 2004, 36).

Что касается особенно визуальной перспективы, то еще более пристального внимания заслуживают работы Митчелла Дюнье. На семь лет он погрузился в мир уличных торговцев Нью-Йорка в эклектичном Манхэттене, район Гринвич-Виллидж, а также подружился с рядом бездомных книготорговцев, которые торговали на тротуаре (1999). Результатом его подробного этнографического исследования стала не только книга «Тротуар», богато иллюстрированная фотографиями, но и видео с тем же названием, выпущенное Барри Александром Брауном и выпущенное в 2010 году. Дюнье позаимствовал у Джейн Джейкоб понятие «публичного персонажа» чтобы обозначить уличных торговцев и других людей, поведение которых по существу создает жизненный мир или социальную структуру пешеходных тротуаров, делая их безопасными, стабильными и предсказуемыми. Согласно ему:

Вслед за Джейкобсом городские теоретики подчеркнули то, что горожане в пешеходных зонах, таких как Гринвич-Виллидж, всегда знали: жизнь на тротуарах имеет решающее значение, потому что тротуар - это место, где должно ощущаться чувство взаимной поддержки среди незнакомцев, если они хотят жить там все вместе. В отличие от большинства мест в Соединенных Штатах, где люди выполняют свои поручения на машинах, жители Гринвич-Виллидж выполняют многие, если не большую часть своих поручений пешком. Жизнь на тротуарах в этом районе имеет большое значение как для жителей, так и для гостей города. Джейкобс подчеркнул, что социальные контакты на тротуарах должны происходить в контексте взаимного уважения и соблюдения соответствующих ограничений на взаимодействие и

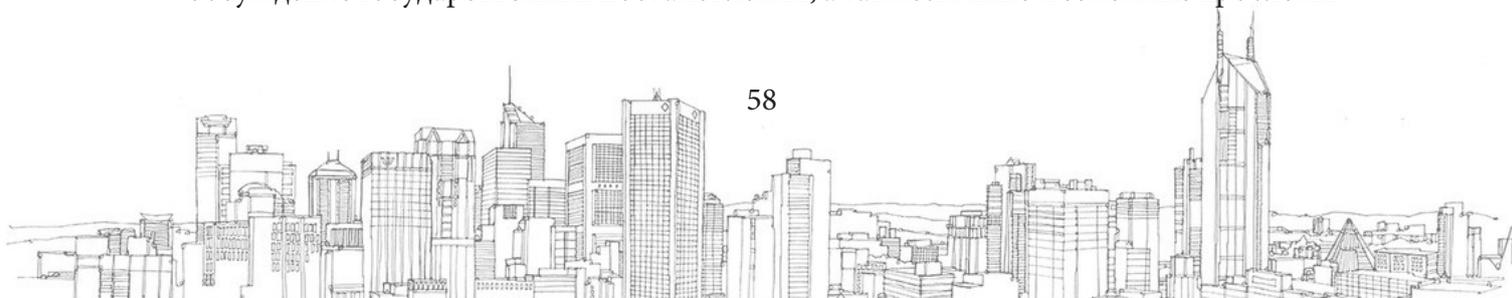
близость. Это создавало интерактивное удовольствие, суммируясь с «почти бессознательным предположением об общем содержании улиц, в моменты опасности». Виллиджевские «глаза на улице», согласно знаменитому изречению Джейкобса, указывали на то, что жители и незнакомцы были в безопасности и, следовательно, фактически обеспечивали безопасность. (8)

Визуальный характер определений сообщества поясняется Дюнье, когда он пишет:

Гринвич-Виллидж выглядел совсем иначе сорок лет назад, когда Джейн Джейкобс писала свою классическую книгу. Большая часть архитектуры сохранилась, и многие люди до сих пор живут так, как указано в описаниях Джейкобс; но на этих улицах есть другое, более маргинальное население: бедные черные мужчины, которые зарабатывают на жизнь на тротуарах Виллиджа. Присутствие таких людей сегодня означает, что пешеходы управляют своими социальными границами на месте, тогда как в прошлом расовая сегрегация и хорошо охраняемые участки с заносами сдерживали маргиналов. (8)

Как это делал Эллиот Либоу в «Уголке Талли» (1967) десятилетиями ранее, рассказывая о Талли, Морском коте, Ричарде и Лерое, Дюнье уважал своих подданных, продавцов журналов Хакима и Ишмаэля Уокеров, Мудрика Хейса и Джо Гарбиджа, которые «выкладывали дерьмо», и попрошайки Кейт Джонсон, продемонстрировав важность своей жизни, несмотря на свое, возможно, более низкое социальное положение (8). Конечно, расовая принадлежность (и расизм) имеет особое значение для визуализированной пространственной структуры городов - для большинства американцев чернота, латиноамериканство, азиатство (возможно, небелость?) являются обобщенными визуальными ценностями, которые частично объясняют, почему некоторые области выглядят более «опасными», «манящими» и / или, по крайней мере, «экзотическими» для многих наблюдателей и комментаторов.

Некоторые из самых плодотворных и географически повсеместных уличных торговцев в Нью-Йорке - это иммигранты из Африки, особенно из стран Западной Африки, таких как Гана и Сенегал. В нескольких районах, таких как Бронкс, «африканские» рынки превратились в крупные торговые центры. Как обсуждалось ранее, различия в различиях часто лежат в основе трагических происшествий в городе. В 1999 году это произошло с гвинейским уличным торговцем Амаду Диалло, который визуально соответствовал описанию насильника, и в результате был застрелен четырьмя тайными полицейскими в районе с низким доходом, высоким уровнем преступности, в основном чернокожим и пуэрториканским районами Бронкса. Инцидент привлек необходимое внимание к неизученным жизням и сообществам африканских торговцев и других жителей города. Одним из результатов стала хорошо отрецензированная книга Пола Столлера «У денег нет запаха: африканизация Нью-Йорка» (2001). Через годы этнографической работы и анализа данных Столлер объяснил сложное существование западноафриканских предпринимателей, чьи жизни связаны с многонациональными торговыми сетями и которые в процессе научились продавать «смоделированную Африку афроамериканцам». Как также предположил Лагер, их исламские обычаи вплетены в их сложные социальные и коммерческие сети. Сохранение веры облегчает обсуждение государственных постановлений, а также личные и семейные проблемы

в Америке.

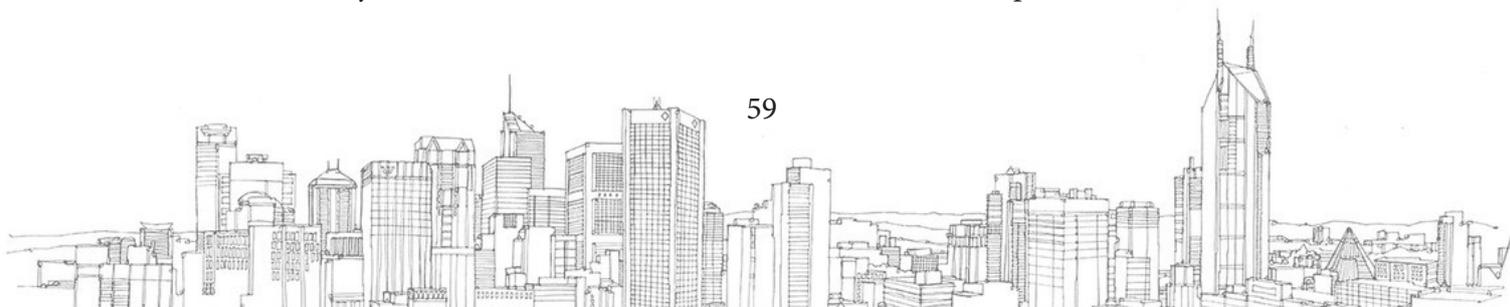
Малый бизнес иммигрантов - это большой бизнес в Америке, как отметил Джейсон ДеПарл в книге «Денежный поток иммигрантов: 300 миллиардов долларов» (2007):

Деньги текут мелкими ручьями, пересекая границы по 200 или 300 долларов за раз. Он покупает кукурузную муку, рис и клетчатые юбки для частных школ и держит домовладельца в страхе. В мировом масштабе число огромно: мигранты из бедных стран отправляют домой около 300 миллиардов долларов в год. Это более чем в три раза превышает общемировой объем иностранной помощи, в результате чего «денежные переводы» являются основным источником внешних денежных потоков, поступающих в развивающиеся страны.

Опросы показывают, что 80 или более процентов денег немедленно тратится на еду, одежду, жилье, образование или периодические пивные вечеринки или телевизор. Тем не менее, десятки миллиардов доступны для сбережений или инвестиций в местах, где не хватает капитала. Хотя было доказано, что денежные переводы сокращают бедность домохозяйств, политики стремятся усилить их влияние на экономический рост. Что касается глобального масштаба иммигрантской экономики, The New York Times сообщила о «Глобальном масштабе денежных потоков мигрантов» (2007) и предоставила доступ к интерактивной карте, иллюстрирующей глобальное рассредоточение денежных переводов мигрантов. Графическое изображение глобальных потоков капитала показывает, что в 2007 году тремя основными странами-получателями этой формы «иностранной помощи» были Индия (24,5 миллиарда долларов), Мексика (24,25 миллиарда долларов) и Китай (21,07 миллиарда долларов) [1].

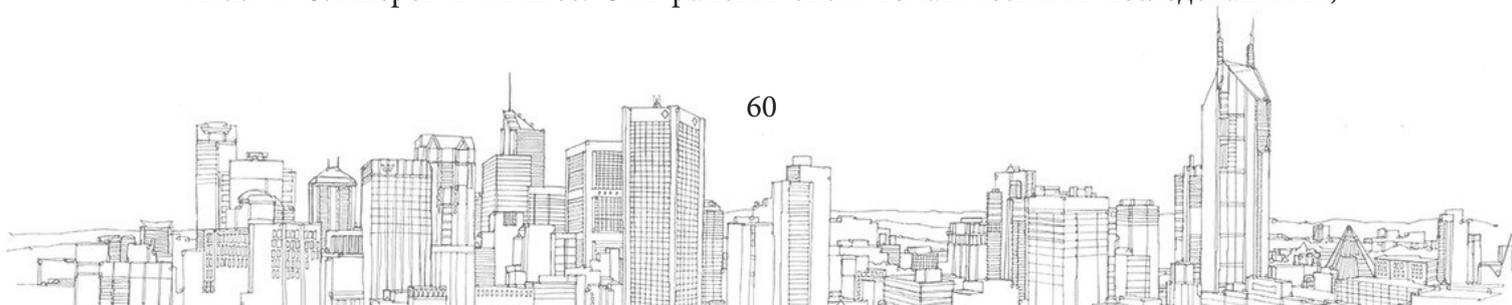
Чтобы лучше понять это глобальное явление с точки зрения городского планирования, Анна Мария Богадоттир провела визуально и виртуально улучшенное исследование определенной группы странствующих африканских торговцев, которые являются членами Братства Муриде (2009). Эти суфийские иммигранты-мусульмане из города Туба, Сенегал, сосредоточены вокруг 116-й улицы и Ленокс-авеню в известном афроамериканском районе Гарлема, который некоторые называют «Маленьким Сенегалом». По словам Мамаду Диуфа и Стивена Рендалла, «мюриды» являются частью сенегальской торговой диаспоры (2000). Богадоттир посмотрел на яркие уличные пейзажи своего этнического торгового анклава, с целью найти и проиллюстрировать глобальную систему торговли и денежных переводов стоимостью 200 миллионов долларов. Торговцы и капитал перемещаются между глобальными городами Гонконга, Джидды, Нью-Йорка и Парижа, что, как и другие мигранты, в конечном итоге поддерживает экономику их родного города.

Будь то мусульманин или нет, согласно традиционным африканским обычаям, центральным требованием «хорошего человека» является благотворительность. Поэтому следует ожидать, что различные формы африканской филантропии пронизывают социальную, экономическую и политическую жизнь африканских иммигрантов в Нью-Йорке. Mojúbàolú Olúfúnké Okome в книге «Возникающая благотворительность африканских иммигрантов в Нью-Йорке» (2004) написал об этой малоизученной области. К сожалению, ключевыми чертами этих этнических

практик являются неформальность институтов и их последующая невидимость для посторонних. Глобализация формирует решение африканцев, как и других, эмигрировать; а также место, выбранное для поселения, и благотворительные организации помогают людям решать проблемы как в родной стране, так и в стране недавнего поселения. Старые африканские межгрупповые предубеждения исчезают медленно; поэтому единство через старые, разделяющие национальные и этнические границы в Америке. Старейшины по-прежнему имеют привилегию занимать руководящие должности, и эти организации сохраняют и поддерживают различные интересы. Пол, класс, религия, престиж и этническая принадлежность - вот некоторые из пересекающихся переменных, определяющих линии власти в иммигрантских общинах. Эти конкурирующие интересы препятствуют попыткам убедить членов в том, что лица, принимающие решения в группе, понимают и активно работают над продвижением интересов проживающих в Африке африканцев в целом. Как и следовало ожидать, несогласные наказываются изгнанием или другим отчуждением от своих групп. Окомэ описал некоторые из многих форм благотворительности среди африканских иммигрантских сообществ, такие как взаимопомощь для друзей, дальних родственников, и вымышленных родственников. Вымышленные родственники - это те, кто не принадлежит к этнической группе человека или даже не из страны его происхождения. Филантропия также существует в простой форме доброты и щедрости по отношению к незнакомцам. На самом высоком уровне благотворительность выражается в официальных усилиях на уровне общин по развитию человеческих и материальных ресурсов среди африканских этнических групп в Нью-Йорке.

Нью-Йорк по-прежнему остается городом для иммигрантов, где доля родившихся за границей в населении приближается к уровню начала двадцатого века. В работе «Глобальные районы иммигрантов в Нью-Йорке» (2004) Тарри Хам продемонстрировал, что статус Нью-Йорка как «города большинства меньшинств» отражается во многих местных кварталах, которые демонстрируют расовое и этническое разнообразие городского пейзажа двадцать первого века. Она определила «город преобладания меньшинств» как город, в котором демографическое большинство представляет собой комбинацию множества групп меньшинств. Для Нью-Йорка они черные, латиноамериканцы и всевозможные азиаты. В своем исследовании она внимательно рассмотрела ряд локальных преобразований, таких как анализ данных переписи, которые выявили парадоксальные тенденции как к разнообразию, так и к сегрегации. Основным фактором в этой сложной смеси был приток иммигрантов после 1965 года, которые создали новые многоэтнические районы. В некоторых случаях иммигранты также способствовали расширению старых исторических анклавов. Жителями новейших многоэтнических районов были в основном азиаты, латиноамериканцы и белые неиспаноязычные жители. Хотя спектр старых и новых иммигрантов является глобальным, сегрегация продолжает оставаться важной чертой городского пейзажа. Сегрегация афроамериканцев усилилась, и чернокожие живут в районах, почти полностью занятых только чернокожими и латиноамериканцами. Хум сосредоточилась на глобальных кварталах в Сансет-парке в Бруклине, а также на общинах Ричмонд-Хилл и Элмхерст в Квинсе. Эти районы были тематическими исследованиями,

использованными для разработки важных выводов для изучения многоэтнических поселений иммигрантов:

- (1) определение района;
- (2) структуры возможностей соседства;
- (3) определение «общности интересов»; и
- (4) роль местных институтов в продвижении перспектив многорасовой демократии.

Работа Хум предполагает, что историческая «расовая балканизация» в городе уменьшилась за счет создания и роста «полиэтнических» или иным образом «глобальных» районов, в которых этническое разнообразие больше, чем когда-либо.

Хотя такие районы разбросаны по всему Нью-Йорку, они демографически сконцентрированы в районе Куинс. Хум проиллюстрировала иммигрантскую географию Нью-Йорка в формировании новых анклавных образований, а также мульти-расовых и мультиэтнических кварталов, разделив более 2200 участков переписи на типологию района, определяемую переписями «доминирующая раса» и «мультирасовая». Полученная пространственная география показала, как иммиграция продолжает трансформировать ландшафт Нью-Йорка (2004).

Итальянско-американские кварталы, иногда называемые «Маленькими Италиями», будут подробно обсуждаться в следующей главе, поэтому здесь мы коснемся их лишь кратко. Они давно стали частью как демографической реальности, так и воображаемого Нью-Йорка в романах и популярных фильмах. Итальянские анклавы важны для долгосрочных сравнительных городских этнических исследований, поскольку они, как правило, более стабильны, чем анклавы других групп. Также было проведено множество более или менее классических исследований итальянско-американских кварталов в других городах. В 1950-х и 1960-х годах немногие американские студенты колледжей могли бы избежать назначенного чтения хотя бы отрывка из таких работ, как Уильям Ф. Уайт «Общество на углу улиц» (1955) или Херб Ганс «Городские сельские жители» (1982), оба из которых изучали итальянцев в разных районах Бостона. Несмотря на свою долгую историю здесь, Нью-Йорк никогда не считался особенно «итальянским» местом. Фактически, итальянских американцев часто называют группой, которая почти полностью растворилась в американском плавильном котле. Ричард Альба и другие сообщили об оставшихся в городе кварталах белых этнических групп в Нью-Йорке и обнаружили, что, хотя итальянцы покинули свои наименее желанные поселения, они по-прежнему концентрируются (Alba et al. 1997). По иронии судьбы, районы, в которых их было меньше всего, обычно считались самыми настоящими «Маленькими Италиями».

Исторически в Нью-Йорке греки имели тенденцию сливаться с другими, более крупными группами, такими как итальянцы, в районах по всему городу. Возможно, из-за нестабильности в стране, начиная с 1960-х годов и заканчивая примерно 1975 годом, большое количество этнических греков из Греции и Кипра были привлечены в небольшой греческий этнический анклав Астория, Квинс, что, по словам репортера *New York Times*, «Крупнейшее греческое население за пределами Греции» (Schumach 1977). Со временем греческая репутация, если не население, захватила территорию с греческими православными церквями, созданием парка Афинской площади и парка

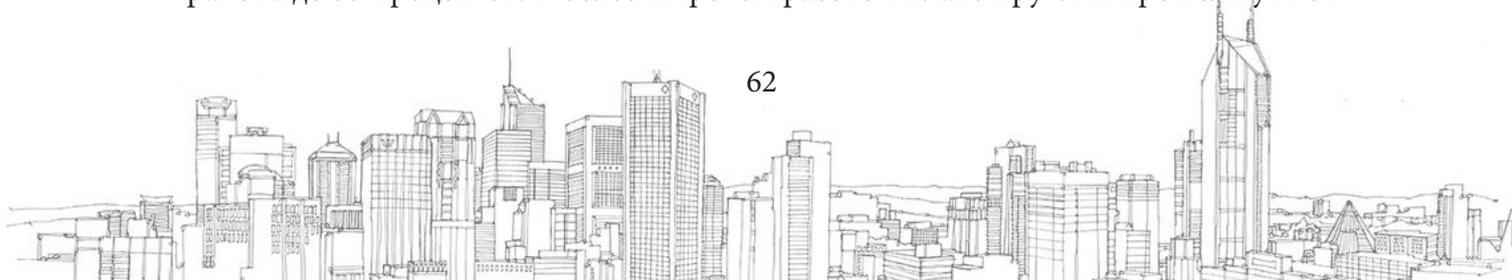
скульптур Сократа, большой коллекции греческих ресторанов, таверн, пекарен и кафе. Даже после того, как греческое население начало сокращаться в

1990-е годы из-за снижения иммиграции и рождаемости, а также обратной миграции, он сохранил свое название «Маленькие Афины». Сегодня это сообщество является одним из полиэтнических районов, описанных ранее Хум, и в нем проживает значительное количество арабов из Ливана, Египта, Туниса, Йемена и Марокко, а также иммигрантов с Балкан, таких как албанцы, болгары и боснийцы.

Этнически греческие жители этого района были объектами для Анны Карпатакис и Виктора Рудомета, когда они писали об «Изменении расовых представлений: американцы греческого происхождения в Нью-Йорке» (2004). Они смотрели на этническую принадлежность и глобализацию со своей точки зрения как социологи из Америки и Греции. Исторические источники, интервью как иммигрантов, так и греков в Греции, а также анализ содержания стихов, популярных песен и электронных дискуссионных групп были изучены, чтобы показать эволюцию меняющихся расовых идеологий. В то время как Кастельс (1989, 1996) и другие писали об экспорте культурной продукции из основных в полупериферийные и периферийные страны, экспорт культурной продукции и населения также происходит в обратном порядке. Исследования интеграции иммигрантов в американское общество часто игнорируют их историю в их родном обществе. Считается, что иммигранты прибывают без политической, экономической и социальной истории. Для греческих иммигрантов это явно не так. Карпатакис и Рудометоф утверждали, что американцы греческого происхождения создают уникальную национальную / расовую структуру, которая объединяет институты и идеологии домашнего и принимающего общества. Иммигранты прибывают с национальными и расовыми идентичностями и рассказами, которые берут свое начало в греческой национальной и политической жизни. Эти групповые нарративы и идентичности возникают как через формальные, так и неформальные институты. Они приходят к выводу, что именно в этой форме «транснационального культурного / политического» пространства греческие иммигранты сочетают элементы политических и национальных нарративов домашнего общества вместе с американскими расовыми концепциями, чтобы создать «попури» групповых идентичностей (см. Также Карпатакис, 1999).

Увидеть мир в Бруклине

Город Нью-Йорк разделен на пять районов: Бруклин, Бронкс, Куинс, Статен-Айленд и Манхэттен. Это было следствием аннексии, и сегодня они служат в основном для административных целей. Каждый из них очень разнообразен в этническом, расовом и религиозном отношении, но по-разному. Бруклин, население которого составляет почти два с половиной миллиона человек, служил моим студентам и мне огромной социальной лабораторией как вечный город иммигрантов. В течение всего двадцатого века в Бруклине почти треть жителей были иностранцами. Наиболее драматичными и заметными были изменения в расовом составе населения во второй половине того столетия. Между 1940 и 2000 годами численность нелатиноамериканского черного населения в Бруклине выросла с чуть более 100 000 до почти 800 000; или с 4 процентов от общей численности населения района до 35 процентов. В более широком расовом плане Бруклин прошел путь от

96-процентного белого неиспаноязычного большинства до 40,1-процентного белого неиспаноязычного меньшинства. Наряду с этими основными демографическими изменениями произошли значительные сдвиги в иммиграционных тенденциях, особенно в последние два десятилетия столетия, которые создали почти сбивающую с толку социально-культурную панораму. Как и следовало ожидать, за это время застроенная среда постепенно отражала меняющуюся культурную идентичность жителей района. Визуальные и семиотические подходы могут помочь в наведении мостов между различными теоретическими и прикладными дисциплинами, которые сосредоточены на форме и функциях Бруклина, окрестности которого были виртуальным римским фонтаном этнических переходов. Как и следовало ожидать, переселение иммигрантов и расовых поселенцев в район не было одинаковым. В некоторых частях Бруклина более половины населения родились за границей. Жилая и коммерческая сегрегация по этническим, расовым и / или религиозным группам является обычным явлением. Некоторые районы практически полностью белые; остальные, полностью черные. Черное население Бруклина достаточно велико для дальнейшей сегрегации по рождению. В городке можно найти множество афро-карибских и афро-американских кварталов. Наибольший пропорциональный рост и наиболее «заметный» - это более чем удвоение разнообразного азиатского населения. Если бы мы смогли включить оценки количества рабочих без документов, оно могло бы утроиться или даже в четыре раза. Китайцы и бангладешцы, возможно, произвели самые яркие визуальные изменения. Также увеличивается количество латиноамериканцев из Центральной и Южной Америки, помимо их и без того внушительного базового населения из Пуэрто-Рико, Мексики и Доминиканской Республики.

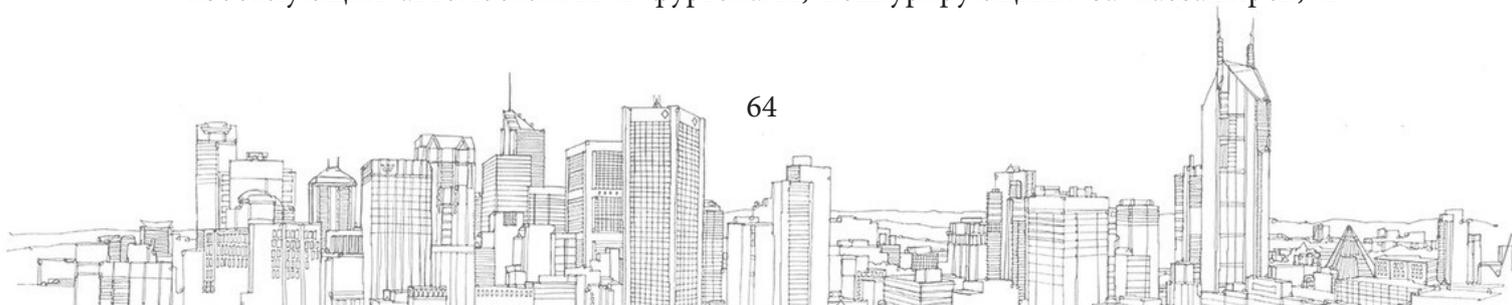
В течение одного десятилетия большие территории приобрели отчетливые новые этнические черты. Этнический аспект был замечен задолго до того, как публикация переписи населения 2000 года провозгласила впечатляющую трансформацию для тех, кто еще не был свидетелем этого на улице. В качестве хваления новым урбанистам и другим, для кого это стало неожиданностью, я отмечаю, что демографические сдвиги не следовали обычным историческим моделям медленного движения из центра города к центру города и создания на их пути зон перехода. Новые иммигранты, казалось, поселялись и переезжали в определенные части района, бросая вызов классической экологии места. В некоторых случаях иммигрантские общины могли «перепрыгнуть как в чехарде» через друг друга, как будто руководствуясь невидимыми, но понятными силами. Важным примером является внезапное появление русского анклава на Брайтон-Бич. С 1940 года группы меньшинств двинулись на юг в Бруклине, заполнив жилищный вакуум, оставшийся в результате выезда (иногда бегства) белых европейских семей среднего класса. Полувековой густо застроенный жилой район Брайтон-Бич был спроектирован жилищными экспертами как место проживания чернокожих и латиноамериканцев с низким доходом. Распад Советского Союза и неустанные усилия национальных и особенно еврейских организаций Нью-Йорка сначала спасти, а затем расселить советских евреев сделали недействительным предсказание.

Это ошибочное предположение, что этническая трансформация городского ландшафта Бруклина была лишь следствием изменений в иммиграционном

законодательстве, международной трудовой миграции или просто международных транспортных и коммуникационных технологий. Хаос до и после Дювалье на Гаити, Гражданские войны в Центральной Америке и Западной Африке, Спасение советских евреев и распад Советского Союза, Польское движение солидарности и переход Гонконга из Британии в Суверенитет Китайской Народной Республики - это лишь некоторые из глобальных событий, которые помогли заполнить некогда маргинальные места проживания. Глобальная политическая и экономическая реструктуризация привела к увеличению и диверсификации форм мобильности рабочей силы и капитала. В ответ Кертис С. Роземан, Ханс Дитер Лаукс и Гюнтер Тим выделили пять общих типов основных миграционных систем, которые помогают понять возникновение того, что они назвали «этническими городами»: внутренняя миграция; региональная международная миграция; глобальная миграция; нелегальная миграция; и миграция беженцев, все из которых можно «увидеть» или «разобрать» в Бруклине (1996, xviii). Кроме того, Джон Logan утверждал, что влияние деиндустриализации, глобальных финансовых, транснациональных связей и сферы услуг 70-х и 80-х годов на профессиональную структуру Нью-Йорка было «незначительным» и что то, что наблюдается сегодня, в значительной степени является незначительным ростом старых шаблонов. Его центральный тезис состоит в том, что «ключевые особенности неравенства в Нью-Йорке связаны не столько с новой функцией города в мировой экономике, сколько с продолжающейся и расширяющейся функцией как органа чувств людей» (2000, 159–60). Что касается жилищной сегрегации, Logan сравнил настоящее с 1920 годом и обнаружил гораздо более высокий уровень сегрегации между европейцами и неевропейцами, а также черными и белыми. Разделение между пуэрториканцами и белыми по-прежнему примерно такое же. Кроме того, афро-карибцы и доминиканцы были еще более изолированы от белых, чем черные или пуэрториканцы. Интересно, что азиаты - это группа, наименее отделенная от белых. Меньшинства также сильно изолированы друг от друга. Как отмечает Logan, «Эта уникальная идентичность этих этнических групп национального происхождения четко сохраняется и отражается в городском пространстве. Эти результаты, вместе взятые, подрывают жизнеспособность интерпретации Нью-Йорка в простом измерении белого и небелого» (178).

В Бруклине есть много частей, которые опровергают любое «простое измерение». Одним из лучших примеров является Кенсингтон, район, в котором в наибольшей степени проживают мусульмане и ортодоксальные евреи, жители Ближнего Востока, бангладешцы, русские и остаточная европейская «белая этническая группа». В нескольких минутах ходьбы друг от друга находятся мечети, синагоги, синагоги, миквы, пакистанские кондитерские, предназначенные только для мужчин, а также халяльные и кошерные мясные лавки. Конкуренция за доминирование в этом районе демонстрируется в постоянно меняющейся панораме национальных цветов, флагов, знаков на иностранных языках и религиозных символов вдоль главной торговой полосы квартала. Еще одна оспариваемая рыночная площадь - это оживленный перекресток Флэтбуш и Черч-авеню, который столетия назад был центром голландского городка Флэтбуш. Сегодня это многонациональный афроамериканский и афро-карибский торговый центр в центре города, изобилующий автомобилями и фургонами, конкурирующими за пассажиров, и

множеством ярких уличных торговцев, окруженных толпящимися, торгующимися покровителями. Некоторые семиотики очевидны, а другие признаки гораздо более загадочны. В центре одного из новых китайских кварталов Бруклина в Сансет-парке была вывеска «Lute Fisk» в заброшенной витрине магазина (см. Рис. 1.1). В 2005 году это был один из последних коммерческих следов того, что когда-то было хорошо известным «скандинавским» (в основном норвежским) регионом. В 2010 году это место было вновь открыто как ресторан вьетнамской кухни. Через дорогу от участка находится Мечеть Веры, где также в 2010 году я присутствовал на праздновании мусульманского праздника Курбан-байрам (см. Рис. 1.2). Неподалеку, на границе Боро-парка, который является международным центром ортодоксальных евреев, можно встретить несколько указателей Агенсја в офисах по трудоустройству в магазинах, которые принимают на работу польских женщин, которые «предпочитают» работу по дому ортодоксальных евреев. Во многих домах в этом районе есть то, что я назвал «православными балконами», которые служат религиозным целям во время праздников, таких как Суккот (см. Рис. 1.3).

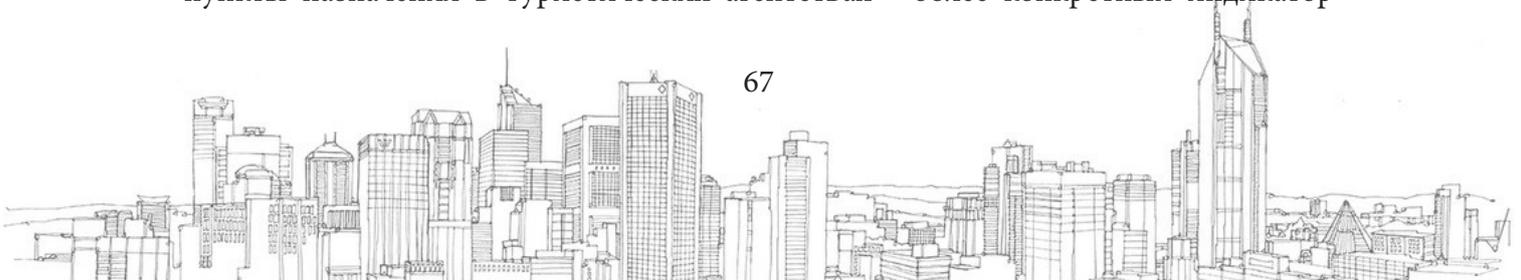
Рисунок 1.1 Лют Фиск, Сансет-Парк, Бруклин, Нью-Йорк, США, 1997 г.

Рисунок 1.2 Мечеть Фатх, Сансет-Парк, Бруклин, Нью-Йорк, США, 2011 г.

На оживленных перекрестках на окраинах приходящих в упадок промышленных зон в Бруклине можно легко обнаружить этнически сегрегированные неформальные рынки труда мужчин: бангладешцы здесь, поляки там и мексиканцы в еще одном месте. В хорошо развитых этнических кварталах также есть свои «собственные» автосервисы - Акапулько, Кармель и Тель-Авив - несколько более или менее очевидных примеров. В большинстве анклавов можно найти по крайней мере одну местную компанию по доставке, телефону и телеграфу для отправки товаров, сообщений и, конечно же, денежных переводов семьям «на родине» (см. Рисунок 1.4). Язык вывески на витрине - это общая подсказка, а специально рекламируемые пункты назначения в туристических агентствах - более конкретный индикатор

мест происхождения для жителей района, например, в Маленькой Одессе или в районе Русского Бруклина на Брайтон-Бич. Более непринужденные визуальные признаки можно найти на неформальных уличных рынках (см. Рис. 1.5) и сэндвич-досках, размещенных возле продуктовых магазинов, на которых рекламируются этнически специфические продукты, такие как «Chimis Dominicanos» (сэндвичи в доминиканском стиле) (см. Рис. 1.6).

Рисунок 1.3 Православные балконы, Вильямсбург, Бруклин, Нью-Йорк, США, 2011 г.

Рис. 1.4 Кларисимо, Сансет-Парк, Бруклин, Нью-Йорк, США, 2005 г.

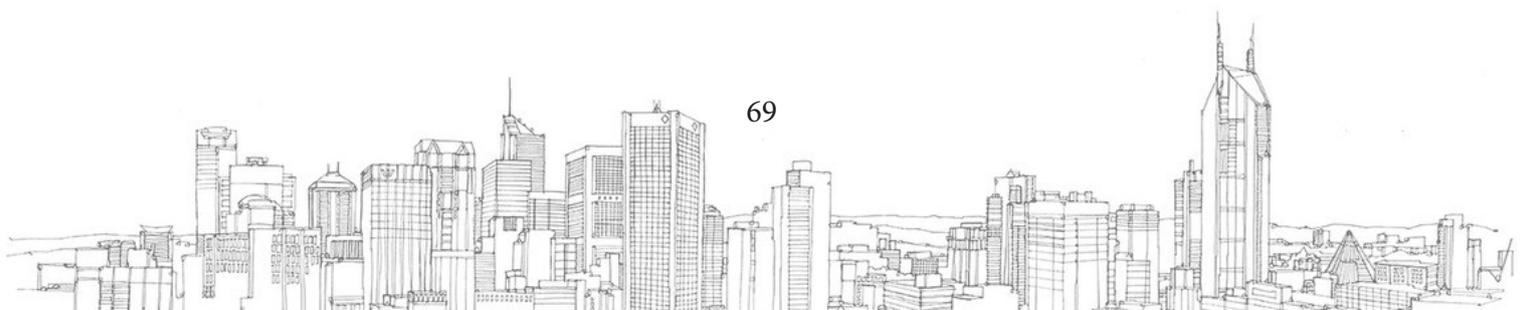

Рисунок 1.5 Русские книги, Брайтон-Бич, Бруклин, Нью-Йорк, США, 1995 г.

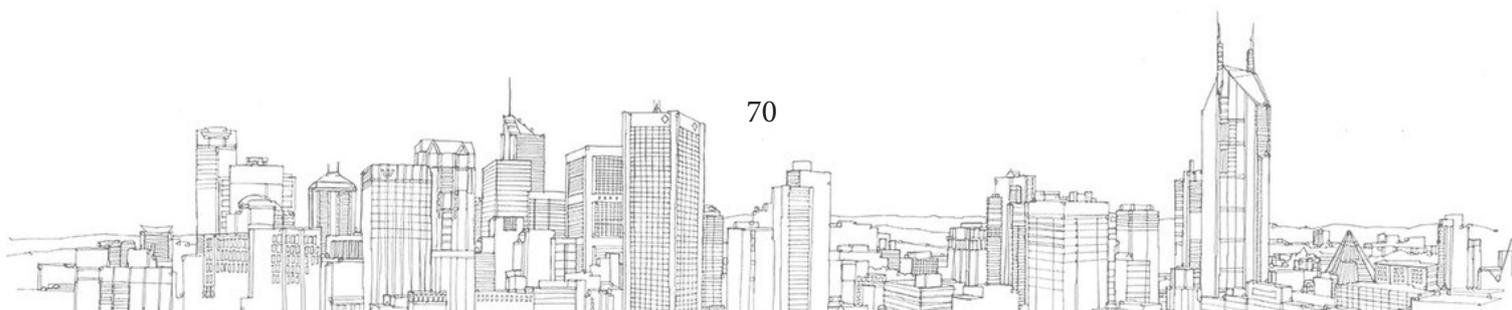

*Рисунок 1.6 Доминиканские чими, Sunset Park, Brooklyn, New York, USA, 2005 г.
anos, Sunset Park, Brooklyn, New York, USA, 2005*

Сноски:

1 - Смотрите также - http://www.nytimes.com/interactive/2007/11/17/weekinreview/20071117_MIGRATION_GRAPHIC.html.

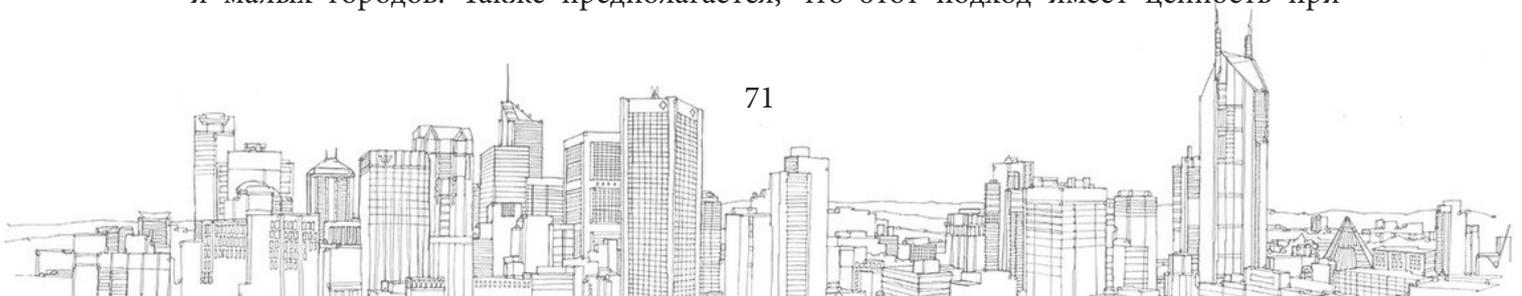
Глава 2

Видеть перемены в Маленькой Италии

Введение

Значения окрестностей создаются, поддерживаются, а также оспариваются местными проявлениями. В этой главе делается попытка продемонстрировать, как итало-американский характер или версия «итальянности» (Italianità) четырех самых известных Маленьких Италий Нью-Йорка (Малберри-стрит и Восточный Гарлем на Манхэттене, Бенсонхерст в Бруклине, Бельмонт в Бронкс) пострадал от того, что некоторые из постоянных жителей считают нежелательными «вторжениями» новых и различных этнических групп. Эти видимые преобразования серьезно начались в течение последних трех десятилетий двадцатого века и достигли пика в первом десятилетии двадцать первого века. Итальянские анклавы были выбраны в качестве теоретического примера для всех этнических анклавов по нескольким причинам. Популярно-культурная идея небольших местных италоамериканских сообществ является мощной силой в американской культуре и обществе и часто выражается в средствах массовой информации. Как и в случае с более «экзотическими» Чайнатаунами, Маленькие Итали являются хорошо известными примерами американского и даже глобального визуального словаря иммиграции. Предполагается, что их понимание может дать нам недоступное иным образом понимание формы, функционирования и развития исторических, а также современных иммигрантских анклавов. Маленькие Итали, гетто или другие анклавы являются важными местами для изучения, чтобы понять социальные изменения, потому что они являются хорошими площадками, где можно увидеть эффекты универсальных процессов ассимиляции, приспособления и аккультурации.

Большинство «маленьких итальянцев» родились в более медленное время. Напротив, современные иммигрантские кварталы могут быть созданы почти за одну ночь. Недорогой регулярный воздушный транспорт, телефон, факс, модем и электронный доступ к фондам позволяют большим семьям, кланам и фактически целым деревням менять континенты, на которых они живут. Из-за этой мобильности небольшие, но процветающие анклавы могут даже остаться незамеченными. Пространственная и семиотическая логика этих диаспорных и / или транснациональных процессов, имевших место в течение столетия, представлена в этой главе в форме множества примеров, взятых из научных и журналистских репортажей, а также из более влиятельных популярных кинофильмов. Идеи, представленные и обсуждаемые в письменном тексте, будут иллюстрированы фотографическими изображениями из самых известных, номинально, итальянских кварталов Нью-Йорка. Взятые вместе, эти источники документируют и иллюстрируют контрастирующие и меняющиеся данные о населении в кварталах, но здесь особое внимание уделяется коммерческим местным ландшафтам, которые продолжают играть важную роль в становлении этнического (в данном случае итальянского), в качестве социального классового характера кварталов больших и малых городов. Также предполагается, что этот подход имеет ценность при

применении в параллельных исследованиях того, как иммигранты меняют значение городских пространств в городах по всему миру.

Есть много комментаторов, как в академических кругах, так и за их пределами, которые утверждают, что термин «Маленькая Италия» - просто вымысел. Какое бы название они ни использовали, стереотипы анклавов долгое время служили мощным символом для американцев итальянского происхождения. Я, конечно, не единственный исследователь, который ставит под сомнение обоснованность и надежность «Маленькой Италии» как точного представления итальянско-американского опыта. Донна Р. Габачча, одна из ведущих экспертов по итальянскому и итальянско-американскому иммигрантскому опыту, представила убедительный аргумент в пользу изобретения этого термина. Она указывает на его происхождение в Нью-Йорке во второй половине девятнадцатого века. Как она демонстрирует, вскоре после изобретения крохотное наименование быстро распространилось по стране в средствах массовой информации и стало оплотом американской поп-культуры (2007). Как я утверждал, такие этно-пейзажи были результатом поиска и, если необходимо, создания того, что я назвал «этническими тематическими парками», в которых туристы, а также коренные жители Нью-Йорка могут насладиться местным зрелищем (2003). В другом месте Джозеф М. Конфорти гораздо раньше делал аналогичные замечания, используя свой собственный термин «туризм в гетто», чтобы обсудить тот факт, что большую часть исторической привлекательности этих мест составляли их реальные и воображаемые опасности, такие как общение с преступниками и проститутками. Программные заботы Конфорти о праздновании и сохранении этнических предубеждений отличались от моих теоретических. Он утверждал, что сохранение, восстановление и реконструкция исторически репрессивных гетто и существующих в них дискриминационных практик, а также негативных стереотипов помогут сохранить не только пространство, но и ложные представления о жителях групп (1996).

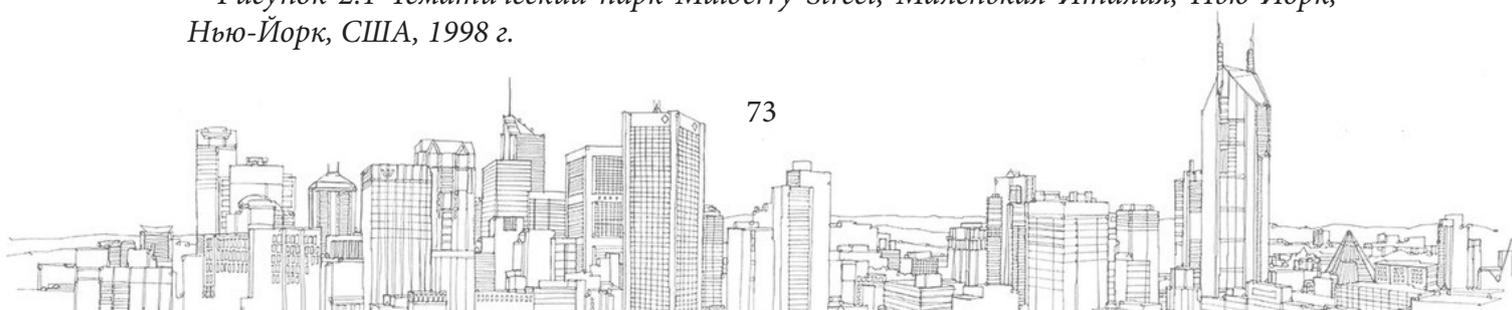
И реальные, и вымышленные, часто называемые «экзотическими», этнические места (особенно китайские кварталы и черные гетто) были наиболее распространенными городскими зрелищами, которые производили контрастирующие привлекательные и отталкивающие визуальные ментальные образы. Хотя верно, что такие термины, как «колония» или даже «анклав», являются более исторически и социологически точными описаниями прошлых и нынешних итальянских поселений в Соединенных Штатах, «Маленькая Италия» продолжает оставаться самым мощным итальянским этническим ярлыком. Это представление, к сожалению, остается представителем большой демографической категории в основном самоопределившихся американцев итальянского происхождения, немногие из которых сегодня живут в чем-либо, напоминающем стереотипную Маленькую Италию. Сильная связь в общественном сознании между местами и людьми не ограничивается итальянскими американцами, на что указывает пространственная семиотика Гетто (Wirth 1928) и Темного гетто (Clark 1950) для евреев и афроамериканцев соответственно. Трудно представить разговор о многовековой истории этих трех этнических групп в Нью-Йорке без упоминания Малберри-стрит, Нижнего Ист-Сайда и Гарлема. Этнические кварталы также составляют городской жанр. Маленькие Италии - это лишь один из широко распространенных стереотипов среди чрезвычайно большого количества

этнических мест, которые сегодня в городе включают миниатюрные города Индии, Пакистана и Африки, несколько китайских кварталов и самый многочисленный - Лос-Барриос. Не так давно такие термины, как «Джермантаун» и «Джудаун», также входили в лексикон сложных этнических ландшафтов Нью-Йорка. В случае итальянской Америки этот процесс того, что классические городские экологи называют этнической преемственностью, аналогичен афоризму о большой рыбе, глотающей маленькую рыбу. На протяжении более чем столетия итальянские иммигранты в Соединенных Штатах меняли значение центральных городских пространств, создавая через поселения итальянские колонии и Маленькие Италии в той или иной форме. Они достигли этого не только благодаря силе превосходящего числа местных жителей, но и благодаря импульсу пространственной семиотики, т.е. изменяя внешний вид пространств и мест и тем самым меняя их значение. Сегодня в ответ на приток новых групп, а также из-за джентрификации, некоторые из самых известных из этих Маленьких Италии, такие как Малберри-стрит (см. Рис. 2.1), остаются немногим более, чем то, что я назвал «итало-американским» этническим тематическим парком», то есть место, которое фактически является итальянским только по названию (Krase 2003).

Рисунок 2.1 Тематический парк Mulberry Street, Маленькая Италия, Нью-Йорк, Нью-Йорк, США, 1998 г.

Как я уже говорил во многих местах (1997 и др.), существует слишком много перестановок и комбинаций социально-экономических переменных, чтобы можно было использовать исторические модели, чтобы представить множественные реальности этнической Америки. Тем не менее, «Маленькая Италия» говорит об «идее» итальянской Америки, и, возможно, другие последуют моему примеру и проведут аналогичные исследования других городских этнических и классовых анклавов, используя широкий спектр методологических и теоретических инструментов, имеющих в распоряжении современных городских социологов. Идеализированные этнические городские пространства являются одновременно и репрезентациями пространств, и пространствами репрезентации. В случае с Италией это следующие ярлыки: «забвение», «разорение», «этнические тематические парки», «иммиграционные музеи» и «антропологические сады».

1. Забвение означает «состояние быть забытым». Каждый день тысячи грузовиков и автомобилей проезжают через пространства, которые когда-то были жизненно важными и яркими итальянско-американскими районами; сообщества домов и предприятий, которые были разрушены в расцвете сил, чтобы освободить место для «улучшений». Разрушение кварталов и рвение на нитки местной итальянско-американской жизни были обычным явлением в крупных городах, таких как Бостон, Чикаго, Нью-Йорк и Сан-Франциско. По большей части это «обновление города» просто позволило другим, более географически мобильным городским жителям быстрее бежать в пригороды.

2. Разорение: ностальгия по руинам Древнего Рима или Помпеи не сравнится с ностальгией по магазинам, предприятиям и домам в итальянско-американских кварталах, брошенных в ожидании «обновления», очищенных от ошибочно названных «трущоб» и все еще ожидающих новых использований. В большинстве случаев эти пороговые зоны уже сделали свой первый шаг к Забвению (Обливиону). Итальянско-американские руины содержат осыпающиеся следы народной архитектуры, выцветшие знаки, которые когда-то объявляли об активной торговле и бизнесе, и фиговые деревья, растущие в дебрях, где мало что было, кроме различных форм государственного жилья с низким доходом, чтобы заменить итальянские деревни. В своем эпилоге к «От италофилии к италофобии» Джон Пол Руссо прокомментировал крушение Вест-Энда в Бостоне или то, что он называет «фиаско Вест-Энда» (2000, 364). Ссылаясь на ретроспективный обзор «Десятилетия обновления» Уолтера Мьюира Уайтхеда, «полное снесение больших территорий без учета чувств людей и их окончательная реконструкция - после долгих периодов безлюдной свалки - в незнакомой форме для нового использования - не были ни здравым смыслом, ни хорошей политикой». (201-2)

3. Этнические тематические парки: несмотря на перемещение большинства «уроженцев», самые известные из американских Маленьких Италий сохраняются как зрелища для признания туристов и уличные пейзажи, которые используются съемочными группами для съемок «локаций» для фильмов о мафии. Малберри-стрит на Манхэттене и всемирно известный праздник Сан-Дженнаро проходят в азиатском районе, украшенном «итальянскими» фасадами магазинов, уличной мебелью и уличными кафе, где рестораторы набирают «смуглых» официантов из latinoамериканских общин. Несколько этнически симпатичных продавцов могут

попытаться воссоздать итальянские рынки, но многие, скорее всего, беззастенчиво продают пуговицы «Поцелуй меня, я итальянец», этнически оскорбительные или безобидные наклейки на бамперы, миниатюрные итальянские флаги и почти все остальное красного, белого и зеленого. Большинство тематических парков содержат Музеи Ассимиляции и Антропологические сады.

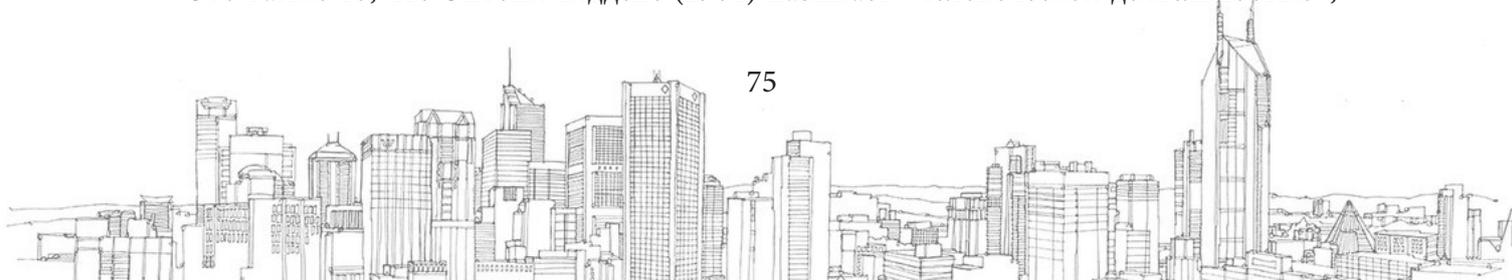
4. Ассимиляция. Музеи - это места для сохранения и демонстрации неодушевленных предметов, тогда как антропологические сады (человеческие зоопарки) - это места, где любознательные объекты содержатся в их живом состоянии. В Ассимиляционных музеях мы находим экспонаты, архивы и галереи памятных вещей, принадлежащие группам, посвященным «сохранению НАШЕГО этнического наследия», вездесущие памятники Христофору Колумбу, дома таких знаменитых людей, как мэр Фьорелло Ла Гуардия, и более печально известных, таких как Аль Капоне.

5. Антропологические сады обычно пересекаются улицами Неаполя и проспектами Колумба. Там можно увидеть «местных итальянцев» на площадках для игры в бочке, в центрах для пожилых людей и в социальных клубах. Видеожурналисты используют их как хранилища для интервью на камеру об организованной преступности. Те, кто остался позади, являются хранителями традиции, которые могут рассказать вам, как это было в «старые добрые времена» в старых кварталах (см. 1997, 104–104).

Предложение теории о Маленькой Италии

Для понимания феномена этнического демографического и семиотического перехода необходимы новые и старые подходы. Роберт Э. Парк и Эрнест Берджесс представили свою экологическую теорию вторжения и преемственности городских кварталов и поместили «Маленькую Сицилию» на видное место в своей знаменитой диаграмме концентрических зон Чикаго. Новое теоретически представлено пространственной семиотикой и визуальными методами. Кратко отметив соответствующие теории и долгую историю Маленьких Италий Нью-Йорка, мы обратимся к рассмотрению меняющихся значений, проиллюстрированных избранными изображениями, их самых последних этнически оспариваемых мест. В центре внимания будут коммерческие уличные пейзажи, которые интерпретируются обычными людьми. Для итальянских кварталов общепринятыми этническими маркерами, помимо алтарей на тротуарах, были парикмахерские, пиццерии и различные другие поставщики итальянской еды.

Моя работа - не единственная, в которой подчеркивается важность понимания сущностного семиотического / символического характера итальянности (*Italianità*). Итальянский американец Фред Л. Гардафе (1996, 20) много писал о знаках, указывающих на такие качества, как *omertà* (сохранение секретности) и *bella figura* (сохранение хорошего внешнего вида). В других местах моя собственная работа определила пространственные и видимые компоненты комплекса, еще не построенные, понятие Итальянности (*Italianità*), например, как и *omertà*, и *la bella figura* визуально доступны как социальное воздействие и в народной архитектуре (Krase 1993). Однако, как радикальный городской теоретик Майк Дэвис (2001, 15) в «Магическом урбанизме» выступал в пользу «латинности» (*Latinidad*), я бы сказал, что итальянности (*Italianità*) - это «скорее практика, а не репрезентация». Это также то, что Энтони Гидденс (1984) называет «человеческой деятельностью»,

то есть то, что превращает простую репрезентацию в практику в форме народных ландшафтов. Проще говоря, члены этнических групп представляют себя публике, просто занимаясь своей повседневной жизнью. Наблюдатель, часто журналист, имиджмейкер или этнограф, «повторно репрезентует» свои действия в виде описания, которое, если оно широко применяется, становится «репрезентацией» группы. Аргумент Дэвиса о том, что, несмотря на обнищание, латиноамериканцы «заново изобрели» город Лос-Анджелес, показывает необходимость исследования роли, которую играет пространство и место в идентичности всех «я» или иным образом идентифицированных социальных групп. Другой полезный подход - подход Гутьерреса, который считал кварталы иммигрантов «третьими пространствами». Это промежуточные места, где этническая идентичность создается, а затем согласовывается, и в этом процессе демонстрируется активность простых людей (1999). В то время как большая часть дискурса о «третьем пространстве» касается согласования идентичностей людей в реальных и воображаемых пространствах, меня лично интересует то, как эти идентичности меняют значение пространства, в котором этничность разыгрывается или практикуется. Следовательно, можно также рассмотреть, как новое определенное пространство влияет на идентичность людей в нем. Я бы сказал, что, занимаясь итальянностью (*Italianità*), итальянские иммигранты в Америке социально создали Маленькие Италии. Таким же образом мы можем утверждать, что новые иммигранты, демонстрируя свои собственные культурные и социальные практики, уничтожают итальянность (*Italianità*) в Маленьких Италиях. Поскольку районы отвергаются в процессе изменений, эти визуальные выражения часто стоят бок о бок. В некоторых случаях они заменяют предыдущие, а в наиболее интересных визуальных примерах накладываются друг на друга (палимпсест). В Восточном Гарлеме есть много примеров визуальных этнических наложений, поскольку он на протяжении десятилетий не просто принимал последовательные слои еврейского, итальянско-американского и пуэрториканского культурного самовыражения (см. Рис. 2.2). В последнее время многие выразительные уличные пейзажи Пуэрто-Рико были переняты недавними предпринимателями из Мексики и Центральной Америки.

То, что обычные городские пешеходы видят на улице собственными глазами, воспринимаемые как само собой разумеющиеся «визуальные факты», могут соответствовать конкурирующим теориям и идеологиям. Это отчасти аналогично недостоверности показаний очевидцев по уголовным делам. Как утверждается во введении к этому тексту, те, кто изучает город, страдают от своего рода параллаксного видения, поскольку одновременно видят его пространственные формы и функции, как если бы они были биологическими сущностями, а также воспроизводства власти и круговоротов капитала. Один и тот же городской пейзаж может иметь много разных объяснений. Например, Джексон (1984, 6) говорит нам, что местные ландшафты являются частью жизни сообществ, управляются обычаями и держатся вместе за счет личных отношений, и Харви (1989, 265) может рассматривать их как классовые социальные конструкции. Тем не менее, эти же пространства выглядят точно так же, как те, что нарисованы якобы антимарксистскими, культурологами, городскими социологами. «Защищенный район» Джеральда Д. Саттлса (1968, 1972) с такой же вероятностью может быть естественным пространственным выражением

социально центробежного «аморального фабилизма», практикуемого некоторыми южными итальянцами, так же, как и навязываемым им извне социальным миром. Эдвард Бэнфилд описал «аморальный фабилизм» как «неспособность действовать сообща для общего блага или, по сути, для любой цели, выходящей за рамки непосредственных, материальных интересов нуклеарной семьи» (1958, 15). Теория Бэнфилда также учитывает итальянские анклавные поселения Готтдинера, которые «построены людьми, которые следовали значимому плану в целях сдерживания экономической, политической и культурной деятельности». Несмотря на то, что на такие конструкции действуют силы национальной и глобальной систем (1994b, 15–16).

Рис. 2.2 Бodega Восточного Гарлема, Нью-Йорк, Нью-Йорк, США, 1999 г.

Маленькие Италии Нью-Йорка: краткая история

Теперь мы кратко рассмотрим, где находились самые и наименее известные Маленькие Италии Готэма в начале и конце двадцатого века. Маленькие Италии - это одновременно реальные и вымышленные места, и границы между местными историческими фактами и вымыслами, мягко говоря, размыты. Из-за нехватки места предоставление визуальных изображений, охватывающих весь период, невозможно. Однако доступны отличные визуальные архивы с возможностью поиска, такие как те, что находятся в Проекте памяти Америки Библиотеки Конгресса США (<http://www.loc.gov/rr/print>) и в Музее фотографического архива города Нью-Йорка (<http://www.mcny.org/Collections/photo/prints.htm>), а также галереи Маленькой Италии на BrooklynSoc.org (<http://brooklynsoc.org>). Будь то объективные фотографические исследования, фотожурналистика или поиск «cinema vérité» (киноправда), визуальный акцент на Маленькой Италии опирался на стереотипные представления о семье, религиозных праздниках и, конечно же, еде. Чрезмерные обобщения о Маленьких Италиях Нью-Йорка имеют долгую и почтенную историю. Антонио Мангано, протестантский миссионер, писал на рубеже веков:

Те, кто не знаком с реальными условиями, обычно предполагают, что итальянская колония в районе Манхэттен представляет собой хорошо организованную и компактную группу людей, живущих общей жизнью и находящихся под абсолютным контролем и лидерством какого-то одного человека или группы людей. Читателю популярных статей, описывающих жизнь и обычаи Италии, которые в наши дни так часто появляются в газетах и журналах; восторженному и романтическому посетителю трущоб, который идет по Малберри-стрит и, возможно, заглядывает в темный и мрачный коридор какого-нибудь ветхого многоквартирного дома и чувствует, что знает, как живут и действуют итальянцы; для социолога-теоретика, для которого итальянцы похожи друг на друга и в оценке которого все итальянцы одинаковы, думают одинаково и действуют одинаково, - таким людям простое упоминание итальянской колонии неизбежно предполагает единство мысли и действия, а также образа жизни со стороны всех, кто принадлежит к этой колонии. И все же нет ничего более далекого от истины. (1974, 107-8)

Первые итальянские поселения чаще всего назывались «колониями», что отражает распространенное среди американцев представление о том, что эти общины на самом деле являются иностранными форпостами на американской земле. Тогда, как и сейчас, большинство иммигрантов приехали в Соединенные Штаты, чтобы найти работу, отправить заработанные деньги своим семьям в их родных странах и как можно скорее вернуться туда. Для этих экономически пребывающих стран создание жизнеспособных и долговечных сообществ не было приоритетом. Лишь медленно и по разным причинам более чем несколько итальянских «перелетных птиц» решили остаться, жениться, завести и растить семьи, и, как следствие, создавали районы, которые в некотором роде отражали их места происхождения.

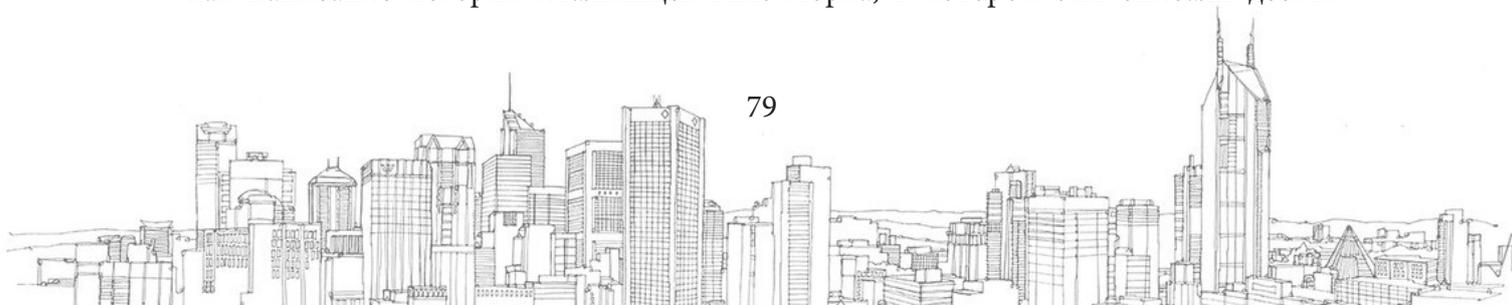
Многовековая история итальянских кварталов - это вариант теории этнической преемственности Парка и Берджесса. Они заметили, что по мере того, как центр города становится менее желательным с точки зрения проживания, обеспеченные

группы перемещаются к периферии, оставляя место для менее удачливых. Итальянцы Нью-Йорка сломали эту схему, оставшись дольше, в то время как другие группы иммигрантов, с которыми они первоначально жили на одной территории, уехали. Именно благодаря этому процессу фильтрации итальянские кварталы стали этнически концентрированными и крупными. Как и другие бедные мигранты из рабочего класса, итальянцы селились поблизости от тех мест, которые лучше всего предлагали им возможности для работы, и чтобы минимизировать транспортные расходы. Их жилищная концентрация служила работодателям для формирования местных трудовых коллективов. Миграционные цепочки также создавали оседлые мигранты и неофициальные подрядчики. Обе группы проложили путь к появлению со-этнических групп, связав вместе родственников или *paesani* (жителей деревень) с местными рабочими местами и доступным жильем. Несмотря на то, что поначалу районы были разнообразными, итальянцы группировались квартал за кварталом, дом за домом. Больше социального клея для общественных связей обеспечили сельские и региональные общества взаимопомощи. Местные социальные сети постепенно расширились, включив рынки, предприятия, молодежные банды, церковные мероприятия и религиозные фестивали. Хотя местные и региональные различия постепенно уменьшались, по мере слияния «Маленьких Калабрий» и «Маленьких Сицилий» они никогда не исчезали полностью. Даже сегодня в Маленьких Италиях можно найти городские и региональные общественные клубы, в которых итальянцев практически нет. С другой стороны, классовые и профессиональные различия всегда оставались сильными, и всегда присутствовало стремление к частному дому и владению собственностью, которое, несмотря на их бедность, последовало за ними из Италии. Позже, помимо экономических и политических разногласий между членами сообщества, возникли разногласия, основанные на иммиграции, т. е. «Итальянцы» противопоставлялись *Americani* (американцам).

Итальянские кварталы расширились за счет естественного прироста и иммиграции. По мере того, как пустые городские пространства заполнялись многоквартирными домами, офисами и заводами, избыточное население некоторых из наиболее перенаселенных Маленьких Италии перебралось в более мелкие, спутниковые районы на окраине города. Несмотря на все изменения за более чем столетнюю историю поселений, географические и символические ядра этих первых поселений остались удивительно неизменными. Эта привязанность к местности была еще более примечательной, как заметил Габачча (1984), что, хотя итальянцам, возможно, нравились некоторые социальные аспекты их многочисленных иммигрантских гетто, им не нравилась удручающая физическая среда, в которой они были вынуждены жить.

Между 1900 и 1930 годами количество итальянцев в Нью-Йорке резко возросло с 219 000 до 1 511 800 человек. Первая мировая война, ограничительные иммиграционные квоты для южных европейцев и Великая депрессия положили конец приливной волне. Одной из попыток Федерального управления прогресса работ по созданию рабочих мест во время депрессии был проект федеральных писателей. Писатели, поэты и другие, не работающие по найму, с радостью принимали такие проекты, как написание истории итальянцев Нью-Йорка, в которой они описали десять

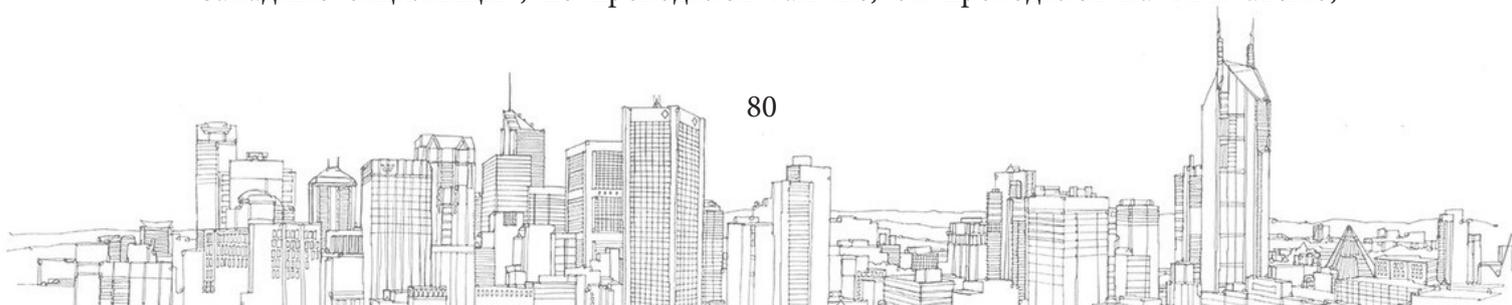

Маленьких Италий. Четыре были расположены на Манхэттене. Первая находилась на Малберри-стрит, которую тогда занимали бедные иммигранты с Юга. Другая была в Восточном Гарлеме, около 110-й улицы и 1-й и 2-й авеню. К 1940 году «итальянский» Гарлем был крупнейшей итальянской колонией и населен в основном южанами. Менее многочисленные северяне «снабжали его врачами, юристами, риелторами и собственниками большинства магазинов» (1969, 21). На улицах Бликера, Макдугала и Салливана, к югу от парка Вашингтон-сквер, северные итальянцы основали еще одну колонию. Четвертая была построена на Вест-Сайде Манхэттена около 9-й авеню, к югу от 59-й улицы. В Бронксе был только один квартал вокруг Хейт и Артур-авеню, который назывался «Бельмонт». Его населяли сицилийцы и калабрийцы. В Бруклине было три больших итальянских квартала. «Южный» Бруклин был домом для иммигрантов с юга Италии. В 1930-х годах южные итальянские анклавов также можно было найти в урбанизированном Уильямсбурге, а также в деревенских частях быстрорастущего района. В районе Квинс было две Маленьких Италии: Озон-Парк и Лонг-Айленд-Сити.

Найти итальянцев в первой половине века было относительно простым делом; почти все были католиками, которые все еще говорили на своем родном языке. Следовательно, итальянцев можно было найти везде, где мессы произносились по-итальянски. В Манхэттене второй старейшей католической церковью, которую посещали итальянцы, была церковь Св. Антония Падуанского (1866 г.) на Салливан-стрит, 153. Рядом находилась церковь Святого Иоахима (1888 г.) на Рузвельт-стрит, 26. Дальше на запад можно найти Богородицу Помпейскую на улицах Бликер и Кармин. Богоматерь на горе Кармель, на 115-й улице и 1-й авеню в Восточном Гарлеме, была основана в 1881 году иммигрантами из провинции Салерно. В Бруклине первой итальянской церковью была церковь Святых сердец Иисуса и Марии, основанная иммигрантами из провинции Неаполь в 1882 году. Богоматерь Лоретто стояла на улицах Пасифик и Сакман; и Богоматерь Мира находится на 522 Кэрролл-стрит (1899). Все это находилось в Южном Бруклине, недалеко от Бруклинского моста, который соединял Бруклин с Нижним Манхэттеном. Санкт-Блез, расположенный на Кингстон-авеню и Мидвуд-стрит, впервые был посещен итальянцами в 1897 году и обслуживал полусельский итальянский район, который в то время назывался «Город свиней».

В Бронксе первой церковью, которую использовали итальянцы, была церковь Святого Роха на Уэльс-авеню между 147-й и 149-й улицами (1889 г.). Богоматерь на горе Кармель (1907 г.), на Бельмонт-авеню и 187-й улице, была «возможно, лучшим из итальянских католических молельных домов Бронкса» (Writers' Project 1969, 81). Были также два Сент-Антониса, один на Содружестве Авеню и Мэншн-Стрит, а другой на 4531 Ричардсон-авеню. Хотя в Квинсе проживало значительное итальянское население, существовала только одна церковь «полностью итальянского характера»: церковь Рождества Пресвятой Богородицы, расположенная в Озоновом парке. Наконец, на Статен-Айленде была церковь Святого Иосифа в Роузбанке, построенная в 1902 году и стоявшая рядом с домом Гарибальди-Меуччи.

Хотя большинство религиозных праздников (*feste*) в то время были связаны с хорошо известными районами, праздник Санта-Розалии, который отмечали «западные сицилийцы», не проводился там же, он проводился на 14-й авеню,

между 62-й и 65-й улицами, в Бруклине (позже известный как «Бенсонхерст») (Krase 1994a). Самыми известными религиозными спектаклями в Нью-Йорке были спектакли святого Дженнаро (неаполитанцы) на Малберри-стрит и святого Агаты (сицилийцы) на Бакстер-стрит. Театры Св. Рокко находились на Бликере, Рузвельт-стрит в Манхэттене и на Хикс-стрит в Бруклине. Местная известная и хорошо изученная церковь Богородицы на горе Кармель на 115-й улице в Манхэттене была основана иммигрантами из провинции Салерно (Орси, 1985).

Если не считать превышения количества рождений над смертями, можно сказать, что между началом Великой депрессии и концом Второй мировой войны Маленькие Италия в Нью-Йорке мало изменились по сравнению с первой третью века. Когда Эдвард Дж. Миранда и Ино Дж. Росси (1976, 22) определили итальянские кварталы Нью-Йорка, итальянское население сократилось с самого высокого уровня в 1 951 300 человек в 1960 году до 1 739 700 человек в 1970 году. Куинс (494 700), Бронкс (292 400), Манхэттен (119 000) и Статен-Айленд (102 000). Итальянцы жили в старых домах в четко определенных «карманных районах», которые были «сильно изолированы от других этнических групп». В 1970 году итальянцы составляли более 40 процентов населения Бейчестера, Касл-Хилл, Истчестера, Паркчестера, Трогс-Нек и Уильямсбриджа в Бронксе; Бенсонхерст, Бат-Бич, Грейвсенд, Парк-Слоуп, Шипсхед-Бэй и Канарси в Бруклине; Astoria, Bayside-Flushing, Ozone Park и Rosedale в Квинсе; и Оквуд-Грейт-Киллс и Доган-Хиллз в Статен-Айленде. По иронии судьбы, на Манхэттене была только одна такая территория: Маленькая Италия на Малберри-стрит, которая к тому времени стала символом всех итальянских американцев Нью-Йорка. Несмотря на очаги концентрации, «итальянский» Гарлем более точно описывался как «испанский» Гарлем.

Соппротивление переменам

Итальянцы почувствовали, что их кварталы подверглись нападению в Маленьких Италиях, а также в менее известных районах итальянских поселений. Источником этого беспокойства, согласно Филиппу Ф. Наполи (2004), было как «азиатское вторжение» на Малберри-стрит в период расцвета китайского квартала, так и злополучный план строительства «Скоростной автомагистрали через Манхэттен». Итальянская часть Гринвич-Виллидж, сосуществовавшая с «Богемией», видела нарастающие признаки большей угрозы, которую позже называли «джентрификацией». Также наблюдались потеря рабочих мест в промышленном районе Сохо, рост «арт-сцены» и возрастающее давление на жилую и коммерческую аренду (Tricarico 1984). В центре Восточного Гарлема итальянцы все еще не оправались от потрясений расовой «спекуляции городской недвижимостью» 1950-х годов. И всегда было строительство ненавистных «проектов» жилья для малоимущих и общественных застроек, которые приносили с собой незнакомцев (особенно небелых). В таких местах, как Гринпойнт, Бруклин, конфликты из-за этнического доминирования и жилья были более острыми, поскольку отсутствующие домовладельцы вытесняли старожилов ради прибыли. Джудит ДеСена (1990) задокументировала защитные практики белых этнических групп, такие как неформальная система перенаправления на жилье для предотвращения притока, особенно черных и латиноамериканцев. В другом месте в Бруклине Джонатан Ридер визуально обрисовал реакцию итальянцев на угрозу

расовой интеграции: «Сегодня каркасные бунгало со статуями святых на лужайке в стиле барокко напоминают о более раннем времени. Старые руки Канарси любят вспоминать сокровенное чувство общности: маленькие итальянские дамы, режущие одуванчики для домашнего вина, огороды с их узловатыми порослями, охота на кроликов в болотной траве» (1985, 15). С другой стороны, Джулио Э. Миранда воспринимал замкнутость более позитивно:

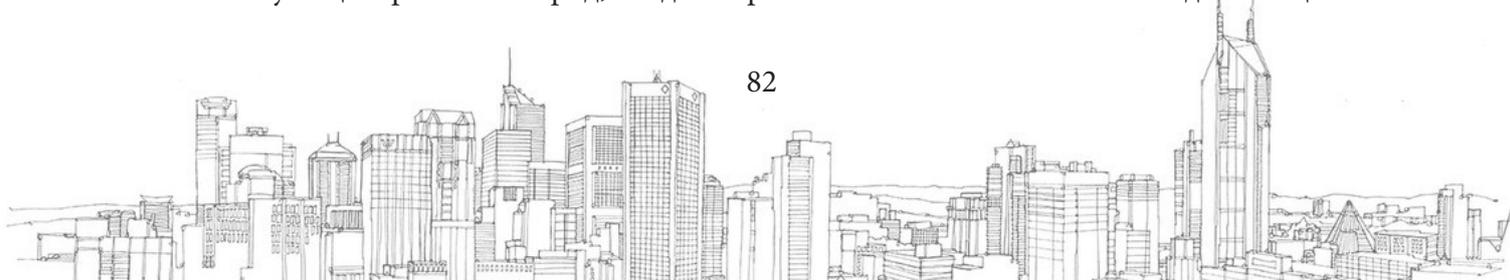
Упорство в том, чтобы цепляться за старые кварталы, отчасти сентиментальное, но также производное от модели расширенной семьи, может действовать как клей, удерживающий города от превращения в расовые гетто. Итальянцы продемонстрировали готовность жить в районах, прилегающих к кварталам чернокожих и пуэрториканцев, и бороться за свою территорию. Это более многообещающе, чем осторожное сторонение, практикуемое группами, которые считают возмутительным грохот и ругань конфронтации между черными и итальянцами. Сопротивление переменам - показатель внутренней силы». (1974, 447)

В конце 1980-х Роберт К. Фримен сочувствовал итальянцам из рабочего класса:

Будет ли такая судьба («дойка» домовладельцев, просрочка по ипотеке и отказ от них) для Гринпойнтцев и Канарсийцев в 2000 году? Уменьшение числа прибывающих итальянских иммигрантов в сочетании с эмиграцией молодых итальянских американцев, похоже, свидетельствует об этом. «Маленькие Италии» [sic], тем не менее, представляют собой не что иное, как выносливые явления, и, вероятно, существовали на городской сцене гораздо дольше, чем предполагали ранние теоретики Чикагской школы. Их кончина будет причиной скорби для одних и радости для других; за их борьбой против кажущихся неизбежными перемен будут пристально следить все наблюдатели современного американского города». (1987, 234)

Самые яркие Маленькие Италии в то время были в Бронксе и Бруклине. Но им угрожали расовый переход, школьная интеграция, высокий уровень преступности, ухудшение жилищных условий, снижение стоимости собственности и массовые ограбления. Американцы итальянского происхождения чувствовали, что они подвергаются нападкам со стороны различных коалиций небелых и «либералов». Точнее, итальянцы задержались на десятилетие или два после того, как их приняли, в центре беспокойного города. Итальянская миграция замедлилась до минимума. Сюзанна ДеКампо отметила, что, хотя в 1980 году Италия была местом рождения наибольшего числа иностранцев в городе, к середине 1980-х итальянские иммигранты опустились на 26-е место. Большинство из них поселились в Бенсонхерсте или рядом с ним и в Риджвуде, Куинс (1991, 51).

Десять лет спустя Ричард Д. Альба и др. (1997) завершили подробное исследование кварталов белых этнических групп в столичном районе Нью-Йорка на основе переписей населения 1980 и 1990 годов. Они обнаружили, что модели проживания большинства «белых этнических» согласуются с теорией ассимиляции, но для итальянцев картина была «иной». Итальянские районы продолжали оставаться видимыми чертами городского пейзажа. Другая белая этническая группа покинула центральный город, когда вторглись новые меньшинства. Подавляющее

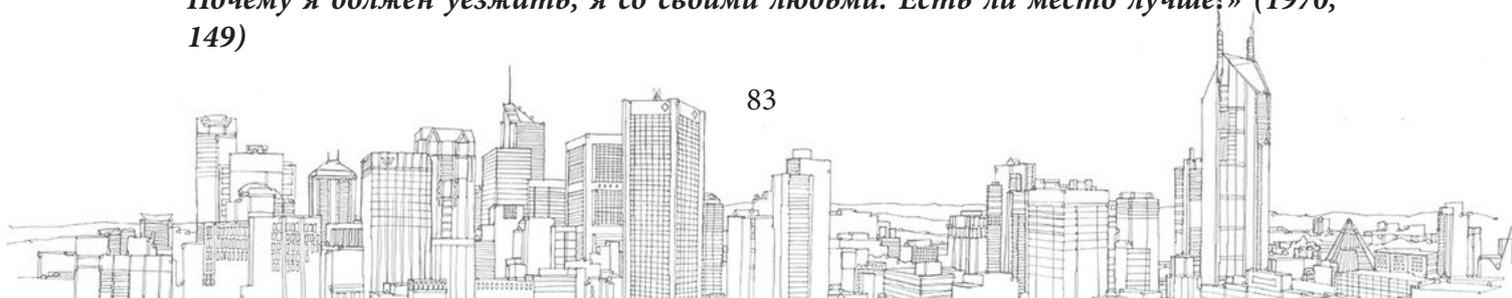
большинство этих новоприбывших были иммигрантами из неевропейских стран, для которых двери были широко открыты в 1965 году и последующими изменениями в иммиграционных законах США. Из-за расположения в центре города и более низкой арендной платы традиционные итальянские районы стали магнитом для новых иммигрантов. В Бельмонте латиноамериканцы и албанцы преобразили окрестности. Бенсонхерст испытал прибытие русских и китайцев. В дополнение к этим регулируемым группам был большой приток рабочих без документов, особенно латиноамериканцев. Случайные расовые инциденты, такие как убийство молодого чернокожего мужчины в Бенсонхерсте, напомнили авторам о том, что итальянские американцы продолжали защищать свою территорию (Krase 1994a).

«Итальянские» районы в Бруклине все еще можно было определить демографически в таких областях, как Бенсонхерст, Канарси, Кэрролл-Гарденс, Боро-Парк, Гринпойнт, Флэтлендс и Бэй-Ридж; в Квинсе аналогичным образом описаны районы Вудхейвен, Мидл-Виллидж, Уайтстоун, Флашинг, Астория и Лонг-Айленд-Сити. В Бронксе известный район Бельмонт (Артур-авеню) больше не удовлетворял их критериям, но по иронии судьбы продолжал цитироваться в популярных СМИ как «подлинная» Маленькая Италия.

Непростая история афро-американских и итальянско-американских отношений в 1970-х и 1980-х годах породила несколько фильмов, таких как «Сказка о Бронксе» (2008), которая началась в 1989 году как полуавтобиографическая бродвейская пьеса, написанная и снятая Калоджеро Лоренцо «Чазз» Палминтери. Это история о бурном соседстве с романтическим межрасовым подтекстом. Фильм Спайка Ли «Делай правильно» (1989), вероятно, самый известный из популярных фильмов о расовом и этническом конфликте в Бедфорд-Стайвесанте, Бруклин. Напряженность между чернокожими жителями и старой итальянской пиццерией и новым корейским продуктовым магазином обостряется из-за джентрификации, прежде чем, наконец, взорваться бунтом, когда чернокожие видят, что они теряют свой район. Ли также исследовал тему межрасового романа в фильме «Лихорадка джунглей» (1991), в котором у женатого чернокожего архитектора есть секретарь итальянского происхождения. Конечно, он живет в Гарлеме, а она, естественно, в Бенсонхерсте.

Более научная версия тревожного периода была представлена историком Филиппом Ф. Наполи в книге «Маленькая Италия: сопротивление азиатскому вторжению, 1965–1995». Его работа также представляет новое поколение исследований этнического соседства историками, адаптировавшими методы других социальных и гуманитарных наук. Чтобы задать тон своего эссе «защищенному району», Наполи процитировал Пьетро Ди Донато, который, вероятно, наиболее известен тем, что написал роман времен Великой депрессии «Христос в бетоне» (1937):

Что держит там Маленькую Италию? Дешевая аренда? Выбор превосходной еды? Семейные узы? Национальная гордость? Социальная жизнь многоквартирного дома? Или личные святые покровители? В глубине души я тоже принадлежу к этой группе, а не к ледящим кровь расам и смешанному неосообществу, которое моя душа не любит переваривать. Я помню, что сказал любитель голубей на крыше Малберри-стрит: «Конечно, мне здесь нравится. Почему я должен уезжать, я со своими людьми. Есть ли место лучше?» (1970, 149)

Можно было ожидать, как предполагает Ди Донато, что итальянским американцам и их анклавам суждено никогда не измениться. Ответ Наполи на вопрос, есть ли лучшее место для итальянских американцев, чем старый квартал, сегодня будет утвердительным. Медленно, но верно этнически эксклюзивная Маленькая Италия Нижнего Манхэттена исчезла, ее место занял главный туристический объект: этнический тематический парк посреди расширяющегося Китайского квартала. Этот район по-прежнему предлагал широкий спектр высококлассных и мелких розничных и оптовых торговых точек, а также пережитки своего прошлого легкой промышленности. Короче говоря, Наполи утверждал, что «Маленькая Италия Манхэттена в настоящее время - это многое, но это не этническая итальянская община» (248). Следует отметить, что в 2011 году как то, что осталось от Маленькой Италии, так и рост исключительно разнообразного паназиатского китайского квартала, находятся под угрозой джентрификации.

Однако переход от итальянского анклава к итальянско-американской туристической достопримечательности не был ни гладким, ни легким процессом. Наполи проследил борьбу некоторых итальянских и итальянско-американских организаций не только за то, чтобы остаться в сообществе, но и за сохранение своей итальянской идентичности. Их попытки противостоять тому, что он называет «азиатским вторжением», длились более 30 лет. Помимо описания демографических изменений, он озвучил истории о том, как итальянские жители защищали свое сообщество от угрозы перемен. Он предположил, что реакция Италии на «азиатское вторжение» говорит что-то более общее о природе итальянской этнической идентичности в конце двадцатого века. Отмечу, что в 1980-х годах я был частью общегородской итальянско-американской организации, которая работала с Ассоциацией реставрации Маленькой Италии, чтобы предотвратить снос территории для строительства скоростной автомагистрали Кросс-Манхэттен. Я также работал с другими организациями, занимающимися эпизодическим межгрупповым насилием, которое нанесло ущерб тому периоду.

К сожалению, итальянские анклавы Нью-Йорка были ареной многих насильственных инцидентов на расовой почве. Возможно, американцы итальянского происхождения не более предвзяты в расовом отношении, чем другие, но чаще всего подвергались расовым изменениям, потому что они не бежали от расовых переходов в центральном городе так быстро, как другие белые европейские группы. Наиболее широко освещалось убийство Юсуфа Хокинса в Бенсонхерсте в районе Маленькая Италия Бруклина в 1989 г. (Krase 1994a, Stone 1989). Это произошло недалеко от авеню X, где в 1982 году 34-летний транспортный работник из Нью-Йорка Уилли Теркс был забит до смерти в результате аналогичного нападения на расовой почве (Basler 1982). Юсуф Хокинс был афроамериканским молодым человеком, убитым этнически смешанной, но преимущественно белой группой молодых людей, когда он случайно рискнул попасть в Бенсонхерст, Бруклин.

Красные, белые и зеленые итальянские цвета, украшавшие 18-ю авеню перед сицилийским фестивалем Санта-Розалия, обрамляли сцену убийства Хокинса. Это было предисловие к книге Джона Кифнера «Бенсонхерст: жесткий кодекс в защиту замкнутого мира» (1989). Я также должен отметить, что Кифнер процитировал меня в отношении защитных итальянских пространственных практик в этой первой

полосе статьи New York Times.

Это закрытый, замкнутый мир, этот анклав в Бруклине, где на итальянском говорят так же часто, как и на английском, это мир сплоченных семей, страха и враждебности по отношению к внешнему миру. Это также мир, в котором молодые люди, которые каждую ночь тянутся к определенному углу улицы или кондитерской, чтобы пообщаться со своими друзьями, вырастают с мачо-кодексом...

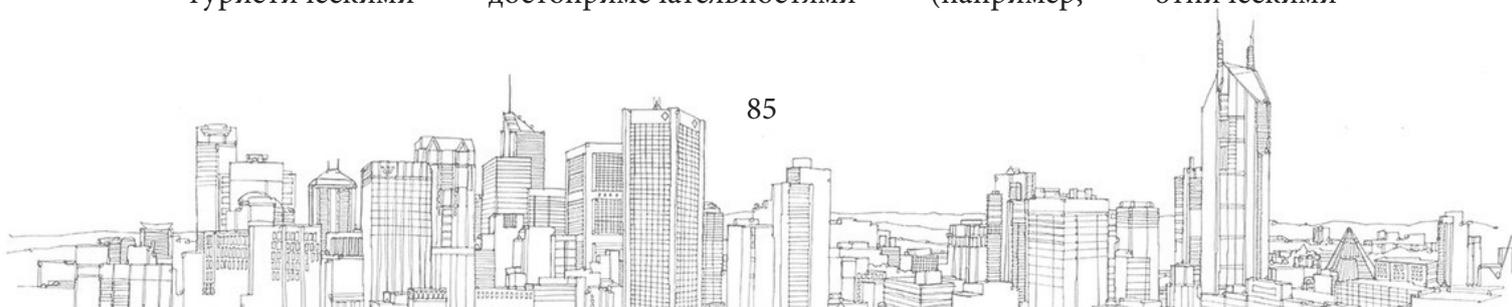
Это район аккуратных, ухоженных двух- и трехэтажных домов, многие из которых имеют религиозную статую - часто Девы Марии - во дворе. Вдоль торговых улиц разбросаны итальянские кондитерские, магазины макарон и свинины, многие из которых импортируют большую часть своих товаров из Италии.

Молодые женщины с замысловатой прической и их имена написаны в золотых ожерельях, носят узкие брюки и туфли на шпильках. Социальные клубы, в основном названные в честь мест в Италии, выстроились вдоль улиц; когда одна из закрытых дверей с табличкой «только для членов» распаивается, обычно можно увидеть стариков, пьющих маленькие чашки кофе эспрессо и играющих в карты. Вечером и ранним утром молодые люди собираются в своих обычных местах, обычно в кондитерской, где под рукой телефон, газированные напитки и сигареты.

Маленькие итальянцы также ослабевают демографически. Используя данные переписи 1990 года, Уильям Эгельман и Джозеф Сальво (1994, также Egelman 2003) обнаружили, что 857 700 жителей Нью-Йорка идентифицировали себя как итальянцы по происхождению и составляли лишь 11,5 процента от общей численности населения города. К 2000 году число итальянских американских жителей Нью-Йорка упало на 17 процентов до 692 733 человек. С 1980 года это снижение составило 30 процентов, и это даже более драматично, учитывая, что с 1930 по 1960 год в городе проживало более одного миллиона итальянских американцев (Rosenwaike, 1972). Итальянские американцы остаются сегодня самой большой европейской этнической группой в городе. Как ни странно, на Статен-Айленде проживает самое большое количество итальянских американских и итальянских иммигрантов, но нет Маленькой Италии. Сегодня итальянские иммигранты предпочитают не селиться в исторических Маленьких Италиях Нью-Йорка, предпочитая места, куда американцы итальянского происхождения отправились, спасаясь от упадка городов в прошлые десятилетия.

Последний взгляд на Маленькие Италияи

Несмотря на демографические реалии их «фактического» исчезновения, три старейших Маленьких Италиях Нью-Йорка «фактически» сохраняют свое название: Mulberry Street на Манхэттене; Бенсонхерст, Бруклин; и Бельмонт в Бронксе. И Малберри-стрит, и Белмонт также остаются основными и второстепенными туристическими достопримечательностями (например, этническими

тематическими парками) соответственно. Хотя там проживает незначительное меньшинство итальянцев, никто не утверждает, что Малберри-стрит является «настоящим» итальянским районом, но некоторым в Бельмонте сложно сохранить видимость этнической аутентичности. Медленно, но верно значение этих мест меняется не только из-за демографии, но и из-за изменившегося внешнего вида местных ландшафтов. Можно представить себе фотографические и письменные описания, которые следуют далее, как дополнительный текст об оспариваемых значениях итальянкости (Italianita): визуальное символическое соревнование, которое отражает битву за местное господство.

Столичные писатели в *The New York Times* часто используют визуальные образы Маленьких Италий в качестве опоры для комментариев по поводу меняющегося социального ландшафта Нью-Йорка. В связи с этим они одинаково рассматривают демографические данные и появление коммерческих наречий как индикаторы постоянства и изменений. В «Романтическом идеале Италии под ритм самбы» Дэвид Гонсалес (2004) сообщил, что Франческо Кастильоне надеялся «спасти» итальянский характер Бельмонта, приспособившись к меняющемуся этническому составу района и исполнив музыкальные композиции на музыкальные сцены местного уличного кафе. Кастильоне объяснил:

Точно так же, как Астория больше не просто греческая, на Артур-авеню, вероятно, больше албанцев, мексиканцев, доминиканцев и пуэрториканцев, чем итальянцев. Но романтические представления о еде, старые времена и старые обычаи все еще продаются. Другой местный житель, Ник Сантилли, сказал: «Итальянская душа здесь, но она исчезает»; а владелец кафе Давид Греко хочет, чтобы его место оставалось итальянским баром: «Я не хочу продавать его, чтобы он стал еще одним албанским клубом». [См. Рис. 2.3]. Гонсалес завершает эту газетную статью следующим образом: На премьере сезона Франческо два уик-энда назад посетители албанского ресторана через улицу едва подняли глаза, когда он установил свою клавиатуру, аккордеон и усилитель. Мексиканские рабочие шли домой, уставшие и грязные, с сумками из Макдональдса.

Рассказ Жаклин С. Голд (2004) был озаглавлен «Любовь, раздор и канноли» в Бельмонте: «Кондитерская Egidio, ее витрины сверкают соблазнительными сладостями, уже более 90 лет находится в том же квартале Восточной 187-й улицы недалеко от Артур-авеню. Она увенчана навесом с золотыми буквами и является неотъемлемой частью Бельмонта, маленькой Италии Бронкса, и, как и его сестринские кафе, его любят за свой чернильный эспрессо, канноли с хрустящей скорлупой и комфортное праздничное настроение». Она заключает: «Артур-авеню давно перестала быть исключительно провинцией итальянцев, как это было в течение примерно трех четвертей века, но такие места, как Эджидио, сохранились как бесценные хранилища аутентичности района». «Ну, мороженое по-прежнему итальянское» - так Джозеф Бергер (2002a) решил создать свою статью о том, как Бенсонхерст, Бруклин, крупнейший итальянский район Нью-Йорка, терял итальянцев: «Перепись 2000 года показывает количество жителей итальянского происхождения сократилось до 59 112 человек, что немногим больше половины от показателя двадцатилетней давности, а итальянцев заменили китайские и русские

семьи». Несмотря на сокращение населения, главная торговая улица Бенсонхерста, 18-я авеню, по-прежнему носит название бульвар Кристофоро Колумба, что резко контрастирует с этническими изменениями (см. Рис. 2.4).

Рис. 2.3 Албанское кафе в Бельмонте, Бронкс, Нью-Йорк, США, 2003 г.

Несколькими годами ранее Бергер (2002b) зафиксировал конец итальянского господства в Гарлеме в своей статье «Сядьте в это кресло, вернитесь назад во времени; парикмахер не изменен, как старый район исчезает» (см. рис. 2.5):

В течение 52 лет Клаудио Капонигро наблюдал через окно своей парикмахерской, как итальянский Гарлем изменился вокруг него. Но, за некоторыми исключениями, он и его магазин практически не изменились... Но в основном из-за сильной этнической мобильности, типичной для многих районов Нью-Йорка, это произошло лишь из-за небольшой группы итальянцев и нескольких итальянских магазинов - 110-летняя пекарня Morrone Bakery; Рестораны Patsy's и Rao's; два похоронных бюро; и римско-католическая церковь Богоматери на горе Кармель, куда несколько пожилых жителей района ходят, чтобы сказать свои новены. Спросите у одного из них, Джены Болино, сколько осталось итальянцев, и она ответит: «Можете их пересчитать». В этих условиях парикмахерская Клаудио, находящаяся в своей полуразрушенной лачуге, похожей на здание на 116-й улице между 1-й и 2-й авеню, является пробным камнем, ее старые обычаи и этикет привлекают людей, которых не всегда завораживают песни сирен современной жизни.

Рисунок 2.4 Китайский сувенирный магазин на бульваре Кристофоро Колумбо, Бенсонхерст, Бруклин, Нью-Йорк, США, 2005 г.

Рисунок 2.5 Парикмахерская Клаудио на 116-й улице в Восточном Гарлеме, Нью-Йорк, Нью-Йорк, США, 2007 г.

Маленькие Италии никогда не умирают...

Итальянская Америка Нью-Йорка быстро меняется. Квантовые скачки в транспортных и коммуникационных технологиях делают практически невозможным успевать за изменениями в расположении, структуре и функциях современных сообществ. По мере того как старые кварталы растут, некоторые другие приходят в упадок. Недорогой регулярный воздушный транспорт, телефон, факс, модем и электронный доступ к финансовым средствам позволяют итальянским большим семьям и кланам и практически целым деревням социально, физически и/или творчески жить на многих континентах. Из-за этой мобильности небольшие, но процветающие анклавов могут существовать, но оставаться незамеченными, поскольку традиционная, но исчезающая Маленькая Италия все еще остается образцом. Даже почтенный Сэм Робертс из *New York Times* чувствовал необходимость использовать визуальный стереотип, чтобы вызвать чувство утраты, когда писал «Маленькая Италия Нью-Йорка, все меньше с годами» (2011b). Он отметил, что полвека назад почти половина из 10 000 жителей считали себя итальянскими американцами, в то время как:

Узкие улочки кишели детьми и находили отклик в мелодичных разговорах на итальянском языке между каждым пятым жителем, родившимся в Италии, и их соседями во втором и третьем поколении. К 2000 году перепись показала, что итало-американское население сократилось до 6 процентов. Только 44 человека родились в Италии по сравнению с 2149 полвека назад. Исследование переписи населения, опубликованное в декабре, показало, что доля итальянцев-американцев среди 8600 жителей того же района Нижнего Манхэттена площадью две дюжины квадратных кварталов сократилась примерно до 5 процентов. И, что невероятно, перепись не смогла найти ни одного жителя, родившегося в Италии. Маленькая Италия становится Меньшей Италией. Посягательство, которое началось несколько десятилетий назад, когда китайский квартал расширился на север, Сохо расширился с запада, а другие районы были переименованы в более модные названия: NoLiTa (на север от Маленькой Италии) и NoHo, кажется, почти завершенным.

Затем, через несколько строк, визуально он добавил: «Единственные улицы, которые действительно кажутся принадлежащими Маленькой Италии, Малберри и Гранд, все еще забиты почтенными итальянскими ресторанами и магазинами. Но тротуары украшены рекламой рефлексотерапевтических курортов на китайском языке, плакат объявляет о праздновании Нового года по лунному календарю, а на новом семиэтажном здании жилищного кооператива по адресу Mulberry, 182 висит знак «Сдается».

Маленькая Италия - это продукт и источник социального и культурного капитала. Хотя обычные люди по соседству в конечном итоге находятся во власти далеких структурных сил, в своей наивности они продолжают создавать и изменять выделенные им местные пространства и неизбежно становятся частью городского ландшафта. Таким образом, люди и пространства становятся символами, и в результате они приходят просто представлять себя и тем самым теряют свою автономию. В случае этнических тематических парков анклав символизирует

воображаемых жителей и обозначает их независимо от того, где они проживают (Krase 2002, 2003).

Здесь мы рассмотрели, как некоторые из городских пространств Нью-Йорка стали италянизированы, а впоследствии стали меньше, в ответ на поселения иммигрантов и местную коммерческую практику. На протяжении десятилетий то, что олицетворяет итальянскую Америку, оставалось относительно постоянным, в то время как то, что она олицетворяет, значительно изменилось. В связи с этим можно сказать, что, хотя настоящая итальянность *Italianità* является культурно динамичной, ее виртуальные выражения были и остаются практически статичными. Например, центральные кварталы итальянского рабочего класса «представляли» итальянское американское сообщество еще долгое время после того, как подавляющее большинство американцев итальянского происхождения перестали в них жить или носить синие воротнички рабочих. Маленькие Италии продолжают оставаться важными местами для изучения не только потому, что они являются площадками для ассимиляции и аккультурации, но также потому, что они помогают нам понять этническое прошлое, настоящее и, действительно, будущее Америки.

Между историей Маленьких Италий и недавней иммиграцией в итальянские города есть сильные семиотические параллели, которые будут рассмотрены более подробно в следующей главе. Например, Рассел Кинг и Жаклин Андалл (1999), комментируя рост ксенофобии и политической игры в отношении иностранцев, не являющихся членами ЕС, в Италии, отметили:

В последние годы безумие СМИ создало мощные, но сильно искаженные образы, связывающие иммигрантов с широко распространенным насилием и преступностью. Национальные стереотипы повторяются почти ежедневно на телеэкранах и в газетах: грубые ассоциации между североафриканцами и наркотиками, албанцами и рэкетом; черные африканские женщины и проституция. Хотя некоторые иммигранты, несомненно, вовлечены в преступную деятельность, степень их причастности сильно преувеличена, и гораздо меньше внимания уделяется причастности итальянцев к преступной деятельности, в том числе относительно иммигрантов. Поскольку иммигранты по происхождению составляют лишь 2,5 процента населения Италии, что намного меньше, чем в большинстве других европейских стран, «иммиграционный кризис» действительно является кризисом (неверной) репрезентации. (155)

В этих параллелях также есть большая ирония, поскольку в период массовой иммиграции в США коренные американцы европейского происхождения видели в итальянских иммигрантах основную часть вторгшейся немытой орды во многом так же, как современные итальянцы визуализируют и стигматизируют пропорционально меньший приток зарегистрированных и недокументированных иностранцев в их собственную страну. Я бы предположил, что администраторы и планировщики все более многонациональных городов Италии также могут извлечь большую пользу из понимания иммигрантских и этнических народных городских ландшафтов, которые, согласно Долорес Хайден (1990), «учитывают, как присоединение, так и исключение» (17).

Глава 3

Китайский квартал: визуальный подход к этническим представлениям

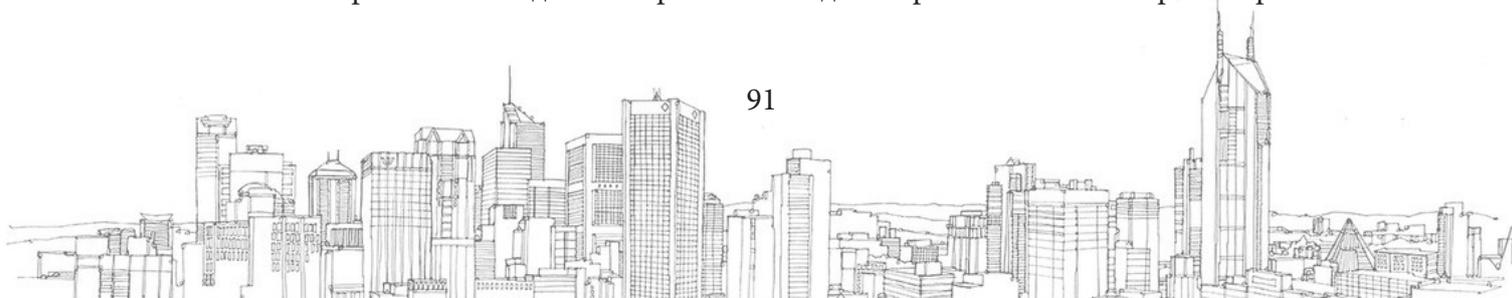
Введение

Эта глава будет посвящена местам, называемым «Чайнатаун», а также более приземленным представлениям, которые можно найти в них. Как и Маленькая Италия, Чайнатаун - это социальная категория или этнический жанр городских коммерческих кварталов, или, возможно, «симулякр» того, что ранее обсуждалось как коммодифицированный этнический тематический парк. Хотя моя собственная работа никоим образом не вытекает из прочтения Жана Бодрийера (1983), я думаю, что важно дать представление о том, как его более глубокие проблемы совпадают с моими. Этнически тематические Чайнатауны можно рассматривать как то, что Бодрийер назвал «третьим порядком симулякров», которые встречаются в эпоху постмодерна. В отличие от репрезентаций, которые являются продуктом реальности, эти смоделированные репрезентации предшествуют и, следовательно, определяют то, что является «реальным» для зрителя. Неспособность постмодернистского наблюдателя различать реальность и симулякр является результатом действия ряда сил, особенно мощной медиакультуры, которая не только передает информацию, но и интерпретирует ее для получателя.

Как и другие места, Чайнатаун - это не просто гегемонистское демографическое обозначение (место, где преобладают жители Китая). Это идея о месте, и чаще всего речь идет о том или ином виде туризма. Рат внес большой вклад в наше понимание иммигрантских анклавов во всем мире (2000, 2002). Общественность обычно полагает, что большинство жителей и рабочих района безоговорочно извлекают выгоду из местного бизнеса. Однако, как он подчеркнул, экономика туризма не обязательно благоприятна. Рат также утверждал, что те, кто изучает создание и поддержание этнической туристической индустрии, часто упускают из виду некоторые из наиболее важных аспектов этого явления, такие как изменения, вызванные новым использованием старых общественных пространств. В глобализованном мире иммигранты постоянно меняют многие пространства в нашем и без того сложном городском мире.

Хотя это не является явным вопросом моей собственной работы, Рат прекрасно осознает, что этнические стереотипы иммигрантов и их коммерческая эксплуатация могут препятствовать их социальному, а также их экономическому развитию. В работе «Туризм, этническое разнообразие и город» он отметил, что необходимы новаторские подходы, чтобы помочь социологам, а также специалистам-практикам лучше понять процесс, с помощью которого «выражения иммигрантской культуры могут быть преобразованы в средства социально-экономического развития в пользу как иммигрантов, так и города в целом» (2007а, i).

Междисциплинарная и сравнительная работа Рата обширна, но есть несколько областей пересечения и даже сопряжений. Одно пересечение - это противоречия

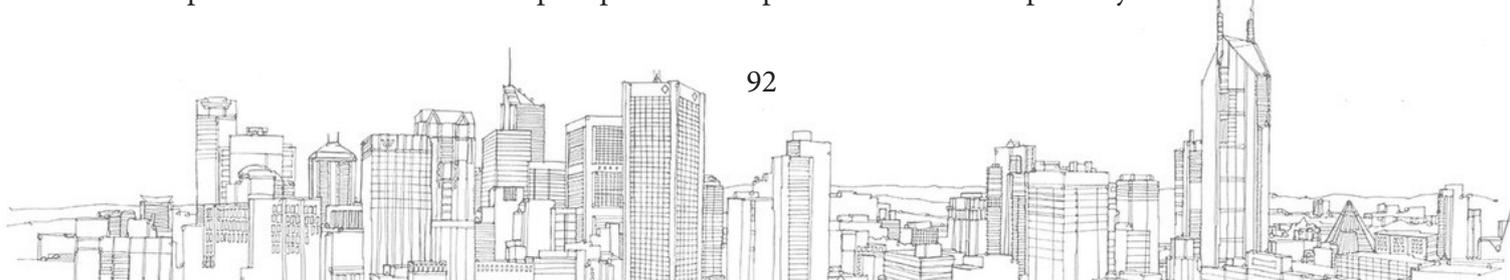

между иммигрантами как дешевой рабочей силой и предпринимателями, которые, независимо от своего более высокого экономического статуса, теряют автономию и становятся экзотическими или иными «объектами» любопытства. Визуальные методы и пространственная семиотика могут иметь в этом отношении значительную ценность. Позже в этой главе теоретические и методологические обсуждения будут проиллюстрированы и поддержаны фотографиями, сделанными в городах, где «Чайнатаун» имеет туристическую валюту. Также косвенно рассматриваются два из семи потенциально негативных последствий иммигрантской туристической индустрии, которые признал Рат. Это усиление стереотипов об «аутентичном» этническом Другом или «аутентичном» этническом опыте, а также гомогенизация и окаменение городских ландшафтов:

В-четвертых, могут усиливаться стереотипы об «аутентичном» этническом Другом или «аутентичном» этническом опыте (Anderson 1988, Fainstein and Gladstone 1999). Как показывает Селвин (1996), туризм - это создание мифов, образов и фантазий, особенно об «экзотическом» Другом. Развитие туризма требует создания мифических мест и хозяев, но в основе этих мифов лежат политико-экономические и культурные зависимости. На кону стоит вопрос, превращаются ли иммигранты в тех «совершивших поездку» в туристический объект или, наоборот, они становятся субъектами новой туристической практики в городе (Morris 1995). Признавая, что туристическая индустрия влечет за собой «перформативный репертуар культурных показов, которые все в большей степени удовлетворяют потребительские и зрительские потребности посторонней аудитории», Лин (1998, 205) также указывает на риски такого вуайеризма и стереотипов.

В-шестых, и это особенно верно, когда (местное) правительство признает экономическое значение кварталов иммигрантов как туристических достопримечательностей, существует риск того, что регулирование, направленное на сохранение этих мест, служит только для гомогенизации и окаменения городских ландшафтов и истощения экономической динамики (Anderson 1995; Lin 1998). Тогда туристическая индустрия становится «туристической ловушкой» (Anderson 1990). (2007b, 12)

Этнические тематические парки - это сцены для представлений или зрелищ, а в визуальном смысле - конфликты между действиями простых людей и властью частных и государственных властей. Кевин Фокс Грэм внимательно изучил городские фестивали в Новом Орлеане, штат Луизиана (2005) и особенно использовал идеи Дебора (1994) и Лефевра (1991) для обсуждения конфликта значений, присущих местным праздникам, таким как Марди Гра. В его подходе к зрелищам много внимания уделяется политической экономии, поскольку он предполагает, что выступления на местном уровне предлагают возможности для местного сопротивления корпоративному контролю. Грэм пишет о глобальном корпоративном господстве, которое превратило городские праздники в туристическое зрелище. Эти различные виды спектаклей могут иметь разные пространственные формы, такие как торговые центры или ярмарки, и использовать новые технологии, такие как виртуальная реальность. Эти «новые пространства потребления» в некоторых случаях захватили

часть общественной сферы и местной городской жизни:

Городские спектакли состоят из гегемонистских идеологий и доминирующих образов - например, рекламная риторика, корпоративная реклама и спектакли, которые стремятся превратить архитектурную и социальную среду города в эстетический продукт, символизирующий потребление, досуг и развлечения. Тем не менее, я также предположил, что существуют возможности для новых проявлений местной автономии и сопротивления социальной маргинализации и изоляции. Цель большинства спектаклей - умиротворить людей, вызвать политическое безразличие и стимулировать потребление. Однако я попытался показать, что у спектаклей есть качество Януса. У них есть потенциал для творческих встреч и благоприятных социальных практик. Они также могут вызвать множество непредвиденных [sic] и иррациональных последствий, включая периодические проявления социального восстания. Кроме того, в городских зрелищах есть утопическое выражение, а также возможность усиления господства политических и экономических сил. Туризм - это не просто совокупность видов экономической деятельности и не идеологическая структура культуры и истории. Туризм - это очень сложный, противоречивый и неоднозначный набор социальных отношений, форм социальной организации и потоков товаров и культурных форм, которые вместе порождают новые конфликты, новую борьбу и новые кризисы. (242-3)

Как и в случае с Маленькой Италией, но в большей степени с Чайнатауном, упоминания об этих коммерциализированных этнических кварталах можно найти в путеводителях по крупным туристическим городам от Нью-Йорка до Сиднея, Австралия, таких как Lonely Planet Guide, Fodor's и / или Фроммера. Хотя я еще не встречал мест под названием «Маленькая Италия» в самой Италии, их (как кварталы или рестораны) можно легко найти в других европейских странах. Один из самых интересных примеров этого жанра - остатки «Маленькой Италии» (Klein-Italien) в районе Дюделанж в Люксембурге, где Европейский институт культурных маршрутов основал «музей без стен», который был визуально задокументирован Кристианом Кандзиа и студентами архитектуры из Университета Майами, Оксфорд, Огайо (Reuter 2007; см. также Tirabassi 2005 и Rainhorn 2005). По-прежнему утверждается, что один из самых известных китайских кварталов Европы находится на улице Бельвиль в Париже, Франция. Тимоти Шортелл проводил сравнительное визуальное исследование иммигрантских районов в Бруклине, Нью-Йорке и Бельвилле, Париж. В отличие от этого общепринятого городского знания, он отмечает, что, хотя большинство этнических китайцев, проживающих в этом районе, переехали в другие районы, Бельвиль сохраняет для многих свое название «китайский квартал». Как и другие районы Парижа, этот район также переживает джентрификацию. Как отмечает Шортелл:

Путеводитель Lonely Planet для Парижа предлагает туристам двух с половиной часовую прогулку по иммигрантским кварталам Парижа, показывая разнообразие людей, живущих в «Городе света». Прогулка начинается в Бельвиле, традиционном иммигрантском районе Парижа. Первую волну неевропейцев, приехавших во Францию, привлек дешевый жилой фонд. Первоначально этот

район был домом для евреев Магрибена, а затем для мусульман, а позже стал «новым китайским кварталом» в городе. В настоящее время в уличном пейзаже преобладают признаки иммиграции из Восточной Азии. На улице Бельвиль на вывесках и в окнах большинства предприятий китайские слова. Большинство рабочих в магазинах - в основном в ресторанах, кафе и продовольственных магазинах, но включая также магазины одежды и другие обычные городские службы - являются выходцами из Восточной Азии. Многие люди на улице - выходцы из Восточной Азии, но есть и магрибины, выходцы из Южной Азии, африканцы и большинство парижан. Район паназиатский, даже если китайские вывески являются наиболее распространенными ... к северу от бульвара Бельвиль, который превращается в бульвар де ла Виллет, где можно увидеть магазины, рекламирующие вьетнамцев, тайцев и корейцев, а также китайцев. (2009, 12)

В статье «Чувственный мультикультурализм: эмоциональные пейзажи межэтнической жизни в австралийском пригороде, охватывая разнообразие» Аманда Уайз рассмотрела, как члены принимающего общества, белые англо-кельтские пожилые люди в ближайшем пригороде Сиднея, отреагировали на расовое и культурное разнообразие, создаваемое массовым прибытием иммигрантов. Интересно, что визуальный эффект китайцев на торговых улицах оказал наибольшее влияние. По словам Уайза, «после послевоенного миграционного бума Эшфилд на внутреннем западе Сиднея стал чрезвычайно разнообразным районом. Первоначально Эшфилд представлял собой англо-кельтское население, относившееся к довольно рабочему классу и относившемуся к низшему среднему классу, в настоящее время является домом для множества этнических групп, самые крупные из которых представляют китайцы, индийцы и итальянцы. Что больше всего характеризует Эшфилд сегодня, так это китайское коммерческое присутствие вдоль главной торговой улицы Ливерпуль-роуд. Когда-то доминировали англо-итальянские и греческие магазины, изменение визуального ландшафта главной улицы Эшфилда было довольно быстрым и в основном произошло за последние десять лет. Сегодня Эшфилд является домом для множества китайских малых предприятий, в основном китайских ресторанов и небольших супермаркетов, продающих азиатские продукты, которые составляют около 80 процентов магазинов в этом районе» (2010, 917).

Приезд азиатских мигрантов может вызвать недовольство и у других азиатов. Большинство мест, называемых сегодня китайским кварталом, являются многоэтническими и могут сбивать с толку посторонних или тех, кто не знаком с азиатской историей и культурой. Например, в 2001 году, проводя исследование в китайском квартале Сан-Франциско, я расспрашивал давнего китайского владельца сувенирного магазина о том, что происходит в этом районе. Я заметил, что фотографировал местность то и дело с 1989 года, и что за это время местность значительно изменилась. Я ожидал услышать комментарии о расширении китайского квартала на то, что осталось от Маленькой Италии Сан-Франциско, и о легко очевидной джентрификации, происходящей поблизости. Вместо этого его резкие замечания были сосредоточены на негативном влиянии притока вьетнамских иммигрантов. В то время магазины и рестораны, принадлежащие вьетнамцам, не

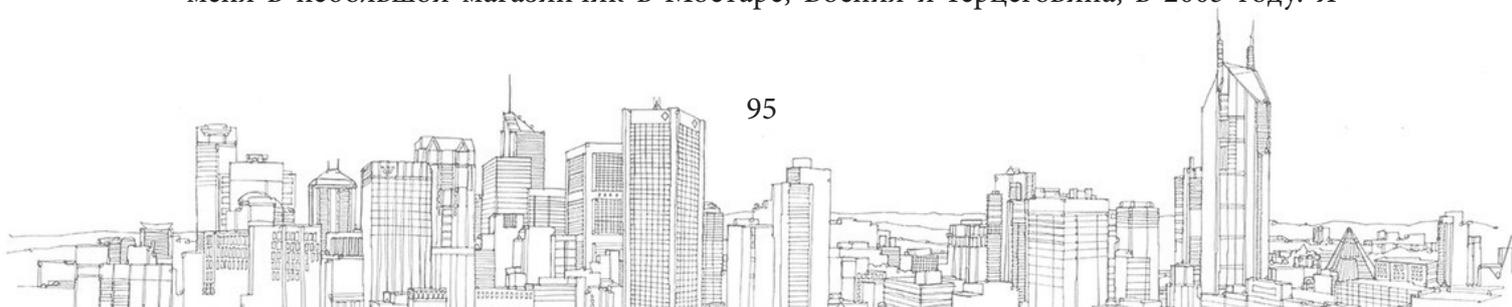
проникали в основную торговую зону, а находились на менее проходимых улицах на периферии Китайского квартала.

Как отмечают Уоррен и Карнер, «возможно, наиболее важной проблемой для культурных, социологических и других качественных исследований сегодня является Интернет» (2005, 261). Поиск текста и изображений стал обычным явлением в качественных исследованиях популярной культуры, а также многих других тем. Хотя обычно не рекомендуется для научных исследований, потому что большая часть веб-контента не проверяется и не рецензируется, я провел поиск китайских кварталов в поисковой системе Google в Интернете, а также в Википедии. Такие неакадемические источники могут помочь нам лучше понять идеи об этнических анклавах, которые прочно укоренились в общих культурах, чем академические журналы и учебники. Как и следовало ожидать, изображения, предлагаемые для китайских кварталов в Интернете, не сильно отличаются от изображений, полученных в результате моей «серьезной» работы и изображений других ученых, которые интенсивно изучали этнические анклавы. Как и в случае с Маленькой Италией, поисковые запросы в китайском квартале приводят к появлению тысяч объявлений о ресторанах. Мы можем рассматривать это как еще один признак того, что оба места имеют в качестве основного аспекта своей коммодификации тесную связь с продажей продуктов питания.

Чтобы проверить повсеместность визуальной идеи китайского квартала, нужно посмотреть, где большинство жителей Запада их меньше всего ожидают, например, в Азии [2]. Википедия дает быструю оценку глобального спектра мест, называемых китайским кварталом. Например, «К востоку от Джамбатан Мера находится китайский квартал Сурабаи с сотнями малых предприятий и складов. Бекак [велорикши] и тележки с ручным приводом по-прежнему являются лучшим способом перевозки грузов по многолюдным узким улицам». Почти все Чайнатауны описаны похожими или связанными терминами. Лишь немногие из них описаны как жилые, а не только коммерческие районы.

Другими словами, китайский квартал - это место, где мы видим, как люди покупают и продают, а не там, где люди живут и работают. Согласно Википедии, китайские кварталы в Азии, Австралии, Северной и Южной Америке и Европе имеют входные «арки» (пайфанг), двуязычные знаки и то, что деликатно называют «устаревшими объектами», такими как опиумные притоны, бордели и азартные игры. Магазины, рынки, уличные торговцы, благотворительные и деловые ассоциации и мероприятия, особенно китайский Новый год с необходимыми танцами дракона и льва, еще больше определяют видимую территорию. Ресторанная кухня в первую очередь кантонская, что и следовало ожидать, учитывая, что исторически наибольшее количество китайских мигрантов прибыло из прибрежных южных регионов. В этом же смысле знаменитая кухня Маленьких Италей явно южно-итальянская, в ней преобладают «красные» соусы на основе томатов.

Что-то, показанное на многих онлайн-изображениях, но никогда не обсуждаемое, - это обычно красные бумажные фонари, которые можно найти висящими у магазинов в китайских кварталах по всему миру, и не случайно, в самом Китае. Эти фонари можно найти там, где меньше всего ожидали, например, там, куда привели меня в небольшой магазинчик в Мостаре, Босния и Герцеговина, в 2005 году. Я

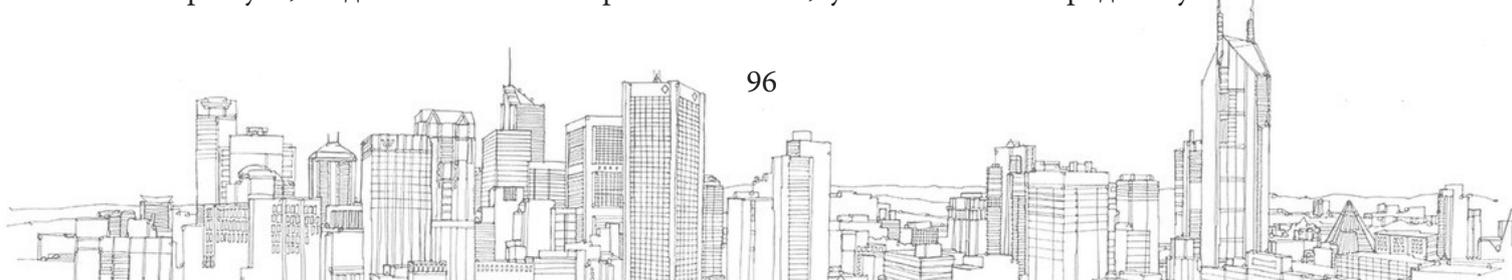
приехал туда, чтобы сфотографировать реконструированный «Старый мост», который также был разрушен во время Балканских войн как местный народный пейзаж. ЮНЕСКО направила реставрацию как символ связи между мусульманами и христианами, которые, по иронии судьбы, жили на противоположных берегах реки. Что касается этой сознательной, институциональной маркировки этнической территории, то в рассказе Норимицу Ониши (2007) «В главном китайском квартале Южной Кореи не хватает только китайцев» есть некоторая визуальная ирония. Он сообщил из города Инчхон, что,

Недавно в будний день в тихом китайском квартале Южной Кореи было тихо. Обеденный перерыв закончился, и улицы остались такими же пустынными, как и утром. Блестящие арки, красные фонари и высоко закрепленный знак «Добро пожаловать в китайский квартал», призванный произвести впечатление на посетителей, вместо этого, казалось, усиливали бездеятельность соседей. В надежде привлечь китайских инвесторов и часть постоянно растущего числа китайских туристов местное правительство в Инчхоне, к западу от Сеула, четыре года назад преобразовало крошечный полуразрушенный китайский квартал в первый китайский квартал в стране. В кратчайшие сроки официальные лица в полдюжине других городов по всей стране объявили о планах построить свои собственные китайские кварталы, но ни один из них не продвинулся слишком далеко из-за множества препятствий, начиная от нехватки капитала и заканчивая нехваткой китайских жителей.

В большинстве случаев китайские кварталы являются примерами того, что Луи Вирт называл «добровольными», в отличие от «принудительных» гетто, где в некоторых городах евреи изначально предпочли жить отдельно от неевреев из-за религиозных убеждений, а также светских профессиональных и классовых причин. По словам Вирта:

Добровольная сегрегация евреев в гетто имела много общего с сегрегацией негров и иммигрантов в современных городах и была идентична во многих аспектах развитию богемских и хобогемских (прим. пер. - хобо как бродяга) кварталов в современном городском сообществе. Толерантность, в которой нуждаются странные образы жизни в иммигрантских колониях, в латинских кварталах, пороках и других местах, является мощным фактором при расселении населения и его размещении в отдельных культурных областях, где человек получает свободу от враждебной критики и поддержку группы родственных душ. Наконец, добровольное гетто было административным устройством, по крайней мере частично. Это способствовало социальному контролю со стороны сообщества над его членами; это значительно облегчило сбор налогов; и это сделало возможным наблюдение, которое средневековые власти осуществляли над всеми иностранцами и негражданами. (1956, 20).

Но, подобно тому, как добровольные гетто для евреев стали вынужденными, гетто для китайцев также может рассматриваться во время кризиса местным большинством как места для вторжений и грабежей. Один такой погром в азиатском стиле произошел «в мае 1998 года. В течение двух смертоносных дней разгула, подпитываемого на расовой почве, участники беспорядков убили 1000

человек и изнасиловали 87 женщин, большинство из которых были китайского происхождения. Другие прятались в своих домах, когда отряды насильников, как сообщается, возглавляемые армейскими головорезами, бродили по улицам Джакарты, столицы Индонезии» (Glionna, 2010).

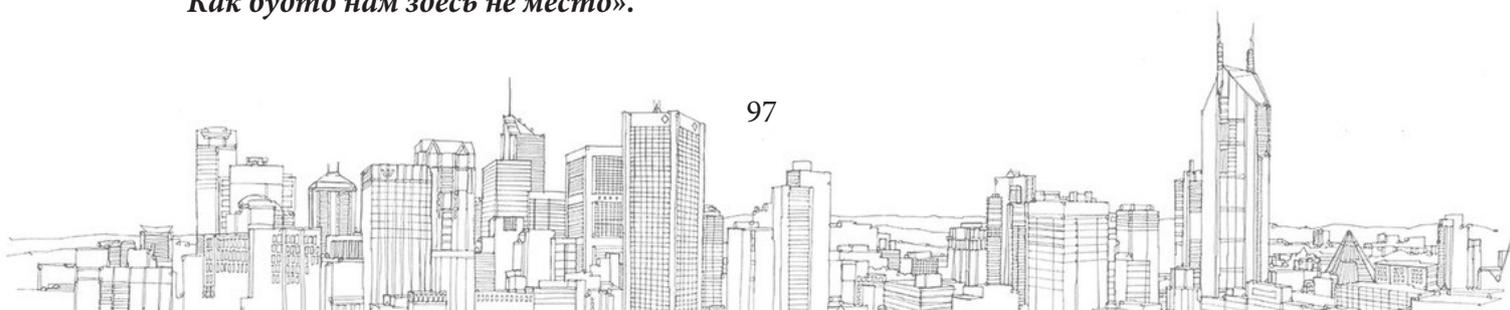
Поскольку преуспевающие китайские люди и компании продолжают свое глобальное развитие в двадцать первом веке (Shah 2005), было бы разумно рассмотреть роль, которую китайские места сыграли в фикации больших и малых наций, таких как Ямайка, где, по мнению Анны-Мэри Ли Лой, китайский магазин служил «чужой территорией» в западно-индийской литературе. Она пишет:

В 1952 году в ямайской газете появилась передовая статья с заголовком «Западная китайская стена» [Lind 1962, 162–163]. В статье китайцы на Ямайке обвиняются в том, что они живут в изолированных и замкнутых сообществах, которые существуют в паразитических отношениях с остальными ямайцами. Изображая китайцев таким образом, автор позиционирует их как пришельцев с Ямайки, а магазин - место, наиболее тесно связанное с китайцами, - как чужеродную территорию внутри страны. Такое негативное представление о китайском магазине, возможно, неудивительно, если принять во внимание историю китайской миграции в Вест-Индию и ту роль, которую китайцы часто традиционно играли в репрезентациях колониальных обществ Вест-Индии. (2007)

Даже в большей степени, чем в случае с Маленькими Италиями, в популярных СМИ обычно мало внимания уделяется обычной жизни людей, живущих в китайском квартале. На Западе китайские кварталы считаются гораздо более экзотическими и загадочными, чем анклав иммигрантов из Европы. В самых популярных комментариях о них почти ничего не говорится о местных жителях. Исключениями, конечно же, являются такие вещи, как журналистские разоблачения злоупотреблений на рабочем месте в потогонных мастерских, в которых читатели узнают о людях, которые прячутся «за кадром». Научные книги о жизни внутри обычно «закрытых» анклавов служат той же разоблачительной функции. Гвен Кинкид в книге «Чайнатаун: портрет закрытого общества» (1992) знакомит нас с китайским кварталом Манхэттена, крупнейшим в Западном полушарии, со ссылкой на запах рыбы и апельсиновых корок. Далее следует описание здания с крышей-пагодой и расписными балконами, в котором находится Китайская ассоциация купцов Он Леонг, один из членов китайского квартала (братская группа). Вниз по улице в здании, оформленном в зеленых и золотых тонах роста и процветания соответственно, находится Хип Синг Тонг, которого местная полиция называет китайской мафией. Она также предполагает, что островное сообщество также невозможно понять посторонним (3–4).

Кинкид демонстрирует визуальное творческое отношение посторонних, описывая свой разговор с тремя местными белыми, которые объяснили, что китайцы - худшие из групп (ирландцы, итальянцы, испанцы, пуэрториканцы и чернокожие), которые прошли через этот район:

«Вы говорите с единственными оставшимися белыми людьми в этом районе. Как будто нам здесь не место».

Подруга, которая кивала головой в знак согласия с этой обличительной речью, заговорила. «Они складывают мусор в городские мусорные баки по углам, а крысы бегают туда-сюда». «Грязно!» – вторила пожилая женщина. «Вся их еда идет из подвала - ааааа! Смотришь туда, еда на полу - ах! Вы знаете, они едят собак и кошек. «

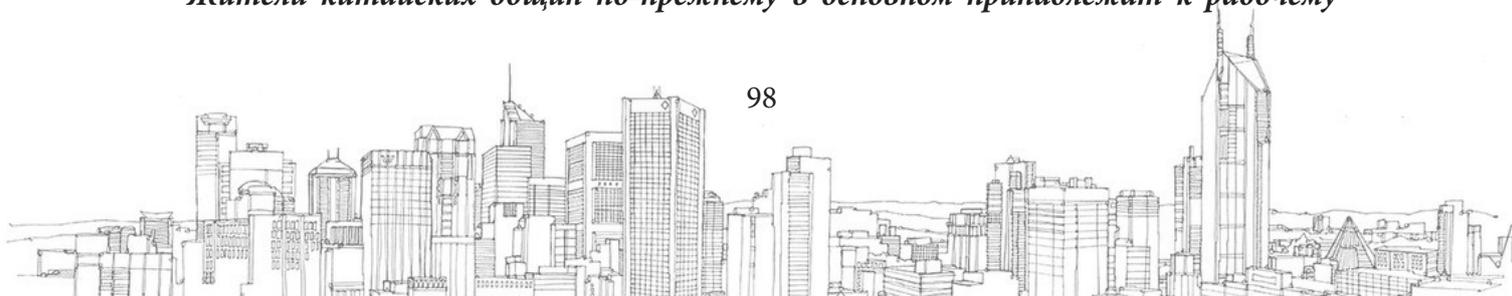
«Прогуляйся по китайскому кварталу», - посоветовал мне ее муж. «Вы не в Соединенных Штатах. Вы в Гонконге». (ix)

Кинкид также знакомит читателя с Лесли Лимом, уроженцем Сингапура и сыном сборщика каучука, который вырос в горной деревне, где, в отличие от Чайнатауна, он был «таким красивым, таким чистым, без мусора». Лим посвящает все свои часы зарабатыванию и сбережению денег, и у него мало времени на развлечения в погоне за тем, что кажется «американской мечтой». Лим кажется знаковым для этого района, и Кинкед отмечает, что в совокупности эти бережливые, трудолюбивые жители (и несколько наркодилеров) смогли вложить около трех с половиной миллиардов долларов в двадцать семь местных банков, согласно данным за 1990 год:

Банкиры в сообществе говорят, что пары с двумя доходами экономят от 30 до 40 процентов своей зарплаты. «Дайте им три или четыре года, - говорит Дин Лю, местный брокер по недвижимости, - они купят дом на две семьи во Флашинге, втором китайском квартале. Они кладут наличными, от 30 до 40 процентов от цены. Даже пятьдесят процентов. Китайцы не любят долги; они не любят платить проценты. Они сдают в аренду одну половину дома и используют другую или обе половины. Средний оборот нового дома - пять-семь лет. Китайцы продадут его через два-три года и купят дом на одну семью. Через десять или пятнадцать лет они переедут в пригород - Лонг-Айленд или Коннектикут».

(ix) Несколькоими годами ранее, до Кинкида, Питер Квонг сделал свой «Новый китайский квартал» (1987) отчасти на своем опыте давнего жителя и активиста в китайском квартале Нью-Йорка. Он показывает более сложное сообщество, которое противоречит точке зрения о том, что «центральные» китайцы предпочитают жить и работать в китайских кварталах из-за помощи, которую оказывают родственные связи и сети взаимопомощи. Их совместные усилия привели к созданию торговых и производственных центров во многих американских городах. Он добавляет:

Считается, что процветание этих центров принесет пользу всем жителям. Их успехи привлекли предпринимателей и инвесторов с Дальнего Востока, которые, в свою очередь, стимулируют рост и новые возможности. Жизнеспособность этих сообществ может быть измерена увеличением числа местных банков и значительным скачком стоимости недвижимости, который во многих случаях сопоставим с самым высоким в их городах. Некоторые социологи настолько впечатлены, что считают китайские кварталы «этническими анклавами», новым путем в американский средний класс... Какими бы успешными китайские сообщества ни казались сторонним наблюдателям, большинство жителей на самом деле не преуспевают. Гонконгских инвесторов привлекают китайские кварталы, потому что они предоставляют достаточно дешевую рабочую силу. Жители китайских общин по-прежнему в основном принадлежат к рабочему

классу. Типичный официант, работающий в ресторане в китайском квартале, работает шестьдесят часов в неделю за 200 долларов в месяц, без оплаты сверхурочных, без медицинских льгот и без гарантий занятости. Семьи в китайском квартале живут в захудалых, кишмящих тараканами трехкомнатных железнодорожных квартирах, причем обычно вместе живут три поколения. Они не развиваются экономически, фактически из-за продолжающегося притока иммигрантов заработная плата падает, а условия труда ухудшаются. (5–6)

Квонг также пишет о том, что эксплуатация иммигрантов из бедного и рабочего класса после 1965 года, легальных и нелегальных, существует в аналогичных азиатских и латиноамериканских анклавах по всей стране. (Я бы добавил, что видел это во всем мире.) Более того, он отвергает «модельное меньшинство» и другие теории, превозносящие определенные культурные черты иммигрантов, такие как бережливость и упорство, подразумевая, что они в некотором смысле корыстолюбивы во взгляде на иммиграцию девятнадцатого века. Он пришел к выводу, что «поскольку китайские сообщества меняются и продолжают развиваться, исследования, основанные на статистическом анализе, данных переписи или официальных интервью, как правило, не подходят для понимания их динамики. Мой анализ Чайнатауна основан на годах жизни в сообществе и терпеливых наблюдениях» (175).

Описания и особенно изображения с их акцентом на шопинг и развлечения, кажется, доказывают, что районы в основном созданы для туристов; что иммигранты приезжают сюда с целью показать себя. Это не отрицает, что местные жители могут планировать выступления и понимать, что они могут получить прибыль от участия в спектакле. Это был бы интересный взгляд на понятия социального и культурного капитала, которые вместе помогают создавать обычные сцены в самых разных районах. Для Портеса социальный капитал - это «способность людей управлять скудными ресурсами в силу их принадлежности к сетям или более широким социальным структурам» (1995, 12), в то время как для Патрисии Фернандес-Келли «Культурный» капитал - это «хранилище символов и смыслы создаются интерактивно и зависят от условий, порождающих социальный капитал» (1995, 213).

Похоже, что «Визуальный характер китайских кварталов» воспринимается как должное, возможно, следует принять во внимание мнение эксперта по этому вопросу Дэвида Чуеньяна Лая (1990). Как я также утверждал, Лай говорит, что на наше восприятие мест влияет не только то, что мы о них знаем, но и «акт видения». У этого термина много значений, и они различаются в зависимости от времени и места: социальное сообщество, городской район, исторический район, туристическая достопримечательность, таинственная местность. Однако больше всего визуального внимания уделяется фасадам местных зданий, которые были созданы западными архитекторами или подрядчиками, пытающимися привить «шинуазри» или «экзотику» к стандартным западным зданиям.

Лай отмечает: «Например, в китайских кварталах Виктории и Ванкувера в Британской Колумбии здания демонстрируют как китайские декоративные детали, так и западные фасады, построенные в преобладающих коммерческих итальянских стилях того времени и моде королевы Анны. В других китайских

кварталах, например, в Сан-Франциско, Сиэтле, Ванкувере и Монреале, все еще есть сплоченные группы похожих зданий девятнадцатого века. В них сочетаются черты китайского и западного архитектурных стилей.

Хотя однородный стиль архитектуры китайского квартала никогда не развивался, структуры китайского квартала обычно содержат несколько архитектурных особенностей, которые редко встречаются в других зданиях в центре города. Наиболее распространенными элементами являются утопленные или выступающие балконы, перевернутые карнизы и углы крыши, расширенные карнизы, покрывающие основные балконы, наклонные черепичные крыши, гладкие или резные колонны, увенчанные консольными группами балок, флаштоки и стены парапетов с китайскими надписями» (29).

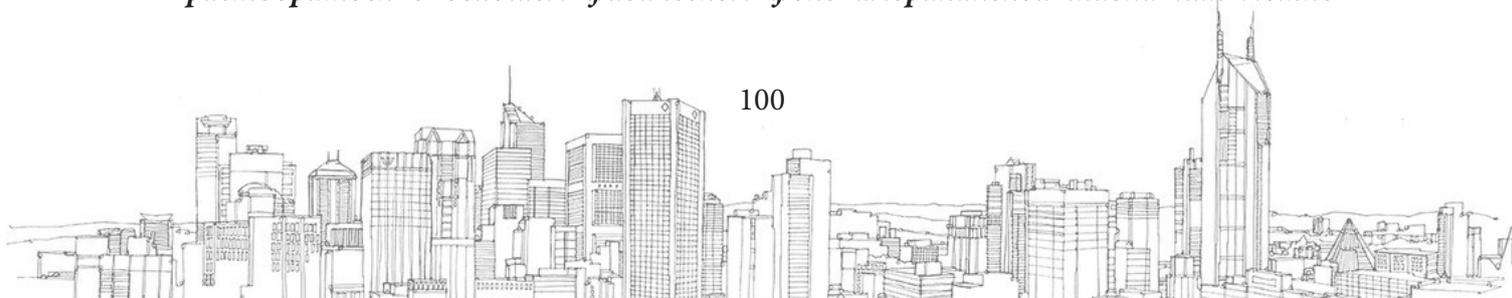
Лай объясняет традиционное китайское архитектурное происхождение таких элементов, как цвета и мотивы животных, которые, как считается, влияют на судьбу жителей здания. Красный означает счастье, золотое благополучие, синий мир и зеленое плодородие. Драконы и фениксы приносят удачу и часто появляются на стенах, колоннах и вывесках магазинов (30–31).

Наконец, Lai предлагает идеальную, глобально полезную смесь, основанную на Чайнатауне Виктории,

за коммерческими фасадами старых зданий до сих пор можно увидеть замысловатые сети живописных аркад, узких переулков и закрытых дворов. Архитектурные компоненты гармонично соотносятся с масштабом людей, проходящих по улице: мы видим большие впечатляющие ворота, затем детали его дизайна, затем фасады трехэтажных зданий, затем улицу, тротуары, людей и автомобили и, наконец, переулки и дворы. Шкалы различных частей Китайского квартала иерархически интегрированы, поэтому мы чувствуем сложность, последовательность и удовлетворение. (31)

Сразу после выступления Лая в том же томе Уилбур Зелинский преуменьшил значение этого аргумента. В «Видении за пределами доминирующей культуры» (1991) он писал, что, хотя ему нравилось «бродить по так называемым этническим районам наших городов», он не смог «определить какой-либо неамериканский этнический ландшафт в любом американском городе». В частности, в отношении анализа Лая он ставит под сомнение подлинность китайских кварталов как этнического выражения, отмечая «фальшивку таких районов», о которых говорил Лай. Зелинский продолжает:

И, конечно же, постоянно увеличивающееся большинство американцев китайского происхождения проживает в домах и районах, совершенно неотличимых от домов старожилов-американцев. Я предлагаю читателю осмотреть престижные афроамериканские районы Большой Атланты или Вашингтона, преимущественно еврейские пригороды Детройта или Чикаго, те районы большого Лос-Анджелеса, которые часто посещают состоятельные американцы японского или корейского происхождения, а затем показать мне их этническую особенность. Мораль, конечно, такова, что все эти люди, не живущие по западноафриканскому времени, должны были приспособиться и раствориться в большем физическом фоне американской жизни как можно

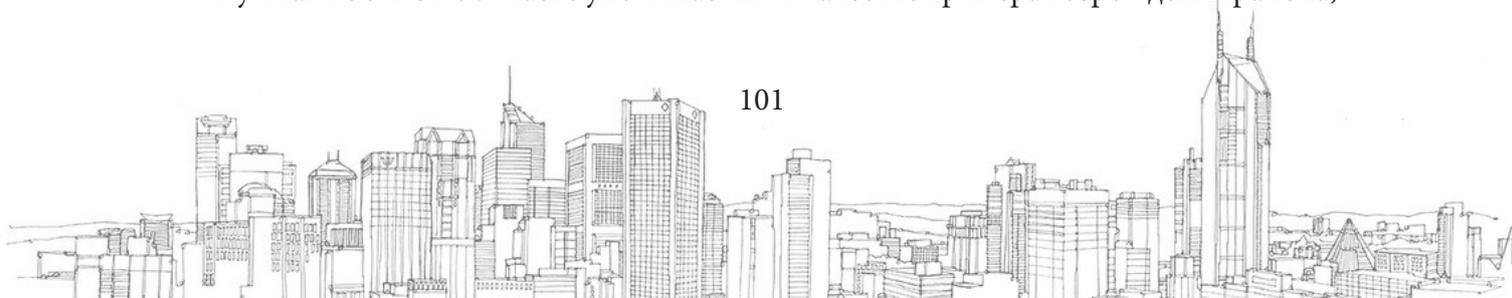
полнее и быстрее. И подавляющее большинство было только радо этому.

То, что мы, кажется, получаем в наших современных китайских кварталах, независимо от их исторического происхождения, - это осязаемая фантазия, воображаемый Китай, который турист или покровитель хотел бы представить себе, или Китай, лучше всего рассчитанный на то, чтобы отделить посетителя от его денег. Они представляют собой образцы более многочисленного племени придорожных достопримечательностей, в том числе искусственных приграничных городов Дикого Запада и тех ярких индейских деревень, которые можно найти в стране чероки на западе Северной Каролины и в других местах. Мы также встречаемся с ними косвенно, в еще более отдаленном месте, в фильмах, снятых в североафриканских деревнях, мексиканских площадях или полинезийском рае на множестве голливудских киностудий. Любое сходство с культурной реальностью сугубо случайно. (34)

Мой друг и коллега, Джон Куо Вей Чен, внес большой вклад в наше понимание меняющихся построений азиатской идентичности в Америке, которые возникли много веков назад в споре на «предметы роскоши и идей в китайском стиле, наполненные символическим смыслом». (2001, 24; см. Также 1984, 1988). К сожалению, он писал, поскольку прямые контакты и конкуренция между американцами и китайцами усилились в результате торговли и трудовой миграции, что прежде позитивное увлечение мифическим Китаем превратилось в более негативный стереотип. В начале 80-х годов, когда меня уже считали «бруклинским экспертом», он обратил мое внимание на существование «скрытого» района, в котором жили тысячи китайских иммигрантов. Никто не признал его «китайским кварталом», потому что в то время вывески на магазинах, которые обслуживали его исчезающих скандинавских, итальянских и других евро-американских жителей, визуально доминировали над его главной торговой улицей. Тарри Хам (2004) сосредоточил внимание на том же китайском квартале Сансет-Парк в Бруклине, что делает более очевидным его этническую сложность, затмеваемую обычным определением тематического парка. Проверка семиотических идей - это созерцание того, как такое место «выглядит», в отличие от того, что о нем говорят данные. Как заключает Хум, жители многонациональных иммигрантских кварталов, таких как Сансет-парк, «бросают вызов упрощенным характеристикам анклавов иммигрантов» (43).

В начале двадцатого века Сансет-парк, расположенный недалеко от набережной Бруклина, предлагал европейским иммигрантам рабочие места на море и на производстве. Близость к местным портам особенно привлекала норвежских моряков. В 2003 году Хум сообщил, что Сансет-парк, несмотря на крайнюю деиндустриализацию, по-прежнему привлекает новичков в поисках дешевого жилья и доступа к общественному транспорту. Несмотря на то, что в городе на третьем месте по численности проживает китайское население, его называли «китайским кварталом-сателлитом». Он также был описан как латиноамериканский район, в котором к коренным пуэрториканцам присоединились иммигранты из Доминиканской Республики, Мексики и Центральной Америки. Добавлялись в смесь растущие ближневосточные и польские общины.

Хум также отметил: «Часто упоминаемый в качестве примера возрождения района,

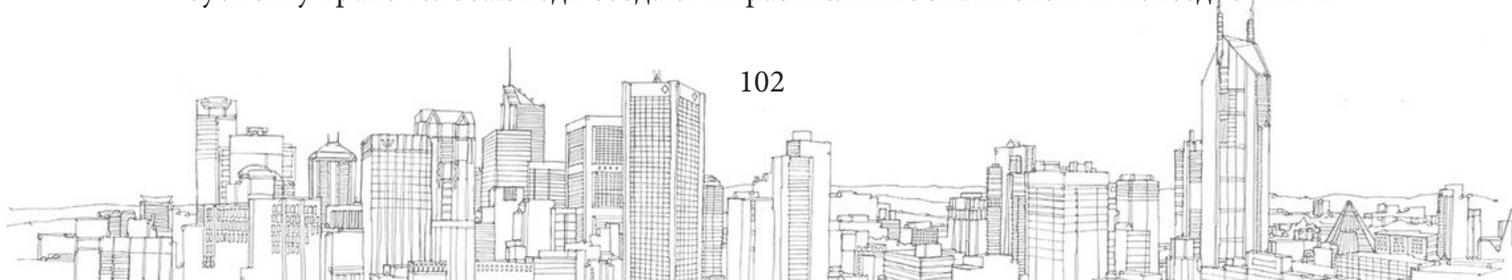

движимого иммигрантами, азиатский и латиноамериканский иммигрантский капитал и капитал иммигрантов дали новую жизнь «умирающему району» и в процессе превратили разваливающиеся городские пространства в оживленные рынки и уличные пейзажи. Этому новому экономическому процветанию, однако, противостоит неравномерная система роста этнических экономик. Бедность среди работающих иммигрантов, распространение потогонной экономики и случайность трудовых отношений также являются характерными чертами экономической жизни в Сансет-Парке» (2004, 43–4). Подробнее о китайских кварталах Нью-Йорка см. Zhou 1992, Garbarine 1990, Waldinger 1991, Tobier 1979, Ferretti 1980

Семиотика китайских кварталов

Основываясь на моих собственных наблюдениях, сделанных в шестнадцати китайских кварталах по всему миру, похоже, что, будучи этническими тематическими парками, а не просто этническими анклавами, они имеют много общих визуальных элементов. Самое главное, что у китайских кварталов есть четко определенные границы. Они часто появляются на туристических и других более официальных картах. В эпоху электроники их также можно найти на веб-сайтах городских властей, агентств недвижимости, общественных групп, ученых и т. д. Хотя сами этнически определенные местные популяции могут увеличиваться и уменьшаться, и даже быть заменены другими группами, различные обозначенные входы, и границы, ограничивающие территорию, как правило, сохраняются. Что касается рассмотрения визуальных элементов как качественных данных, Уоррен и Карнер, ссылаясь на мою собственную работу о Чайнатаунах, обсудили, как можно распознать символическое использование архитектурных пограничных знаков, таких как входные ворота, в визуальных исследованиях (2005, 181–182). В этой связи они отмечают, что «[исследователи] требовали от изображений рефлексии и тщательного обдумывания. Выбирая создание изображений - будь то фотографирование или создание видео - исследователь признает дополнительную сложность, вносимую при создании изображений в ходе проведения исследования... [а также чувствует] вынужденным рассмотреть вопросы, касающиеся «расширения возможностей» (субъекта) и «владение» (данными и полученными результатами), особенно в отношении фотографий» (181).

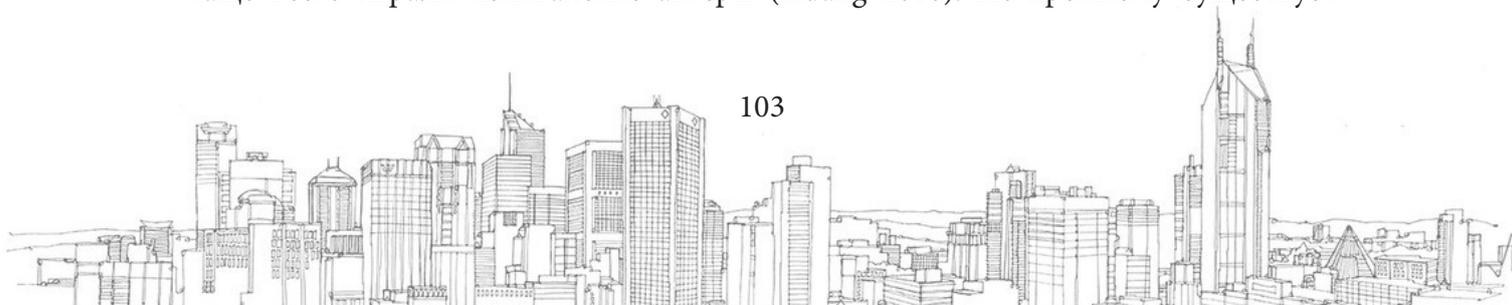
Этническая идентичность передается через процесс, посредством которого члены делятся культурными фактами, составляющими их идентичность, такими как их собственные места происхождения или места происхождения предшественников, и особенно язык. Обычные люди вписывают свое окружение своим присутствием, о чем свидетельствуют в основном обыденные и часто незамеченные и, возможно, неправильно понятые детали их повседневной жизни. Поскольку они могут иметь разное значение, признаки этнической принадлежности для себя или для других находятся в постоянном напряжении. Как отмечалось во вступительной главе, Якобсон (1960, 1972) обозначил три функции знаков, которые могут помочь расшифровать конкурирующие значения, применяемые к визуальным представлениям этничности: экспрессивное, конативное и фатическое. Выразительные знаки как важные компоненты социальной активности дают субъекту право голоса. Люди создают выразительные знаки своими повседневными

практиками, такими как демонстрация национальных цветов для провозглашения происхождения. Условные знаки пытаются влиять на поведение других людей, что может включать и исключать, например, языковые знаки. Знаки, которые способствуют социальным отношениям, фатические знаки, являются, пожалуй, наиболее распространенными обозначениями этнического языка и становятся основными маркерами «родины/дома» в пространствах поселений, говоря, что это пространство «наше». Одновременно они могут быть экспропрированы и предложены как репрезентации этнических пространств.

Для Гая Дебора (1994) в «обществе зрелища/спектакля» социальные отношения опосредуются образами. Основная цель спектакля - разделить и различить. Современные городские пространства отмечены различиями, и спектакль - это возможность испытать «Других» через потребление их различных практик. Этническая идентичность - это набор знаков, и, как объясняет Дебор, «спектакль провозглашает преобладание внешнего вида и утверждает, что вся человеческая жизнь, то есть вся социальная жизнь, есть просто видимость» (14). Говоря о такой разборчивости, Кевин Линч утверждает, что она «имеет особое значение при рассмотрении городской среды по размеру, времени и сложности. Чтобы понять это, мы должны рассматривать не только город как вещь в себе, но и город, воспринимаемый его жителями» (1960, 3). Интерпретируется сложный текст городских кварталов. Поэтому инсайдеры и посторонние могут самым простым способом оспорить значение знаков. Некоторые знаки становятся знакомыми, потому что они повторяются, и это, замечает Дебор, является основой спектакля. Эта траектория значений от презентации к ре-презентации и, наконец, к репрезентации, влияет на многие аспекты социальной идентичности, которые читаются как знаки в урбаническом тексте.

Конечно, этнические жанры, такие как спектакль/зрелище, населяют многие формы популярных развлечений. Чайнатауны долгое время считались идеальным местом для магазина монет и других более респектабельных романов. Как и Чен (2001), Шилпа Дэйв в своей книге «Виды знаменитостей и сенсационные тайны: американцы китайского происхождения, межрасовые границы и американцы в популярной культуре» (2005) объяснила, что между Законом об исключении китайцев 1882 года и его запоздалой отменой в 1943 году Несмотря на то, что американское общество высоко ценило китайские товары, китайских иммигрантов не приветствовали. В тот же период настоящие и вымышленные китайские персонажи и культура также «фигурировали в музеях, шоу музыкантов, индустрии моды и романах из десятицентовиков, а также в зарождающихся повествованиях о Голливуде» (313). Для Дэйва именно американская поп-культура структурировала социальные взаимодействия между китайцами и американцами неазиатского происхождения (см. Также Луи 2005 и Ву 2005). Для американцев, вероятно, самым популярным из вымышленных жителей китайского квартала был китайско-американский детектив из Гонолулу Чарли Чан, созданный графом Дерром Биггерсом в 1923 году. Чана можно рассматривать как положительное противодействие стереотипным азиатским злодеям, таким как доктор Фу Маньчжурия. Чан много раз появлялся в романах, фильмах и на телевидении; а в последних двух медиа чаще всего играли неазиатские актеры (Huang 2010). По-прежнему существует

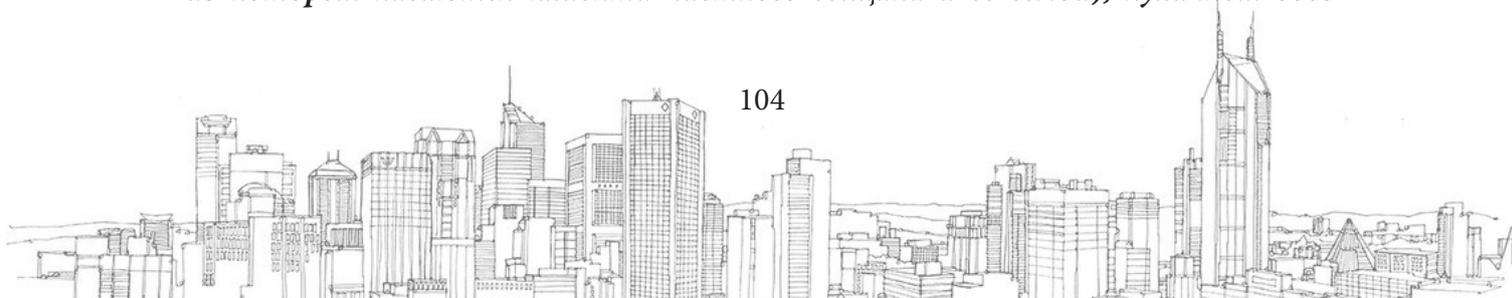
криминальный роман о Чайнатауне, например, недавний сериал Генри Чанга, в котором китайско-американский детектив Департамента полиции Нью-Йорка Джек Ю назван в титрах таких, как Chinatown Beat (2008). По данным Publishers Weekly, в рассказе об изнасиловании школьницы с участием тайной организации китайцев, гангстеров и любовниц, а также нелегальных мигрантов, Чанг предлагает читателям «увлекательный взгляд на китайско-американское городское сообщество Нью-Йорка и его субкультуры» (2006).

Другой вариант жанра - это горько-сладкие личные размышления о взрослении в том или ином этническом анклав, например, в Чайнатауне. Одним из самых известных в этом жанре является фильм Эми Тан «Клуб радости и удачи» (1989), по которому был снят фильм 1993 года. Как и в романах Чанга, Чайнатаун - это сцена, но для другого, более симпатичного, но столь же убедительного и стереотипного повествования. Как описано также Publishers Weekly, роман Тана:

Интенсивно поэтический, поразительно образный и трогательный... расскажет многим женщинам, матерям и взрослым дочерям о постоянных противоречиях и сильных связях между поколениями и культурами. Голос повествования перемещается между семью персонажами. Цзин-мэй «Джун» У рассказывает о своей первой сессии в маджонг-клубе Сан-Франциско, основанном ее недавно умершей, духовно здоровой матерью. Трое оставшихся членов клуба и их дочери чередуют истории из своей жизни, сказки потрясающие, забавные и душераздирающие. Все матери, рожденные в Китае, рассказывают об изнурительных невзгодах, тирании семейной гордости и страхе потерять лицо. Дочери пытаются примирить свою личность, сформированную по американским стандартам, с, казалось бы, иррациональными материнскими ожиданиями. «Моя мама и я никогда не понимали друг друга; мы переводили значения друг друга. Я разговаривал с ней по-английски, она отвечала по-китайски», - говорит один персонаж. Результатом является колоссальный разрыв между поколениями: суеверные, полные страха матери, всегда опасющиеся неудач, воспитывают своих дочерей с надеждой на то, что их жизнь станет лучше, но они также оплакивают потерю наследия, которое их дочери не могут понять. (1989)

Я считаю, что спектакли легче всего понять, когда зрители и исполнители физически четко разделены, как это происходит в театрах и на стадионах. Зрелище Чайнатауна давно стало популярным в фильмах и продолжается сегодня в виде большой коллекции фильмов о кунг-фу, сценой для которых он является. Однако фильм, который имел для меня наиболее интересную семиотическую ценность, - это классический неоноарный Чайнатаун (1974), снятый Романом Полански по сценарию Роберта Тауна. Действие происходит в Лос-Анджелесе в 1937 году, но в конце фильма есть только одна сцена, которая на самом деле происходит в китайском квартале. Я уверен, что Дебор был бы очень признателен за этот фрагмент сценария Тауна Тима Диркса:

Расследование обычной истории детективом раскрывает секреты под множеством слоев, фасадов, отвлекающих факторов и сетей коррупции, заговора и обмана. Фильм содержит множество поворотов сюжета (многие из которых касаются клиента частного сыщика и ее семьи), кулачных боев

и некоторого насилия, а также множества смен сцен. По мере того как герой распутывает сложные, неуловимые факты, он легкомысленно и самоуверенно предлагает простые объяснения глубокой коррупции, которую он обнаруживает, а затем обнаруживает, что должен постоянно пересматривать свои неточные заявления после обнаружения дополнительных доказательств. Его попытки отделить добро от зла - спасти добро и наказать зло - в конечном итоге терпят неудачу в метафорическом (а затем и реальном) мире Китайского квартала к кульминации фильма. [Название фильма, по словам Таун, относится к «душевному состоянию», а не к фактическому географическому положению.] (2011)

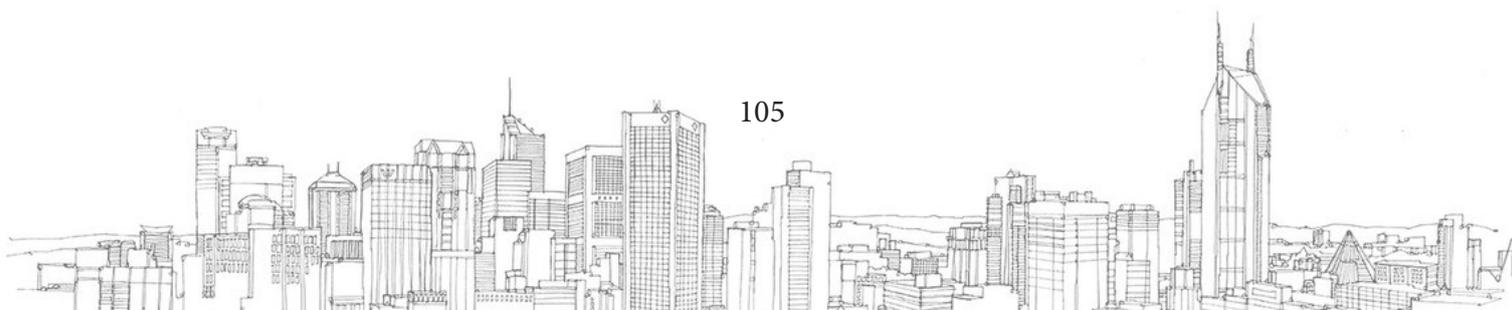
Таким образом, Чайнатаун является визуальным синонимом мрачных зловещих мест, заполненных опиумными притонами, проституцией и гангстерскими клещами.

Фото Чайнатауна

Как и Маленькие Италии, Чайнатауны - это идеализированные этнические городские пространства. Это «репрезентации пространств», а также «репрезентативные пространства» (Lefebvre 1991, Harvey 1989), которые я назвал (1997) этническими тематическими парками, которые сохраняются как зрелища для оценки туристов. В большинстве из них также есть «Музеи ассимиляции», где можно найти выставки памятных вещей, а также архивы и галереи, принадлежащие группам, занимающимся сохранением своего этнического наследия. На улице можно встретить памятники известным и печально известным представителям этноса. Этнические тематические парки могут также служить «антропологическими садами», где местных жителей можно увидеть в их естественном состоянии на улицах и в парках, во дворах, центрах для пожилых людей и социальных клубах. Видео- и другие журналисты часто приходят в антропологические сады или человеческие зоопарки, чтобы взять интервью у людей о «старых добрых временах» в районе или в удобное место, чтобы записать комментарии о событиях, происходящих в странах проживания жителей. Приведенные ниже изображения выбраны из тысяч, сделанных в следующем списке городов, в которых наблюдались и фотографировались китайские кварталы: Сидней и Перт, Австралия; Рим, Италия; Лондон, Англия; Бостон, Массачусетс; Бруклин, Нью-Йорк, Куинс и Бронкс, Нью-Йорк; Филадельфия, Пенсильвания; Балтимор, Мэриленд; Вашингтон; Хьюстон, Техас; Лос-Анджелес и Сан-Франциско, Калифорния; Сиэтл, Вашингтон; и Торонто, Канада.

У них есть пять общих черт:

1. Входы, рубежи и/или границы, выделяющие территорию.
2. Специальные представления, такие как религиозный Новый год и другие сезонные праздники.
3. Примеры народных архитектур.
4. Этнические магазины, особенно рестораны и другие магазины для посетителей. Посетители включают тех китайцев, которые приходят в этот район за покупками, но живут в другом месте.
5. Исторические или культурные ссылки, такие как фрески и статуи.

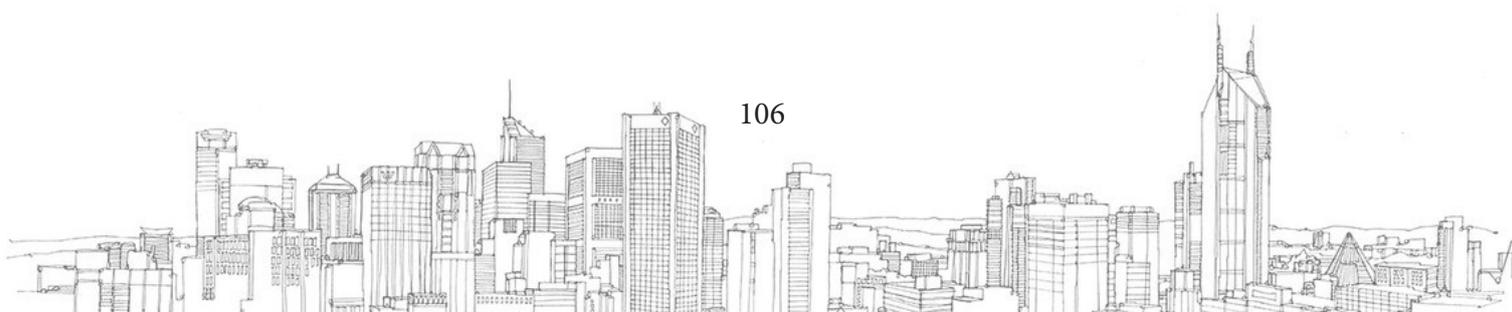
Типичный пример входов в Чайнатауны - сложные ворота (см. Рисунок 3.1). Другими официальными этническими знаками для этих территорий являются флаги и баннеры, соответствующие культурным традициям, которые украшают фонарные столбы и уличные знаки.

Рисунок 3.1 Вход в китайский квартал, Вашингтон, округ Колумбия, США, 2007 г.

Рисунок 3.2 Китайский Новый год, Сансет-Парк, Бруклин, Нью-Йорк, США, 2005 г.

В частности, в пределах китайских кварталов есть общественные знаки, переведенные на китайские иероглифы. Репертуар большинства Чайнатаунов вполне стандартный, а для Чайнатаунов - Лунные новогодние танцы львов (см. Рис. 3.2) и фейерверки. Аутентичная и искусственно этническая архитектура является общей чертой этнических тематических парков, таких как Чайнатауны и Маленькие Италии. Иногда со стороны местных предпринимателей и / или органов государственной власти прилагаются скоординированные усилия по созданию и поддержанию заметной этнической темы, например, в китайском квартале Лос-Анджелеса (см. Рис. 3.3). В других случаях это происходит просто как функция местного архитектурного вкуса (см. Рис. 3.4). Это, конечно, отличается от этнических народных ландшафтов, обсуждаемых Джексоном (1984), но даже эти более обычные видимые артефакты можно скоординировать для получения желаемого эффекта. Зукин (1995, 1996) много писал о культурах городов и особенно некоторых районов как о досуге, который нужно «потреблять». Для местного, регионального и международного туризма этнические тематические парки уже давно являются элементом городской экономики потребления и могут рассматриваться как места для этнических магазинов, таких как «экзотические» продовольственные магазины, рестораны, товары и сувенирные магазины.

Рисунок 3.3 Китайский квартал, Лос-Анджелес, Калифорния, США, 2001 г.

Эти торговые центры четко обозначены, как в случае с Eating World в Сиднее (см. Рис. 3.5) и с использованием визуальных тропов китайской идентичности, таких как драконы, обитающие в большинстве китайских кварталов (см. Рис. 3.6). Во многих случаях в местной экономике ностальгия может побуждать этнических групп периодически возвращаться в «старые кварталы» для фестивалей и покупок. Во всем мире китайские кварталы также были известны как места по умеренным ценам для более приземленных вещей.

Рисунок 3.4. Китайский диалект, Китайский квартал, Филадельфия, Пенсильвания, США, 2005 г.

Как отмечает Фокс Грэхэм (2005), туристические места также являются местом противоречий, а также развлечений и потребления. Он утверждает, что фестивали, например, дают местным жителям возможность выразить себя различными способами. Один из способов самоутверждения китайцев на местном уровне - это художественная и культурная деятельность. Иногда они происходят внутри зданий и других сооружений, таких как культурные центры, школы, театры, художественные галереи и музеи. В других случаях они имеют место на виду на улицах, во дворах и на стенах квартала (см. Рис. 3.7).

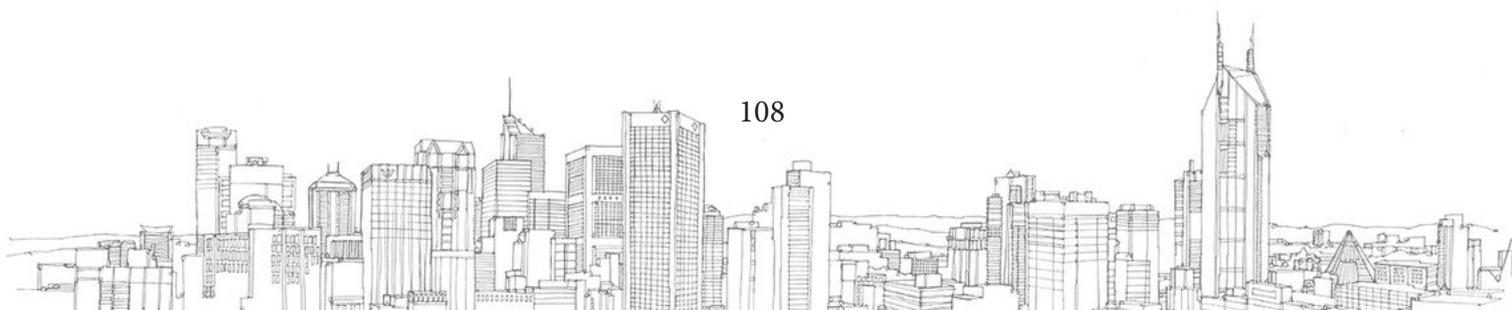

Рисунок 3.5 Eating World («Мир, который ест»), Чайнатаун, Сидней, Австралия, 2003 г.

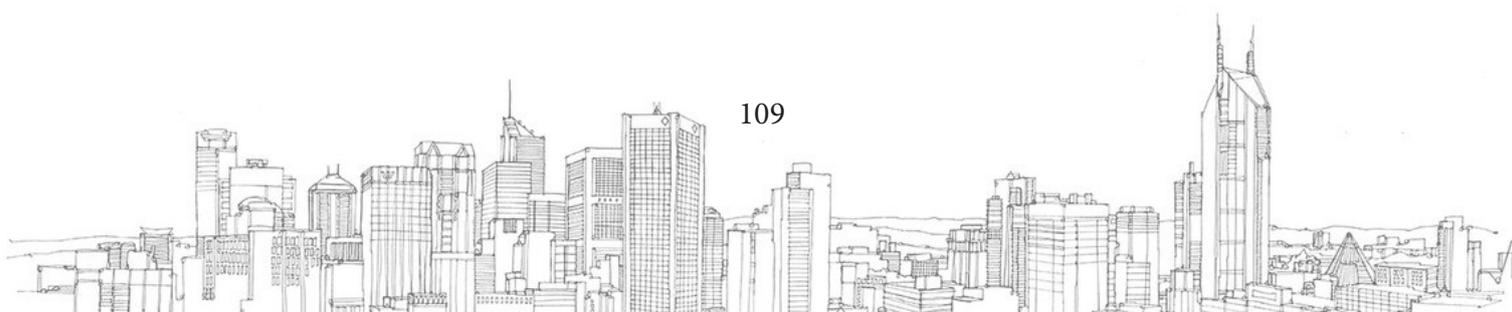

Рисунок 3.6 Чайнатаун Эмпория, Торонто, Канада, 2006 г.

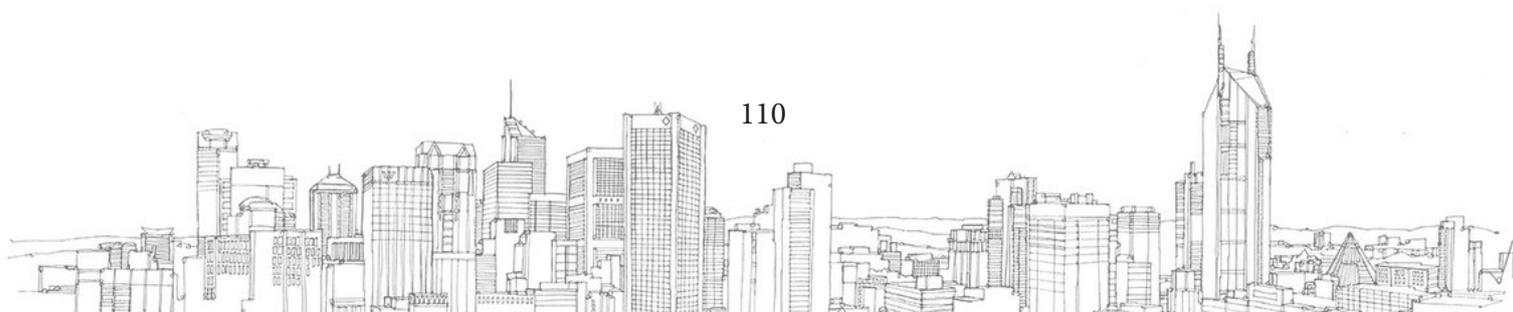

Рис. 3.7. Граффити «Наше видение китайского квартала», Филадельфия, Пенсильвания, 2005 г.

Глава 4

Визуализация американских городов

Введение

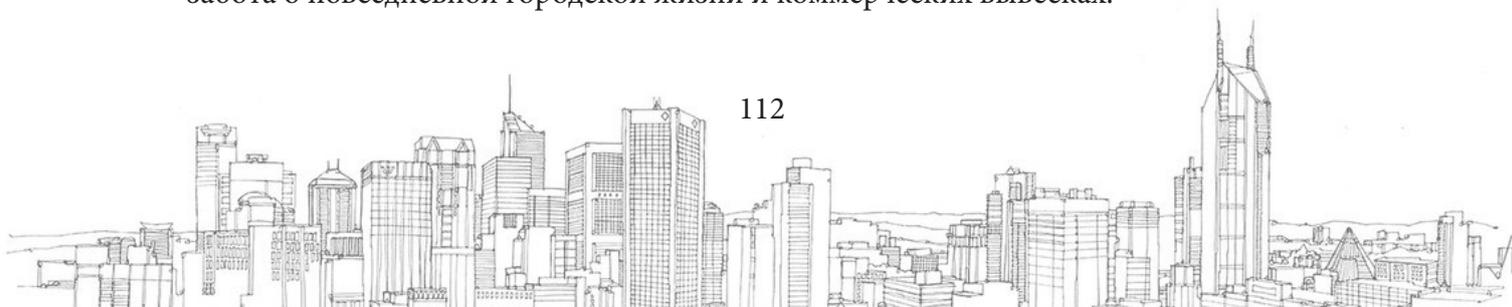
Как обсуждалось в главе 1, Жан Бодрийяр зарезервировал особое место для американских городов, которые, из-за отсутствия лучшей терминологии, являются городским *je ne sais quoi* (фр. – «в них что-то есть», «что-то вроде этого»). В других более или менее европейских местах можно было найти те же социальные и физические элементы. Однако он думал, что «пропавшими» были «искры и насилие» и «необъятные небеса», которые сформировали американское сознание. Плохо отзываясь о «хилых зданиях» Парижа и его высотном деловом районе Ла Дефанс как о французском саде - «связке зданий с перевязанной лентой» (15), - Бодрийяр превозносил американский город за его безумное пространственное соперничество, который отвергает ограничения и приближается к высокомерию городского Возрождения. Для него даже снос - достойное зрелище:

Двадцатиэтажный блок остается совершенно вертикальным, скользя к центру земли. Он падает прямо, не теряя своей вертикальной опоры, как манекен портного, проваливающийся через люк, и его собственная поверхность поглощает обломки. Какое чудесное современное искусство, достойное фейерверков нашего детства. (16)

Поскольку в этой книге нас больше интересуют улицы, чем горизонты, Бодрийяр предлагает устаревшее возражение:

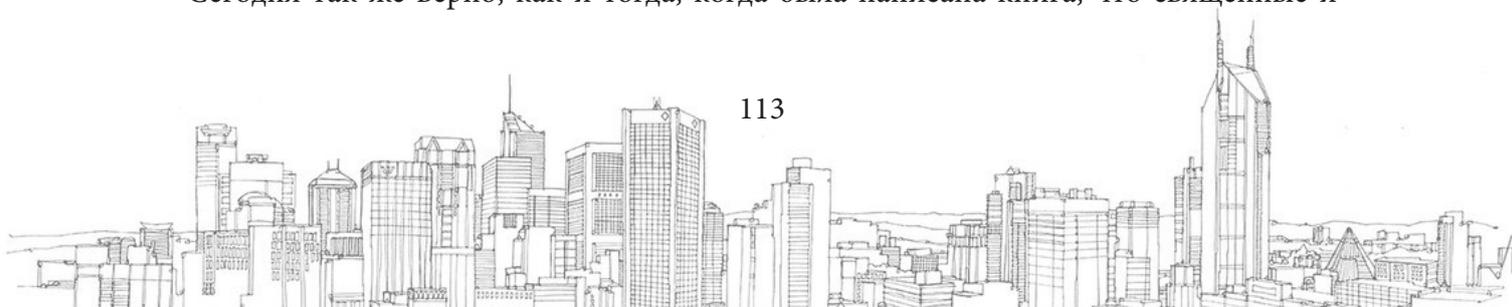
Говорят, в Европе улицы живы, а в Америке - мертвые. Они не правы. Ничто не может быть более напряженным, возбуждающим, беспокойным и жизненно важным, чем улицы Нью-Йорка. Они наполнены толпой, суетой и рекламой, каждая по очереди агрессивна или случайна. На улицах миллионы людей, блуждающих, беззаботных, жестоких, как будто им нечего делать - и, несомненно, им нечего делать, - чем создавать постоянный сценарий города. Музыка везде; деятельность интенсивная, относительно жестокая и тихая (это не та возбужденная театральная деятельность, которую вы можете найти в Италии). Улицы и проспекты никогда не пустуют, но аккуратная, просторная геометрия города далека от тесноты узких улочек Европы. (16)

Роберт Вентури предложил столь же мощное видение американских городских пейзажей, которое дополняет противоречивые представления Дж. Б. Джексона и Уилбура Зелинского. Вентури продолжает оставаться для архитектурных критиков и историков самым важным ориентиром. Архитектурный теоретик Жан Ла Марш поместил его вместе со своей партнершей Дениз Скотт Браун в число четырех выдающихся архитекторов и фирм двадцатого века, в том числе Фрэнка Ллойда Райта, Ле Корбюзье и Альдо Росси. Вентури пытался увлечь американских архитекторов, проектировщиков и строителей от предсказуемого модернизма, который доминировал в этой области в 1960-х годах. Особое значение имела его забота о повседневной городской жизни и коммерческих вывесках.

Ла Марке писал о Вентури и Брауне в книге «Знакомое и незнакомое в архитектуре двадцатого века» (2003) и напомнил читателям, что люди и планы, которые для них составлены, объединяются до того, как эти планы претворяются в жизнь. Люди представляются в воображаемых пространствах. Можно предугадать, что, поскольку они художники, архитекторы, несмотря на протесты об обратном, часто оставляют людей вне поля зрения, за исключением вставленных значков. Поэтому нам следует изучить архитекторов и, в более широком смысле, общество, которое их создает, чтобы лучше понять как смысл, так и практические последствия их построек. Фрейм, который использует Ла Марш, - это рамка «клеветы» или «шок от нового». Рамка «Новое» было средством культурной трансформации, и клевета «возникла автоматически, когда архитекторы внимательно относились к определенным убеждениям об «экономии средств» и создавали архитектуру, ориентированную на честное выражение структуры, материалов и функций, а не на стиле прошлого. Для того чтобы архитектура соответствовала возрасту, важна была стратегия обесценивания» (5). Модернисты, как отметил Ла Марш, считали, что архитектура способна «формировать наши ценности, идеи, эстетические предпочтения и даже то, как мы думаем и представляем», и что архитектура прошлого препятствовала чувствам, необходимым для современной эпохи: «Следовательно, это было важно представить характеристики нового века в архитектуре, даже если они шокировали людей» (5). Вентури, как отмечал Ла Марш, взял на себя роль исторического толкователя и использовал знакомое, чтобы выразить это (78). Вентури стремился создать «сложное целое»; сложная и противоречивая архитектура: «В этих условиях основная ответственность архитектора заключалась в обеспечении организации уникального целого с помощью традиционных частей и разумном внедрении новых частей, сочетание которых комплексно отвечало бы различным интересам» (81). Ла Марке привел примеры из «Уроки из Лас-Вегаса» (Вентури и др., 1972), такие как сопоставление знакомого и незнакомого для создания новых значений для целого. Вентури интересовала визуальная напряженность, представленная поп-художниками, которые использовали визуальные методы, «чтобы разрушить привычки зрения» (91). Сильная визуальная направленность компании Venturi and Associates представляла здания в виде скульптур или самих предметов, лучшим примером чего является «Утка» (93). Они хотели восстановить способность зданий нести знаки, связывающие с популярной культурой, их новыми субъектами и чувствами. По сути, популярная архитектура должна быть легко читаемой (94) (см. Krase 2005b).

Когда Роберт Вентури, Дениз Скотт Браун и Стивен Изенур опубликовали «Уроки из Лас-Вегаса» в 1972 году, это вызвало споры. Они упрекали элитных архитекторов, которые отвергали вкусы и ценности обычных людей, а вместо этого стремились воздвигнуть себе памятники. Как урбанист, я бы сказал, что их часто цитируемое замечание «Лас-Вегас для улицы - то же самое, что Рим для площади», можно сравнить с «Лас-Вегасом для бульвара, как Америка для рекламы»: 1970-е годы мы определяли себя тем, что продавали. Стрип (участок бульвара) - это сердце города, проходящие через его артерии, - символическая и иллюзорная архитектура. Там архитекторы развлекали себя и гостей Древним Римом или Диким Западом. Сегодня так же верно, как и тогда, когда была написана книга, что священные и

мирские пейзажи прошлого, настоящего и будущего прославляют иллюзорный американский язык.

Архитектурный критик New York Times Николай Уруссофф подумал, что «Уроки Лас-Вегаса все еще вызывают сюрпризы» (2009 г.) после просмотра мультимедийной выставки «Что мы узнали: Йельская студия в Лас-Вегасе и работы Venturi, Scott Brown & Associates». Городские и визуальные этнографы могут извлечь пользу из своей работы, поскольку они видели мир через лобовые стекла автомобилей,

но их метод был скорее аналитическим, чем историческим. Лос-Анджелес для них был недостаточно чистым. Они хотели чего-то «более концентрированного и легкого для изучения». Примеры такой концентрации были «в организации типичной вывески казино, с логотипом, окруженным мерцающими огнями, расположенным вверху, чтобы его можно было увидеть из любой точки Стрипа». Более подробная информация размещена на меньшем знаке внизу, чтобы ее можно было прочитать, когда машина приближается к въезду на парковку».

Другими признаками изменяющегося Стрипа были:

плакат кампании, висящий на обочине ржавого пикапа, слово «БИБЛИЯ», написанное заглавными буквами на прицепе для лошади... Серия небольших фотографий, выстроенных в ряд, чтобы показать вид из окна машины вдоль дороги Стрип аналогичным проектом про Сансет-Стрип лос-анджелесского художника Эда Руша. В обоих случаях вы получаете ошеломляющее ощущение дрейфа - результат горизонтального ритма пустых участков и дешевых низких построек.

Они также использовали более традиционные аналитические инструменты, чтобы составить карту народного пейзажа, «например, плотная активность казино и пустота парковок... что придало Стрипу его уникальный характер. На основе этого они надеялись создать архитектуру, которая отражала бы противоречивые потребности и желания нормальных людей, а не ту, которая соответствовала бы жестким эстетическим правилам». Еще один урок, извлеченный из Лас-Вегаса, может заключаться в том, что иллюзия столь же американская, как яблочный пирог, как в следующей истории о том, как Почтовая служба США случайно использовала фотографию копии Статуи Свободы на Лас-Вегас-Стрип для новой марки. В «Эта леди Либерти - подросток из Лас-Вегаса» (2011) Ким Северсон и Мэтью Хили написали:

Почтовое отделение, которое считало, что марка Lady Liberty «навсегда» представляет собой настоящую вещь, обнаружило иное, когда умный коллекционер марок, который также является, можно сказать, суперфаном статуи Свободы, заподозрил неладное и связался с Linn's Stamp News, эссенциальное чтение среди филателистов.

Но почтовое отделение, несмотря на смущение, все равно оставили это, потому что им нравится дизайн, выбранный из службы фотографий.

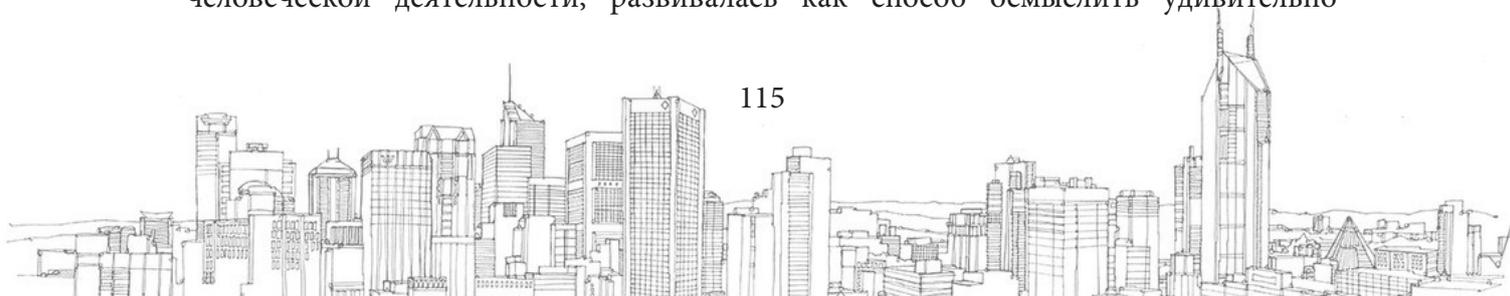
Рисунок 4.1 Статуя Свободы, Лас-Вегас, Невада, США, 2011 г.

Для обычного туриста различия очевидны. Статуя в Лас-Вегасе вдвое меньше настоящей Статуи Свободы. И, конечно, они в разных городах. Но нужно быть настоящим учеником Леди Либерти, чтобы заметить контрасты на фотографии ее головы размером с марку. Волосы отличаются. Глаза реплики очерчены гораздо резче. Прямоугольная нашивка - может быть, дощечка с названием? - находится на центральном шипе реплики... В казино Нью-Йорк-Нью-Йорк, где постоянный мемориал 11 сентября расположен напротив фальшивой нью-йоркской гавани, в которой находится фальшивая Статуя Свободы, нет ничего кроме гордости.

«Все думали, что почтовое отделение чувствует только одно великое американское учреждение, тогда как на самом деле они чувствовали два - Статуя Свободы и Лас-Вегас», - сказал Гордон Абшер, представитель MGM Resorts International.

Городская экология и городские изображения

Городская экология, исследование пространственного распределения человеческой деятельности, развивалась как способ осмыслить удивительно

сложную этническую и расовую мозаику того периода. Как и почти все представления об обществе, этот особый взгляд на вещи имел явно местное происхождение, возможно, в Чикаго, в первом явно «американском» из городов. Более века назад десятки тысяч иммигрантов наводнили Чикаго, и мобилизация на Первую мировую войну принесла с собой большое количество афроамериканцев из южных штатов. Карл Сэндберг, сам ребенок бедных шведских иммигрантов, переехал туда из Милуоки в 1912 году в возрасте 34 лет. Очевидно, это поразило его, поскольку он был немногословен, но использовал мощные слова, чтобы сформировать видение будущего Америки как нации, а также его динамичные мегаполисы. Примечательна гармония представлений Бодрийера и Сэндберга об американском разнообразии и безграничности.

Чикаго

*Сердце бога, мясник для всего мира,
производитель инструментов,
укладчик пшеницы, игрок железных дорог
и грузоперевозчик нации;
Бурный, хриплый, дерзкий,
Город больших плеч:*

Они говорят мне, что ты злой, и я им верю, потому что видел твоих раскрашенных женщин под фонарями, соблазняющих фермерских мальчиков. И они говорят мне, что ты извращенный, и я отвечаю: Да, это правда, я видел, как бандит убил и снова пошел на свободу убивать.

И они говорят мне, что ты жестокий, и я отвечаю: на лицах женщин и детей я видел следы безудержного голода. И, ответив так, я снова обращаюсь к тем, кто насмехается над этим моим городом, и я возвращаю им насмешку и говорю им: идите и покажите мне другой город с поднятой головой, поющий так гордо, чтобы быть живым и грубым, сильным и хитрым.

Бросая магнетические проклятия среди тяжелого труда на работе, вот высокий, смелый отбивающий, ярко выделяющийся на фоне маленьких мягких городов;

Свирепый, как пес с высунутым языком готовый к действию, хитрый, как дикарь, сражающийся с пустыней,

Без головы, Разгребающий, Разрушающий, Планирующий, Строящий, Ломающий, Восстановливающий,

Под дымом, пыль во рту, смеется белыми зубами,

Под страшной ношей судьбы смеется, как смеется юноша,

Смеется, как смеется невежественный боец, никогда не проигравший битвы,

Хвастается и смеется, что под его запястьем пульс, а под ребрами сердце народа, Смеясь! Смеясь над бурным, хриплым, дерзким смехом молодежи, полуобнаженной, вспотевшей, гордой быть мясником, мастером инструментов, укладчиком пшеницы, игроком с железных дорог и грузоперевозчиком нации.
(1916)

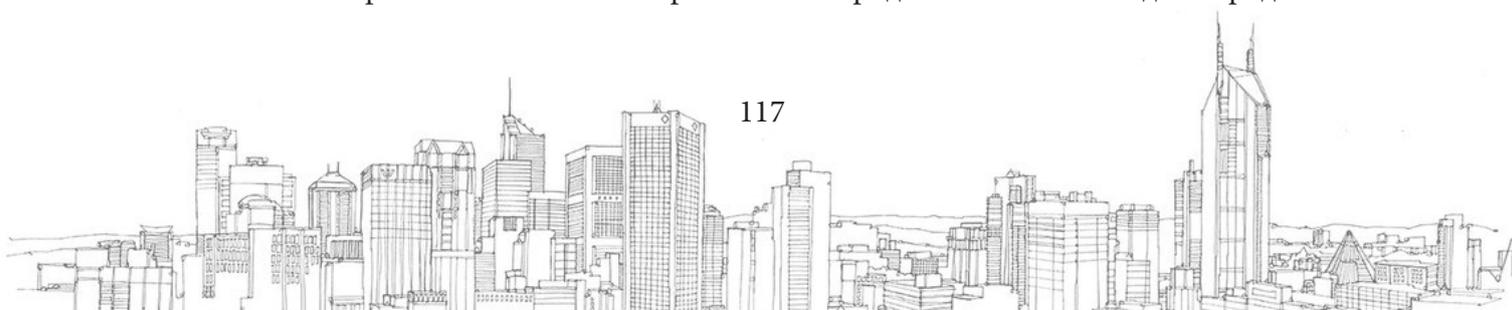

Чикагская школа городской социологии использовала биологические принципы сотрудничества и конкуренции за пространство и ресурсы, чтобы создать символ городского развития. Для объяснения расовой сегрегации и образования иммигрантских анклавов использовались эвристически мощные понятия, такие как «природные территории» и «вторжение и преобладание». Принятая мудрость о том, что то, что видели на городских улицах, было просто «естественным», в отличие от того, как думают и планируют влиятельные люди и учреждения. Урбанистическая экология считалась радикальными аналитиками слишком робкой (например, «консервативными») для честного анализа Бегства белых, Городского упадка, Красной линии (незаконной практики ограничения банковского кредитования для социально-неблагополучных территорий), не говоря уже об одновременной джентрификации и сокращения инвестиций (Feagin 1998, 19). Его описательные принципы, однако, продолжают быть полезными, если рассматривать их с вниманием к более аналитическим понятиям, таким как «Циклы капитала» и «Пространственная семиотика». В соответствии с этими новыми рубриками одни и те же уличные пейзажи не просто «естественны», но, тем не менее, «неизбежны». Городские модели и парадигмы продолжают традицию географических названий, таких как «Школы» Лос-Анджелеса и Нью-Йорка; никакая конкретная сущность не может адекватно служить абстрактным понятием. При этом, будь то Фердинанд Тоеннис, евроцентрически использующий *Gemeinde* (община - нем.), или я, Бруклин, в качестве «иллюстрации», мы должны признать ценность идей, которые основаны на эмпирических географических реалиях и представлены в виде изображений или семиотики.

Взгляд Эрика Ховенстина на Чикаго, более поздний, чем у Сэндберга или Берджесса, - это виртуальный случай дежавю:

Восемьдесят лет назад этническая мозаика Чикаго определялась в первую очередь на основе европейских групп первого и второго поколения, поселившихся в городских кварталах. Тридцать лет назад большое количество чернокожих внутренних мигрантов с Юга в первом и втором поколении изменило характер этой мозаики. Сегодня группы иммигрантов снова меняют мозаику, на этот раз из Латинской Америки и Азии. Сегодняшняя этническая мозаика распространилась на пригородную территорию. Детали конкретных моделей расселения и сегрегации, выявленные в ходе этих анализов, продолжают меняться. Тем не менее, Чикаго продолжает оставаться этнически разнообразным и, в значительной степени, расово сегрегированным городским районом. (1996, 47)

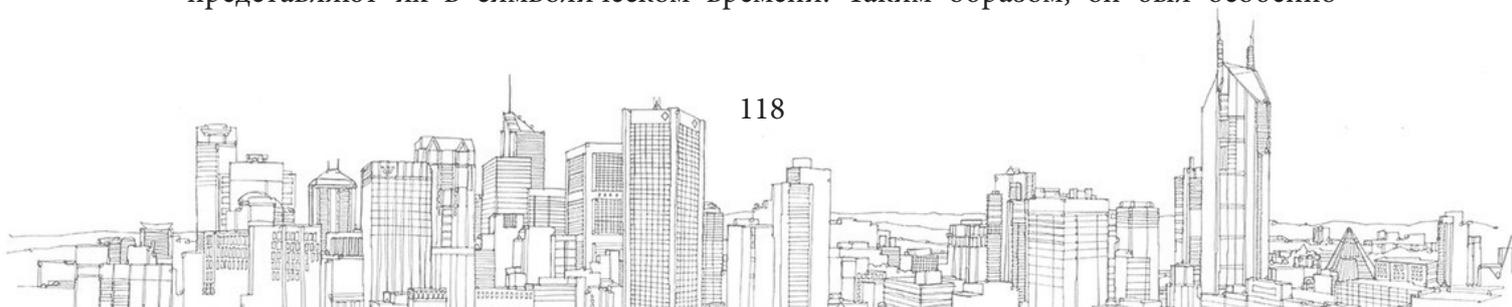
Обратите внимание на использование визуально значимого термина «мозаика» в отличие от аккуратных концентрических колец для улучшения фактического описания демографических фактов. По сравнению с 1900 годом, столетием позже доля иностранцев в населении США не так велика. В отличие от тех более простых времен и пространств, сегодняшнее меняющееся использование городских пространств кажется некоторым так, как будто новые поселения иммигрантов не следуют никакому образцу. Однако более вероятно, что шаблоны просто не рассматриваются как «шаблоны». Многие из недавних мигрантов из бедных слоев населения и рабочего класса в американские города больше не находятся рядом с

ожидаемыми, стереотипными местами, где в прошлые десятилетия находили работу для вновь прибывших, потому что «традиционная» работа в этих местах больше не выполняется. Вдобавок многие исторические районы, в которых впервые поселились иммигранты, одновременно облагораживаются. Тем не менее, чтобы найти новых иммигрантов и этнические анклавы, мы по-прежнему должны принимать во внимание те же факторы, которые всегда были частью формул местоположения, такие как маршруты общественного транспорта, близость к работе, арендные ставки, этнические рынки и этнические институты.

Города всегда были наиболее динамичной социальной средой и парадигматическими площадками для визуального и символического соревнования между группами, которые живут и работают в них. В современных городских районах все виды разнообразия одновременно увеличиваются и концентрируются из-за противоречий мощных сил, порожденных глобализацией капитала. И сильные, и бессильные сконцентрированы в мегаполисах, и даже самые маргинализированные находят способы претендовать на оспариваемые территории. Изменения в городских условиях принимают разные формы. Одним из наиболее распространенных городских сценариев в последние десятилетия была этническая и расовая трансформация, вызванная миграцией. Другой сценарий - облагораживание некогда социально маргинальных районов города, в котором конкуренция между наиболее и наименее могущественными сегодня превратилась в глобальную картину.

В этой главе повторяются некоторые из наиболее важных теоретических представлений об этнических группах в современных и, действительно, постмодернистских городах, рассматривая, как «народный ландшафт» (Jackson 1984) отражает их культурную идентичность. Начиная с «концентрических зон» Берджесса (1925) через «городское воображаемое» (Soja 1996), а также «гибридных» (Canclini 1995) и «третьих» пространств (Gutierrez 1999), центральной темой урбанистики было то, насколько обычные люди воздействуют на необычные места. Визуальный и семиотический подходы могут помочь расшифровать сложные сцены, такие как те, что описаны в стихах Сэндбурга и Бодрийера, или те, которые мы видим, когда просто гуляем по кварталу. Глобализация и изменения в американском иммиграционном законодательстве после 1965 года вместе значительно увеличили разнообразие постоянных, а также временных жителей городов страны (Portes 1995). Издалека может показаться, что новые элементы, брошенные в котел ассимиляции американского «плавильного котла», сливаются воедино, но вблизи, на уровне улиц, они кажутся скорее частями сложной и быстро меняющейся мультикультурной мозаики. Ансельм Штраус в своей работе «Образы американского города» (1976) обсуждает когнитивную структуру города и дает основу для размышлений о городских символах. Он отметил, что в период после Второй мировой войны конфликтующие изображения больше не были сельскими против городских, а городскими против пригородных. Люди пространственно представляют город в целом и в его различных частях, или «орбитах». Значения, присвоенные пространствам, важно понимать, потому что они влияют на социальную и экономическую деятельность. Разные люди также придают разное значение одним и тем же городским пространствам. Люди говорят о городах и представляют их в символическом времени. Таким образом, он был особенно

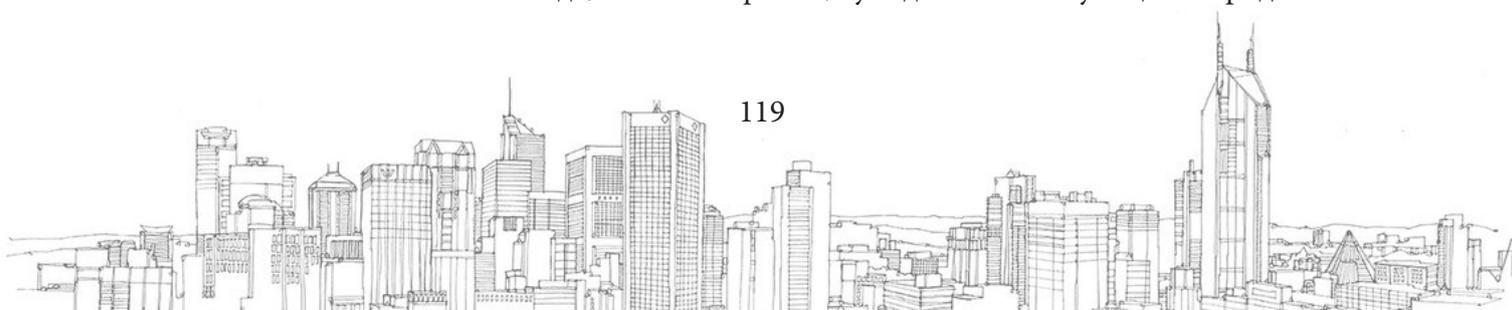
озабочен историческими изменениями образов городов. Глядя на Чикаго, например, он показал, как со временем образы города возникают и образуют символическую систему. Штраус также был пионером в изучении туристических изображений. Как мы увидим позже в этой главе, его комментарий 1976 года о борющихся городах и ссылка на Детройт, к сожалению, пророческий:

Отнюдь не доминирующие сегодня на американской сцене, большие города занимают оборонительную позицию, по крайней мере, в некотором смысле. Наши журналы полны историй о городах, борющихся за «возвращение», и о городах, которые борются с «угрозой удушья со стороны пригородов». Одна возникающая концепция судьбы и функции мегаполиса, чтобы он мог служить «ядром» всего мегаполиса. Под «ядром» градостроители и гражданские пропагандисты могут подразумевать либо центры деловой активности, либо культурные функции, либо и то, и другое. Например, мэр Детройта, как и многие общественные лидеры, выступает за укрепление центральных районов города, чтобы они могли служить сильными магнитами для привлечения людей из отдаленных пригородов либо для ежедневных поездок, либо для постоянного проживания. Поэтому мы выступали за строительство скоростных автомагистралей, чтобы привлечь покупателей из пригородов в центр города: «Если мы не дадим им возможность вернуться, они построят большие торговые площади в отдаленных районах, и мы потеряем этот бизнес». (247–8)

С 1960-х годов произошли серьезные реальные и воображаемые изменения в структуре и внешнем виде мегаполисов Америки. Социологи обсуждают роль рынков и правительств в объяснении этих изменений. Термин «глобализация» часто используется для описания комбинации факторов, изменяющих ценности и нормы, распространенные по всему миру. К ним относятся новые технологии, рост торговли, концентрация экономического контроля, сокращение государства всеобщего благосостояния, пространственная интеграция экономической деятельности и многое другое.

Для этого очерка важно движение как капитала, так и людей. Еще один термин, вошедший в наш постмодернистский словарь, - «деиндустриализация», относящийся в целом к снижению важности производства, перемещению за границу тяжелой промышленности, а также к упадку исторически важных городских портов и железнодорожных центров. Одновременно с этим возросла зависимость от воздушных, автомобильных и грузовых перевозок, что привело к распространению - возможно, даже лучше, «смещению» - города к пригороду и окраинам. Этнический колорит города объясняется изменениями в американских иммиграционных законах, которые сделали возможным увеличение разнообразия постоянных и временных жителей наших городов. Большое количество незарегистрированных иностранцев в последние десятилетия еще больше увеличило разнообразие районов и рабочей силы (Portes 1999).

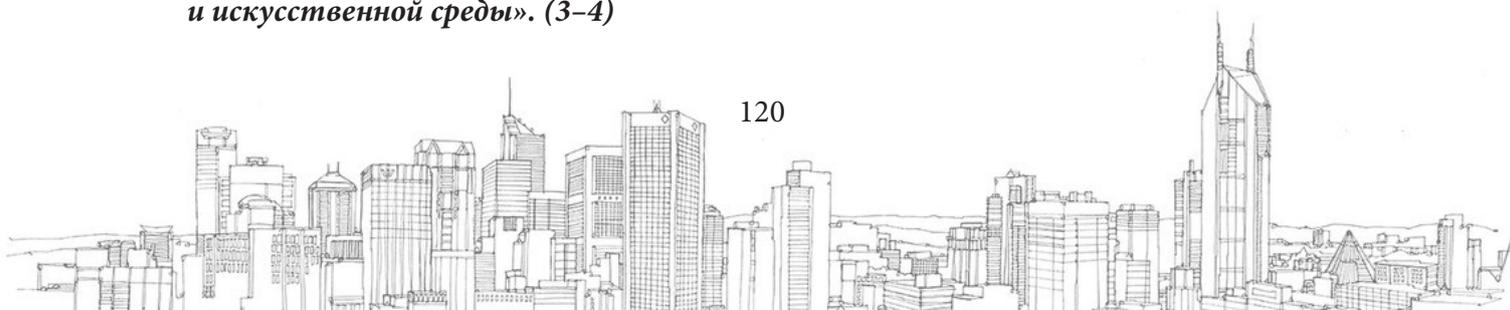
Как часто упоминается, ни в какой другой исторический период Америка не принимала такого разнообразия людей со всего мира - конечно, это разнообразие меняет ландшафты местных окрестностей. Когда была опубликована перепись населения США 2000 года, многие факты, увиденные на улицах городских

кварталов, противоречили тем, которые были описаны в отчетах. Несоответствие между видимой реальностью и опубликованными данными частично объясняется быстротой локализованной миграции этнических меньшинств. Другой фактор - концентрация в определенных частях глобальных городов «нелегальных пришельцев», которые, хотя и очевидны для автомобилистов и пешеходов, часто невидимы для исследователей. Этнические предприниматели также радикально меняют коммерческий уличный пейзаж и при этом создают видимость уменьшительных размеров мест их происхождения от «Маленьких Африк» до «Маленьких Вьетнамов». От сенегальских торговцев на тротуарах в центре крупных торговых центров и латиноамериканцев, торгующих пирагу в пределах Эль-Баррио, до небольших гаитянских швейных мастерских и крупных китайских супермаркетов, предприниматели из числа этнических меньшинств бросают вызов визуальной гегемонии и, следовательно, значению очень спорных пространств и мест. Для некоторых появление мигрантов - это стигма, указывающая на постепенный упадок района, как города или даже страны в целом. Для других процветающие этнические коммерческие торговые центры объявляют о том, что города продолжают оставаться двигателями городской экономической жизнеспособности, которые привлекают легионы необходимых энергичных новичков. Этнические анклавов часто опровергают любое «простое измерение». На пороге двадцать первого века новые и старые этнические ландшафты сосуществуют, пересекаются и конкурируют друг с другом, но также часто определяют сущность американского города.

Такие термины, как разнообразие и мультикультурализм, имеют много значений, а также практические последствия. В области городского планирования, например, разнообразие стало новой традицией, согласно Сьюзен С. Файнштейн в работе «Города и разнообразие. Должны ли мы этого хотеть? Можем ли мы это спланировать?» (2005). Она утверждает, что для справедливого города разнообразие является такой же целью, как равенство, рост и устойчивость:

Разнообразие представляет собой новый руководящий принцип для градостроителей. Как таковой, он представляет собой противоположность предыдущей ориентации на городской дизайн, в которой сегрегация однородных районов была доминирующей традицией. Настоящее восстание против прежних догм, типичное для революций мысли, сформировано ими. Возвышение разнообразия как основного критерия оценки городской формы в ущерб другим ценностям является ответом на прежние навязчивые идеи упорядоченности, эффективности и защиты ценностей собственности, которые, как теперь утверждается, привели к тупости и дискриминации по отношению к другим. «Что касается двух основных целей городской политики - стимулирования роста и достижения справедливости, - теперь утверждается, что обеспечение разнообразия является ключевым моментом. Согласно этой точке зрения, разнообразие привлекает человеческий капитал, поощряет инновации и обеспечивает справедливость и равный доступ для различных групп. Действительно, согласно этой логике, конкурентное преимущество городов и, следовательно, наиболее многообещающий подход к достижению экономического успеха заключается в увеличении разнообразия в обществе, экономической базы и искусственной среды». (3-4)

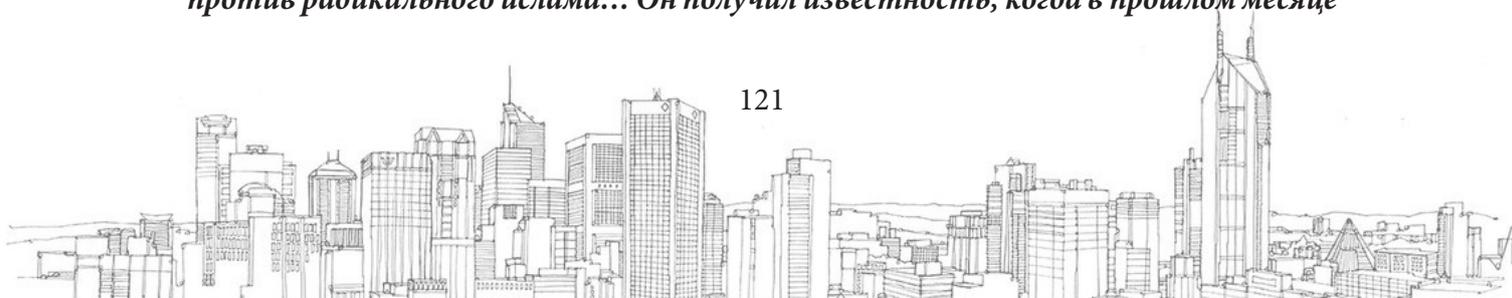

Каждые десять лет в Соединенных Штатах городские теоретики и практики всех мастей с нетерпением ждут результатов десятилетних отчетов переписи населения. Некоторые с нетерпением ждут демографических данных, чтобы проверить свои собственные гипотезы о городе в настоящем и недавнем прошлом, в то время как другие используют новые данные, чтобы лучше спланировать свое будущее. Если недавняя демографическая история является каким-либо признаком, то к тому времени, когда информация будет собрана и окончательно проанализирована, многие из фактов на местах будут противоречить тем, что отмечены в объемных письменных отчетах. С 1960-х годов произошли серьезные реальные и воображаемые изменения в структуре и особенно во внешнем виде мегаполисов Америки.

Еще до рубежа двадцать первого века и избрания Барака Хусейна Обамы 44-м президентом США и его первого «цветного человека» на высший пост в стране звучали многочисленные заявления об увеличении американского разнообразия. По мнению многих популярных комментаторов, Соединенные Штаты сегодня стали более разнообразными, чем когда-либо в своей истории. Разнообразие, конечно, означает разные вещи для разных людей. Многие из этого было неправильно «объяснено» масштабами иммиграции, однако по сравнению с веком ранее нынешняя доля иностранцев в населении США вряд ли так велика. Скорее всего, дополнительное внимание к разнообразию связано с другими факторами, такими как по-разному определяемый расовый или этнический состав новейших американцев. У американцев противоречивое отношение к разнообразию, а после 11 сентября ксенофобия, выраженная как «исламофобия». Америка продолжает терпеть множество «антидвижений» (католицизм, семитизм, иммиграция, геи), только английский язык (English only) и множественный расизм, поэтому вполне вероятно, что это тоже перейдет в «нормальность» и уличные ландшафты, такие как найденные в районах Южной Азии будут такими же американскими, как яблочный пирог. (См. Рисунок 4.2.)

Исламофобия подпитывает растущую волну местных протестов и противодействия наиболее публично заметным проявлениям веры, таким как исламская одежда для женщин и строительство мечетей. В городе Дирборн, штат Мичиган, в районе Детройта, американцы арабского происхождения долгое время составляли основную часть населения. В последние годы он также стал значительно более мусульманским. Таким образом, Детройт привлек внимание многих визуальных исследователей как знаковое арабское этническое место; см., например, визуальные эссе Стивена Дж. Голда об арабо-американском сообществе (2002, 2005, 2006). Его мусульманская репутация также стала громоотводом для антимусульманских демонстраций, как сообщил Ораландар Брэнд Уильямс в газете Detroit News в статье «Присяжные, которые решат, может ли пастор протестовать в мечети Дирборн»:

В пятницу присяжные рассмотрят вопрос о том, сможет ли пастор, сжигающий Коран, на законных основаниях осуществить планы протеста в этот день в мечети Исламского центра Америки. Пастор из Флориды Терри Джонс выразил разочарование по поводу этой перспективы сегодня днем, сказав 19-му окружному судье Марку Сомерсу, что «будет проблемой», если судебный процесс затянется так долго, что он не сможет провести 17:00. демонстрация против радикального ислама... Он получил известность, когда в прошлом месяце

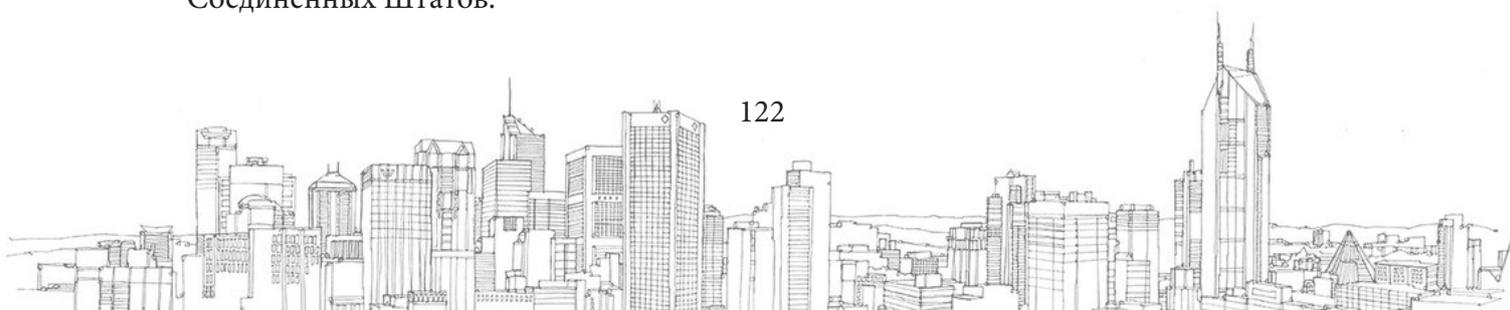

в Афганистане погибло 20 человек, после того как церковь Джонса «предала суду Коран» и сожгла священную книгу ислама 21 марта. Джонс сказал, что не будет сжигать Коран во время запланированной демонстрации в пятницу. Он сказал, что он и несколько сторонников будут держать знаки и произойдут несколько речей во время его предполагаемой двухчасовой акции протеста. Джонс сказал, что он протестует не против самой мечети, а против «радикальных» элементов в исламе. Джонс сказал, что он выбрал Исламский центр, потому что он объявлен самой большой мечетью в Северной Америке, и выбрал Дирборн из-за большой концентрации мусульман.

Рисунок 4.2 Покупки в Южной Азии, Бруклин, Нью-Йорк, США, 2010 г.

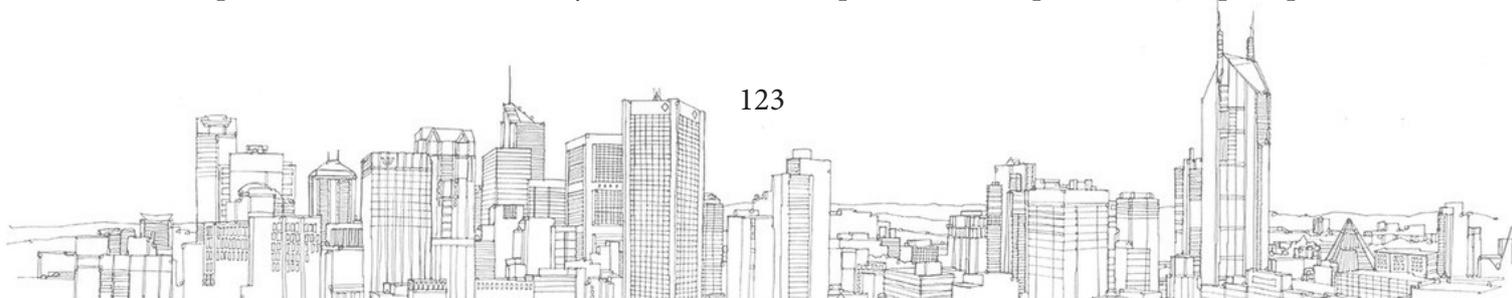
Хотя фактическое количество иммигрантов в Америку меньше, чем в пиковые годы Великой миграции (1880–1920 гг.), Повышенный приток продолжался дольше и привел к другому собранию групп - в основном неевропейских и, следовательно, более заметно отличающихся - к американским берегам. В 2000 году в Соединенных Штатах проживало 28,4 миллиона лиц иностранного происхождения, что составляло более 10 процентов от общей численности населения (Lollack 2001). К 2009 году, согласно опросу американского сообщества, численность иностранного населения выросла до 38,5 миллионов, что составляет 12,5 процента от 307 миллионов жителей Соединенных Штатов.

Фактически, Закон об иммиграции и гражданстве 1965 года, заменивший европейскоцентричные квоты на национальное происхождение более чем вековыми европейскими квотами, расчистил путь для нынешнего притока народов, недостаточно представленных в истории американских иммигрантов. Как непредвиденное последствие, к 2007 году каждый третий житель Соединенных Штатов считался принадлежащим к «меньшинству». Выходцы из Латинской Америки были самой многочисленной и быстрорастущей в этой группе - 45,5 миллиона человек (15 процентов населения). На втором месте оказались чернокожие с 40,7 миллиона (13,5 процента), за ними следует вторая по темпам роста когорта, азиаты, с 15,2 миллионами (5 процентов). Перепись также показала, что 38,1 миллиона жителей, родившихся за границей, составили 12,6 процента населения. Затем, в 2008 году, было предсказано, что к 2042 году более половины населения будут меньшинствами, большая часть которых будет увеличиваться за счет иммиграции.

Различные комментарии о разнообразии национальной статистики населения часто дают ложное представление о широко распространенном социальном смешении. Сообщая в 2007 году о тонкостях американского разнообразия, Дэвид Минклер (2008) отметил, что, хотя номинальные меньшинства составляли более одной трети национального населения, они не были равномерно распределены по стране, а сконцентрировались на периферии континентальной части Соединенных Штатов так же, как и на Гавайях. Что касается конкретных концентраций, выходцы из Латинской Америки в основном встречаются в Калифорнии, Техасе и Флориде. В Нью-Мексико они составляют самую большую группу, составляющую 44 процента от общей численности населения. Как и в прошлом, чернокожие по-прежнему демографически сконцентрированы на Восточном побережье и в южных штатах. В двух приграничных штатах Среднего Запада, Мичигане и Иллинойсе, также проживает относительно большое количество афроамериканцев. Самая маленькая группа американских расовых меньшинств - азиаты - составляет почти 40 процентов населения островного государства Гавайев. Другие места, где азиаты значительно сконцентрированы, находятся на Западном побережье, в Нью-Йорке, Нью-Джерси, Техасе и Иллинойсе. Почти треть всех национальных меньшинств проживает в Калифорнии и Техасе, в отличие от Среднего Запада и крайних северо-восточных штатов, в которых самый высокий процент белых.

Что касается 37,5 миллионов американцев, родившихся за границей, по оценкам исследования американского сообщества 2006 года, они, скорее всего, будут обнаружены в штатах с и без того значительным меньшинством населения, таких как прибрежная Калифорния, Нью-Йорк, Техас, Флорида и Нью-Джерси, а также Иллинойс на Среднем Западе. Калифорния, Гавайи, Нью-Мексико и Техас уже определены как штаты с «меньшинством большинства», в которых меньшинства превышают большинство (белое) население. На очереди Аризона, Джорджия, Мэриленд, Миссисипи и Нью-Йорк. По мере того как население США вырастет с 280 миллионов в 2000 году до примерно 420 миллионов в 2050 году, латиноамериканцы вырастут с 36 до 103 миллионов, а азиаты - с 11 до 33 миллионов. Ожидается, что количество белых нелатиноамериканцев, составляющих сейчас около 70 процентов населения США, к 2050 году упадет чуть более чем до 50 процентов, а количество чернокожих незначительно увеличится до 15 процентов по сравнению с примерно

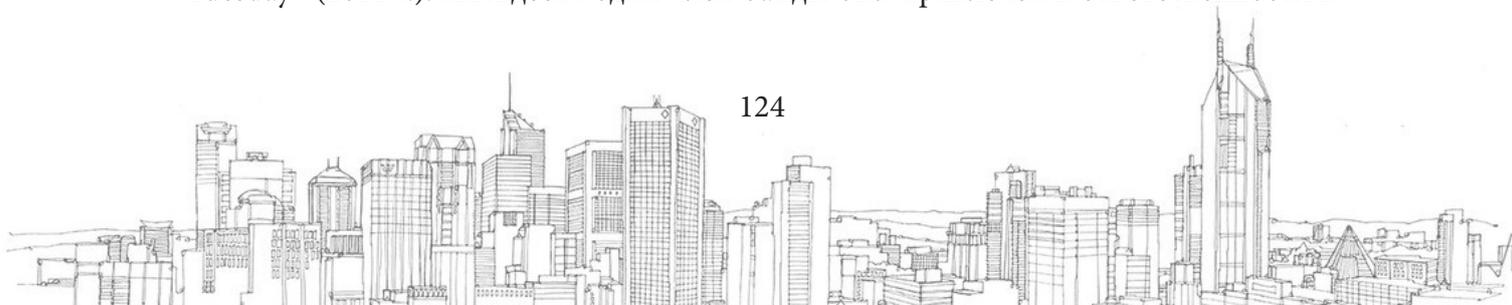

13 процентами сейчас.

Затем, к большому огорчению многих коренных американцев, в 2008 году было предсказано, что к середине двадцать первого века более половины населения США будет состоять из разноцветного смешения меньшинств с большей частью увеличения разнообразия из-за иммиграции. Белые впервые в демографической истории США перестанут составлять большинство примерно к 2050 году. Описывая эти изменения в *The Los Angeles Times*, Рикардо Алонсо-Зальдивар цитировал демографа Уильяма Фрея: «Одна Америка будет белой, представителями среднего класса и сидящими, и тогда на первый план выйдет эта новая глобализованная Америка», которую он назвал «разрывом в расовых поколениях» (2004).

С демографической позитивной стороны иммиграция способствует росту населения Соединенных Штатов; это, в свою очередь, обеспечивает большее количество работающих налогоплательщиков, которые финансируют государственное медицинское обслуживание и государственную пенсию за счет налогов на заработную плату, что приносит пользу растущей возрастной когорте, состоящей в основном из пожилых белых. С другой стороны, интенсивные дебаты по расовому признаку развернулись в таких штатах, как Калифорния, где те, кто платит налоги на собственность, которые платят за государственные школы, отличаются по расовому признаку от учеников, которые в них учатся. Разнообразие форм также различается в зависимости от региона, например, со временем западные штаты и города будут приобретать еще более мексиканский оттенок, в отличие от южных, которые станут более многонациональными по мере роста числа выходцев из Азии и Латинской Америки имеющих более быстрый темп, чем у черных.

Ожидается, что отношения между иммигрантами и коренными американцами могут быть натянутыми, и что проблемы возникнут в результате конкуренции за экономические и политические ресурсы между группами меньшинств и большинства. Однако, как отметил Ник Корона Вака в «Предполагаемом альянсе», группы меньшинств также могут быть вовлечены в битвы за ограниченные ресурсы. Используя тематические исследования городов от Лос-Анджелеса до Нью-Йорка, он продемонстрировал, что, поскольку латиноамериканцы и афроамериканцы все чаще живут бок о бок во многих городах страны, «Радужная коалиция» не материализовалась, а вместо этого возникла конкуренция за политическую власть и ресурсы. Например, рабочие места привели к конфликтам в городах от Лос-Анджелеса до Нью-Йорка. Во многих случаях, когда афроамериканцы после долгой борьбы заметили улучшение своего социального, экономического и политического статуса, рост латиноамериканцев рассматривается как угроза их с трудом заработанным успехам. Аналогичная напряженность существует между чернокожими потребителями и азиатскими торговцами-иммигрантами в Нью-Йорке, гаитянами и чернокожими американцами в Майами, а также между мексиканскими, центрально-американскими и другими уличными бандами латиноамериканцев на Юго-Западе (2004). В *Wall Street Journal* Тамара Ауди сообщила, что «члены банды латиноамериканцев, связанных с мексиканской мафией, на протяжении почти 20 лет сговорились изгнать афроамериканцев из города Азуса в Южной Калифорнии с помощью насилия и запугивания, как утверждали федеральные власти изданию *Tuesday*» (2011 г.). Пятьдесят один член банды был привлечен к ответственности в

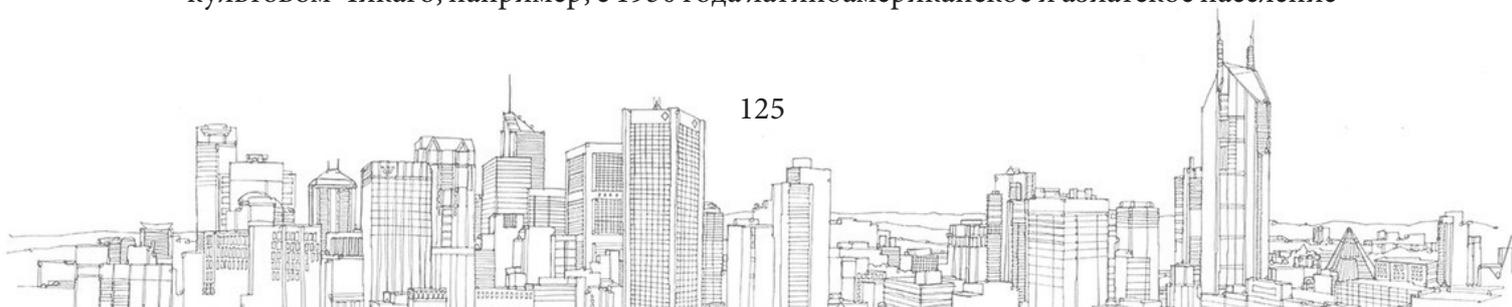

федеральном суде за нарушение гражданских прав чернокожих.

Несмотря на то, что их часто описывают и рекламируют как «нацию иммигрантов», многие американцы не хотят делить пространство с «другими». Одно тревожное выражение этого можно найти на веб-сайте «Движение американского возрождения» якобы сторонников превосходства белой расы в отношении «Во что мы верим»: «Раса является важным аспектом индивидуальной и групповой идентичности... Раса и расовые конфликты лежат в основе большинства серьезных вызовов, с которыми сталкивается западный мир в 21 веке». Бренда Уокер также пишет: «Бюро переписи может выглядеть как золотой стандарт государственных счетчиков фасоли, поскольку оно погружено в логику чисел. Но у агентства также есть пропагандистское крыло, спрятанное среди электронных таблиц, выдвигающее идею о том, что мультикультурализация Америки и ее массовый рост населения обещают прекрасное будущее для страны» (2008).

Аналитики постоянно обсуждают роль как свободных рынков, так и правительств в учете демографических изменений. Непреодолимая сила «глобализации» часто приводится как прямая или косвенная причина. Для страны в целом эти события привели к значительному увеличению числа групп, которые были практически неизвестны даже в недавнем прошлом. Например, хотя китайцы были здесь почти всю историю США, но в относительно небольшом количестве, их число увеличилось почти в шесть раз, или с 435 000 в 1970 году до 2 730 000 в 2000 году. Что касается других жителей Восточной и Юго-Восточной Азии за то же время. За этот период количество филиппинцев увеличилось с 343 000 до 2 360 000, а корейцев - с 69 000 до 1 200 000. В 2000 году также насчитывалось 1 230 000 лаосцев, группа, которая была настолько малочисленной в 1970 году, что даже не упоминалась в отчетах 1970 года. Что касается других неевропейцев, то аналогичным образом население мексиканского происхождения почти удваивается каждое десятилетие с 1960 года, а латиноамериканцы в целом сейчас являются крупнейшим меньшинством в США, превзойдя афроамериканцев (чернокожих) вскоре после отчета переписи населения 2000 года. Предварительные отчеты Бюро переписи населения и Обследования американского сообщества в 2009 и 2010 годах показывают, что эти некогда тенденции роста групп «меньшинства» продолжают.

Как и в случае более ранней так называемой «Великой иммиграции», большинство недавних иммигрантов предпочли селиться в крупных городах или вблизи них. В 2000 году около 29 миллионов иммигрантов проживали в мегаполисах по всей стране. Это на 10 миллионов иммигрантов больше, чем всего десятью годами ранее (Logan 2003). Более половины иностранного населения США живет и работает в том или ином из 13 мегаполисов по всей Америке. Однако новейшие американцы не просто воспроизвели предыдущие модели расселения иммигрантов в центральных районах города. К 2000 году 25 процентов населения пригородов составляли меньшинства, в значительной степени из-за перемещения иммигрантов в пригородные общины и, в некоторых случаях, в пригородные этнические анклавы: увеличение численности иммигрантов в пригородах (рост на 4,8 миллиона человек с 1990 по 2000 год) намного превзошел их рост в центральных городах (рост на 3,5 миллиона). Многие города - и пригороды - претерпели заметные изменения в населении и районах. В культовом Чикаго, например, с 1950 года латиноамериканское и азиатское население

увеличивалось вдвое каждое десятилетие. В 1960-х годах имело смысл говорить о Чикаго как о бело-черном городе, а затем, в 1970-х, Чикаго пришлось назвать белым, черным и латиноамериканским (в основном мексиканским) городом. С 1990-х годов и по настоящее время Чикаго стал многокультурным городом с четко выраженными общинами белых, чернокожих, испаноязычных, азиатских и европейских иммигрантов по всему мегаполису.

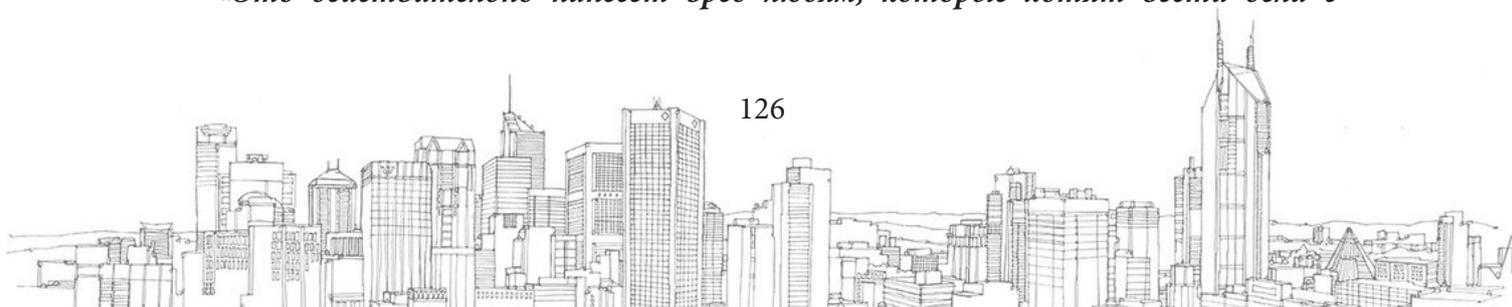
Рональд Ван Кемпен и Питер Маркузе утверждали, что «Новый пространственный порядок» не предлагает единого образца, потому что «[t] функциональное, социальное и культурное разделение, которое мы ожидаем найти, является одним из последовательных и общих тенденций, выраженных в самых разных контекстах, а также в самых разных линиях, с очень разными результатами» (1997а, 293). Однако они предлагают новые формы жилых сообществ в «цитаделях богатых», облагоустроенных районах, пригородах среднего класса, многоквартирных домах, этнических анклавах и в том, что для них является «новым типом» гетто (294).

Похожим образом Роберт А. Борегар и Энн Хайла оспаривают постмодернистское изображение города как «фрагментированного, разобщенного и ненадежного и, как следствие, менее разборчивого, чем его модернистский предшественник». А что касается модернистских, постмодернистских, фордистских и постфордистских городов, они пишут: «Никто не станет спорить, что город конца 20-го века пространственно отличается от города начала-середины 20-го века. Множество бизнес-центров, преобразованные набережные, облагоустроенные районы и выдолбленные производственные зоны отличают современный город США от его предшественников» (2000, 23). Однако они приходят к выводу, что отчетливо постмодернистский город не вытеснил современный, несмотря на более сложные модели.

Городские районы всегда менялись в ответ на пришельцев. Сегодняшняя разница заключается в скорости и разнообразии этих изменений, порождающих различные виды сегрегации и разную логику размещения. Особенно важна неравномерная пространственная конкуренция, с которой иммигранты из низшего класса сталкиваются с более привилегированными членами общества. Джентрификация районов, которые когда-то предлагали хорошо оплачиваемую работу синим воротничкам, переоборудование промышленных чердаков для художников, а также переоборудование жилых домов рабочих в кооперативные и многоквартирные дома, создают кварталы в центре города, где видимые признаки этнической принадлежности являются лишь частью местной «атмосферы».

Разнообразие, вызванное иммиграцией, привело к движению более чем тридцати штатов к ужесточению своих иммиграционных законов. Ким Северсон (2011) писал, что 30 штатов рассмотрели антииммиграционные законы в стиле Аризоны. На юге Джорджия вступила в национальную битву за контроль над нелегальной иммиграцией. Юго-западный штат Аризона был первым, кто предоставил своей полиции право допросить и задержать тех, кого они подозревают в работе без документов. Губернатор Джорджии пообещал «сообщить Вашингтону» о проблеме. Группы за права иммиграции боролись с законодательством с помощью митингов, лоббирования и угроз экономических потрясений:

«Это действительно нанесет вред людям, которые хотят вести дела с

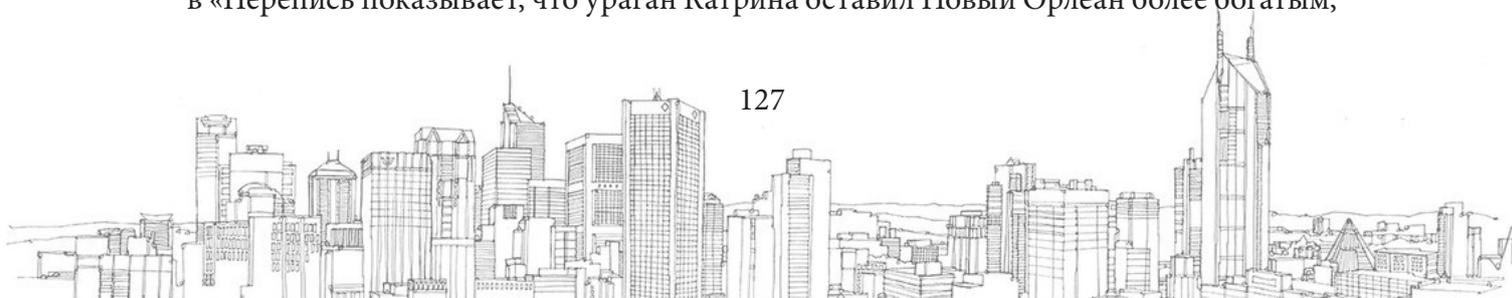
государством», - сказала она о законопроекте Джорджии. «Честно говоря, это неловко».

Поскольку большая часть дебатов была сосредоточена вокруг людей из Мексики и стран Латинской Америки, некоторые латиноамериканцы в штате заявили, что закон откроет дверь для новых притеснений и дискриминации.

«Атаки на цветных людей уже происходят», - сказал Азаде Шахшахани из джорджинского отделения Американского союза гражданских свобод. 21-летняя Джорджина Перес из Мариетты приехала в Джорджию из Мехико, когда ей было 3 года, и она не находится в стране легально. Закон побудил ее публично рассказать о своем статусе, чтобы привлечь внимание к проблеме. «Политики забывают, что мы люди», - сказала она в телефонном интервью. «У нас есть дома здесь, в Джорджии. Мы здесь ходили в школу. У нас здесь семьи. Для них было противно что нас криминализировали».

Мое собственное визуальное представление о Джорджии было получено во время прогулки по ее столице Атланте через Свит-Оберн, район Мартина Лютера Кинга-младшего, где у меня состоялся интересный разговор, частично на итальянском, с недавним иммигрантом из Сомали и его маленькой дочерью, когда они сидели на ступенях церкви в ожидании автобуса. Позже я встретил его соотечественников, которые, кажется, взяли на себя бизнес такси (см. Рис. 4.3). Цветные палитры расы и этнической принадлежности - не единственный выбор для рисования способов визуального изменения городов. Города меняются по многим причинам и с разной скоростью. Как и следовало ожидать, именно изменения в результате стихийных бедствий и других видов бедствий являются особенно острыми и дают возможность неожиданно задуматься о демографических изменениях. Некоторое хроматическое изменение - это просто черно-белое изображение. Например, в 2005 году стихийное бедствие, вызванное ураганом Катрина, оказало долгосрочное физическое, а также социальное воздействие на город Новый Орлеан. Преимущественно чернокожий район 9-ый Вард получил наибольшее внимание страны, а также наибольший ущерб из всех типов. Это один из самых бедных районов города, где дома и предприятия были затоплены, в результате чего население было добровольно и принудительно переселено далеко и близко. Многие до сих пор не вернулись домой.

Имеются некоторые сообщения о возрождении в этом районе, особенно в отношении недавно появившейся и относительно небольшой вьетнамской общины. Как рыбаки в своей родной стране и беженцы, получившие помощь федерального правительства, они были ориентированы и привлечены к Персидскому заливу, но, как и везде, в Америке они расширили свою коммерческую деятельность, на такую как рестораны (Leong et al. 2007). Сегодня большая часть 9-го Варда представляет собой скопление пустующих полей обломков. Некоторые межэтнические противоречия возникли в результате усилий федерального правительства по очистке и реконструкции. Наиболее заметно, что подрядчики привлекали большое количество латиноамериканских рабочих из других регионов. Черные лидеры и комментаторы рассматривали результирующее смещение и замену как не очень тонкую форму «удаления негров» (Anderson 2006, 196). Это восприятие было подтверждено недавними данными переписи, как написано Дэвидом Милденбергом в «Перепись показывает, что ураган Катрина оставил Новый Орлеан более богатым,

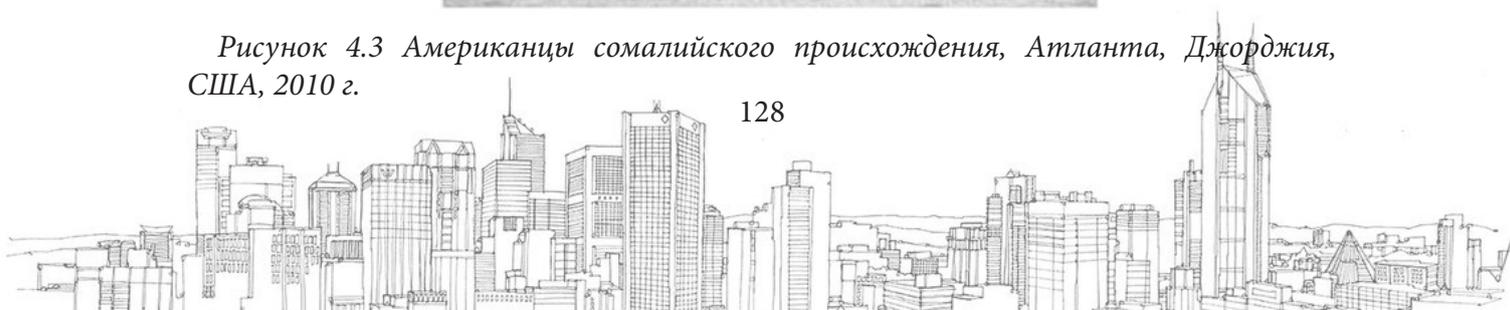

белым и пустым» (2011 г.):

Через пять лет после того, как ураган Катрина выгнал Лену Джонсон из Нового Орлеана, дома ее семьи с 1930-х годов, ей не хватает еды, музыки и Марди Гра. И она больше не хочет там жить. «Это было похоже на птицу, вылетающую из клетки», - сказал 60-летний Джонсон, 24-летний сотрудник Торговой палаты Нового Орлеана, который уехал в Даллас и недавно получил там высшее образование. «Я живу в Техасе, потому что у меня есть возможность расти. Дом все еще страдает». Масштабы исхода населения после августовской катастрофы 2005 г. можно оценить по данным переписи населения 2010 г., опубликованным вчера. Новый Орлеан потерял 140 845 жителей, что на 29 процентов меньше, чем в 2000 году. Доля чернокожего населения упала до 60,2 процента с 67,3 процента. Потеря в Новом Орлеане означает, что Луизиана на одно место в Конгрессе меньше - теперь шесть вместо семи. «Город стал более богатым, более латынским и немного более белым, чем был до Катрины», - сказал Жак Мориаль, общественный организатор, отец и брат которого были его первым и третьим чернокожими мэрами. Ураган, самое дорогое стихийное бедствие в истории США, унес жизни по меньшей мере 1330 человек в Луизиане и Миссисипи; 85 процентов Нового Орлеана затопило после обрушения дамбы. Штормовой нагон распространился на 10 миль вглубь страны, вынудив почти 200 000 жителей покинуть страну, говорится в отчете Конгресса от февраля 2006 года.

Рисунок 4.3 Американцы сомалийского происхождения, Атланта, Джорджия, США, 2010 г.

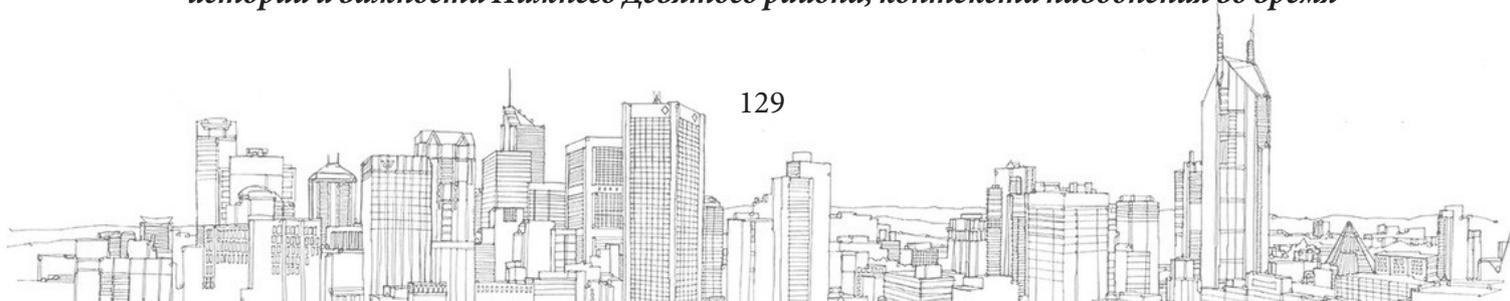
Марк Хаттер и ДеМонд Миллер использовали концепцию символического интеракционизма, чтобы проанализировать и описать, как местная туристическая индустрия в «Big Easy» отреагировала на опустошение. Они также процитировали понимание Кевина Линча социальной роли, которую играет ландшафт «как обширная мнемоническая система для сохранения групповой истории и идеалов» (1960, 126). Их собственный вывод о том, что отсутствие внимания к восстановлению и возвращению перемещенных лиц в таких районах, как 9-й район, могут нанести непоправимый урон символической экономике города, заслуживающей большего внимания.

В попытке перестроить городской имидж Нового Орлеана и восстановить экономическую жизнеспособность города, «ребрендинг» города через его местную туристическую экономику по иронии судьбы включил ландшафт бедствия в его образы. В то же время систематическое бездействие правительства во всех практических целях не позволяет тем людям, которые сыграли важную роль в создании образов Нового Орлеана, вернуться домой. Эмоционально заряженные места, такие как Нижний девятый район, где хранятся коллективные воспоминания о смерти и разрушениях, собираются как часть пакета, который будет продан как полноценный тур по Новому Орлеану в стиле Диснея. Недавно реконфигурированный и «ребрендированный» туристический ландшафт предлагает образы города, которые помогают жителям и туристам мысленно организовывать впечатления, чтобы облегчить и сформировать повседневную жизнь; объединив старые обычаи с новыми образами, чтобы создать символическую экономику города, Новый Орлеан теперь продается как «город возвращения» - богатый культурой и наследием - город на подъеме. (2011, 7-8)

Интернет предоставляет множество примеров того, как стихийное бедствие создало болезненные коммерческие возможности для местных предпринимателей в форме «туризма по трагедиям». Одним из таких предприятий, которое символически скрывается под благими намерениями, является «Девятый район возрождения велосипедных туров», предлагающий любопытным клиентам «вдохновляющую велосипедную экскурсию по возрождению района». Следует отметить, что веб-сайт также с гордостью заявляет, что «10% всех доходов от наших туров передаются благотворительным организациям, которые, по нашему мнению, имеют тот дух, который мы разделяем»: [1]

Нижний девятый район (улица) в Новом Орлеане - сообщество, разрушенное наводнением урагана Катрина. Освещение в новостях во время и после шторма представило это сообщество всему миру и даже повторно представило его самому Новому Орлеану. Корни этого района уходят глубоко, и даже бурные наводковые воды не могут их смыть.

Мы посетим «Нижнюю Девятку», познакомимся с людьми, которые выжили, и поймем их борьбу за восстановление этого уникального сообщества. Жизнь, пережитая через лобовое стекло, находится в одном шаге от просмотра ее по телевизору, но даже велосипедный тур может превратиться в серию достопримечательностей. Мы хотим рассказать серию историй и жизней из истории и важности Нижнего Девятого района, контекста наводнения во время

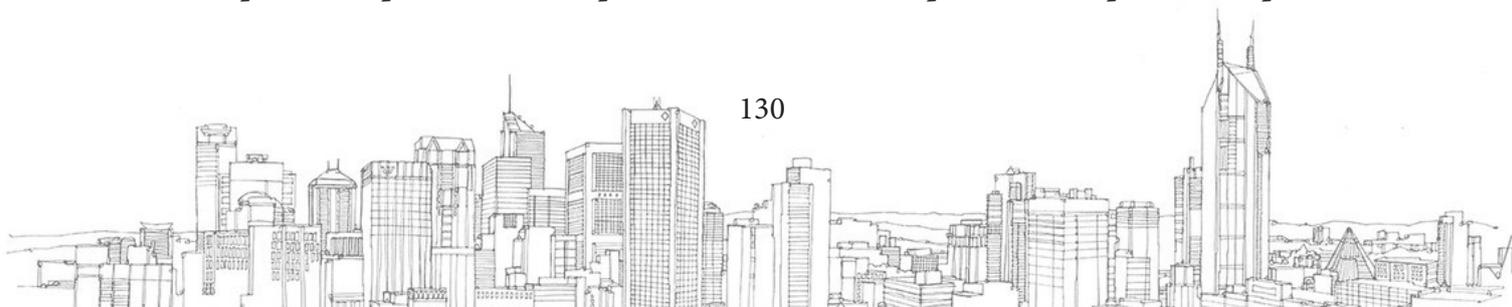
урагана Катрина и того, почему возрождение этого замечательного района имеет значение. Приходите увидеть это перерождение в процессе и понять препятствия, которые еще предстоит преодолеть. Наши туры расскажут вам истории жителей, которые не могут думать о том, чтобы уехать, и тех, кто помогает им вернуться.

Наша четырехчасовая непринужденная поездка с сиденьями наших комфортабельных велосипедов в стиле круизеров включает обеденный перерыв и множество остановок по пути. Мы знаем, что вы уйдете с незабываемым взглядом на это часто забываемое место, а также с личным взглядом на сообщество от новой компании, связанной с рейтингом номер один Trip Advisor по велотурам Конфедерации круизеров.

К сожалению, в мире существует слишком много примеров туризма в виде «тематических парков», который обращается к более или менее болезненным интересам. Гетто-туризм - более распространенный, чем следовало ожидать, жанр, который предлагает посетителям безопасно испытать опасности отрицательно определенных, часто стигматизированных, мест и народов. Возможно, одним из самых неприятных были туры из списка Шиндлера, рекламируемые в туристических агентствах, с которыми я столкнулся в 1996 году в еврейском гетто Kazimierz в Кракове, Польша. Однако для некоторых туристов это увлечение может быть не совсем болезненным. Путешественники могут проявлять неподдельный интерес к этой теме, например, туры по рабству в африканских и южных штатах, предназначенные в основном, но не исключительно, для черных американцев.

В городе Детройт, штат Мичиган, картина катастрофы носит долгосрочный экономический характер. Упадок Motor City совпал с упадком автомобильной промышленности США, которая переместила большую часть своих производственных предприятий из Детройта; сначала в другие места в Америке, а затем за границу. Благодаря бегству белых, он также стал домом последней надежды для бедных чернокожих, поскольку другие более способные жители бежали в пригороды или в другие места. Результатом стала сцена городского запустения в масштабах даже больших, чем в Новом Орлеане после урагана «Катрина». Как отметила Кэтрин К. Сили (2011), в городе, который потерял 25 процентов своего населения за последние десять лет, «Заброшенные дома на северо-востоке Детройта рассказывают историю города, жители которого бежали в рекордное количество мест». Из Детройта уехало больше людей (237 500), чем тех (237 500), которые покинули Новый Орлеан после Катрины:

«Даже если раньше у нас были удручающие проблемы, из-за спада с ними гораздо труднее справиться», - сказала 32-летняя Саманта Хауэлл, которая заправлялась во вторник в разрушенном Ист-Сайде. «Да, город кажется пустым физически, пустым от людей, без амбиций, драйва. Он кажется пустым. ... Ситуация настолько ухудшилась, что после переписи 2000 года уехало почти 200 000 чернокожих. «Это самая большая потеря чернокожего населения в городе, и это связано с отчуждением права выкупа заложенного жилья в городе», - сказал г-н Фрей. По его словам, из-за Великой миграции - когда черные переезжали с юга на север - и потери белых: «Детройт был самым изолированным городом в стране,

и он все еще довольно изолирован, но не так сильно». В какой-то момент город был на 83 процента черным... Поскольку более 20 процентов участков в городе площадью 139 квадратных миль пустовали, мэр занимается программой по сносу 10 000 пустующих жилых домов. Но многим город уже кажется опустошенным. «Вы можете просто видеть, как приходит пустота», - сказал Джоэл Делларио, студент Колледжа творческих исследований. «Я приезжал и выезжал из города всю свою жизнь, и это действительно очевидно». (2011)

Опустошение Детройта послужило поводом для появления нового, очень популярного телесериала. Даже его репутация столицы убийств США имеет кинематографическое значение, как отмечал перед его дебютом писатель Huffington Post Кори Уильямс:

Некоторые члены городского совета Детройта говорят, что они обеспокоены тем, что предстоящая драма ABC Network будет пропагандировать негативный образ города как опасного и криминального, и попросили продюсеров шоу присутствовать на предстоящем заседании совета, чтобы обсудить это.

«Детройт 1-8-7» - в названии используется прежний код убийства полицейского кодекса Калифорнии - должен выйти в эфир в сентябре. Шоу снято с точки зрения съемочной группы документальных фильмов, которой поручено следить за детективами, занимающимися расследованием убийств. Пилотный эпизод снимался в Атланте, но продюсеры планируют снимать будущие эпизоды в Детройте и его окрестностях.

«Название само по себе очень негативное - убийство в Детройте», - заявил в понедельник член совета Кваме Кеньятта. «То, что они используют в качестве приманки, - это Детройт как столица убийств, где мы производим убийства как часть конвейера». (2011)

Вступление к каждому эпизоду Detroit 1-8-7 - это автомобильная поездка по лучшим и худшим частям городов; от швейцара перед шикарным домом до усыпанных мусором пустырей. Писатели и другие творческие профессионалы считают города пейзажами или сценами, которые нужно заполнить персонажами. Иногда сюжет основан на исторических исследованиях, но чаще его просто присыпают кое-где для достоверности. Известные и привлекательные районы Нью-Йорка высоко ценятся как на больших, так и на малых экранах. Другие американские города, которые иногда соперничали с ним, - это Лос-Анджелес и Сан-Франциско. Например, чрезвычайно холмистая топология Сан-Франциско улучшила популярную серию фильмов с Клинтом Иствудом в главной роли Грязного Гарри (1971). Что касается телевидения, особое внимание обычно уделяется визуальному сопоставлению насыщенно-белых (например, Беверли-Хиллз) и бедных черных и / или латиноамериканских (например, Южного центра) районов.

Создателям криминальных фильмов и телевизионных программ особенно нравятся города, которые уже нашли место в народном воображении, такие как Сент-Луис - Хилл Стрит Блюз, Майами - CSI Майами, Балтимор - The Wire (Прослушка) и Лас-Вегас - CSI (Место преступления). Интересно отметить, что в 2011 году сериал «Закон и порядок» нашел виртуальную площадку BBC с «Законом и порядком» в Великобритании, которая проходит в Лондоне и следует аналогичной

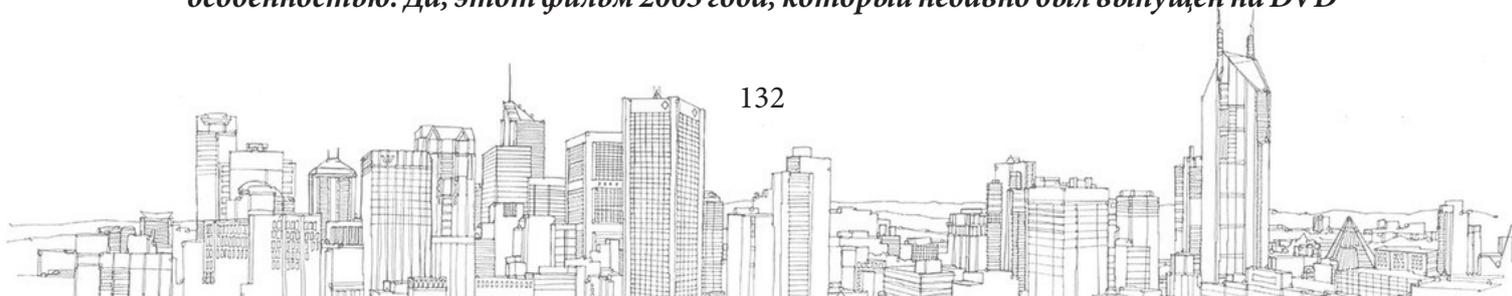

схеме визуального сопоставления соседей. Как и в очень успешном сериале НВО «Клан Сопрано», здесь есть особое очарование визуальной «грубостью» в отличие от «блеска» богатых и бедных областей, которые обеспечивают контекст для текстов и подтекстов в сценариях. Например, в «Клане Сопрано» главный герой Тони Сопрано переезжает из своего пригородного Макмансиона в свой захудалый магазин, где работает организованная преступность. Таким образом, контрасты между пригородом и городом показывают, что персонаж больше подходит для внутренней части города. Поскольку ранее в этой главе мы рассматривали Новый Орлеан, мы должны обратить внимание на неудачный телесериал K-Ville (Полиция Нового Орлеана), который шел только один сезон в 2007 году. Его сюжетная линия на tv.com гласила: «Прошло два года с тех пор, как ураган Катрина опустошил Новый Орлеан и несколько избранных все еще остаются в NOPD. Эти специальные полицейские связаны и полны решимости вернуть жизнь в Новый Орлеан, известный большинству как K-Ville (Katrinaville), и устранить преступления и ущерб, которые все еще остаются» 2. Совсем недавно НВО выпустил еще один сериал о Новом Орлеане, который называется Treme (Тримей), который утверждает, что он более чувствителен, особенно к положительному вкладу афроамериканцев в культурную и другую жизнь города. Дэвид Бианкулли писал: «Персонажи в Treme были отмечены столь же четко, но все они полны решимости двигаться вперед - и вернуть свои жизни и свой город. И хотя натурные съемки в Новом Орлеане абсолютно необходимы для успеха Treme, это не было гарантией успеха» (2010). Поскольку Голливуд долгое время был центром американской кино- и телеиндустрии, можно ожидать, что Лос-Анджелес также был обычной «локацией». Классикой криминального жанра в Лос-Анджелесе был радиосериал «Драгнет» (Облава), дебютировавший на телевидении в 1951 году. Самыми последними в жанре Лос-Анджелеса стали «Саутленд» и «Закон и порядок», Лос-Анджелес.

Лос-Анджелес также изменился благодаря своему этническому разнообразию. Роджер Дэвид Уолдинггер и Мехди Бозоргмехр редактировали многолетнее исследование «Этнический Лос-Анджелес» (2010). Они рассказали историю американской иммиграционной политики и экономических факторов, которые привели в город большое количество разнообразных мигрантов. Основываясь на переписи населения и других данных, авторы пришли к выводу, что основными разделителями являются образование и класс, а не простое социальное разделение по расе и этнической принадлежности. черные, азиатские и латиноамериканские ангелиносы, например, отделяют себя от своих менее удачливых соотечественников. Разделение также носит пространственный характер, поскольку более успешные иммигранты переезжают в пригород и оставляют менее успешных, особенно чернокожих и латиноамериканцев, своих соотечественников позади.

Другое переосмысление и смешение успешных Angelinos происходит в форме комедийного фильма и серьезной книги под названием Irangeles (Ирангелы). В этих визуальных произведениях аналогичные ссылки на иммиграцию, а также на межкультурные столкновения и столкновения поколений вызвали весьма различающиеся интерпретации. Брэндон Джуделл описывает фильм как

снова образ «Ромео и Джульетта», но с небольшой увлекательной особенностью. Да, этот фильм 2003 года, который недавно был выпущен на DVD

как постановка «2008», превратил Ромео в Кипа, булькающего пивом мальчика из канзанского братства, который переезжает в Лос-Анджелес, чтобы стать актером. Что касается Джульетты, то теперь она Шерри Азизи (Карла Голиан), дочь строго кошерных персидско-американских евреев. По оценкам, в Соединенных Штатах проживает более 690 тысяч американцев персидского происхождения, большинство из которых проживает в Калифорнии, а многие из них поселились вокруг Лос-Анджелеса. Согласно одному правительственному исследованию, эта этническая группа является одной из самых умных и богатых. (http://www.farsinet.com/farsinet/iranian_americans.html). Добавьте немного иудаизма в смесь генов и забудьте об этом. Они неприкасаемые. Но бедный Кип хочет прикоснуться. (2008)

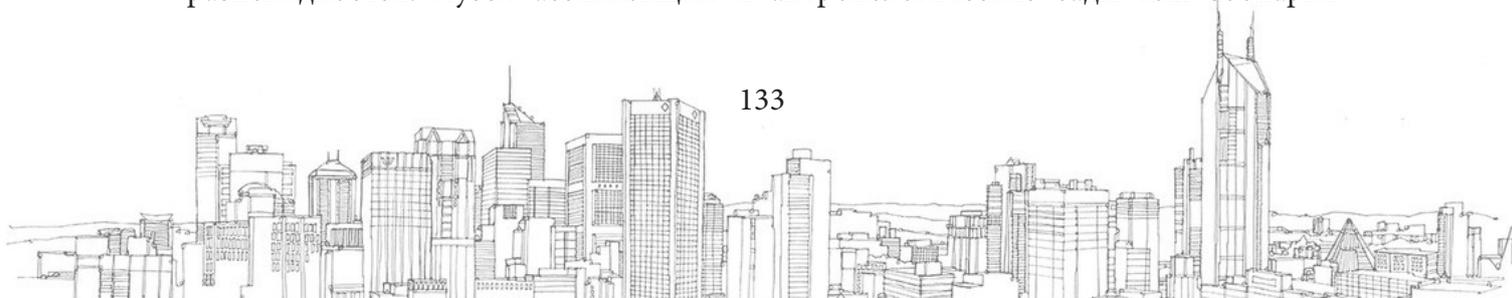
Юмористическое название также используется в серьезном произведении «Ирангелес: иранцы в Лос-Анджелесе» под редакцией Рона Келли, Джонатана Фридлендера и Аниты Колби. Приведенный ниже текст, взятый из описания продукта Amazon.com, мог быть использован для нескольких видеопродукций:

После исламской революции 1979 года в Иране сотни тысяч иранцев покинули свою родину. Для многих из них Лос-Анджелес был их местом назначения, и сегодня там живет больше иранцев, чем где-либо еще в мире за пределами Ирана.

Эта интересная коллекция фотографий, эссе и интервью исследует исход из Ирана и иранское присутствие в Южной Калифорнии. Улавливая удивительное разнообразие этого иммигрантского сообщества, Ирангелес также сталкивается с разрастающимся мегаполисом, на который все больше влияет его многочисленное этническое и иммигрантское население. Иранцы также неумолимо связаны с демографическими изменениями в Калифорнии - изменениями, которые поднимают вопросы ассимиляции и культурного выживания - и в результате которых меньшинство станут большинством в следующем столетии.

Мои собственные довольно поверхностные наблюдения во время прогулки осенью 2001 года по хорошо известному иранскому или «персидскому» кварталу в районе Вествуд города, недалеко от Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, показали мне довольно скромный этнический анклав с персидскими ресторанами и продовольственными магазинами. По большей части после исламской революции 1979 года можно было ожидать, что эти опытные иранцы уже были очень вестернизированы в одежде и городской практике до приезда в Соединенные Штаты. Как и следовало ожидать, некоторые называют район магазинов «Маленькой Персией» или «Персидской Площадью». Однако в большинстве обычных магазинов вывески были на персидско-арабском языке. Также был книжный магазин, а газеты и журналы на стойках в магазинах на фарси. Это было идеальное визуальное выражение зажиточного персидско-американского городского квартала.

В предыдущих главах мы подробно обсуждали зрелищность и коммодификацию более или менее аутентичных итальянских и китайских этнических кварталов, представленных в этнических тематических парках. Если повторить главу 2, большинство этнических тематических парков бывают как минимум двух разновидностей: музеи ассимиляции и антропологические сады или зоопарки

для людей. Музеи ассимиляции - это места для сохранения и демонстрации неодушевленных предметов, тогда как Антропологические сады - это места, где любознательные объекты содержатся в их живом состоянии. На огромном американском ландшафте существует множество различных версий этого культурного и исторического феномена коммодификации; наиболее знакомыми и повсеместными из них являются сочетания «дикого западного» крупного рогатого скота, добычи полезных ископаемых и оживленных городов-призраков. Некоторые из них были созданы на обочинах основных автомагистралей, в то время как большие и маленькие придорожные знаки указывают направление к другим. В некоторых штатах, особенно на западе, туристам также могут быть предложены туры и поездки в резервации коренных американцев, чтобы посмотреть представления или просто купить местные изделия ручной работы. Есть также многочисленные воссозданные и сохранившиеся поселения, которые отдают дань уважения американской истории, например, Колониальный музей живой истории Вильямсбурга в Вирджинии, изобилующий историческими интерпретациями и характерными действующими лицами [3]. Амиши, найденные в «Пенсильванской голландской стране» и аналогичных американских местах в котором поселились эти простые люди, также использовались предпринимателями для того, чтобы проникнуть в карманы любопытных.

На другом конце расового спектра находится историческое поселение чернокожих в Городе Вольноотпущенников в Хьюстоне, 4-й район Техаса, которое находилось под угрозой исчезновения из-за его близости к ценной застройке в центре города. Когда я посетил этот район в 2002 году, там были остатки среднего класса и черные жители из рабочего класса. В Городе Фридмана я стал свидетелем парада жителей на лошадях, которые массово проезжали по местной улице. Ниже приводится отрывок из Генерального плана реконструкции города Фридмана, получившего в 1997 году награду за городской дизайн Хьюстонским отделением Американского института архитекторов.

Город Фридмана - это район площадью 84 квартала на 125 акрах, расположенный в тени центра Хьюстона. Он вмещает примерно 1500 жилых единиц. В 1985 году часть города Вольноотпущенников, состоящая из 40 кварталов, была внесена в Национальный реестр исторических мест как исторический район. Значение территории описано в Номинации Национального реестра:

Исторический район города Фридмана - это жилой район из сорока кварталов, который представляет все, что осталось от старейшего и одного из самых важных поселений чернокожих в Хьюстоне. Основанное сразу после освобождения на южных берегах Буффало-Байу, первоначальное поселение «Город вольноотпущенников» в конечном итоге превратилось в экономический, духовный и культурный центр чернокожего сообщества Хьюстона.[4]

Другой взгляд на знаменитую реконструкцию был дан в Black News под заголовком «Хьюстон разрушает крупнейший исторический район для чернокожих в Соединенных Штатах. Расширение прав и возможностей низовых слоев населения заблокировано, в то время как джентрификация растет».

Сегодня Город Фридмана наполовину меньше первоначального размера, и большая

часть его славы была украдена и разрушена тем самым правительством, которое должно служить и защищать его. Несмотря на благородные усилия Freedmen's Town Association, Inc. в январе 1984 года, получившие статус исторического района при Министерстве внутренних дел США и Национальном фонде сохранения исторического наследия, Хьюстон упорнее и безжалостнее боролся за уничтожение наследия чернокожих здесь.

Таинственные пожары в домах, за которыми последовали взрывы в церквях и незаконный снос исторических зданий в течение трех выходных дней - вот лишь некоторые из многих смертоносных практик в городе Хьюстон. Где выборные должностные лица во время этого натиска беспорядков?

Все они являются участниками заговора, направленного на уничтожение единственной истинной истории чернокожих в Хьюстоне, - делится Глэдис Хаус, основательница Freedmen's Town Association, Inc., которая с 1980 года защищает исторический район.

Хаус говорит, что чернокожие и латиноамериканцы присоединяются к выборным должностным представителям европеоидной расы на всех уровнях, чтобы разрушить Город Фридмана. (House 2011; см. Также Hutchinson 2011, Podagrosi and Vojnovic 2008, Barr 1996 и Moran 2006)

По другую сторону Хьюстона находится второй «исторически черный» район. В этом Третьем районе, поскольку он был менее обеспеченным, жители еще менее успешно предотвращали изменения. По иронии судьбы, Третий район был центром, а возможно, даже жертвой исторического проекта сохранения под названием Project Row Houses. Во время моего визита в Хьюстон их было всего несколько, серьезно пострадавшие, старые постройки, которые до этого ускользнули как от защитников, так и от разработчиков. Местная некоммерческая культурная организация, ответственная за этот проект, начала свою деятельность в 1993 году. Художники и активисты предвидели иную судьбу, чем снос, для двадцати двух аварийных домов, построенных в стиле «ружье», расположенных на полутора кварталах заброшенной собственности (см. Рис. 4.4).

Группа была «основана на том принципе, что искусство - и создаваемое им сообщество - могут стать основой для оживления депрессивных кварталов в центре города. Этот принцип частично основывался на философии немецкого художника Йозефа Бойса (1921–1986), который ввел термин «социальная скульптура», который преобразовал идею скульптуры как формы искусства в социальную деятельность. Таким образом, миссия Project Row Houses заключается в создании сообщества посредством прославления искусства, афроамериканской истории и культуры». Учитывая, что эта книга посвящена визуализации городских ландшафтов, PRH поставила цель: «Хорошая и актуальная архитектура; это означает, что жилье, которое должно быть не только хорошо спроектировано, но и иметь смысл для сохранения исторического характера общины», особенно актуально. В связи с этим в 2003 году организация создала родственную корпорацию по развитию сообществ, занимающуюся «домами со смешанным доходом, зелеными насаждениями, общественными объектами, жилыми помещениями / студиями художников и сохранением исторических памятников».

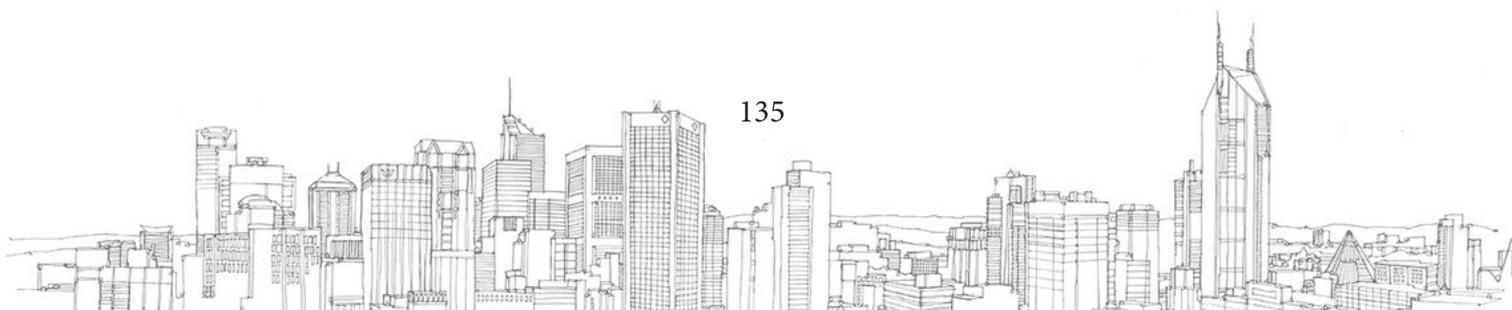

Рис. 4.4 Город Фридмана, Хьюстон, Техас, США, 2002 г.

Еще меньше внимания, пожалуй, уделяется этническим пространствам и местам, таким как Чешская деревня в Сидар-Рapidс, штат Айова, куда в середине девятнадцатого века чехи и словаки приезжали в поисках дешевой земли и хорошей работы в мясопереработке и сельском хозяйстве. Некоторые открывали в городе магазины с вывесками на чешском и английском языках, и даже уличные вывески были двуязычными. Идея рекламировать свой район как «Чешскую деревню» возникла в 1970-х годах, когда страдали местные предприятия. Сегодня он пытается вернуться после серии разрушительных наводнений. Они также пытались сохранить свое этническое наследие, как писал Артур Г. Сульцбергер в *New York Times* (2011). Джанет Стоффер, директор Национального музея Чехии и Словакии, сказала, что город пытается сохранить свою «чешскость»: «Без чешской деревни мы были бы где угодно, в США».

Большинство витрин, выстилающих небольшую торговую полосу, были убраны и вновь открыты. Духовки в пекарне Сукога пропитаны запахом ржаного хлеба и других традиционных блюд. Полки в «Чешском коттедже» заставлены импортными поделками, украшениями из граната и стеклянной посудой. И музей, в котором было уничтожено около 10 процентов своей коллекции, снова открылся поблизости с выставкой о наводнении, так как он ожидает проекта переезда и расширения стоимостью 25 миллионов долларов...

Пока сообщество пытается восстановить, его также сносят. Многие дома были снесены, чтобы освободить место для балок защиты от наводнений; другие пусты, ожидая той же участи.

«Суровые чехи, которые жили в этом районе, ушли», - сказал Майк Фергюсон,

решивший не открывать снова свой популярный мясной магазин, где он продавал традиционные продукты, такие как ливерная колбаса и зельц. «Ушли. Они не вернутся».

«Без людей, живущих по соседству, - продолжил он, - не было бы чешской деревни». (2011)

Другая, менее отчаянная версия визуальной этнической привлекательности принадлежит калифорнийскому городу Солванг, на веб-сайте которого говорится:

Velkommen til Solvang!

Добро пожаловать в Солванг, Калифорния

Сообщество сохранения Америки

Солванг (по-датски «солнечное поле») - красивый маленький город, расположенный в долине Санта-Инез в Калифорнии. Основанный в 1911 году небольшой группой датских учителей, Солванг сегодня представляет собой разнообразный современный город с прекрасными ресторанами, прекрасными магазинами и выдающимися развлечениями, которые одинаково очаровывают как молодых, так и старых.

Здесь есть датские фестивали, тихие усаженные деревьями улицы, запряженные лошадьми повозки, парк Ганса Христиана Андерсена, ветряные мельницы, датская выпечка и десятки необычных магазинов, которые стоит посетить. Солванг был включен как город 1 мая 1985 года, и в настоящее время его население составляет около 5 555 человек. (Solvang 2011; см. Также Conzen 1990, 246).

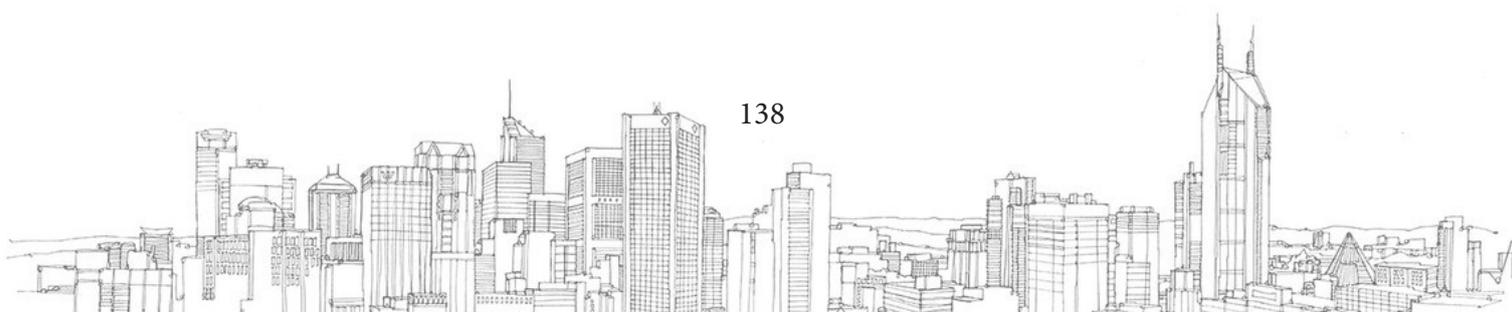
Рисунок 4.5 Уличный рынок Ольвера, Лос-Анджелес, Калифорния, США, 2001 г.

Как бы Майк Дэвис (2001) ни хотел праздновать латиноамериканский культурный институт в Лос-Анджелесе, так же как датчане и поляки, их *Latinidad* также вряд ли защищен от тривиализации и коммодификации. Латиноамериканская лингвистическая основа Города Ангелов закреплена общим термином для жителей Лос-Анджелеса, то есть «Анджеленос», но это не означает культурного уважения. В центре Лос-Анджелеса, через дорогу от вокзала Юнион, находится исторический район Эль-Пуэбло-де-Лос-Анджелес, который в настоящее время переименован в мексиканский тематический парк под названием «Улица Ольвера», состоящий из поддельного мексиканского рынка с магазинами, отвечающими этническим требованиям, ресторанам и музеям (см. рис. 4.5). Согласно каждому туристическому гиду, Лос-Анджелес также предлагает другие более и менее аутентичные анклав, такие как «Рамен-Роу» в Маленьком Токио, который привлекает проживающих в пригородах американцев японского происхождения, предлагая буддийские храмы, магазины, рестораны, таверны и Японско-американский национальный музей, а также элитные магазины в Корейском квартале (см. рис. 4.6).

Рисунок 4.6 Торговый центр Koreatown, Лос-Анджелес, Калифорния, США, 2005 г.

Сноски:

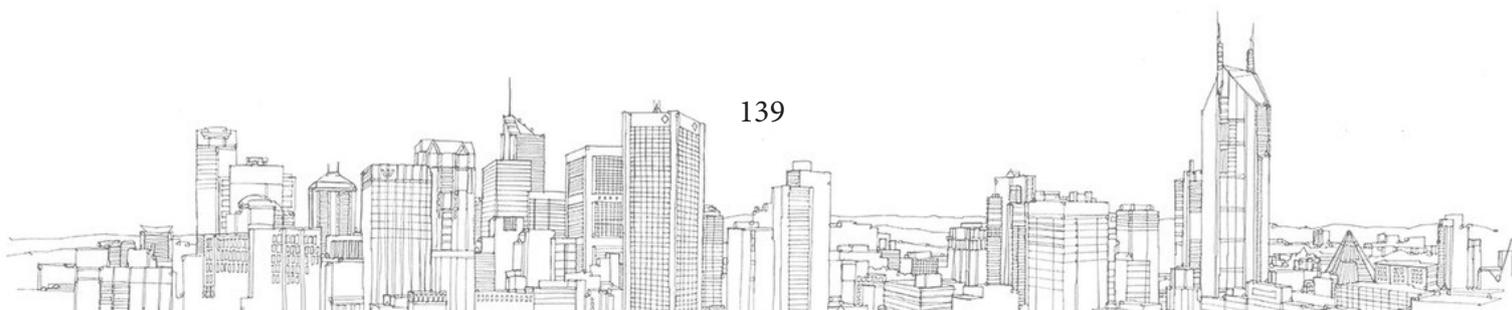
1 - <http://ninthwardrebirthbiketours.com/>.

2 - <http://www.tv.com/k-ville/show/68692/summary.html>.

3 - <http://www.history.org/>.

4 - *Freedmen's Town Redevelopment Master Plan*, <http://www.hillswiftarchitects.com/pages/projects/freedmensrmp.html>.

5 - <http://projectrowhouses.org/>. 6 See <http://www.rowhousecdc.org/>.

Глава 5

Польские и итальянские пейзажи

Введение

В этой главе рассматриваются польские и итальянско-американские районы, чтобы показать, как появление этнически определенных поселений связано с их историей, а также с опытом людей, которые их населяют. Поскольку «итальянской» стороне этого сравнения уже уделялось значительное внимание в главе 2, больше внимания здесь будет уделено «малым Польшам». Я часто утверждал, что мигранты подобны другим животным, строящим гнезда, которые «несут замыслы для жизни из своей первоначальной домашней среды и адаптируют их к ресурсам и возможностям в новом месте» (Krase 1993, 47; см. Также 1983, 1990). По крайней мере, по мнению социологов, люди отличаются от низших форм жизни тем, что их разнообразные закодированные конструкции для построения сообщества не заложены генетически. Вместо этого человеческие планы, как и все социальные нормы и ценности, усваиваются во время социализации и мысленно переносятся с места на место. В результате человеческие замыслы, несмотря на их сложность, гораздо легче модифицировать в пределах множества других, связанных символических сред. На идеальном или идеологическом уровне люди-мигранты пытаются символически воспроизвести высоко ценимые места и пространства, из которых они прибыли.

Америка как страна иммигрантов предлагает множество комбинаций и перестановок для сравнительных исследований переносимых через дефис этнических групп. В своей собственной работе я провел такие исследования местной политики (1992 г.) и общественных организаций (1982 г.). Чтобы исследовать внешний вид местных жителей, итальянские американцы и польские американцы особенно ценны для визуального сравнения из-за их сходства. Большинство итальянских и польских иммигрантов, сельских крестьян, исповедующих общую, католическую, религию, прибыли в период «массовой миграции» (1880–1920). Еще одним удобным фактором для исследователей является то, что оба поселились в одних и тех же городских и промышленных центрах. Как две из крупнейших «белых этнических» групп, они продолжают отражаться в демографии и местных ландшафтах многих американских городов.

Со временем все иммигранты приспособляются к новой среде. Исследователи иммиграции называют этот глобальный процесс движением от «иммигранта» к «этническому». Что касается форм местных сообществ, созданных в этом процессе адаптации, Патрисия Эрдманс отметила континуум от «пространственно определенных потребительских центров иммигрантов» до «рассредоточенных этнических организационных сетей» (1995; см. Также Gottdiener 1994a и Lofland 1985). Основываясь на собственном обширном исследовании в этой области и обзоре соответствующей литературы, Эрдман предположила:

В Соединенных Штатах этническая идентичность создается и воссоздается двумя способами: во времени, когда второе и последующие поколения переосмысливают свою коллективную идентичность в определенных

исторических контекстах (Sollors 1989; Glazer 1990; Conzen, Gerber, Morawska, Pozzetta и Vecoli 1990; Kivisto 1990; Nagel 1994) и в пространстве, когда иммигранты переносят культуру из одного места в другое. (Томас и Знанецки 1918–1920; Боднар 1985; Портес и Бах 1985; Моравска 1985)

Новые иммигранты могут селиться рядом с устоявшимися этническими группами со своей родины, но их включение в это сообщество никоим образом не является гарантированным, потому что их идентичности создаются в различных культурных контекстах и посредством различных процессов. Во-первых, если между ранним и поздним прибытием разделить несколько десятилетий, условия происхождения и назначения вряд ли будут одинаковыми. Тогда иммигранты и этнические группы лишь поверхностно разделяют родину предков. Во-вторых, воссоздание этнической принадлежности на протяжении поколений порождает иную идентичность, чем построение идентичности иммигранта посредством перемещения через границы. (176; см. Также Erdmans 1998).

Эрдманс также утверждала, что в ходе этого процесса иммигрантские сообщества действуют, чтобы уменьшить напряжение адаптации и этнических сообществ, отмечая и защищая свою особую культурную самобытность. Отсюда следует, что народная эстетика в искусстве и ремеслах, а также другие культурные ценности как иммигрантов, так и этнических групп будут выражаться в народных ландшафтах.

Маленькая Италия и Маленькая Польша в Бруклине: образ и реальность

Бруклин - это район Нью-Йорка с населением более двух с половиной миллионов человек. В течение двадцатого века в среднем около трети населения страны были иностранцами. Согласно *The New Yorkers: An Analysis of Immigration into New York City* в 1980-х годах, в 1990 году, начале десятилетия, в течение которого проводилось это сравнительное визуальное исследование (1990–2000), 98 138 жителей района сообщили о своей родословной как Поляки и еще 263 800 человек - итальянцы (NYCDCP 1992). С тех пор каждый год эти этнические анклавов продолжали получать большие доли итальянских и польских иммигрантов. Самый большой узнаваемый польский район в Бруклине, а также во всем Нью-Йорке - это Гринпойнт. Меньшее количество как иммигрантов, так и коренных польских этнических меньшинств можно найти в других районах Бруклина - Сансет-Парк и Парк-Слоуп. Заметное итальянское присутствие в районе наиболее заметно в садах Кэрролла и Бенсонхерсте. Одно очень важное символическое различие между польскими и итальянскими американцами - это степень их пространственного определения. Хорошо это или плохо, но стереотип «Маленькой Италии» гораздо более распространен, чем «Польский город» или «Полония». Не все места проживания американцев польского происхождения считаются «этническими» кварталами. Этот ярлык присуждается только тем, кто «выглядит этническим». Для большинства образ в средствах массовой информации обычно определяет анклав, а не непосредственный опыт с ним. Вопросы «естественной этнографии»

занимают центральное место в моей педагогике. Если бы кто-то путешествовал по Гринпойнту, что бы они узнали о поляках, Польше, польских американцах или Полонии? Как наблюдатель вообще узнает, что он или она находится в польском районе? Вот несколько «наивных» визуальных описаний, почерпнутых из анонимных комментариев моих аспирантов по курсу «Социология городского сообщества» 1993 года. Один студент, сообщивший, что он регулярно посещает польскую часть Гринпойнта, сказал, что в общине «очень чистые улицы и дома». Они гордятся тем, как выглядят их дома, и за ними тщательно ухаживают. Без перебора, просто». Здесь следует учитывать, что здесь есть неявное сравнение в том, что примечательным (видимым) является чистота в отличие от других мест, которые явно не упомянуты.

Второй студент предположил: «Хотя я лично ничего не знаю о польском сообществе, я чувствую, что типичное городское польское сообщество будет густонаселенным, с бедным польским рабочим классом, очень низкой безработицей, сильным семейным компонентом с большим количеством детей и очень маленькой преступностью». Здесь мы видим еще один важный аспект социального знания в том, что человек, кажется, знает что-то об этнических группах без непосредственного опыта. Другой признался: «Я понятия не имею, как должен выглядеть польский квартал», но «я думаю, что в польском районе будет много уличных торговцев, продающих польские товары (например, продукты питания, одежду или религиозные предметы). Могут быть танцы и музыка. Наконец, я думаю, что такое соседство было бы родителями, которые очень строги со своими детьми. Район напоминал бы большой семейный тип». Наконец, один из них написал: «Мне жаль, что я понятия не имею, как будет выглядеть польская народная архитектура. Хотя она, вероятно, довольно проста, прямая, не такой богатая, как, скажем, готическая или римская». Большинство студентов были этнографически «невежественными», но упомянули запахи и еду (особенно творчески написали «kielbasa») и в целом сказали, что польские районы «старомодны» и «ориентированы на общину». В 1993 году Рона Робинсон, одна из моих студенток семинара в Бруклинском колледже, провела полевые исследования в Гринпойнте и, отчасти, описала польское сообщество Гринпойнт следующим образом:

Поляки в Гринпойнте гордятся своими домами, а также своими общинами. Дома и магазины в очень хорошем состоянии. В таком районе, как Гринпойнт, который относится к низшим слоям среднего класса и рабочим, с двумя или тремя семейными домами, достаточно приличные дома, чтобы гордиться своим внешним видом. Дома облицованы алюминиевым сайдингом, двери кажутся новыми. Они сделаны из дерева, просто декорированы и блестят. По словам брата Ричарда из римско-католической приходской школы Святого Станислава Косты, хотя большинство жителей относятся к низшему среднему классу, внутри их дома опрятны и чисты. Дома не богато украшены, но в них есть все необходимое. Кроме того, для постороннего бросается в глаза отсутствие граффити на улицах. Польские иммигранты не только гордятся своим домом и обществом, но и верят в традиционные ценности, которые включают тесные семейные узы, а также прочные связи с католической церковью». (1993, 3)

Какова доказательная ценность этих различно информированных визуализаций

польско-американских кварталов? Некоторую оценку можно сделать из сравнения с антропологом Полом Вробелем, который описал себя как польский американец в третьем поколении из рабочего Детройта:

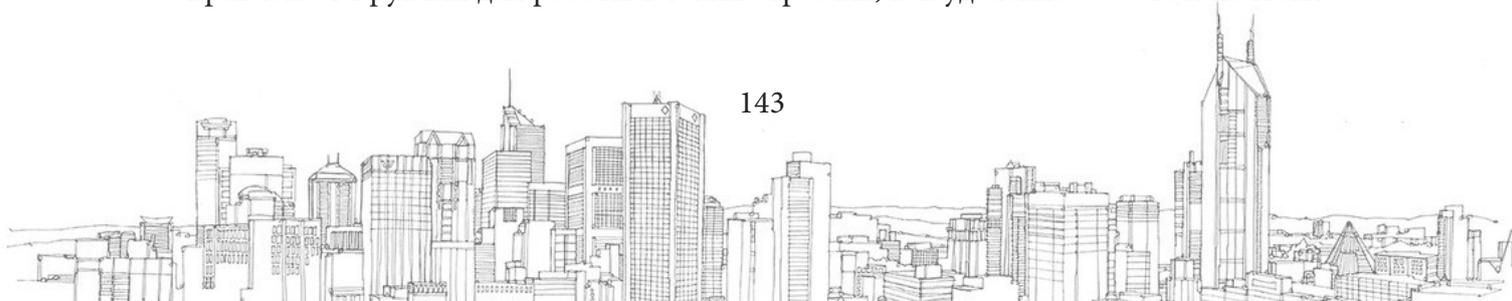
Мой собственный район был прежде всего местом. Он вырос вокруг района, который вскоре пристроил школу для детей прихожан. Сам район состоял в основном из одноэтажных деревянных каркасных домов, которые блестели от частых, иногда ежегодных покрасок. Лужайки были ценным достоянием, аккуратно подстрижены, а сады были многочисленными и красочными. Статуи и святыни Пресвятой Богородицы, часто украшенные свежесрезанными цветами, были обычным явлением в маленьких двориках. Таким образом, это были некоторые из наиболее заметных характеристик польско-американского сообщества. (1973, 57; см. Также 1979)

Функции этнических анклавов

Местные ландшафты - это аспекты этнических городских деревень, изначально созданных для оказания взаимопомощи и поддержки, которые выжили, несмотря на восходящую социальную мобильность, пригородную миграцию, обновление городов и прибытие последующих групп. Есть много сообщений о гибели тех или иных белых кварталов старого центра города. Однако в 1980-х и 1990-х годах исследования того, куда направлялись и останавливались американцы польского и итальянского происхождения, представили очень сложную картину, которая не легко согласуется с моделями, прогнозирующими полный упадок (Альба и др., 1995, Кромковский, 1990). Хотя многие из старейших анклавов исчезли, многие из их кварталов все еще видны на городских и более пригородных сценах.

Некоторые из этих новых анклавов являются продуктами иммиграции, но большинство из них является результатом миграции польских и итальянских американцев из центральных городов в ближайшие и далекие пригороды. В современном мегаполисе традиционные районы могут быть менее необходимы для многих людей, но для них также появились новые функции. Люди периодически возвращаются из пригородов в свои и чужие старые районы, чтобы посетить, сделать покупки и перезарядить свою «душу», посетить торжества, купить вещи, недоступные в опустошенных поселениях, навестить старых родственников, иногда продемонстрировать этническую гордость и все чаще заново открывать для себя свои корни. Наконец, в постмодернистском мире, который допускает то, что Маргарет Уотерс назвала «добровольной этнической принадлежностью», те, кто хочет быть этническими, могут выбрать жизнь в этническом анклаве среди со-этнических (1990). Следует также принять во внимание тот факт, что большинство сегодняшних менее обеспеченных иммигрантов и этнических сельских жителей все еще нуждаются в этнической концентрации.

Хотя большинство анклавов находится в центральных районах крупных мегаполисов, другие можно найти в небольших городах и практически во всех местах, где требуется иммигрантская рабочая сила: например, польских мужчин привлекает Бруклин для работы в таких отраслях, как удаление асбеста и польские

женщины работают домработницами. Приливы и отливы итальянцев в Бруклин и обратно зависят от относительного состояния американской и итальянской экономики и колебаний спроса на мужчин, которые работают на земляных и строительных работах. Как в Польше, так и в Италии этнический анклав способствует трудоустройству новых иммигрантов.

Народный ландшафт и архитектура

Построенная форма итальянских и польских общин в Соединенных Штатах является производной от социальных и физических моделей расселения, импортированных или унаследованных из старой страны. До последних десятилетий большинство американцев итальянского и польского происхождения вели свои корни к бедным крестьянам из деревень южной Италии и Польши. Эти места остаются основным источником традиций соседства, которые сегодня встречаются в Маленьких Италиях и Полониях. Некоторые этнические традиции адаптировались, а другие остались позади из-за различных социальных и физических, а также юридических условий. Как мы уже обсуждали, даже если местные пейзажи могут быть затенены политическим ландшафтом, они являются важным, хотя и часто упускаемым из виду, аспектом жизни местного сообщества (Jackson 1984, Hayden 1990).

Даже косметический ремонт имеет важное социальное значение, например, вывески на иностранном языке, указывающие на потенциально оспариваемые виды использования и значения местных общественных пространств. Выявление более широких проблем требует чуткости к культуре людей и групп, которые создают, поддерживают и придают значение пространствам, а также к посторонним, которые «читают» или «неправильно читают» их. Большинство иммигрантов приезжают в уже освоенные пространства, которые им не хватает возможности радикально изменить, поэтому их пространственное использование и интерпретация более актуальны, чем физические изменения. Наблюдение за группами, живущими в одинаковых условиях в течение ограниченного исторического периода, например, поляками и итальянцами, позволяет предположить, что существует много уровней взаимосвязи между тем, как пространство было изначально построено, способами, которыми оно было изменено, и способами, которыми оно было использовано.

Итальянско-американские и польско-американские народные пейзажи

Здесь я сравню и сопоставлю свои обширные наблюдения местного пейзажа Полонии с наблюдениями Маленькой Италии. Но сначала несколько предостережений: стереотипы являются неотъемлемой частью пространственно-семиотического и социально-пространственного анализа, и поэтому я постараюсь сделать здесь обобщение. Также необходимо подчеркнуть, что местные ландшафты отражают не только преемственность, но и перемены. Несмотря на множество исключений, можно утверждать, что местные ландшафты могут быть глобально связаны с этнической историей и культурными ценностями, такими как то, как поляки больше определяются языком и религией, а итальянцы - местностью. Что касается масштаба и плотности местных кварталов, итальянцы, похоже, терпимы,

если не предпочитают, высокую плотность населения. С другой стороны, поляки предпочитают открытое пространство и физическое разделение. Возможно, это потому, что итальянцы жили в небольших, плотно обнесенных стенами городках и деревнях с ограниченной доступностью. Им мало что нравилось в общественных местах, и они путешествовали на значительные расстояния, чтобы работать в сельском хозяйстве. Сельские польские крестьяне также жили в перенаселенных домах, но в структурах, которые были более индивидуально обособлены, но визуально открыты друг для друга. В отличие от итальянцев, поляки выражают идеологию сельского хозяйства, которая не является частью южно-итальянской традиции. Хотя обе этнические общины социально закрыты, итальянские кварталы более ограничены физически.

До недавнего времени идеальным жилым районом для итальянцев в Америке был городской: пристроенный дом на тупиковой улице. Для поляков это будет загородный дом на одну семью, окруженный открытым пространством. Еще предстоит выяснить предпочтения новых польских иммигрантов, которые с большей вероятностью, чем их предшественники, были жителями городских квартир и затронуты жилищным социализмом. Будущие поколения от капиталистической жилой экономики еще более далеки. Хотя может показаться, что этнические села итальянцев и поляков имеют одинаковый размер, но это не так. Большие итальянско-американские районы разделены на отдельные региональные и местные части. В конечном итоге итальянские кварталы - это «скопления семей». Это выражается во дворе с помощью религиозных святынь для святых-покровителей определенных городов или регионов. Менее частые представления поляков на заднем дворе - почти исключительно Девы Марии. Поляки, кажется, имеют более широкое представление об «этнической гражданской культуре». Хотя недавние итальянские иммигранты создают и поддерживают местные городские или региональные ассоциации, польско-американские общины в Бруклине пространственно сосредоточены на более крупных учреждениях. Для Полонии центром этнической жизни является сам польский приход, например, римско-католическая церковь Св. Станислава и школа в Гринпойнте. Здесь также находятся офисы Польско-славянского кредитного союза, Польско-славянского центра, Польско-американского конгресса и Польского национального альянса. Неподалеку, в итальянском Гринпойнте, функционирует несколько общественно-итальянских организаций, и каждый июнь община отмечает праздник покровителя города Нола, Святого Паулина, а для сицилийцев - праздник Богородицы на горе Кармель, на таких же узких улочках.

Что касается видимых выражений этнической и национальной идентичности, как и следовало ожидать, национальные флаги и цвета широко представлены в обеих областях. Тем не менее, итальянский Бенсонхерст был наиболее явно итальянским, когда Италия выиграла чемпионат мира по футболу (1982, 2006), и польский Гринпойнт, когда его посетил Лех Валенса в 2006 году. Обе группы также успешно навязали выборным городским властям название местных улиц этнических героев. В Бенсонхерсте можно найти площадь Антонио Меуччи и бульвар Кристофоро Колумбо, а в Гринпойнте - площадь Леха Валенсы - Солидарность и площадь Папы Иоанна Павла II соответственно. Было бы очень трудно неправильно истолковать семиотическое содержание такой этнической топографии (см. Рис. 5.1).

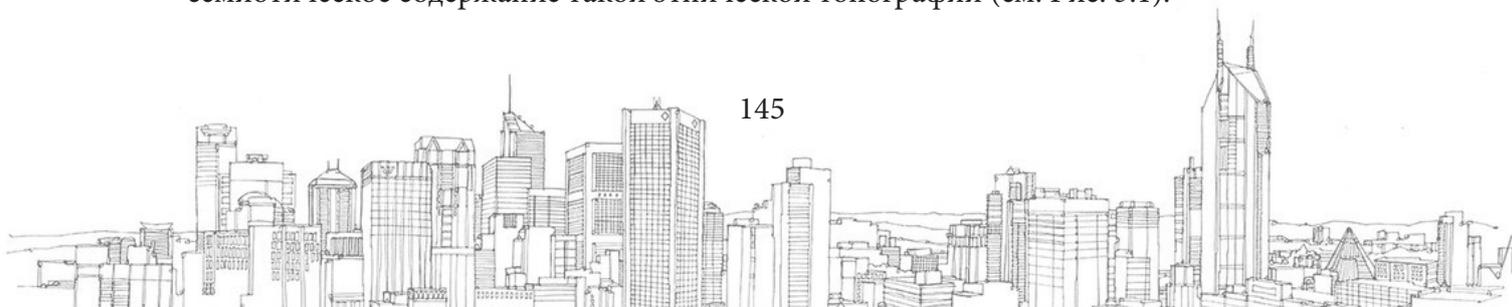

Рисунок 5.1 Площадь Леха Валенсы, Гринпойнт, Бруклин, Нью-Йорк, США, 1994 г.

Сообщества также можно сравнивать по континууму открытости и близости. Защита индивидуального, семейного и соседнего пространств - самая важная особенность и окончательный объединитель итальянского сообщества. Практически все согласны с тем, что, чтобы снять напряжение в их густонаселенных районах, каждый должен заботиться о своем бизнесе и своих собственных пространственных границах. Итальянцы стремятся «закрыть» свои дома и свои местные сообщества. Они строят стены, а не просто заборы, и с улицы встречают задернутые шторы, ставни и закрытые жалюзи. Территориальные итальянцы ставят четкие физические барьеры между собой и посторонними. Несмотря на то, что польские районы Бруклина кажутся более открытыми, чем пространственно закрытые итальянские районы, они все же «защищены». Однако польские барьеры менее очевидны. С улицы можно встретить заборы и открытые окна, которые пропускают больше света через кружевные занавески (см. Рисунки 5.2 и 5.3).

Рисунок 5.2 Польский оконный дисплей, Гринпойнт, Бруклин, Нью-Йорк, США, 2010 г.

Рисунок 5.3 Итальянская деревня, Кэрролл Гарденс, Бруклин, Нью-Йорк, США, 2010 г.

Имея более проницаемые физические границы, общественные зоны в польско-американских кварталах с большей вероятностью, чем в итальянских анклавах, будут социально смешанными. Тем не менее, по мнению Джудит Десена (1990) и Иды Сассер (1982), поляки, а также итальянцы используют неформальные сети, чтобы ограничить жилищные возможности меньшинств. Масштаб, плотность и закрытость эффективного сообщества также связаны с отношениями с посторонними. Как отмечал Джеймс Пула (1992), польские американцы сосуществовали, хотя и нелегко, с небелыми, в то время как я отмечал, что отношения между городскими американцами итальянского происхождения и небелыми часто были взрывоопасными (1994а).

Частные, а не публичные выступления - это еще одна отличительная черта районов. По словам Хелены Знанецкой Лопаты, определяющей чертой польской Америки является «соревнование за статус» внутри околки, или социального круга местного сообщества. Крестьяне принесли с собой традиционные критерии статусной конкуренции: «земля, собственность и личная / семейная репутация». По ее словам, «конечным источником статуса была личная репутация с точки зрения эффективности, специализации в любимом ремесле, личности, внешнего вида и поведения в деревне, что усиливало индивидуальность и независимость каждого человека, который знал о своей важности как фактора, способствующего семейному положению. Важность личной репутации сделала функцию стыда и непрерывный самоконтроль и контроль над другими очень важными в деревенской жизни» (1976, 20). Джон Мьюзик увидел, что это экологически выражено в польском районе Хамтрамк, штат Мичиган, где «богатство и потребление материальных благ имеют гораздо меньшее значение, чем гордость за свою собственность и заботу о собственности района» (1971, 6).

Хотя можно согласиться с тем, что итальянцы и поляки в равной степени «конкурируют» во внутригрупповых отношениях, в отличие от социально центрированной заботы поляков о том, что их принимают другие, итальянцы демонстрируют социально центробежные тенденции. Эдвард Бэнфилд назвал такое отношение южных итальянцев «аморальным семейством». Этот исторически сложившийся идеал привел к «неспособности действовать сообща для общего блага или, по сути, для какой-либо цели, выходящей за рамки непосредственных материальных интересов ячейки семьи» (1958, 10). Следует отметить, что оспариваемое суждение Бэнфилда, основанное на антропологической полевой работе, часто подтверждается данными национальных исследований, таких как «Италия сегодня: социальная картина и тенденции», 1989 г. (1990, 10–11). Майкл Херцфельд, с другой стороны, рассматривает моральное суждение Банфилда и других как виртуальное изобретение северных европейцев и американцев, которое помогает и поощряет увековечение культурных стереотипов (1984, 1985). Итало Пардо более решительно выступил с критикой представления о неполноценной морали южных итальянцев, предположив, что стереотип, примененный в его случае к Неаполю, служит оправданием неудач элиты:

С одной стороны, они извлекли выгоду из стереотипного представления о том, что южане глубоко коррумпированы в своей личной и общественной жизни и что южное общество подорвано культурной симпатией к преступности и особой готовностью официального финансового мира позволить грязным деньгам

въезжать в банк, в законный бизнес. Как я уже много раз доказывал, такая точка зрения серьезно ошибочна. Тем не менее, он послужил важной цели, помогая оправдать продолжающийся недостаток инвестиций, неблагоприятную кредитную практику, как я уже упоминал, законодательство, которое отвечает целесообразным интересам правящей элиты, но широко рассматривается как глубоко несправедливое и объективно подрывающее местный бизнес». (2006).

Независимо от того, являются ли южные итальянцы более или менее коррумпированными, чем жители севера, или находятся за границей, «аморальная семейность» как культурная черта, кажется, пространственно выражается в видимых вариациях упорядоченности уличных пейзажей. Итальянцы поддерживают верховенство частных (семейных) над общественными (несемейными) ценностями и интересами в отношении территории и деятельности в местных пространствах. Например, общественное право проезда перед жилыми помещениями, такими как тротуары, рассматривается владельцами как часть личных (семейных) владений. Вопреки американской городской эстетике итальянцы часто заменяют ажурные заборы каменными стенами, а некоторые иммигранты убирают уличные деревья, чтобы освободить место для парковочных мест. Среди итальянцев индивидуальность и конкурентоспособность ставятся выше конформизма и сотрудничества в пространственных взаимодействиях. Одна из наиболее распространенных физических особенностей итальянско-американских домов - это их тщательно продуманный контраст с соседними конструкциями. Таким образом, итальянские уличные пейзажи имеют тенденцию казаться беспорядочными и какофоническими, поскольку индивидуализированные жители стремятся выйти за неявные границы или просто установить свои собственные правила (см. Рис. 5.4).

Рисунок 5.4 Итальянский сад перед домом, Кэрролл Гарденс, Бруклин, Нью-Йорк, США, 2010 г.

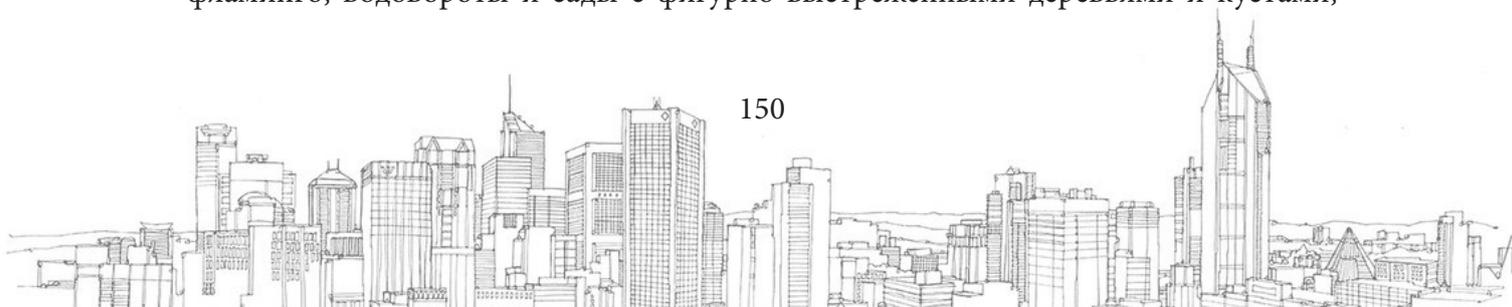
Из-за склонности итальянцев к архитектуре *fa una bella figura* (красиво выглядеть) фасады домов часто покрыты камнем или каменной облицовкой, что свидетельствует о достатке и успехе. Кроме того, в отличие от поляков, итальянцы не проявляют особого беспокойства за пределами своей собственности. Польские жилые улицы кажутся более однородными, может быть, даже унылыми. Индивидуализм выражен, но в рамках определенных норм. Например, опрятность - это обычная экологическая черта, которая проявляется в сияющем новом алюминиевом или виниловом сайдинге, белой или другой светлой краске.

Люди часто обращают внимание на безупречный, вычищенный вид Полонии. Софи Розински Штолле, женщина из Америки, полячка, 70 лет, с которой я беседовал о ценностях проживания, рассказала мне, как, когда она была ребенком, польские семьи в небольшом многоквартирном доме возле церкви Богоматери Ченстоховской в Парк-Слоуп, Бруклин, делали мытье не только внутренних холлов, лестниц и вестибюлей дома, в котором они жили, но и тротуара перед зданием (1996). Фасад дома - это публичное лицо. И поляки, и итальянцы соревнуются за репутацию, но в более или менее ограниченных рамках вкуса и одобрения.

Поляки, кажется, больше озабочены «правильным» образом того, что думают другие. Прогуливаясь по жилым улицам Полонии, можно увидеть более строгие сады, которые нравятся соседям, и аккуратно расставленные цветы в окнах. Огороды являются частью ландшафта польских и итальянско-американских кварталов. Однако поляки, скорее всего, будут располагать свои дома на заднем дворе, а не на переднем дворе. Одно из возможных объяснений состоит в том, что южным итальянским крестьянам были доступны более ограниченные пахотные земли, чем сельским полякам, что делало их экономными в пространственном отношении. Небольшие участки земли должны были найти наибольшее применение, а частные сады, хотя и украшенные цветами, были предназначены исключительно для производства продуктов питания. Поэтому на итальянско-американской уличной сцене фиговые деревья, виноградные лозы и томаты конкурируют с геранью и розами. Эти наблюдения за польскими окрестностями поразительно похожи на сцену, сделанную Ричардом Критчфилдом в польской деревне Поповляны. Выставка цветов на окнах с кружевными занавесками была универсальной особенностью. «У каждого дома был собственный забор из штакетника, большинство из которых были деревянными, но некоторые были из кованого железа и окрашены в зеленый цвет. Летом маленькие сады пылали цветами, и даже в самой бедной кухне были свежие букеты» (1994, 53).

Все люди, с которыми я много лет разговаривал о польских и польско-американских домах, упоминали цветы и сады. Они также подразумевали моральную связь между пространством и людьми. Обветшалые или неухоженные фасады зданий рассматривались как индикаторы бедности, нищеты и пренебрежения личным вниманием, тогда как противоположное было явным признаком прилежания и хорошего характера. Напротив, исторически итальянцы стремились скрыть активы от общественности. В сегодняшней Италии даже богатые итальянские деревушки демонстрируют определенную степень убогости.

Скульптуры из лужайки или другие украшения, такие как садовые гномы, розовые фламинго, водовороты и сады с фигурно выстриженными деревьями и кустами,

украшают многие польские и итальянские дворы. Однако можно утверждать, что внимание американцев итальянского происхождения к публичному фасаду своих структур является американской адаптацией, тогда как для поляков это не так. В отличие от польских деревень, в итальянских деревнях и старых городских кварталах населению почти не предоставляется места перед частными домами для его использования или даже оценки. Я должен также упомянуть некоторые вещи, которые я лично нашел поразительными в пригородных польских кварталах, где с улицы или тротуара можно наблюдать за их аккуратными гаражами и задними дворами. В отличие от этого, задние части итальянцев в подобных обстоятельствах казались мне более «творчески загроможденными», как отметили Филипп Нотариани и Ричард Распа в своем исследовании итальянского присутствия в отдаленном городке Хелпер, штат Юта (1983, 31).

Большинство итальянских и польских районов Бруклина примыкают к загрязненным каналам, шумным фабрикам, ветхим пристаням, ветхим складам и вредным производствам. Обычно ожидается, что только бедные будут жить рядом или в таких негостеприимных районах. Для поляков проживание в небольших жилых районах является функцией ограниченных возможностей, и они стремятся быстро покинуть промышленные районы центрального города. Однако многие американцы итальянского происхождения остались в таких районах после того, как достигли статуса среднего и даже высшего класса, потому что их культура сообщества помогает создавать пригодные для жизни острова в негостеприимных местах. Также распространено терпимое отношение к смешению коммерческой и промышленной деятельности с проживанием в итальянских кварталах. Даже итальянско-американские жилые районы среднего класса часто содержат конструкции, которые используются, законно или незаконно, для обслуживания клиентов, коммерческих или промышленных целей.

Основываясь на случайных наблюдениях на улице, кажется, что иммигранты предпочитают иметь (приемлемые в культурном отношении) продуктовые магазины, пекарни, рестораны и другие магазины поблизости, в отличие от американского идеала городского планирования функционально сегрегированных жилых сообществ с коммерческими центрами на определенном расстоянии. Для стороннего наблюдателя торговая полоса определяет этнический характер района. Этнические анклав также очевидны, в той или иной степени они символически конфликтуют с американской городской культурой. Бруклинские итальянцы и поляки на самом деле выглядят более «иностранными», чем тридцать лет назад. Иммигранты составляют большую часть местного населения, поскольку итальянские американцы переехали на Статен-Айленд, а еще большая часть польско-американских этнических групп уехала в пригороды. В Гринпойнте к 1960-м годам коммерческие знаки на польском языке почти исчезли. Лишь немногие предприятия сегодня отмечены стереотипными красно-белыми знаками или мотивами белого орла предыдущих поколений. Лишь несколько польских топонимов, например, магазин галантерейных товаров Закопане на Манхэттен-авеню, пережили силу ассимиляции (см. Рис. 5.5). Однако в 1984 году Марвин Хоу сообщила, что «ПОЛЬСКИЕ НОВОПРИЕЗЖИЕ ВОЗОБНОВЛЯЮТ УМИРАЮЩИЕ ПРАВЫ ГРИНПОЙНТА» отчасти благодаря введению военного положения в Польше.

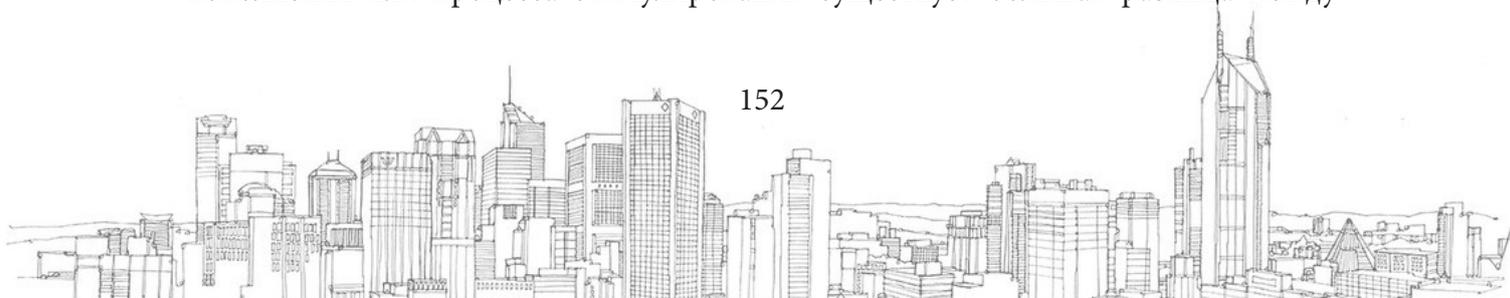

Рисунок 5.5 Польско-американская коммерческая улица, Гринпойнт, Бруклин, Нью-Йорк, США 2010 г.

После успеха движения солидарности и возрождения демократической Польши в 1990-х годах молодые поляки-иммигранты заполняли пространства, оставленные их ассимилированными со-националистами, и делили кварталы с остатками старой Полонии. Как писал Марцин Познань в «Новом Дзеннике»,

Мы можем свободно использовать польский язык почти во всем Гринпойнте, так как люди польского происхождения владеют там большинством предприятий... Мы можем узнать польские магазины по знакомым польским названиям; например, магазин Danuta, рынок Mazur Meat Market, Podlasie, Staropolski Deli, Blask, Kiszka или просто Kosmetyki, Apteka или Komis. В магазинах с американскими вывесками мы часто находим на витрине наклейки с надписью «Mowimy po polsku» (мы говорим по-польски). Даже если такого знака нет, мы можем свободно рискнуть начать разговор на нашем родном языке... Хотя единственный банк, который показывает «Mowimy po polsku», это Morgan Chase Manhattan Bank, это не означает, что в других банках - Citibank, Apple Банк или Гринпойнт Банк - нас не поймут. В каждом из этих мест работают поляки. Мы можем быть уверены в том, что во всех отделениях Польского кредитного союза вас обслуживают на польском языке, не говоря уже о местном Рекао, самом известном банке в Польше. А поскольку мы говорим о деньгах, мы можем использовать польский везде, где есть логотип: Western Union. В конце концов, они рекламируют себя, делая упор на «Mowimy po polsku». (2003)

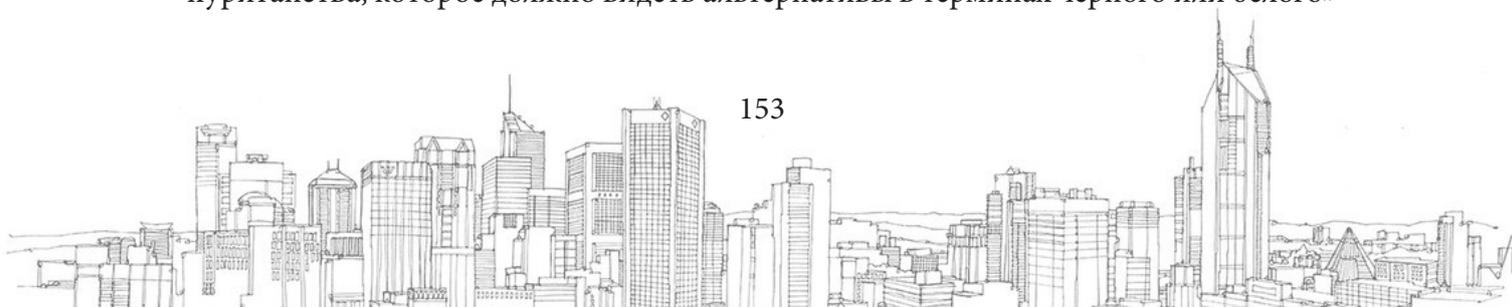
Со времен Второй мировой войны в итальянские районы наблюдались приливы и отливы постоянных иммиграций, многие из которых имеют дома как в Италии, так и в Соединенных Штатах. Напротив, польский стиль Гринпойнта был намного больше. Можно утверждать, что из-за этого неравномерного культурного пополнения или процесса стимулирования существует большая разница между

основными торговыми улицами в итальянских и польских районах в их ориентации на неместных жителей. Польские торговые районы больше ориентированы на представителей разных национальностей, чем итальянские. Это в равной степени связано с иммигрантскими и этническими взглядами, а также с восприятием посторонними. В американских городах итальянские кварталы, украшенные красными, белыми и зелеными знаками и флагами, - это места, куда многие неитальянцы ходят за покупками, особенно чтобы поесть. Итальянские рестораны - это виртуальная этническая индустрия Нью-Йорка. Напротив, в бруклинской Полонии по-прежнему относительно мало «модных» ресторанов и еще меньше, которые агрессивно стремятся привлечь посторонних.

Пространственная сегрегация по возрасту и полу остается отличительной чертой итальянских и, в меньшей степени, польских общин. Например, в толпе итальянских прихожан гораздо чаще преобладают женщины, тогда как среди польских прихожан мужчины представлены лучше. В отличие от польских районов, в итальянских кварталах Бруклина есть множество исключительно мужских «общественных клубов». Взрослые мужчины разного возраста также могут тусоваться небольшими кучками на углах торговых улиц: здесь молодые люди, там взрослые, а старшие в другом месте. Хотя недавно в Гринпойнте я заметил что-то похожее на мужской «футбольный клуб», по большей части толпы на улицах, кажется, менее сегрегированы по признаку пола. Молодые поляки-иммигранты собираются в определенных районах недалеко от общины в поисках работы. Этот феномен менее очевиден среди итальянских мужчин, которые имеют более развитые сети и контролируют целые отрасли иммигрантов, такие как раскопки. Польские рабочие находятся на нижнем конце служебной лестницы строительных профессий, занимаясь, например, удалением опасного асбеста. Многие польские женщины работают в домашнем хозяйстве, например, в уборке и в сфере общественного питания. Агентства по трудоустройству или вывески «Требуется помощь» на витринах магазинов и неофициальных досках объявлений, часто встречаются в польских кварталах, но реже в итальянских районах, хотя многие итальянские женщины работают в торговле иглами недалеко от своих домов. Частью нового ландшафта Польского Гринпойнта является рост числа одиноких мужчин и женщин, которых можно увидеть за покупками в местных продуктовых магазинах. Почти все итальянские иммигранты присоединяются к семьям, чьи женщины продолжают ходить по магазинам.

Там, где это возможно, иммигранты привносят и поддерживают традиционную архитектурную и другую эстетику при новом строительстве, техническом обслуживании и ремонте. Они предпочитают внешний вид определенных вещей, таких как определенные цвета, визуальные узоры или рисунки, больше, чем другие. Эти артефакты этнической принадлежности легче всего увидеть, когда они успешно вступают в противоречие с культурными ценностями доминирующего общества. Согласно историку архитектуры Винсенту Скалли, американский «урбанизм среднего класса» выражается в тенденциях к единству, однородности, открытости, нетерпимости к общинным ограничениям и предпочтению перемен. Несмотря на то, что он «кочевой», он также демонстрирует «самоправедность американского пуританства, которое должно видеть альтернативы в терминах черного или белого»

(1969, 229). Очевидно, что польский народный ландшафт ближе к этому идеалу, чем итальянский, как крайность экологического континуума. Дж. Б. Джексон отметил два основных типа жилищного строительства в Европе. Первый - Средиземноморье, представленное недвижимыми домами южной Европы, построенными из камня. Другой - атлантическая лесная культура, которая включает в себя более мобильные дома северной Европы, построенные из дерева (1984).

Поскольку Польша расположена на восточной окраине Атлантического леса в Европе, традиции проживания в Польше ближе к западноевропейским и англосаксонско-американским идеалам, чем к идеалам средиземноморской южной Италии. Польская народная традиция предлагает деревянные вместо каменных домов и частоколы вместо высоких каменных или лепных стен, соответственно. Наконец, в итальянские традиции вошли изделия из железа, камня, лепнины и керамики, которые пришли сюда через Средиземное море и Северную Африку. Для большей части Польши коренные славянские жилые традиции были в большей степени опосредованы более поздним влиянием Германии, России и Австрии.

Большинство итальянцев выросли в местах, где фасады зданий плоские, как стены крепостей. Объекты или поверхности, находящиеся на виду у публики, как правило, были минимальными, ограничивались входами, возможно балконами и кладкой. В большинстве итальянских деревень трудно найти зелень в узких проходах, которые переходят в «улицы». Дома в сельской местности Польши более доступны для прохожих, так как они отдельно стоящие и, следовательно, более доступны для всеобщего обозрения. Во многих американских городах итальянские предприниматели доминировали в производстве декоративных изделий из металла и кирпичной кладки. Они обслуживали не только свой район, но и широкую общественность. В отличие от шероховатости каменных поверхностей многих итальянских народных структур - это гладкая алюминиевая или виниловая облицовка или блестящие окрашенные деревянные фасады, которые можно найти в польских кварталах Бруклина, таких как Гринпойнт и Вильямсбург. По словам Кристин Хоуни, «Для одного инвестора в недвижимость виниловая облицовка никогда не теряла блеска». Она сообщила, что брокер по недвижимости Льюис Кэнфилд видит в этом «ключ к сохранению традиций» рабочего класса Вильямсбурга:

«Это не самая прекрасная вещь, но реальная», - сказал он. «Она подлинна. Это связано с историей района. В таком районе, как Вильямсбург, где виниловая облицовка так же доминирует, как коричневый камень в Парк-Слоуп и бетон в Мидтауне, многие жители готовы сражаться с мистером Кэнфилдом с меньшей страстью. Блогеры по недвижимости часами безжалостно фотографируют дома и публикуют в сети то, что, по их мнению, является самым скромным примером. Для тех, кто заботится о сохранности, виниловая облицовка и его близкий родственник, алюминиевая облицовка, являются отвратительным пятном на ландшафте». (2010)

Заключение

Американская общественность не осознает различий между поляками и американцами польского происхождения. Образ как социальных, так и

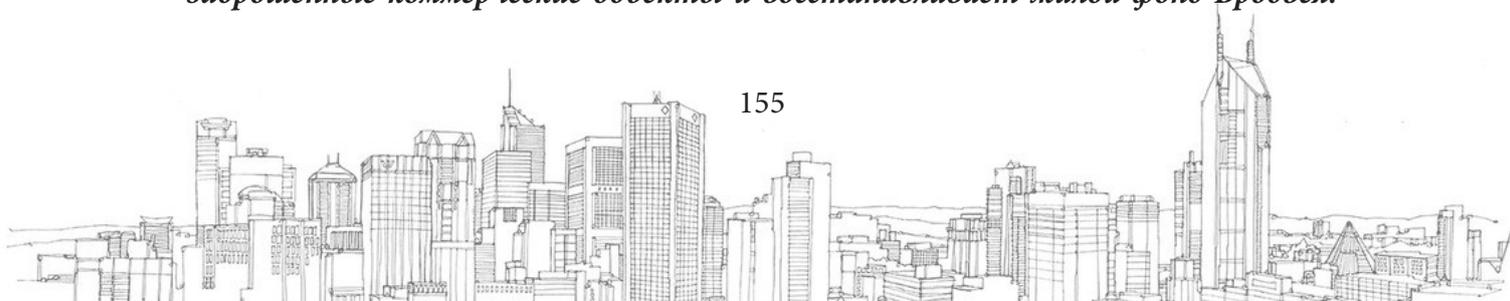
территориальных сообществ - это, по сути, городские синие воротнички или рабочий средний класс. Поляки и польские районы, не соответствующие стереотипу, не считаются имеющими польскую «идентичность». Например, польские культурные круги, интеллектуальные ассоциации и другие примеры более космополитической культуры редко признаются этнически поляками. Утонченность и этническая принадлежность считаются взаимоисключающими. По мере того как люди продвигаются по социально-экономическому статусу и покидают центральные городские анклавы, другие не признают в них этническую принадлежность.

Они становятся неэтническими, а определение группы не меняется. Последнее соображение в этой главе необходимо для завершения противопоставления польских и итальянских анклавов. Это явление этнических тематических парков, которое чаще встречается в Маленьких Италиях, чем в Маленьких Польшах. Здесь ценности или символический капитал, создаваемый иммигрантами и этническими группами, трансформируются благодаря его способности проводить фестивали, рестораны и другие развлечения для посторонних. По сути, это место и его жители становятся товарами, которые могут продавать - и продавать как инсайдеры, так и посторонние. Потенциал Гринпойнта по превращению в этнический тематический парк ограничен давлением джентрификации, которое будет рассмотрено в следующей главе. Поэтому приведенный здесь пример относится к району Славянская деревня в Кливленде, штат Огайо, который я посетил и сфотографировал в 1997 году (см. Рис. 5.6):

В 1970-х и 1980-х годах местные бизнесмены занялись обновлением городов в этническом стиле, отважно пытаясь остановить ухудшение состояния, вызванное резким сокращением инвестиций в разрушающийся промышленный город Среднего Запада. Чтобы придать району новый этнически уместный вид, главная торговая улица была архитектурно переоборудована с фронтонами, балконами, ставнями и фасадами в стиле шале, характерным для польского нагорья Татр, которые являются частью Карпатского хребта. Поляки ласково называют его Подхале. Как и другие местные городские власти, в Славянской деревне есть своя собственная корпорация местного развития. Кварталы рабочего класса находятся недалеко от ныне несуществующих предприятий тяжелой промышленности, таких как сталелитейные заводы, которые привлекали иммигрантов, а позже и многих других мигрантов. Наибольший визуальный отпечаток на окрестности произвели чехи и поляки. «Здесь говорят по-польски!» анонсируют витрины на Флит-авеню в районе Славянской деревни Кливленда. Домашние вареники, свежемолотая кильбаса и картофельный хлеб только что из духовки манят. Но не обязательно быть поляком, чтобы насладиться прекрасными вкусами и достопримечательностями растущего числа колбасных магазинов, ресторанов и гастрономов». (2006)

Веб-сайт Корпорации развития славянской деревни также оптимистичен:

Сегодня Славянская деревня / Бродвей - это район в разгар эпохи Возрождения. Жители работают вместе в блочных клубах, чтобы улучшить качество жизни в своем районе. Slavic Village Development восстанавливает малоиспользуемые и заброшенные коммерческие объекты и восстанавливает жилой фонд Бродвея.

Культурные учреждения, общественные организации и церкви по-прежнему процветают. Славянская деревня / район Бродвея продолжает сочетать свою богатую историю с четким видением своего будущего.[1]

Рис. 5.6 Варшава, Славянская деревня, Кливленд, Огайо, США, 1997 г.

В славянской деревне также находится исторический район Варшава, внесенный в Национальный регистр исторических мест. Онлайн-описание местности является дополнительным свидетельством напряженности и символического взаимодействия между этническим и доминирующим «американским» народным ландшафтом и архитектурой. Варшава была основным районом большой польской общины Кливленда, названной в честь польской столицы. Немецкое культурное давление в прусской Польше и бедность и репрессии в русской Польше вызвали волну польской миграции. Начиная с 1870-х годов Америка, и особенно Кливленд, стали местом назначения для многих поляков из-за относительно безопасного и недорогого морского транспорта и потребности в рабочих в быстрорастущих отраслях Кливленда:

Район Варшава представляет собой смесь двухэтажных резиденций в стиле королевы Анны и различных коммерческих зданий конца 19-го и начала 20-го века. В целом, здания отражают то, что иммигрантское сообщество, вместо того, чтобы импортировать архитектурные стили Старого Света, адаптировалось к физическим условиям американских зданий, создавая типичную американскую жилую торговую улицу рубежа веков (курсив мой) [2].

Сноски:

1 - <http://www.slavicvillage.org/index.php?module=article&view=8>.

2 - <http://www.nps.gov/nr/travel/ohioeriecanal/war.htm>.

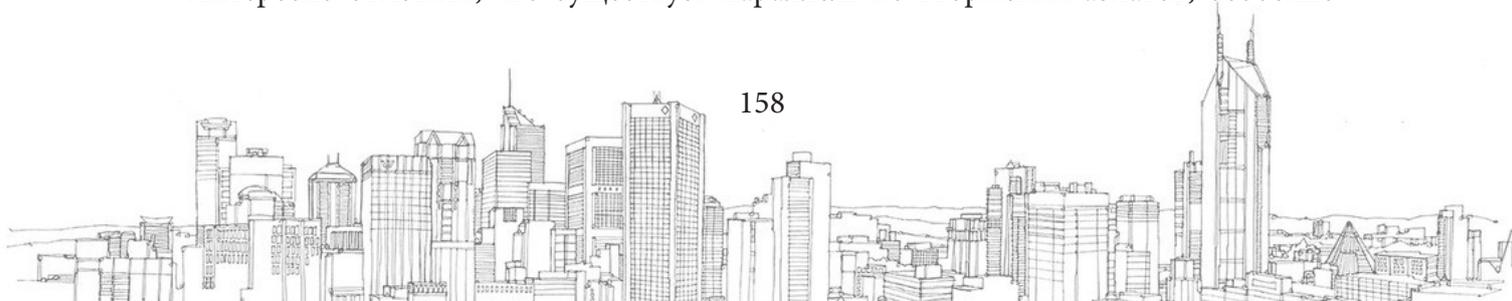
Глава 6

Этническая преемственность в большой Италии

Введение

В главе 2 мы рассмотрели этническую преемственность в реальном и воображаемом районе Маленькой Италии. В этой главе наш географический центр перемещается за тысячи миль, в Италию. Мы утверждали, что значения соседних пространств изменяются даже меньшинствами - их обитателями. В этом отношении итальянские кварталы в Соединенных Штатах, в частности Нью-Йорк, похожи на итальянские кварталы в Италии, особенно в Риме, особенно в том смысле, что они были изменены в результате миграции различных этнических групп. Десятилетия назад было бы нелепо предлагать (европейцам), что европейские, особенно итальянские, города станут похожими на «американские». Чтобы показать это, нужны как старые, так и новые подходы. Старое представлено экологической теорией вторжения и преемственности Роберта Эзры Парка и Эрнеста Берджесса. Новое представлено визуальной и пространственной семиотикой. Как и в других главах, здесь представлена пространственная и семиотическая логика этих транснациональных процессов с небольшой подборкой изображений меняющихся народных ландшафтов. Социальный институт превращает простое представительство в практику. Люди явно проявляют себя в повседневной жизни; наблюдатель повторно представляет свои действия в описаниях, которые, в свою очередь, становятся репрезентацией. Делая *Italianità*, итальянские иммигранты создали Маленькие Италии. Новые иммигранты, демонстрируя свои культурные и социальные обычаи, разрушают итальянность (*Italianità*) как в Маленькой, так и, из-за отсутствия лучшего эвфемизма, в «Большой Италии». В результате сегодня некоторые из самых известных Маленьких Италий - это не более чем «этнические тематические парки», которые являются итальянскими только по названию. Вернувшись в Италию, на протяжении веков являвшуюся «страной эмиграции», только с 1980-х годов она стала «страной иммиграции», поскольку все большее количество иностранцев искало нечто большее, чем временное проживание. Даже совсем недавно демография типично итальянских городов, таких как Рим и Милан, заметно изменилась из-за иммигрантов.

Следовательно, поскольку мы можем рассмотреть, как американские городские пространства стали итальянизированы и впоследствии стали менее популярными, мы должны иметь возможность рассмотреть, как итальянские пространства теряют свою собственную, коренную, возможно, более аутентичную, итальянность в ответ на поселения иммигрантов и их локализованные культурные обычаи. Район Эсквилино в Центральном Риме - одна из тех областей, которые я наблюдал и фотографировал, когда в 1998 году изучал тему «Новые иммигранты в Риме» в Римском университете. Я вернулся в 2003 году и повторно сфотографировал почти те же самые уличные пейзажи. Здесь я сосредоточусь на коммерческом ландшафте, витринах и вывесках магазинов, которые простые люди интерпретируют как этнические маркеры. Интересно отметить, что существует параллель во вторжении азиатов, особенно

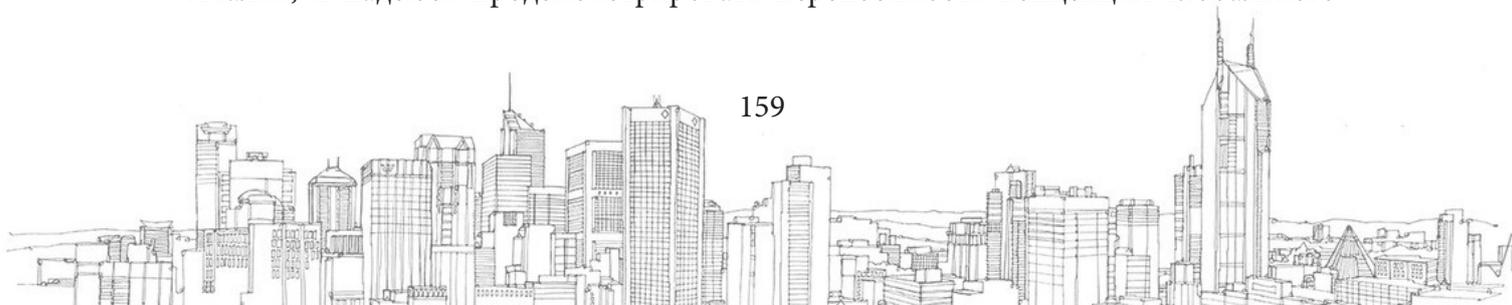

китайцев, в районы Малой и Большой Италии. Есть также большая ирония в том, что в период массовой миграции американцы рассматривали итальянцев как неотъемлемую часть вторгшейся немытой орды, так же как современные итальянцы визуализируют гораздо меньший приток задокументированных и недокументированных азиатских и других прибывших.

Внимание к этническим анклавам преобладает в городской социологической литературе, посвященной интеграции иммигрантов. Эти кварталы обеспечивают «порт входа» или «контекст приема» и помогают облегчить интеграцию в принимающее общество путем создания неформальных ресурсов, сетей и институтов, которые предоставляют языковые и культурные услуги и продукты (Portes and Rumbaut, 1990). В то время как статус Нью-Йорка как глобального города полон ностальгии по историческим кварталам этнических иммигрантов, современные поселения иммигрантов снова меняют городской ландшафт не только за счет обновления анклавных образований, но и за счет создания многочисленных многоэтнических, многорасовых кварталов (Hum 2004). Хотя значительная часть, если не большая часть стипендий по урбанизации, управляемой иммигрантами, была сосредоточена на опыте США и их исторических и возникающих городах-воротях, таких как Нью-Йорк, Чикаго и Лос-Анджелес, тревожные события, связанные с миграцией, по всему миру потребовали сравнительный анализ. В настоящее время растет количество европейских исследований моделей миграции, а также местных политико-экономических условий и национальной политики, которые формируют диаспорический опыт и жизненные шансы. Сьюзан Болл и Крис Гиллиган предложили визуально информированный, менее европоцентричный, акцент на миграции и связанных социальных разделениях, таких как сегрегация по месту жительства, неравенство, сегментация рынка труда, формирование расовых и этнических групп, а также гражданство и принадлежность. Что касается масштабов глобального масштаба проблемы, они отметили, что с 1980 по 2005 год число международных мигрантов увеличилось вдвое с 99 до 191 миллиона, хотя доля мигрантов в мире была относительно стабильной (2–3 процента).

В период с 2000 по 2002 год странами с наибольшим оттоком эмигрантов были Мексика (10,1 миллиона), Индия (9 миллионов), Бангладеш (6,6 миллиона), Китай (5,8 миллиона) и Великобритания (4,2 миллиона). Однако, если мы посмотрим на эти цифры как на долю населения их стран, мы обнаружим, что Мексика и Великобритания с гораздо большей вероятностью, чем Китай или Индия, «отправят» мигрантов за границу. Мигранты также стремятся уехать в соседние страны, а не преодолевать большие расстояния (например, почти 93 процента мексиканских мигрантов переехали в соседнюю страну, большинство из них - в США). Некоторые страны также чаще других принимают иммигрантов. По текущим оценкам Организации Объединенных Наций (ООН) Соединенные Штаты Америки (США) значительно опережают остальной мир (42,8 миллиона иммигрантов). По оценкам ООН, в пятерку крупнейших принимающих стран в 2010 году входят: США, Российская Федерация (12,3 миллиона), Германия (10,8 миллиона), Саудовская Аравия (7,3 миллиона) и Канада (7,2 миллиона).

Эта глава гораздо менее амбициозна. Сосредоточив внимание только на Риме, Италия, я надеюсь продемонстрировать переносимость концепции глобального

соседства и предоставить этнографический и визуальный взгляд на демографические и пространственные преобразования, которые создают возможности для обмена, которые могут привести к новому пониманию. Как было отмечено ранее Тарри Хамом и мной (2007), эти «глобальные» кварталы после 1965 года предоставляют возможность для развития «многорасовой демократии» (Оливер и Грант, 1995).

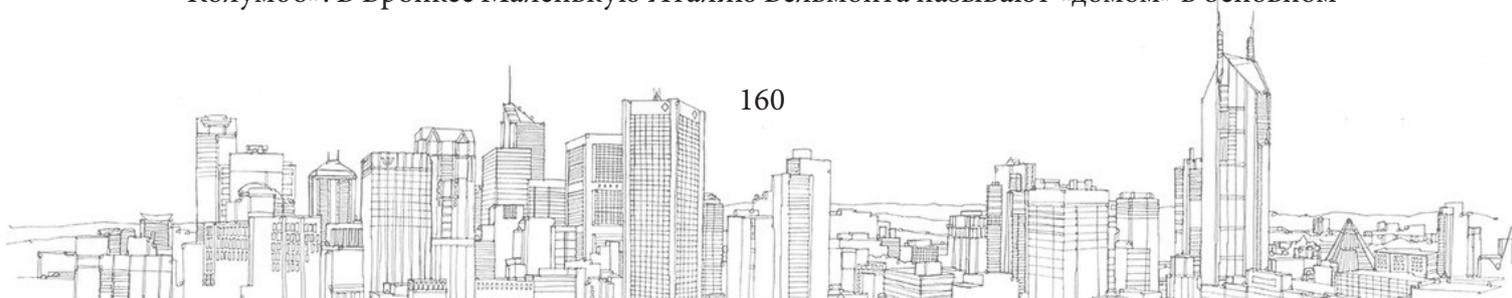
На ландшафты как итальянской Америки, так и Италии влияют «естественные» и обусловленные миграцией демографические силы, а также мощные процессы глобализации, деиндустриализации и приватизации. Как я утверждал, исследование взаимосвязи между этнической принадлежностью и пространством может помочь решить настоящие и будущие проблемы итальянских городов, которые не были готовы справиться с быстротой этнических и расовых изменений, вызванных глобализацией и развитием Европейского Союза (Krase 1997). Обращаясь к теме «Миграция и права человека в Италии», Кристина Тузенис написала:

В Италии, как и во многих других странах, существует проблема «культуры гражданства», заключающаяся в том, что институты не только ориентированы на защиту только итальянских граждан, но и основаны на представлении о том, что неграждане не заслуживают и не нуждаются в защите и могут фактически рассматриваться как потенциальная опасность для граждан. Проблема проявляется в виде фобий и беспокойства о будущем в контексте миграции. Эта «некультура», которую можно считать международным явлением, порождает политику, стимулируемую страхом перед общественным мнением, которое во многих случаях может показаться утилитарным и демагогическим, и основной целью которого является получение голосов.

Однако такая политика контрпродуктивна или, по крайней мере, непродуктивна, поскольку иммиграция является необходимостью для сохранения национальной экономики (INCMR, 2003, p. 4). Фактически, обычно считается, что такая политика не соответствует общественному мнению и что люди считают, что такая политика не соответствует общественному мнению, и что люди к настоящему времени поняли, что иммиграция необходима для страны». (2009, 351)

Маленькие Италии в Нью-Йорке

Как отмечалось в главе 2, Ричард Альба и др. изучили районы проживания белых этнических меньшинств, чтобы увидеть степень ассимиляции немцев, ирландцев и итальянцев в районе Большого Нью-Йорка в 1980 и 1990 годах (1997). Они обнаружили, что у итальянцев по-прежнему много больших кварталов, но большинство из них приходило в упадок из-за вторжения иммигрантов неевропейского происхождения и иностранцев без документов. Например, несмотря на энергичную защиту своей территории, знаменитая Маленькая Италия Манхэттена стала в основном китайской. В первое десятилетие двадцать первого века Бенсонхерст в Бруклине преобразуется притоком китайских, а также русских иммигрантов. Его главная торговая улица, 18-я авеню, до сих пор носит название «Бульвар Кристофоро Колумбо». В Бронксе Маленькую Италию Бельмонта называют «домом» в основном

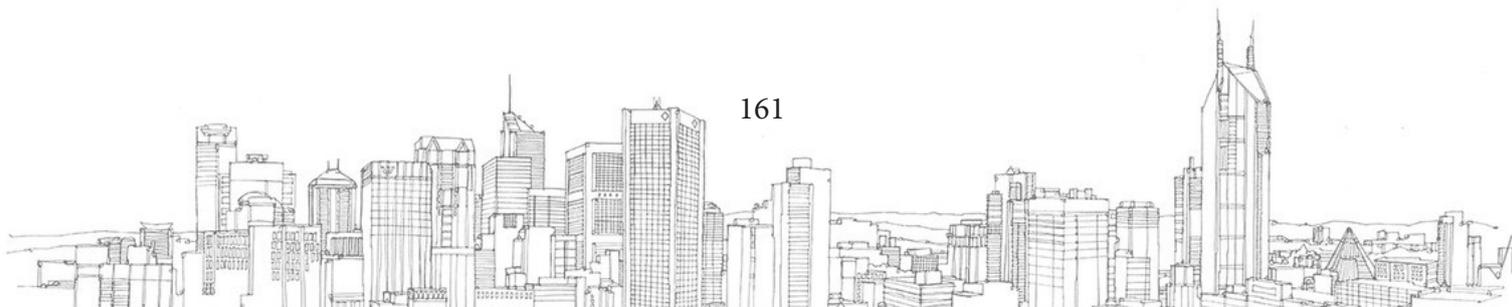
албанцы и латиноамериканцы.

Итальянский случай

Дэвид Харви объясняет, что «организация зрелищ» может быть частью «создания городского имиджа», что является «важным аспектом междугородной конкуренции», как «городские стратегии по завоеванию потребительских долларов» (1989, 233). Хотя его в первую очередь интересует современная или постмодернистская версия «демонстрации товара» (271) в условиях «гибкого накопления», он отмечает, что со времен Древнего Рима фестивали и другие публичные представления существовали как средство социального контроля (270). Короче говоря, создание и поддержание зрелищности связано с очень хрупкой структурой городских инвестиций, а также с усилением социальной и пространственной поляризации антагонизма городских классов (273). Другой способ думать о зрелище - это общее видение или представление того, как такая нация, как Италия, «должна выглядеть». Думая о зрелище таким образом, можно понять, как иммигранты могут бросить вызов туристическому и историческому национальному имиджу Италии. Изменение ландшафта за счет добавления черных и коричневых людей из Африки и Азии похоже на появление черного Санта-Клауса, или Баббо Натале, которого в Италии представляет чрезвычайно светлокожий человек. Эта восприимчивость к видимости иммигрантов в Италии была выражена во время моих исследований разными способами. Римский коллега объяснил мне, например, что египтяне или другие иммигранты «средиземноморского вида» предпочтительны для производителей пиццы в Риме (pizzaioli), потому что в итальянских ресторанах пиццы пиццаоло – это тоже «исполнитель - перформер», которого легко замечают клиенты. Одна из моих студенток из Университета Тренто рассказала мне, что мэр ее северного итальянского городка убрала уличную мебель, потому что ее использовали иммигранты. Другой итальянский профессор в 1996 году отметил, что текстильный город Прато в Тоскане на самом деле был китайским кварталом, о котором в то время мало кто знал. Китайцы впервые прибыли в конце 1980-х годов, и, по словам того же профессора, поскольку итальянцы не могли отличить один от другого, они могли использовать одни и те же паспорта, облегчая приток многих «нелегальных иностранцев» или clandestini (незаконные эмигранты).

Сегодня китайцы больше не невидимы ни в Прато, ни в Италии. Как отмечает Рэйчел Донадио в «Китайском ремейке модного лейбла «Сделано в Италии»»:

По данным торговой палаты Прато, количество итальянских текстильных предприятий, зарегистрированных в Прато, с 2001 года сократилось вдвое и составило чуть менее 3000, что на 200 меньше, чем тех, которые сейчас принадлежат китайцам, почти все в швейном секторе. Когда-то являвшийся крупным производителем и экспортером тканей, Прато теперь составляет 27 процентов импорта тканей Италии из Китая. Обида растет. «Вы берете кого-то из Прато с двумя безработными детьми и когда китаец проезжает на Porsche Cayenne или Mercedes, купленном на деньги, полученные от незаконной эксплуатации рабочих-иммигрантов, такой климат опасен», - сказал Доменико

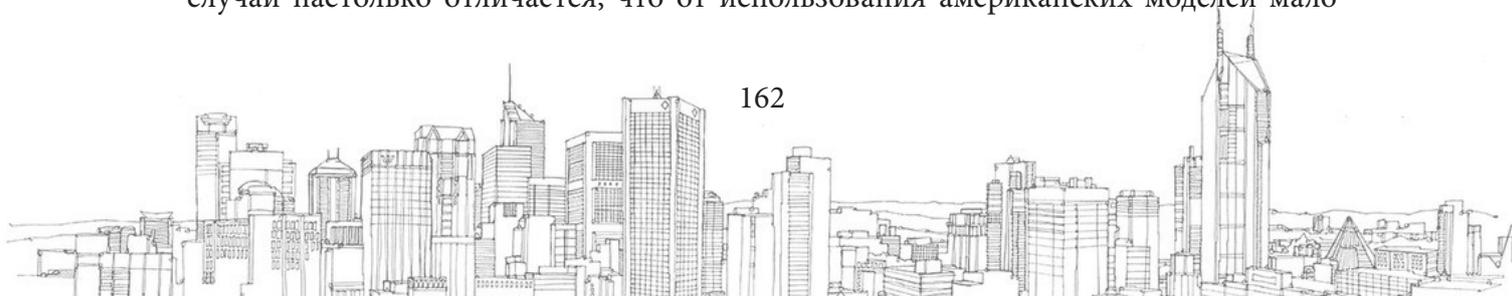
Сави, начальник полиции Прато в Июне. По данным мэрии Прато, из общей численности населения Прато, составляющей 187 000 человек, насчитывается 11 500 легальных китайских иммигрантов. Но, по оценкам офиса, в городе проживает еще 25 000 нелегальных иммигрантов, большинство из которых китайцы.

Как отмечает Маньяни (2005), до недавнего времени итальянские исследователи не могли себе представить, что иммигранты могут создавать и поддерживать этническую идентичность и что там будут развиваться стойкие этнические подразделения и отдельная социальная организация. Однако на рубеже двадцать первого века иммиграция в Италию вступила в новую фазу, во время которой большое количество женщин и детей добавилось к растущему числу тех, кто представляет собой второе поколение. В результате социальная и территориальная изоляция замедлила ассимиляцию, и сформировались сообщества этнических меньшинств со своими собственными социальными и экономическими подструктурами. В ответ некоторые итальянские политики, а также некоторые слои населения выразили обеспокоенность по поводу того, как это может повлиять на национальную идентичность. Социологи начинают изучать иммиграцию через призму этнических отношений.

В отличие от концентрации иммигрантов в анклавов в США, поселения иммигрантов в городах Северной Италии продемонстрировали «промежуточную географию» съемных квартир без локализованной этнической экономики или этнических общественных пространств. Например, Този (1997a) показал, что в Милане пожилые группы иммигрантов, такие как египтяне и эритрейцы, были рассредоточены по всему городу. В других исследованиях египтяне описывались как «затопленное сообщество», широкая сеть, которую сложно идентифицировать извне, в которой отсутствуют видимые институты (Амброзини и Шелленбаум, 1994). С другой стороны, у китайцев была четко выраженная пространственная концентрация (Tosi 1997a) или этнический анклав, типичный для американских городов. В целом для «пространства иммиграции» в городах Северной Италии концентрация является скорее исключением, чем правилом (Tosi 1997b; Davico and Mela 1999; IRES Piemonte 1994). В итальянских городах редко встречаются эксклюзивные анклавов, поскольку разные группы имеют тенденцию пересекаться в одном и том же пространстве.

Този (1997a) и Палидда (2000) также утверждали, что пространственная концентрация в Италии не проявляет отрицательных «американских» характеристик, таких как конфликт или замедленная интеграция. Также утверждается, что районы менее влиятельны, чем другие факторы, такие как процессы непространственной сегрегации и использование общественных пространств. В отличие от США, иммиграционные пространства в итальянских городах объясняются неоднородностью иммиграции, менее сегрегационным рынком жилья и отсутствием этнического управления государственным жильем. Поэтому итальянские авторы склонны критически относиться к концепциям, основанным на североамериканском опыте описания итальянского городского пейзажа.

Как и Маньяни, я категорически не согласен с мнением о том, что итальянский случай настолько отличается, что от использования американских моделей мало

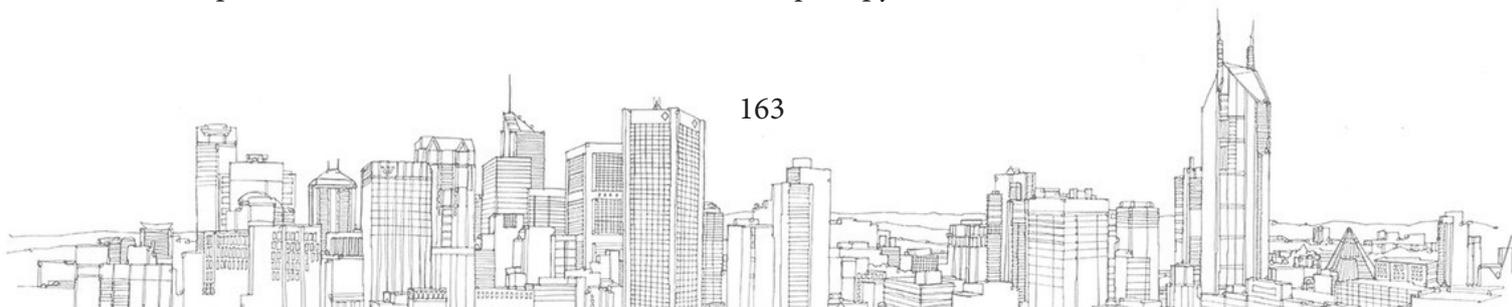

пользы. Теории и методы, используемые при изучении этнических американских поселений, логически приемлемы, и их применение должно демонстрировать как различия, так и сходства. Якобы «другая» ситуация в Италии также может быть артефактом нынешней, сравнительно ранней фазы иммиграции. Следует также отметить, что отсутствие этнической концентрации «в американском стиле», по крайней мере, в случае с Римом, во многом объясняется усилиями муниципального правительства по предотвращению развития таких зон. Как сообщил Дэниел Уильямс в *The Washington Post*, «Чайнатаун – это навязчивая реклама в Италии». Несмотря на свою репутацию открытости, римляне боролись с мыслью о том, что облик города меняется. Особую тревогу вызвал развивающийся китайский квартал:

То, что может быть хорошо для Нью-Йорка, Сан-Франциско, Лондона, Лос-Анджелеса или, в меньшем масштабе, Вашингтона, здесь не смывается. «Это район в историческом центре Рима. Рим – это Рим, а не провинциальная столица Китая», – сказал Дима Капоццио, президент ассоциации Esquilino Block Association. «Нет ни мясников, ни прачечных. Мне нужно пройти много миль, чтобы купить мортаделлу». Мэрия установила правила, чтобы ограничить китайскую торговлю в Эсквилино и сделать ее менее привлекательной для иммиграции. Оптовые продажи, основной источник средств к существованию для китайцев, в районе запрещены. Новые лица, занимающие коммерческие помещения, в которых одна форма бизнеса существовала в течение 15 или более лет, не могут менять характер бизнеса в течение двух лет. По сути, пекарня должна оставаться пекарней, кафе – кафе. «Мы стараемся избежать застройки этнических кварталов. Одна этническая группа не может доминировать над всем районом. В Риме не может быть китайского квартала», – сказала Мария Грация Ардитто, пресс-секретарь коммерческого советника мэра и департамента, отвечающего за регулирование торговли в городе. (2004)

Аналогичным образом Раффаэле Монтелеоне и Лидия К. Манзо (2010) сообщили о районе Каноника-Сарпи в оспариваемом историческом центре города Милан, где, несмотря на сильную оппозицию со стороны местных властей и деловых кругов, за эти годы вырос китайский квартал. Местные власти также рассмотрели способы восстановления исторической «итальянской» идентичности района посредством постановлений, которые, по сути, привели бы к изгнанию нынешних жителей. Я считаю, что китайские кварталы привлекают наибольшее внимание итальянских властей, потому что они, как правило, являются наиболее успешными из иммигрантов из *extracomunitari* (не граждан Европейского Союза) в смысле захвата территории. У других, например, у западноафриканских продавцов или ювелиров из Южной Азии, меньше шансов, что целые кварталы будут четко определены визуально по их присутствию или демографической гегемонии.

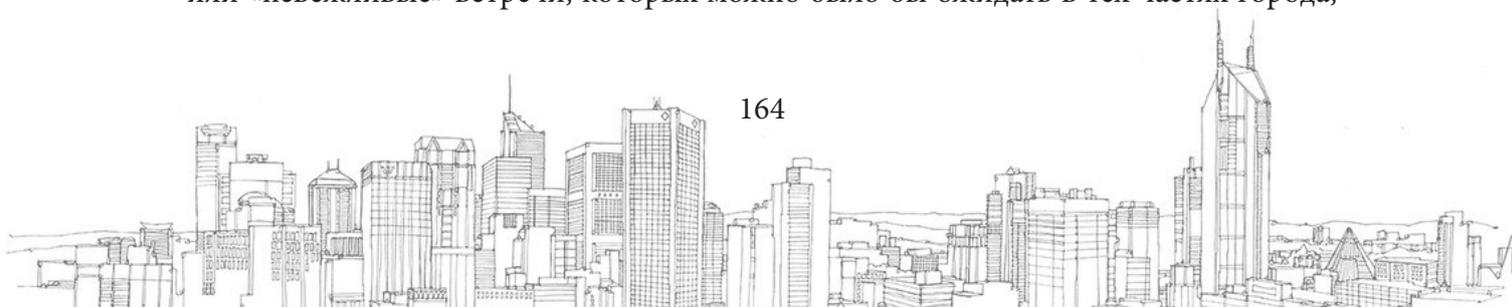
Я дважды ездил в Рим, чтобы наблюдать и запечатлеть на пленку визуальные преобразования его хорошо известных и менее известных мест из того, что Лофланд называет «местечковыми» и «публичными» пространствами (Lofland 1998). Во время первой экскурсии я попытался определить жилые районы со скоплением иммигрантов, чтобы задокументировать их местные пейзажи. В американских городах можно ожидать найти четко идентифицируемые анклавов, где большинство,

если не значительная часть местных жителей - иммигранты. К примеру, район возле площади Пьяцца дель Пополо казался многонациональным с высокотренными магазинами, обслуживающими «иностраннх» клиентов. Тем более в Риме, как, например, в таких городах, как Турин, легальные и нелегальные иммигранты участвовали в основном в маргинальной экономике, а не в фабричной работе. Поскольку Рим является административным, а не промышленным городом, нет необходимости в крупномасштабной миграции и связанной с этим концентрации населения вблизи источников занятости в промышленности.

Из-за относительно медленной мобильности римлян по месту жительства и, следовательно, перехода по району, иммигранты рассредоточены по месту жительства. В задачи проекта выходило размышление о том, в какой степени реальность и / или образ Италии изменится в ответ на иммиграцию. По крайней мере, до 1997 года масштабы иммиграции были намного меньше, а год даже для таких мест, как Нью-Йорк, был медленным. Однако экологические и семиотические процессы этнической преемственности схожи. Как и следовало ожидать, есть и досадное сходство между отношением итальянцев и италоамериканцев к тем людям, которые «вторгаются» на их территории. Что касается моделей расселения, Ашер Коломбо и Джузеппе Скиортино (2004) описывают пространственное распределение иммигрантов в итальянские регионы, которое можно объяснить возможностями работы, географической близостью, национальной и местной политикой и, что немаловажно, семейными и рабочими сетями. В Риме, например, китайцы обосновались в ресторанном бизнесе.

Для всех групп иммигрантов эта же логика просачивается вниз в определенные города в регионах, а затем в определенные районы самих городов. Во время моей первой поездки Джеффри Коул уже задокументировал некоторые повседневные реакции итальянцев на иммигрантов. Несмотря на то, что расизм и иммиграция были связаны на протяжении десятилетий в то время, в европейских странах было мало эмпирических исследований. Наибольший интерес для моего собственного исследования представляет книга Коула «Новый расизм в Европе: сицилийская этнография» (1997), в которой внимание уделяется рабочему району Палермо на Сицилии, где он обнаружил, что, несмотря на столкновения культур и расистские взгляды, местные жители, похоже, не виноваты, что у иммигрантов тяжелое экономическое положение. Скорее, Палермитанцы возложили бремя на предвзятое национальное правительство, которое отдавало предпочтение северу, а также на исторически коррумпированную местную систему патронажа. Он также сравнил их взгляды с их более зажиточными коллегами в северной Италии. Он считал, что рост насилия и протестов против иммигрантов на севере может быть объяснен его другой экономикой и культурой, которые помогают сделать иммиграцию центральным принципом политического дискурса. Здесь также следует отметить, что север также рассматривал юг как несправедливое бремя для своего благосостояния. Мои собственные наблюдения в районах проживания рабочего класса и иммигрантов сицилийских городов Катания и Палермо летом 2009 года также не зафиксировали никаких видимых признаков напряженности между группами, таких как антииммигрантские рассылки, которые я видел в других Европейских городах, или «невежливые» встречи, которых можно было бы ожидать в тех частях города,

где иммигранты и местные жители регулярно сталкиваются, например, на рынках продуктов.

Одно из наиболее пронизательных этнографических исследований отношений между иммигрантами и итальянскими предпринимателями по рождению было проведено Итало Пардо в Неаполе в 2004–2006 годах. Пардо исследовал сложные взаимоотношения между формальным и неформальным секторами экономики. Его наблюдения о непредвиденных последствиях государственной политики в отношении мигрантов особенно ценны. Во время обеда в доме одного из своих информаторов (Лелло) о «вторжении иностранных иммигрантов» Пардо говорил с ними о чрезмерном обобщении и признании различий, поскольку они представили свои собственные определения ситуации:

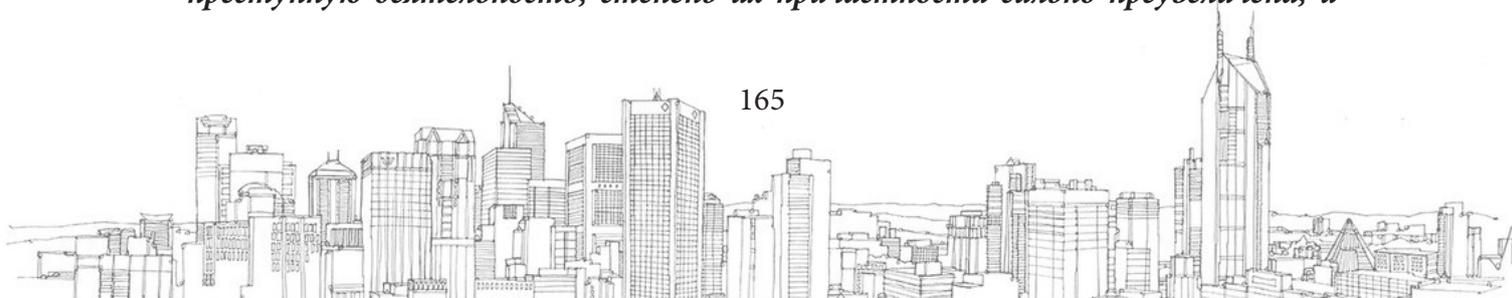
Дети Лелло ответили: «Тебе легко говорить; вам не нужно иметь дело с этими людьми ежедневно. Мы здесь не расисты и не с ограниченными взглядами; как и большинство людей, которых мы знаем, мы обычно хорошо ладим с иммигрантами. У некоторых есть культура и религиозные убеждения, которые кажутся нам странными, но, пока они уважают нас и наши обычаи, мы приветствуем их и ценим то, что они могут предложить. Однако люди, о которых мы говорим, ни на словах, ни в поступках не скрывают, что презирают нас, нашу культуру и наш образ жизни»...

Позже в ходе обсуждения дочь Лелло добавила: «Несогласие с чьими-то убеждениями и поведением - не нетерпимость, это пронизательность и убежденность. Если нам говорят придерживаться всех убеждений и поведения на одном уровне и принимать их, почему эти люди не придерживаются моего мнения на том же уровне, что и я? Почему они должны быть нетерпимы к ним? Почему я должна отказаться от того, во что верю, и одобрить то, во что верят они? Зачем мне с ними интегрироваться? Вы не видите здесь двойных стандартов? Несомненно, наличие ценностей, убеждений и моральных норм не равно фанатизму». (2009, 112–13).

Рим, Италия Наблюдения 1997 и 2003 гг.

Наблюдения Рассела Кинга и Жаклин Андалл, сделанные одновременно с моим первым исследованием в Риме, также ценны. Комментируя рост ксенофобии и политическое позиции в отношении иностранцев, не входящих в ЕС, они отметили, что:

В последние годы безумие СМИ создало мощные, но сильно искаженные образы, связывающие иммигрантов с широко распространенным насилием и преступностью. Национальные стереотипы повторяются почти ежедневно на телеэкранах и в газетах: грубые ассоциации между североафриканцами и наркотиками, албанцами и рэкетом; черные африканские женщины и проституция. Хотя некоторые иммигранты, несомненно, вовлечены в преступную деятельность, степень их причастности сильно преувеличена, и

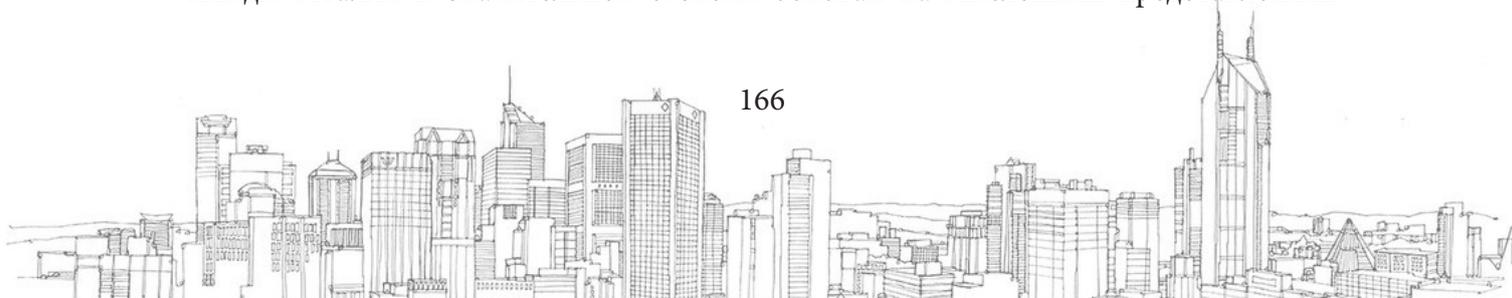
гораздо меньше внимания уделяется причастности итальянцев к преступной деятельности, в том числе против иммигрантов. Поскольку иммигранты по происхождению составляют лишь 2,5 процента населения Италии, что намного меньше, чем в большинстве других европейских стран, «иммиграционный кризис» действительно является кризисом (неправильного) представительства. (155)

В Риме был третий по величине процент иммигрантов (5,5 процента), самое большое абсолютное число (211 200) и самое большое разнообразие иммигрантских национальностей среди всех провинций Италии, и поэтому его можно было назвать «столицей иммиграции». Они также отметили изменения в составе иммигрантов с 1975 по 1997 год, и что наиболее быстрый рост был в категории «выходцев из Азии», а также выходцев с севера и стран Африки к югу от Сахары. Число жителей Северной Африки увеличилось с 1,9 процента до 17,7 процента, азиатов - с 3,8 процента до 15,7 процента, а выходцев из Африки к югу от Сахары - с 2,8 процента до 10,3 процента. Для римлян, как и для жителей Нью-Йорка, изменения, вызванные иммиграцией, касаются как местных, так и национальных политических вопросов. Каритас сообщил об исследовании отношения итальянцев к иммигрантам в 2002 году. Они обнаружили, что 72 процента итальянцев выражали негативное отношение к своим новым соседям, и что существует прямая связь между уровнем образования и враждебностью по отношению к иммигрантам (2003, 72).

В связи с этим в 2011 году проект Pew Global Attitude Project сообщил о «широко распространенных антииммигрантских настроениях в Италии» (2011). Джулиана Менассе Горовиц отметила, что

недавно была волна насилия против африканских сельскохозяйственных рабочих. Опросы, проведенные в рамках проекта Global Attitude Project исследовательского центра Pew за последнее десятилетие, показывают, что в Италии широко распространены антииммигрантские настроения. Например, в 2007 году итальянцы подавляющим большинством заявили, что иммиграция является большой проблемой в их стране и что иммигранты - как из стран Ближнего Востока и Северной Африки, так и из стран Восточной Европы - оказывают плохое влияние на Италию. Совсем недавно, осенью 2009 года, более восьми из десяти итальянцев заявили, что хотели бы видеть более жесткие ограничения на иммиграцию.

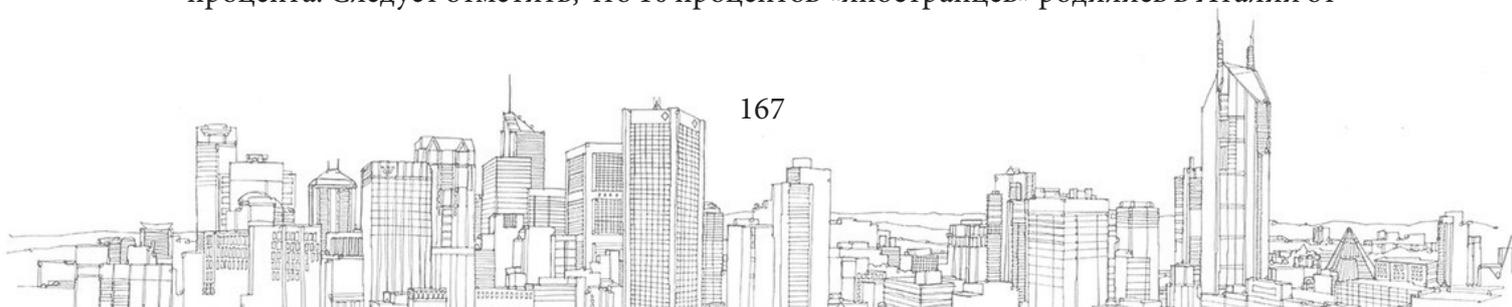
Теперь обратимся к итальянской сцене, где есть связанная с этим проблема визуальной трансформации народного ландшафта. В 1996 году мое предложение исследовать, как ландшафты могут измениться в ответ на миграцию, с использованием американской модели этнической преемственности, было встречено моими итальянскими коллегами с удивлением. Рабочее предположение заключалось в том, что иммигранты были временными, а не постоянными жителями. Это отношение быстро изменилось из-за региональных и мировых событий, которые, в свою очередь, еще больше ускорились расширением Европейского Союза. Здесь мы сосредоточимся не только на зданиях, но и на людях. Важный аспект городских пейзажей - люди на картинке. Люди становятся частью пространства, просто находясь в нем. Туризм - это крупная международная отрасль, и торговый имидж Италии в значительной степени основан на мысленных представлениях

иностранцев об общественных сферах, пространствах, доступных для всех (Lofland, 1998), итальянских городах. Эти пространства содержат как монументальные, так и народные пейзажи. Можно сказать, что, по крайней мере, для туристов, Италия представляет собой один огромный многогранный этнический тематический парк. Миллионы посетителей ежегодно стекаются в такие места, как Рим, с ожиданиями того, как выглядят «настоящая» Италия и «настоящие» итальянцы. Они приходят с надеждой увидеть Италию, которая соответствует их стереотипным ожиданиям. В аналогичном ключе Сильвия Сурренти рассмотрела маркетинговые стратегии «Потребление опыта и этнический рынок» во Флоренции.

Сурренти пишет о «двустороннем культурном движении, которое рассматривает западные общества как все более ориентированные на восток, а незападный мир ориентированный на более западный» (2009, 201). Для космополитического опыта она посмотрела на «Art Gallery Hotel», чтобы сравнить с этническим рестораном «India - Ristorante e non solo» (Индия - не только ресторан), где продается местная «аутентичность». Для наших целей здесь она описывает важную роль, которую визуальные образы как часть полисенсорных предложений в обоих заведениях играют в повышении притязаний потребителей на подлинность или аутентичности опыта, который им предлагается. К счастью для тех, кто продает традиционные изображения Рима, немногие посетители выезжают за пределы более древнего и исторического центра. Возможно, они проезжают мимо центрального вокзала, а некоторые иногда ездят на общественном транспорте. Во время своего пребывания они увидят этнически разнородные толпы туристов, но не большую часть местного населения. Во время еды они редко заглядывают за столовую на кухню ресторана. Делая покупки в местных магазинах, они не будут заглядывать в заднюю часть магазинов, чтобы увидеть, как там трудятся рабочие. Короче говоря, они видят лишь небольшую часть публичного царства и людей, живущих в городе Рима.

Согласно переписи населения в октябре 1991 года, население Рима составляло 2 775 250 человек, а процент иностранцев, имеющих разрешение, составлял 3,9 процента. К 1998 году население страны выросло до 2 812 473 человек, и зарегистрированные иностранцы составляли 4,8 процента населения. В многонациональном Риме проживают жители 167 разных стран. По оценкам Каритас, в 1998 году легальные и нелегальные, временные и постоянные иммигранты вместе составляли 6,2 процента римского населения. В Риме проживало 134 578 иностранцев, и, по оценкам, еще 40 000 не были зарегистрированы. Напротив, с 1900 года население Нью-Йорка в среднем составляло не менее 30 процентов иностранного происхождения. Дополнительная информация, предоставленная Каритас Рома о школьниках, показала, что иммигранты не были рассредоточены случайным образом. Дети-иностранцы (более 2,5%) обучались в школах округов (circoscrizioni) 1, 2, 3, 15, 18, 19, 20. Самый высокий процент иностранных детей был обнаружен в младших классах. Как и следовало ожидать, эта концентрация отражала данные переписи, по которым была обнаружена самая высокая концентрация иммигрантов в центре (1) и в порядке убывания концентрации в округах 2, 19, 20, гораздо меньше в районах 3, 7, 8, 9, 10, 12, 15, 17. Из общего числа иммигрантов европейцы составляют 28 процентов, африканцы - 18 процентов, азиаты - 28 процентов и американцы - 13,9 процента. Следует отметить, что 10 процентов «иностранцев» родились в Италии от

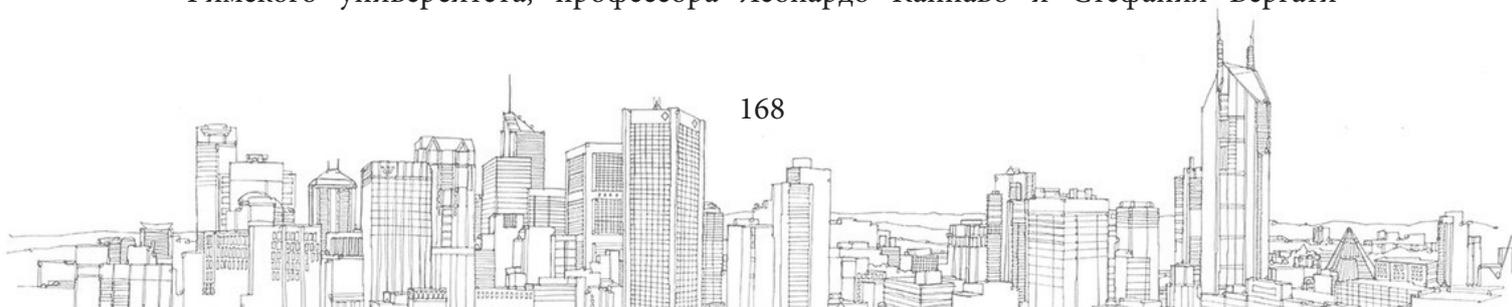
родителей-иностранцев. Особую ценность для моего исследования имел тот факт, что 33 процента всех африканцев проживают в VII, 33 процента азиатов - в 7, 9 и 10 округах, а выходцы с Дальнего Востока - в 4, 6, 11 и 12. Согласно опубликованным данным, иммигранты из Америки и Дальнего Востока наиболее сконцентрированы по месту жительства. Как и следовало ожидать, эта концентрация отражает данные переписи, которая обнаруживает самую высокую концентрацию иммигрантов в центре.

Похоже, что иммигранты связаны основными маршрутами общественного транспорта из центра на северо-восток, север, северо-запад и запад. Те, кто изучает иммиграцию в Италии, хорошо понимали, как тогда, так и сейчас, что опубликованные оценки постоянно проживающих иностранцев, а также данные об их происхождении не очень надежны. Самая большая проблема - это оценка численности населения из-за растущего числа иностранцев без документов (*clandestini*). Это еще больше усложняется в таких местах, как Рим, из-за большого количества туристов и других иностранных гостей, которые могут обеспечить своего рода социальный камуфляж. Как следствие, визуальные исследования имеют большое значение для понимания многоэтнических итальянских пространств, где иностранное население более заметно на улицах, чем можно было бы ожидать по официальной статистике.

Я быстро обнаружил, что визуальные признаки концентрации иммигрантов были не только жилыми домами, но и определенными видами городских территорий. Определив районы, в которых я ожидал найти иммигрантов, я отправился к ним пешком, на автобусе и метро. Эту мобильность важно отметить, потому что большинство иммигрантов, когда не ходят пешком, обычно пользуются общественным транспортом. Мои первые выводы были сделаны в пути, где иммигранты составляли большую, чем ожидалось, долю пассажиров, особенно на определенных маршрутах. Их чрезмерное представительство усиливается, потому что итальянцы продолжают свой роман со своими автомобилями и скутерами, едя на работу. Когда я прибыл в обозначенную «иммигрантскую» зону, я часами гулял по улицам, некоторые из которых я посетил несколько раз.

В предыдущих работах я определил следующие ситуации, места и виды деятельности, в которых этнические различия были наиболее заметны во время моего исследования в Риме в 1998 году: центры общественного транспорта, основные городские автомобильные маршруты и центры телекоммуникаций, такие как общественные телефонные банки, точки удаленной телефонной связи. В 2003 году так и осталось. В то время, как и в 2003 году, за исключением азиатской и африканской части (Эсквилино) возле центральной станции, некоторые районы города были широко признаны или преданы гласности как имеющие отчетливо этническую идентичность в том смысле, о котором говорят американцы как об «Этнических кварталах».

Обеспокоенность иммигрантами в Италии не ограничивалась изменениями в видимой среде. Ежедневные газеты часто публиковали рассказы о преступлениях и различных конфликтах между иммигрантами и властями в Риме и многих других городах, таких как Турин и Милан. Находясь в Риме в 1998 году, мои хозяева из Римского университета, профессора Леонардо Каннаво и Стефания Вергати

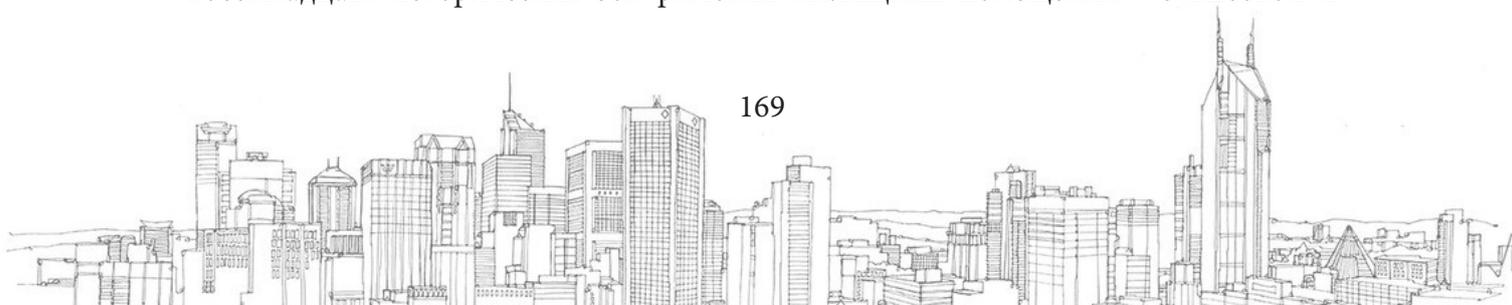

пригласили меня принять участие в семинаре, проводимом Палатой депутатов Италии, посвященном статистической ассоциации иммигрантов с преступностью во многих итальянских городах. В Риме участие в серьезных преступлениях, которые мы в Соединенных Штатах называем «преступлениями, связанными с качеством жизни» (микрোকриминалами), также связаны с иммигрантами. Хотя они составляют лишь 6 процентов от общей численности населения, иммигранты были арестованы за 29 процентов ограблений, 43,9 процента краж и 39,1 процента задержаний, связанных с наркотиками. В то время римские правоохранительные органы объявили о плане решения проблемы преступлений, связанных с качеством жизни, на зональной основе путем сосредоточения специализированных полицейских сил в районах, часто посещаемых иммигрантами. Это была версия «теории разбитых окон», которая обсуждается в этой книге в главе 1 «Увидеть разнообразие в Нью-Йорке».

Среди 57 миллионов жителей Италии было около двух миллионов легальных иностранцев и, возможно, один миллион незарегистрированных иностранцев. Среди римских мигрантов - филиппинские домашние слуги, бангладешские фабричные рабочие, африканские продавцы безделушек и поденщики из Восточной Европы. 60 000 китайцев в Италии сосредоточены в Милане, Прато, кожевенном центре недалеко от Флоренции, и в Риме, где проживает 10 000 китайцев, в основном из Вэньчжоу в восточной провинции Чжэцзян. Элизабет Розенталь отметила, что «Италия - одна из немногих стран в Европе, где рождение не дает гражданства. Хотя иммигранты могут подать заявление после того, как они законно проживают в течение 10 лет, государство не обязано своевременно отвечать, и этот процесс часто затягивается» (2006).

Кто-то может спросить: «Как визуальна этничность?» У Африканцев и азиатов, поскольку они «отличаются» по внешнему виду от большинства древних римлян, легко идентифицировать, как и другие этнические группы, такие как славяне, со светлой кожей и светлыми волосами. Эти группы очевидны возле вокзала и других международных зон, а также районов проживания иностранцев более высокого класса. Иностранцы часто сначала собираются вокруг вокзалов, поэтому, как и в Неаполе, центральный вокзал Рима стал домом для многих мигрантов из Северной Африки. В более элитных жилых районах можно встретить и «иностранцев» домашних работников. Например, в Италии «предпочтительны» домашние работники из Филиппин. На основании обширных наблюдений можно сказать, что этнические группы иммигрантов также одеваются иначе, чем местное население. Многие из славянских (польских) женщин из рабочего класса, наблюдаемых в центре и на рынках, таких как рынок Portaportese в Трастевере, были одеты так, как их можно было бы увидеть в польских иммигрантских районах в Соединенных Штатах или даже в Польше. В целом, помимо азиатов и африканцев, наиболее очевидными иммигрантами являются те, кто наиболее заметно отличается по одежде, например ромы (цыганки) и мусульманки в хиджабах.

Некоторые из наиболее ценных наблюдений явились результатом экскурсий под руководством профессора Вергати из Римского университета Ла Сапиенца, который много писал о римских жилищах (Vergati 1982 и 1994). Были просканированы все восемнадцать исторических зон римских жилищных помещений - с высокой и

низкой плотностью, общественными и частными, от низшего до высшего класса и от самого старого до новейшего. Это позволяло отмечать, где иммигранты были наиболее заметны, а в некоторых других случаях - признаки их невидимости. Ниже приведены примеры ситуаций, мест, занятий, в которых этнические различия были наиболее заметны в Риме.

Центры общественного транспорта и маршруты

Поскольку иммигранты были рассредоточены по месту жительства, поездки в центр (или центры) города отражали и, возможно, помогали поддерживать этническую солидарность. Иностранцы (не итальянские) приветствия и разговоры можно подслушивать ежедневно в автобусах, поездах и на местных остановках. Гораздо более интенсивное этническое социальное взаимодействие происходит по выходным на центральном вокзале. По выходным летом группы латиноамериканцев устраивают пикники в тени автобусных остановок. Сograждане делятся едой, напитками и разговорами. Было бы интересно выяснить, связаны ли отдельные острова автобусной станции с местами, откуда приезжают люди. Центральная станция также является местом встречи представителей этнических групп с прибывшими иммигрантами. Больше всего тревожило то, что цыганские женщины, часто беременные или с младенцами, входили в переполненные автобусы и вагоны метро, когда сидящие осторожно удалялись. Мне сообщили, что римляне связывают их присутствие с карманными кражами.

Центры электросвязи

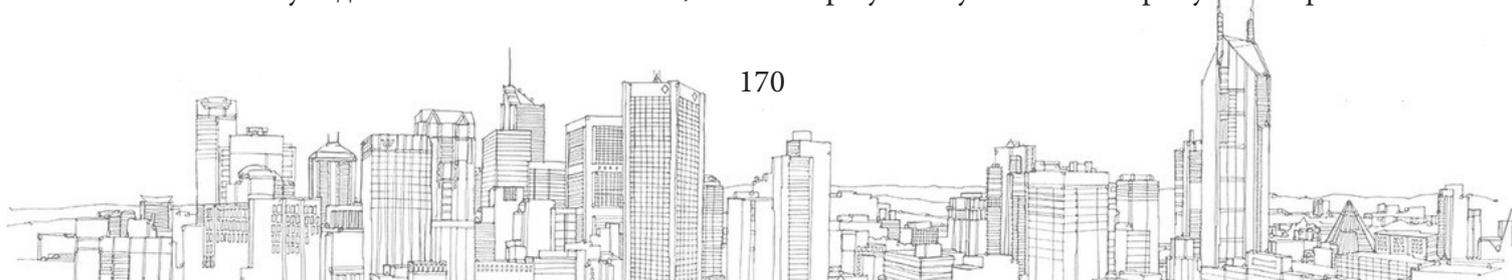
Большое количество иммигрантов можно встретить в местных телефонных банках или в пунктах междугородной телефонной связи. Наибольшая концентрация была в подземных коридорах центральной станции. Можно также предположить, что иммигранты с низким доходом и лица без документов не имеют домашних телефонов.

Основные городские магистрали и перекрестки

По мере того, как человек едет к центру города на общественном или частном наземном транспорте, можно встретить «иностранцев» попрошайек, мойщиков окон (сквиги) и уличных торговцев. Они стали почти неотъемлемой частью магистрального ландшафта. Большинство людей-ракей (мойщиков окон) были либо европейцами (славянами), либо североафриканцами. Во многих местах мужчины, работающие на заправочных станциях, также явно «иностранцы», выходцы из Южной Азии (индийцы, пакистанцы).

Местная общественная жизнь

Иммигранты принимают участие в общественной жизни римских кварталов. Например, семьи и детей иммигрантов-мусульман были замечены во время религиозного праздника на площади Монте-Сакро. Детей-иностранцев также можно увидеть в начальных школах, и их матери участвуют в том же ритуале сбора

детей на обед дома, что и итальянские родители.

Туристические места

Повсюду вокруг основных туристических достопримечательностей можно найти множество иммигрантов в качестве продавцов и нищих (особенно женщин и детей из Рима). Широко заявляли о подлинности иммигрантов, одетых как римские солдаты, возле Колизея, с которыми туристы могли сфотографироваться. Их также можно найти за кулисами в ресторанах в центре города, где латиноамериканцы могут сойти за итальянских официантов.

Публичные рынки

На местных и центральных рынках иммигранты встречаются в различных пропорциях, но всегда больше, чем можно было бы ожидать от официальной статистики. Это особенно актуально рядом с центральным вокзалом (Piazza Vittorio) и на известном рынке Portaportese. Ссылки на Сук были сделаны в таких городах, как Неаполь (Amato 1997). В 2003 году в Риме не было большого рынка, на котором доминировали бы неитальянские собственники. Однако все чаще итальянские продавцы продают неитальянские этнические продукты и еду, а на большинстве рынков продавцы-иммигранты продают свои товары на периферии.

Общественные парки

В большинстве парков женщины-иммигрантки работают нянями - толкают детские коляски или присматривают за детьми. По вечерам в окраинных парках и других темных местах иностранки появлялись в качестве проституток. Иммигранты также чрезмерно представлены в виде обездоленных, нищих и бездомных, которые могут собираться в центрах социального обслуживания. Хотя, конечно, трудно установить их точный статус, они часто упоминаются при обсуждении микропреступлений (преступлений, связанных с качеством жизни). В одной центральной парковой зоне я часто наблюдал, как несколько цыганских женщин отдыхают с маленькими детьми на траве и обедают. В том же районе было много групп иностранных (европейских и североафриканских) мужчин, бездельничавших, кушавших или спавших. Также очевидны свидетельства наличия ночевок под кустами и на огороженных археологических памятниках. Подобные доказательства, такие как матрасы, можно найти на берегу Тибра.

Религиозные центры

Иммигранты появляются в определенных молитвенных домах. Есть несколько мусульманских мечетей и других культурно-религиозных центров. В Риме появилась новая огромная центральная мечеть, которую посещают тысячи верующих. Здесь есть несколько православных и славянских национальных церквей, а также римско-католическая польскоязычная церковь, куда поляки едут со всех концов города на воскресную мессу. Сан-Сильвестро-ин-Капите привлекает иммигрантов с Филиппин. Точно так же есть католические мессы, говорящие на азиатском языке,

и азиатские (корейские и китайские) протестантские церкви, которые привлекают внешне отличительных верующих. Церкви служат конкретным иммигрантам, о чем свидетельствуют вывески, объявляющие службы на иностранных языках. Церковь Санта-Сусанна позиционирует себя как «дом для всех англоязычных католиков в Риме».

Этнически определяемые жилые районы в «американском стиле»

За исключением азиатско-африканской части (Эсквилино) рядом с центральной станцией, в 2003 году несколько районов были широко признаны как имеющие отчетливо этническую идентичность в том смысле, как американцы говорят об этнических кварталах. Когда-то пляжный курорт Остия был «русским» районом, особенно в межсезонье, когда арендная плата была ниже. Это было в конце 1980-х годов, во время массового исхода русских евреев, направившихся в Израиль или куда-то еще. В последние годы русские уехали, но их заменило меньшее количество польских арендаторов. Наконец, мне также было приказано осмотреть поселение ромов (возможно, «лагерь»), которое было расположено в довольно запущенном районе нерегулируемой городской земли на некотором расстоянии к северу от центра.

В описательной формуле роста и развития города Парк и Берджесса предполагалось, что первостепенное значение имеют «природные» силы. Самым важным была конкуренция, выражавшаяся в борьбе за ограниченные ресурсы, такие как жизненное пространство и рабочие места. В свою очередь, конкуренция привела к появлению в «природных зонах» людей с общими социальными и экономическими характеристиками. Классическим образцом в Чикаго во время массовой иммиграции было формирование иммигрантских анклавов в «переходных зонах», расположенных недалеко от центральных деловых районов (1924 г.). Я нашел «переходную зону» Рима вокруг Центрального вокзала в Эсквилино. За некоторыми другими исключениями, самые старые из центральных районов Рима были наиболее защищены от радикальных изменений. За последние десятилетия многое изменилось, и сегодня даже районы, некогда захваченные рабочим классом, облагорожены. С 1990-х годов наименее желанные районы для проживания и торговли, расположенные рядом с центральным вокзалом, также были «в переходном периоде». Однако, как отмечалось ранее, местные органы власти активно пытаются предотвратить этническую концентрацию.

Бегство более обеспеченных жителей часто способствует изменениям в районе. Однако по сравнению с Соединенными Штатами мобильность по месту жительства в Италии медленная, и поэтому количество вакансий ограничено. В отличие от Нью-Йорка, большинство римских кварталов не меняются за десять лет. Тем не менее, это сложение истории можно легко сравнить с многовековыми процессами вторжения и преемственности, характерными для крупных американских городов. Из всех наблюдаемых и сфотографированных районов наиболее «явно этнический» и наиболее похожий на «Глобальный иммигрантский» район находился возле центрального вокзала. Здесь сосредоточены места жительства, работы, покупки и

общественного транспорта (см. Рисунки 6.1–6.8).

Рис. 6.1 Китайская итальянская кухня, Эсквилино, Рим, Италия, 1998 г.

Интересно отметить, что в целом центр города с его пешеходными торговыми районами и тысячами туристов является многоэтническим, но не обязательно смешанным по месту жительства.

Кроме того, в жилых домах рядом с вокзалом значительно меньше иммигрантов (вероятно, *clandestini*), которые делят квартиры с зарегистрированными иностранцами и могут ночевать в тех же зданиях, в которых работают. Наблюдения на уровне улицы, а также изучение частных пространств за обычно закрытыми дверями открывают гораздо больший мир иммигрантов. Еще одна проблема для исследователей-этнографов заключается в том, что итальянские жилые помещения труднодоступны, поскольку они обычно отделены от общественных мест. В 1998 году вокруг центрального вокзала располагалась Маленькая Африка, растущий китайский квартал и процветающая бенгальская ювелирная торговля. И Чайнатаун, и рынки ювелирных изделий, казалось, также были центрами легкого производства, что соответствовало бы нелегальным приехавшим рабочим в потогонных цехах. В местных магазинах также выставлялись и продавались этнические продукты, а также другие культурно приемлемые услуги, продукты и одежда.

Рисунок 6.2 Новый римлянин, Рим, Эсквилино, Италия, 1998 г.

В 2003 году китайцев стало меньше, но признаки выходцев из Южной Азии значительно увеличились. Присутствие мусульман Ближнего Востока (например, палестинцев) также было более очевидным. Были противоречивые признаки элитной джентрификации, а также проблемы иммигрантского населения. Изменения, такие как «халяльное» мясо, продаваемое на крытом общественном продовольственном рынке, были заметны, но открытый рынок исчез. Несмотря на заявления об обратном и официальные попытки предотвратить его формирование, очевидно, что Эсквилино является частью переходной зоны Рима, а также глобального иммигрантского соседства. Большинство европейских социологов считали, что американские города отличаются от их собственных, но моя работа показывает большее сходство, чем предполагалось или, возможно, на которое «надеялись».

Рисунок 6.3 Пикник на вокзале Термини, Рим, Италия, 1998 г.

Рисунок 6.4 Разнообразии микрорайонов, Эсквилино, Рим, Италия, 1998 г.

Рисунок 6.5 Китайский универмаг, Эсквилино, Рим, Италия, 2003 г.

Заклучение

Можно утверждать, что Рим намного более многонациональный, чем думают сами римляне, потому что иммигранты находятся в определенных местах, особенно в тех местах, через которые римляне путешествуют, и которых они стараются избегать. Я обнаружил, что итальянцы склонны игнорировать иммигрантов и говорить так, как будто они не находятся в их присутствии, не являются частью их личного итальянского пространства. Утверждалось, что «глобальные» кварталы позволяют разнообразным социальным мирам коренных жителей и иммигрантов «соприкасаться» и «взаимопроникать» друг в друга на жилых и торговых улицах, в парках, транспортных и коммуникационных центрах, а также на местных рынках и в других местах, открытых публичных пространств. Учитывая лингвистические и культурные различия, а также различные социальные истории и условия, еще предстоит увидеть, как эти повседневные взаимодействия могут в конечном итоге превратиться в рабочие отношения между местными группами в Риме. Ясно то, что общественные институты необходимы для того, чтобы эти обычные социальные взаимодействия и экономические обмены превратились в сплоченное сообщество, объединяющее идентичность и совместные предприятия.

Можно с уверенностью сказать, что иммигранты (первое и второе поколения) символически преобразили общественные пространства Рима. Их присутствие также меняет ценность пространства. Как и небелые мигранты в американских районах, они также стигматизировали места своим присутствием (Krase 1977). В этой связи интересно отметить, что некоторые более обеспеченные римляне начинают покидать наименее желанные центральные зоны, ссылаясь на

классическое недовольство города изменением кварталов в центре города, таких как «шум», «грязь» и «преступность». По иронии судьбы, когда некоторые жители переехали, стоимость недвижимости в центре Рима резко возросла. Этот парадокс городского развития, джентрификация, не противоречит наблюдениям Дэвида Харви о «кругооборотах капитала» (1989).

Рисунок 6.6 Индийский продуктовый магазин, Эсквилино, Рим, Италия, 2003 г.

В своих первых репортажах о Риме я задавал риторический вопрос: «Когда вклад иммигрантов в местный ландшафт города будет представлен в туристических книгах и путеводителях по городу?» Мне еще предстоит увидеть дорогу по китайскому кварталу в Риме или двуязычные итальянско-китайские уличные указатели, подобные тем, что можно найти в более традиционных китайских кварталах в Лондоне, Париже и Нью-Йорке. Однако есть и другие признаки

изменения, например, в следующей статье New York Times Travel Section, которая впервые включает этнические изменения в Риме как часть сцены и пейзажа. Автор, Майкл Мьюшоу, комментирует многие из тех мест, которые я наблюдал во время своих многочисленных визитов и фотографических исследований:

Но даже в этой типично итальянской обстановке я не мог не заметить присутствие extracomunitari, как называют иммигрантов. Каждое воскресенье вечером в Chiesa della Natività di Gesbs звучат песнопения и аплодисменты конголезских католиков. В двух кварталах от Кьеза-ди-Сан-Томмазо-Апостола коптские христиане из Эфиопии и Эритреи заполняют Виа ди Парионе женщинами в развевающихся одеждах и звуками барабанов и тростниковых свирелей, что вызывает недоумение у любителей выпить рано утром в соседнем Пабе Театра Аббатства. (12)...

Когда я выходил из Сан-Сильвестро, мне пришло в голову, что поход по римским церквям в наши дни представляет собой нечто большее, чем прогулку по огромной широте и великолепной длине города. Это стало микрокосмическим паломничеством по всему миру. Добавление еврейского Темпио Маджоре, Исламской Moschea di Roma и Римской буддийской Вихары в смесь, теперь любой человек, обладающий энергией и любопытством, может прикоснуться ко многим основным религиям и расам мира за долгий день прогулки». (13)

Рисунок 6.7 Халяльная мясная лавка, Эсквилино, Рим, Италия, 2003 г.

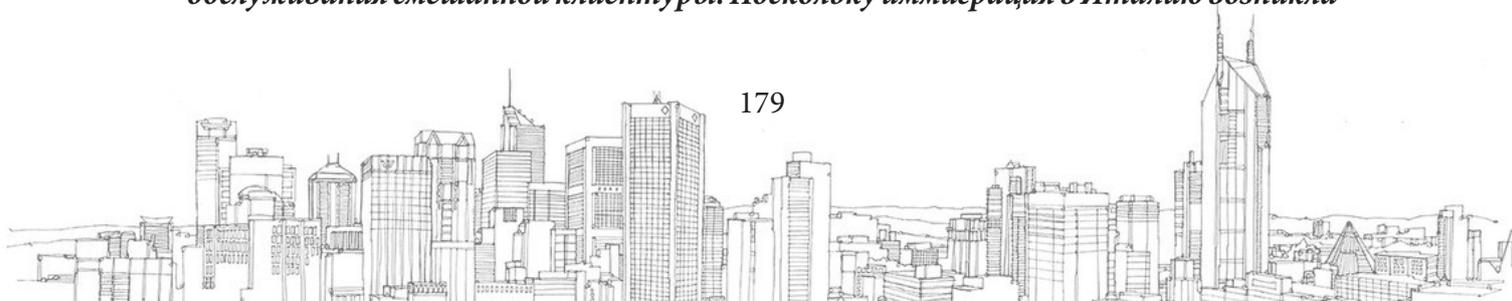
Еще один источник нового мультикультурного значения можно найти здесь в описании Esquilino в интернет-сервисе обмена домами (Homexchange.com) в июле 2004 года:

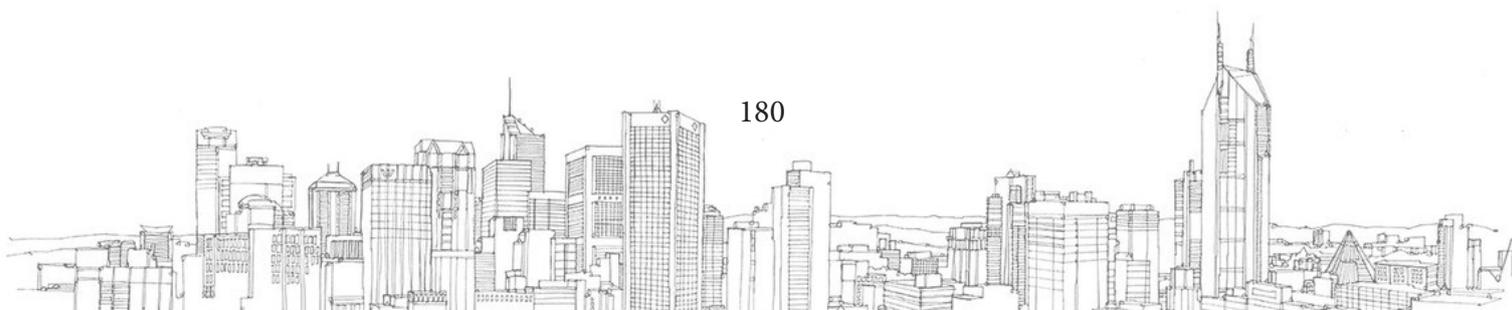
Рисунок 6.8 Ресторан Little India, Эсквилино, Рим, Италия, 2003 г.

Рим, Италия Home ID#35807 Дом расположен в оживленном, многонациональном и безопасном районе Эсквилино. Колизей, Сан-Джованни, Санта-Мария-Маджоре находятся в нескольких минутах ходьбы (15 минут или меньше), а станции метро, автобусы и трамваи находятся в пределах 100 футов от входной двери. 10 минут ходьбы или две остановки метро приведут вас к центральному железнодорожному вокзалу... Современный район Эсквилино был построен в 1800-х годах для размещения новых официальных лиц итальянского правительства после военного поражения Папы. Теперь он стал центром многонационального Рима с магазинами, ресторанами и услугами, предназначенными для обслуживания смешанной клиентуры. Поскольку иммиграция в Италию возникла

сравнительно недавно, все иностранные культуры сохраняют аутентичность своего происхождения.

Медленно, но верно значение пространств Рима изменилось из-за трансформации его местных ландшафтов. Можно спросить, когда «Чайнатаун», «Маленькая Индия» или «Маленькая Африка» станут частью туристического пейзажа; и, что еще более важно, когда значение слова «итальянский» будет включать для итальянцев, а также не итальянцев, расовое и национальное разнообразие, которое растет у них на глазах? Такие вопросы требуют более подробного обсуждения и, безусловно, больших исследовательских усилий, но здесь можно обсудить их. Ясно то, что экологические и семиотические процессы, несмотря на противодействие, уже привели к социальному конструированию реальных и воображаемых этнических пространств и мест.

Глава 7

Джентрификация в Польше и Полонии

Введение

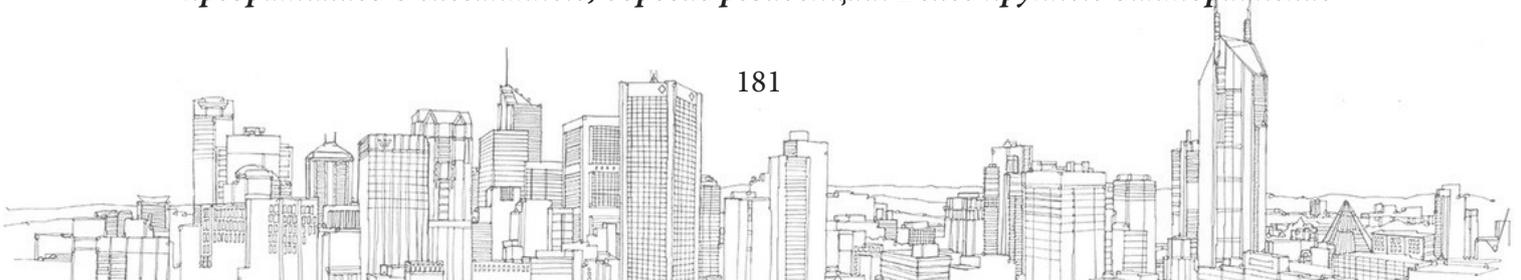
Джентрификация обычно описывается как процесс, посредством которого жители с более высоким статусом вытесняют жителей с более низким статусом в районах, которые, по определению, отстаивают различные группы. Первоначально считавшийся исключительно английской, а затем связанным с ней городским американским феноменом перемещения среднего класса в бедные и рабочие городские районы, сегодня джентрификация признана практически во всех уголках земного шара. В этой главе сравниваются процессы джентрификации в польско-американском районе Гринпойнт, Бруклин, и в Кракове, Польша. В нем также рассматриваются транснациональные этнические связи и визуальные признаки процесса в этих двух разных местах в разное время. Хотя некоторые из причин джентрификации в этих местах исторически различны, утверждается, что есть что-то в (*je ne sais quoi*) джентрификации как символической семиотической деятельности или эстетической практике, которую можно понять с помощью использования исследовательской работы, основанной на изображениях. Уличные пейзажи противопоставляются как пространственно-семиотические примеры вкусов «необходимости» и «роскоши» Пьера Бурдьё (1984) и, в конце, иллюстрируются небольшой подборкой фотографий.

В работе «Жизнь в Лофте» Шэрон Зукин написала

Например, развитие исторической инфраструктуры меняет характер городского пространства. Придавая ценность старым зданиям недалеко от центра города, сохранение делает их дефицитным товаром и тем самым создает монопольную арендную плату. С другой стороны, неопределенность, которая окружает их сохранение - перед лицом преобладающей тенденции к разрушению и восстановлению - может создать климат, в котором распространяются спекуляции. Точно так же развитие инфраструктуры искусства меняет природу городского пространства. (1982, 190).

Заимствуя ее понимание «моделей культурного и социального воспроизводства» (1987, 131), можно увидеть, как представители менее «элитных» членов общества также отражаются в жилых и коммерческих ландшафтах центра города и, соответственно, влияют на более ограниченные рынки этнических кварталов. Нил Смит, вероятно, самый цитируемый автор о джентрификации. По его словам, «видение джентрификации у большинства ученых по-прежнему тесно связано с процессом, как это было определено в 1960-х годах социологом Рут Гласс. Вот ее основополагающее заявление 1964 года, в котором джентрификация раскрывается как отдельный процесс» (2002, 438):

Один за другим многие из рабочих кварталов Лондона были захвачены средними классами - высшими и низшими. Ветхие, скромные конюшни и коттеджи - две комнаты вверху и две внизу - были заменены, когда срок их аренды истек, и превратились в элегантные, дорогие резиденции. Более крупные викторианские

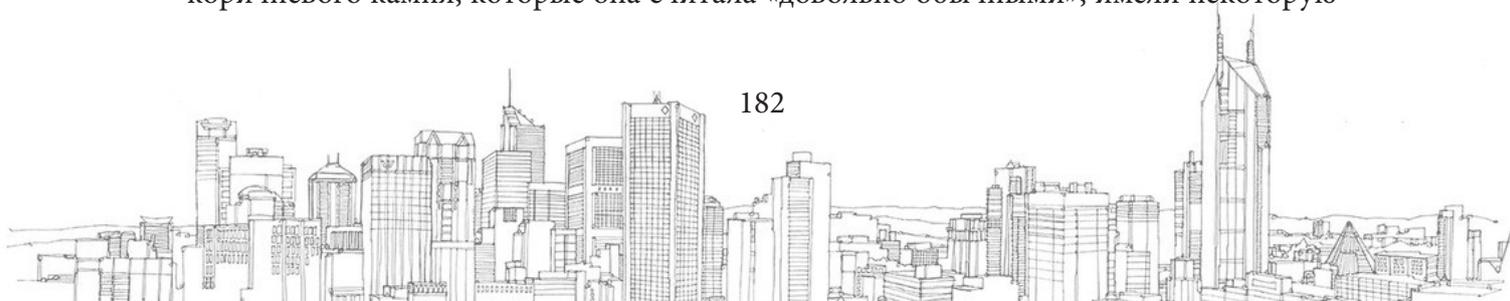

дома, обесцененные в более ранний или недавний период - которые использовались в качестве жилых домов или иным образом стали местом проживания - были снова модернизированы... Как только этот процесс «джентрификации» начинается в районе, он быстро продолжается до тех пор, пока все или большинство из оккупантов из рабочего класса не вытиснятся, и не изменится весь социальный характер района. (Стекло 1964, xviii)

Почти в каждой главе этой книги я использовал термин *je ne sais quoi* (фр. - «что-нибудь в этом роде» - качество, которое сложно описать или назвать) в какой-то момент, потому что кажется, что невозможно легко описать некоторые вещи вербально. Мне вспоминается детская шутка, когда я просил кого-нибудь описать спираль, не двигая рукой в геометрической симуляции. «Они» такие, какие они есть. Джентрификация и рабочие кварталы кажутся такими же. По крайней мере визуально, они также явно аутентичны. Например, старый итальянский район рабочего класса на юге Бруклина во многом похож на старый польский рабочий квартал Гринпойнт. Поскольку трудно найти такого хорошего писателя, как Филип Лопейт, который писал бы о Гринпойнт, мы должны рассматривать это описание как символическую замену. Обратите внимание на фрагмент ниже, что, хотя джентрификация представлена «причудливыми коричневыми камнями», домам рабочего класса, похоже, не хватает «яркости»:

Не столько, когда утомлен жизнью, сколько когда я чувствую себя бодрым, я прогуливаюсь от своего дома к мосту на Юнион-стрит, чтобы искупаться в целебных водах пресловутого Говануса / канала. Я живу на Сакетт-стрит, в одном квартале к северу от Юнион, поэтому сначала иду на Юнион-стрит, а затем иду налево, мимо скромных кирпичных трехэтажных домов с их ступенями, каменными фонтанами ангелов, религиозными украшениями, патриотическими американскими флагами и случайным Итальянским триколором, старинный итальянский квартал, где вырос гангстер Аль Капоне, а грузчики-иммигранты трудились в бруклинских доках, чтобы поднять крышу над головами своих семей, с арендатором внизу. Это не причудливые дома из коричневого камня, которые сейчас продаются за несколько миллионов, а неудобные, уютные простые дома, недостаток которых увеличивается по мере приближения к каналу. По сути, никто из сословия никогда не хотел жить рядом с Гованусом, легендарным своей вонью и телами бандитов, выловленными из канала; Ходили слухи, что, если вам не повезет упасть, ваши кости растворятся под действием кислот мгновенно. (2008, 1-2).

С другой стороны, мы можем говорить о джентрификации, как это делают ученые, таким образом, что обычным людям, которые, в определенном смысле, на самом деле «делают» или «создают», было бы трудно увидеть это. Например, Лоретта Лиз рассмотрела «суперджентрификацию», термин, полученный из последней волны джентрификации, которую «Джейсон Хакворт и Нил Смит (2001) окрестили джентрификацией «третьей волны», чтобы отличить ее от предыдущих циклов возрождения» (2003, 2490). Лиз посмотрела на район Бруклин-Хайтс, который находится недалеко от того места, где, по мнению Лопате, те же самые строения из коричневого камня, которые она считала «довольно обычными», имели некоторую

«особенность»:

Под суперджентрификацией я подразумеваю преобразование уже облагороженных, процветающих районов, принадлежащих к верхнему среднему классу, в гораздо более эксклюзивные и дорогие анклавы. Эта усиленная реджентрификация происходит в нескольких избранных районах глобальных городов, таких как Лондон и Нью-Йорк, которые стали центром интенсивных инвестиций и заметного потребления со стороны нового поколения сверхбогатых «финансистов», подпитываемых состояниями глобальных финансов и корпоративных служб отрасли. Мы можем начать понимать, что включает в себя суперджентрификация, рассмотрев историю довольно обычного четырехэтажного дома из коричневого камня в Бруклин-Хайтс, Нью-Йорк, о которой я расскажу, опираясь на интервью с домовладельцем (D), который первым джентрифицировал (облагородил) дом и его ближайшим соседом (S). Я хочу использовать биографию этого здания, чтобы критически осмыслить некоторые знакомые способы объяснения джентрификации и проблемы, которые ставит перед ними то, что я называю суперджентрификацией. (2487–8)

Более полное и обоснованное мнение было предоставлено Джудит Н. ДеСена. Ее работа особенно важна для этой главы, поскольку она сделала много публикаций о трех десятилетиях городских изменений в Гринпойнте (1990, 1994, 1998, 1999, 2000, 2006):

Концепция джентрификации определяется как «преобразование социально маргинальных районов и районов рабочего класса в центральном городе в жилые помещения среднего класса» (Zukin, 1987, 129). Исследования джентрификации сосредоточены в первую очередь на причинах и последствиях этого городского процесса. Анализ подразделяется на две основные теоретические точки зрения - экологическую теорию и критическую теорию (Wittberg, 1992). Экологи изучают потребности, вкусы и желания населения, которые несут ответственность за ускорение изменения района в форме джентрификации (Friedenfels, 1992; Laska & Sprain, 1980). Включены исследования, изучающие стратегии, используемые средним классом для создания и развития джентрификации в определенных районах. Некоторые используемые подходы включают поддержание и создание ограничительных соглашений, экскурсии по домам и сохранение исторического наследия (Kasinitz, 1988; Krase, 1982). С другой стороны, критические теоретики рассматривают джентрификацию как производную политической экономики, а именно вложения капитала и политику государства (Abu-Lughod, 1994; Fitch, 1993; Smith, 1996; Zukin, 1982, 1987). В частности, Смит (1996) рассматривал понятие «обратно в город», выражение, связанное с джентрификацией, как означающее, что капитал, а не люди, вернулись в город. (2006, 243)

Большинство исследований и публикаций о джентрификации рассматривают ее как проблему перемещения жилья и коммерческих предприятий. Основное внимание уделяется также травмам менее обеспеченных жителей и собственников, которые при этом теряют цену. Прекрасным недавним исключением из этого практического правила является визуальная социологическая работа Джейсона Патча. Он провел несколько лет, изучая прилегающий к Гринпойнту, более

облагороженный район Вильямсбург. В «Встроенном ландшафте джентрификации» он ловко использовал изображения, интервью и этнографические данные: «Вместо того, чтобы рассматривать джентрификацию как результат строго рационального экономического поведения или стремления капиталистов к прибыли, я подчеркиваю, что джентрификация обусловлена от старых этнических и промышленных ландшафтов и в зависимости от них» (2004, 173; см. также Wyly and Hammel 2005 и Martucci 2010).

Мой собственный исследовательский активизм в 1970-е годы был сосредоточен на упадке городов и его символическом отношении к бегству белых. Я работал над предотвращением или обращением вспять стигматизации городских кварталов из-за миграции небелых. Частично это было достигнуто за счет создания положительного имиджа территорий через видимое выражение американских ценностей среднего класса, которые видны в архитектурных стилях и местной истории (Krase 1982). Интересно отметить, что некоторые ученые ретроспективно рассматривают такую деятельность как способствующую джентрификации. Это особенно верно в отношении американских движений «Возрождение Браунстоуна» и «Назад в город», которые были нацелены не только на то, чтобы убедить нынешних жителей остаться, но и на привлечение новичков в маргинализованные городские районы. Учитывая, что в большинстве случаев анализ джентрификации занимает критическую или левоидеологическую позицию, есть больше идеологической иронии в аргументе о том, что усилия по сохранению и расовой интеграции «функционировали» для облегчения последующей джентрификации. Что касается раскрытия информации, я должен отметить, что я был членом Совета директоров Комитета возрождения Браунстоуна в Нью-Йорке в 1971–1984 годах.

В Бруклине, штат Нью-Йорк, борьба против джентрификации началась в конце 1970-х, когда некоторые популярные СМИ, особенно в сообществе чернокожих представили коричневую каменную кладку и возвращение в город как случай расистского «возвращения белых в район черных». Как описал Сулейман Осман в своем исследовании этого периода в книге «Изобретение Браунстоун Бруклин: джентрификация и поиски подлинности в послевоенном Нью-Йорке» (2011),

обвинение в джентрификации вызвало потрясение в Браунстоуне в Бруклине. Когда-то почитаемые за восстановление кварталов и борьбу с мэрией, коричневые люди оказались злодеями. Многие ветераны борьбы с обновлением городов заняли оборонительную позицию. «Люди, пытающиеся оживить приходящие в упадок районы городов, давно столкнулись с несколькими естественными врагами: халатностью городских властей, безразличными или конфликтными законодателями и крайними политическими группами», - жаловался Браунстонер (житель Браунстоуна) в 1978 году. «Но теперь сопротивление приходит из нового квартала. Социологи, чьи прошлые рекомендации политикам опустошают наши городские пейзажи открыли новую область исследований... Это называется джентрификацией». (271)

Хотя меня беспокоят конкретные объективные и непредвиденные последствия этого явления, мой собственный особый интерес к джентрификации проявляется как очевидный народный стиль или, возможно, как эстетический «вкус». В

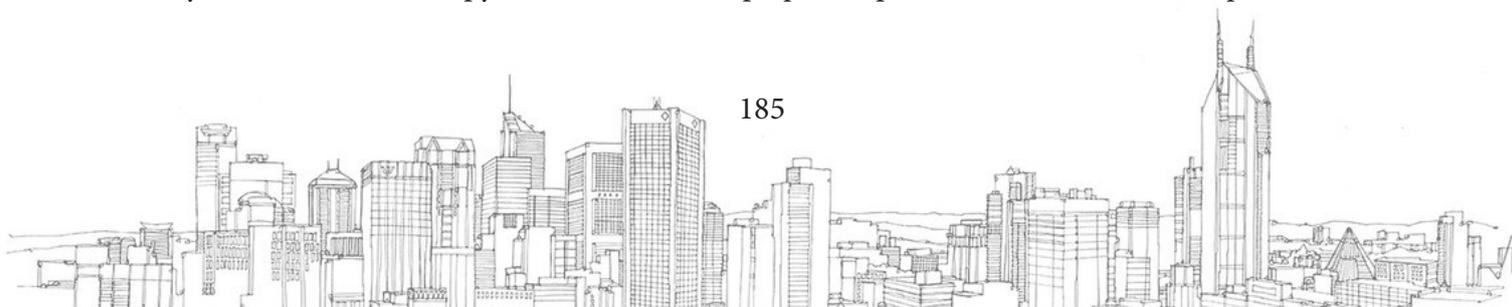
профессиональной и непрофессиональной литературе много споров о том, что именно представляет собой джентрификация, но мне кажется, что джентрификация похожа на пресловутую утку: если это выглядит так, то это оно и есть. Еще до того, как данные переписи об образовании, доходе и роде занятий могут показать значительные изменения в арендуемой квартире, терпеливый наблюдатель или даже случайный прохожий может почувствовать, что на месте происшествия происходит что-то визуальное и качественное. Увеличение размеров витрин и домов, появление предприятий, ориентированных на новых клиентов, а также изменение стиля одежды и прически людей, гуляющих по улицам, вряд ли можно скрыть.

«Различие» Пьера Бурдьё между вкусом «необходимости» и вкусом «роскоши» может помочь нам понять, как пространства становятся более привлекательными для аристократии и, следовательно, более привлекательными для более обеспеченных потребителей жилья, товаров и услуг:

Вкус - это практический связист превращения вещей в отчетливые и отличительные знаки, непрерывного распределения в прерывистые противоположности; он поднимает различия, вписанные в физический порядок тел, до символического порядка значимых различий. Он трансформирует объективно классифицированные практики, в которых классовое состояние обозначает себя (через вкус, в классификационные практики, то есть в символическое выражение классового положения, посредством восприятия их взаимоотношений и в терминах социальных классификационных схем. Таким образом, источником является вкус) системы отличительных черт, которые не могут не восприниматься как систематическое выражение определенного класса условий существования, т. е. как отличительный образ жизни, любым, кто обладает практическим знанием отношений между отличительными знаками и положениями в распределения - между вселенной объективных свойств, выявленной научным построением, и не менее объективной вселенной стилей жизни, которая существует как таковая для обычного опыта и посредством него. (1984: 174–175)

Вкус, тогда, это механизм, с помощью которого тонкие различия между вещами имеют больший резонанс с точки зрения классового разделения. Средний класс имеет источник силы в своей способности определять, что такое «хороший вкус». Таким образом, они превращают свои эстетические различия в барьеры между социальными разделениями. Таким образом, мы можем думать о джентрификации как о сдвиге значений изменившихся пространств и мест, а не просто о физических и социальных изменениях. Одни и те же объекты могут означать разные вещи для людей, принадлежащих к разным классам, и в результате у них разные вкусы к одним и тем же вещам. Это движение из пространства или места, где преобладают выражения Вкуса Необходимости, к тем Вкусам Роскоши.

Я часто отсылаю своих учеников к разнице во взглядах на вкусы еды. Когда я был ребенком, живущим в жилом доме для малообеспеченных семей в Бруклине, нам иногда по утрам подавали остатки кофе с горячим молоком. Для мамы это был довольно дешевый завтрак, особенно в сочетании с черствым хлебом. Поэтому меня удивляет цена, которую молодые джентрификаторы готовы платить за кофе латте

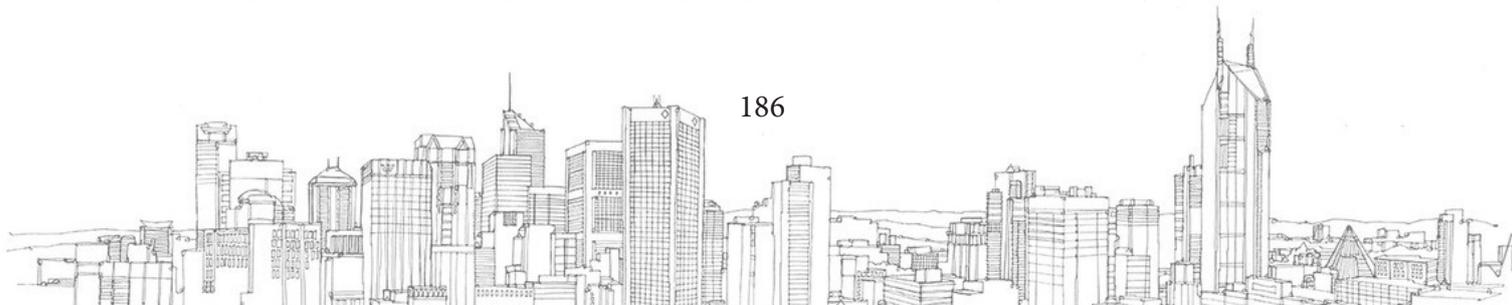
или даже более дорогое кофе с молоком. Другие пищевые вкусы, претерпевшие аналогичные изменения, - это вяленые помидоры и (палента) мамалыга, которые когда-то недоедали итальянские крестьяне. Следует отметить, что в некоторых случаях жаргон этнических или рабочих кварталов, патина или атмосфера, если хотите, превращаются в товар, но в то же время приручены или одомашнены, то есть «тематические». Это часто выражается в статьях, посвященных недвижимому имуществу, в газетах в глобальных городах, рекламирующих недавний приграничный район, которые описывают людей рабочего класса и места рабочего класса как придающие этому району приятный грубый характер. Однако для того, чтобы масштабирование района было успешным, необходимо сгладить такие неровности и связанную с ними очевидную опасность.

Бурдые продолжает:

Как можно видеть, всякий раз, когда изменение социального положения ставит габитус (вид) в новые условия, так что его конкретная эффективность может быть изолирована, именно вкус - вкус необходимости или вкус роскоши - а не высокий или низкий доход, управляющий практикой, объективно настроен на эти ресурсы. Благодаря вкусу посредник получает то, что ему нравится, потому что ему нравится то, что у него есть, то есть свойства, фактически данные ему в распределениях и законно присвоенные ему в классификациях. (175)

Таким образом, человек из рабочего класса, который может позволить себе, например, только недорогие продукты, может выразить им предпочтение и может даже свысока смотреть на вторгшихся яппи, которые платят «слишком много» за те же продукты. Следует отметить, что визуальный социолог Чарльз Сухар исследовал многие из этих аспектов материальной культуры джентрификации, например, как жители, по сути, создают джентрификацию, обновляя и делая косметический ремонт интерьеров и экстерьеров, а также внедряя новые способы освоения местного пространства (1988). В работе «Иконы и изображения джентрификации в Линкольн-парке, штат Иллинойс» он обнаружил, что люди использовали скульптуры, витражи, железные ворота и заборы, произведения искусства, газовые фонари и антиквариат, чтобы судить о классовых различиях в жилых домах (1992).

Как уже говорилось в предыдущих главах, мы должны рассмотреть, как это явление представлено в визуальных средствах массовой информации. Обсуждение Gentrification Listserve, начатое Эфтихией Александри, привело меня к открытию многих фильмов, в которых использовался фон джентрификации для решения вопросов расы и класса. Александри составляла список игровых фильмов, в которых рассказывалось о том, «что происходит в районе до того, как произойдет джентрификация (например, Do the Right Thing, (Делай как надо!) Спайка Ли, 1989, компании 40 Acres & A Mule Filmworks), во время процесса джентрификации (например, Chacun Cherche son chat (В поисках кошки), Седрика Клапиша, 1996, Vertigo Productions) или в случае полностью облагороженного жилья (например, Ноттинг-Хилл, Роджера Митчела, 1999, Universal)». Она также просила тех, где джентрификация «показана только в некоторых сценах фильма (например, Mystic River (Таинственная река), Клинта Иствуда, 2003, Warner Brothers)» или «присутствует на протяжении всего фильма (например, Soul Kitchen (Душевная кухня), Фатиха

Акина, 2009)». Более или менее социально-экономически репрезентативная сюжетная линия восемнадцати фильмов, собранных мною в ходе этого упражнения, выглядит следующим образом для Flag Wars (Войны флагов):

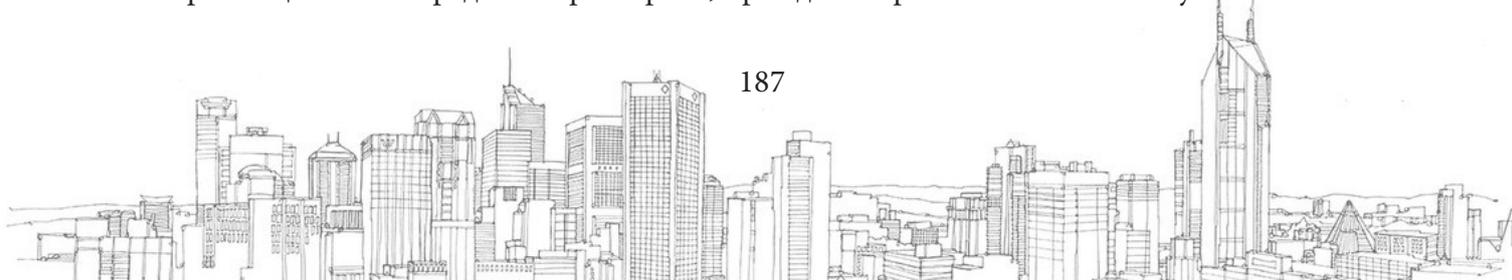
Что происходит, когда семьи чернокожего рабочего класса сталкиваются с наплывом белых геев, покупающих жилье по соседству? Снятые за четыре года, FLAG WARS - это ясный взгляд на конфликты, всплывающие в одном районе города Колумбус, штат Огайо. В истинном стиле фильма «как это происходит» запечатлены грубые эмоции беззащитных моментов между соседями: лесбиянкой-риелтором, которая продает викторианские дома в этом районе; новый покупатель жилья, который переезжает в этот район, чтобы открыто жить как гей; двое давних жителей, которые предстали перед судом из-за новых жилищных кодексов; и судья, который слушает их дела. От разговоров на крыльце и семейных обедов до публичных слушаний и уличных протестов - FLAG WARS дает редкий и чрезвычайно подробный отчет о социальных и человеческих последствиях капитализма и реализации «американской мечты», рассказанной в жизни жителей сообщества, столкнувшегося с джентрификацией. (2007)

Возможно, здесь нам нужен еще один пример того, как вкус явно или неявно является частью дискурса джентрификации как в научных, так и в популярных СМИ. Я впервые столкнулся с идеей определенного типа коммерческого заведения, кафе, как семиотики джентрификации, когда читал книгу Роланда Аткинсона «Приручение капучино или месть городскому пространству?» (2001), который частично обязан своим названием несколько саркастичному описанию стратегии возрождения Брайант-парка в Нью-Йорке Шэрон Зукин как «приручения капучино» (1995, 4). Недавняя статья Джона Леланда в New York Times «Новый гарлемский джентльмен в поисках латте» поддерживает понятие «экзотического» кофе как тайника джентрификации, как он писал:

Какая связь между домом и чашкой хорошего кофе? На первый взгляд, кофе (или чай) организует пространство и движение; при заваривании годной чашки дом становится домом.

Тем не менее, существует также общественный способ, которым кофе формирует ощущение дома, даже если он живет в самом низу квартала. Например, если вы изобразили пешеходное движение вокруг чашки эспрессо, вы могли бы увидеть узор из пересекающихся линий, который Джейн Джейкобс описала в своей книге 1961 года «Смерть и жизнь великих американских городов» (2003, F1): Внешний вид удобств здесь, аналогичным образом, отражает и способствует буму на рынке недвижимости (F6).

Аткинсон также написал в своем эссе о коммодификации и тематизации пространств для широкой публики, что укрощает их и, что более важно, я думаю, разрушает ощущение того, что они открыты для всех (2001, 4). Как общественное пространство открыто для всех? Подобно тому, как приятная сцена или привлекательный знак приглашают человека войти внутрь, одни и те же явления могут одновременно оттолкнуть или заставить другого наблюдателя почувствовать себя нежеланным. Простейшая аналогия: богатый или бедный человек читает меню, размещенное за пределами ресторана, прежде чем решиться войти. Из уважения к

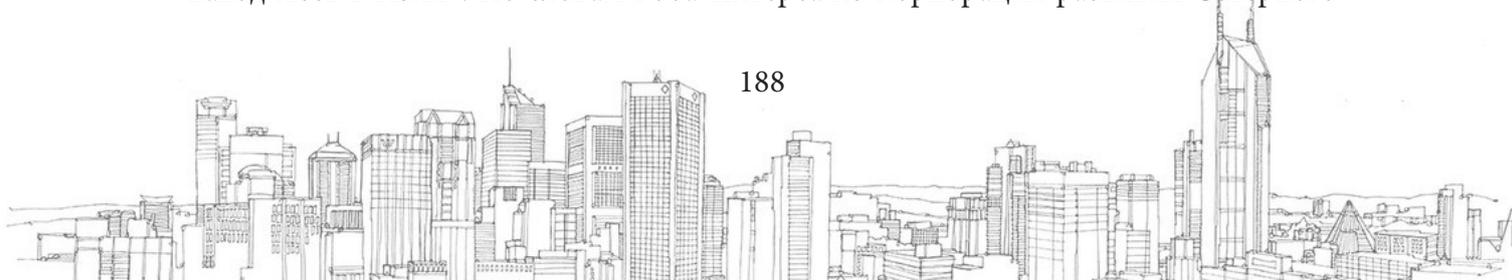

«Приручению капучино» в конце этой главы мы увидим, как кофе и другие вкусные или сладкие товары отображаются как в благоустроенном польском Гринпойнте в Бруклине, так и в благоустроенном Кракове, Польша.

Гринпойнт

Как отмечалось в предыдущей главе, сравнивая местные ландшафты Маленьких Италий и Маленьких Польш, Гринпойнт - это жилой, коммерческий и промышленный прибрежный район в самой северо-западной части Бруклина. Он имеет долгую историю промышленного развития, наследие которого все еще существует сегодня в ландшафте заброшенных и ветхих зданий и многих постиндустриальных экологических проблемах. Польский Гринпойнт является частью Гринпойнт-Вильямсбургского района 1. Район 1 также является домом для электростанций, очистных сооружений, огромной мусоросжигательной установки, многочисленных узлов сбора отходов, хранилища радиоактивных веществ и загрязненных водных путей. В 2009 году северная граница района, Ньютаун-Крик, была объявлена Федеральным агентством по охране окружающей среды территорией «Суперфонда» (фонд борьбы с химическим загрязнением окружающей среды) из-за бесчисленных разливов топлива и других экологических бедствий начала 1800-х годов.

Гринпойнт имеет большой потенциал из-за своего завидного местоположения. Он практически окружен пустующими или заброшенными зданиями на набережной и имеет легкий доступ к Манхэттену на общественном транспорте. Его огромный местный промышленный и коммерческий ржавый пояс на протяжении многих лет привлекал художников и других молодых творческих профессионалов, ищущих доступное пространство, товарищество и экологическое вдохновение. Во время этой первой волны джентрификации в 1980-х годах некоторые местные группы противников перемещения видели в увеличении числа законных и незаконных переоборудований чердаков угрозу для бедных и рабочих жителей района. Из-за его исторической нежелательности в качестве жилого квартала до 1990-х годов он сохранял несколько стойких этнических анклавов и привлекал иммигрантов, ищущих своих соотечественников и низкую арендную плату. Население муниципального района увеличивалось каждое десятилетие с 1980 года, и в 2000 году, когда было проведено первое визуальное исследование, оно составляло 160 338 человек и почти поровну делилось между белыми неиспаноязычными и латиноамериканцами. Около 10 процентов населения не были ни латиноамериканцами, ни белыми. Несмотря на демографический баланс, смешанное проживание этнических и расовых групп в Гринпойнте является исключением, а не правилом, и наиболее заметно разнообразными являются районы, которые демонстрируют признаки джентрификации или другого перехода к более высокому уровню. Большая часть чернокожего населения проживает в жилищном проекте для малообеспеченных семей на окраине общины. Как сообщалось на веб-сайте Metropolitan Waterfront Alliance, «Несмотря на проблемы, Гринпойнт - это разнообразный и оживленный район». По словам Лауры Хоффман, жительницы Гринпойнта и участницы игровой площадки Friends of Newtown Barge Terminal, «вы можете оказаться в одном конце квартала и подумать, что вы в Польше, прийти идти к другому и думать, что находитесь в Азии». По словам Роба Питерса из Корпорации развития Северного

Бруклин, «В следующие пять или десять лет мы увидим много изменений на набережной... Будет интересно посмотреть, как все это закончится. Судя по недавней деятельности, изменения уже происходят» (Focus on Greenpoint 2004).

Что касается связанных с этим вопросов этнической принадлежности, иммиграции и джентрификации, работа ДеСена является наиболее информативной. Есть некоторая ирония в том, что, как она отметила, местные жители пытались сохранить расовый статус-кво в 1980-х с помощью польских иммигрантов вместо того, чтобы сдавать аренду черным и латиноамериканцам. Позже поляки и другие представители белой этнической группы боролись против перемещения джентрификаторами в различных формах. Еще более зловещим для небогатых жителей сегодня стала перестройка территории в 2005 году под жилые помещения того, что когда-то было «рабочей» набережной. Это вызвало бурные спекуляции и развитие элитного жилья на берегу реки. В 1990 году ДеСена считал, что будущее Гринпойнта трудно предсказать, но одной «возможностью» была джентрификация:

Жители, выросшие по соседству, не могут позволить себе покупать там дома. Более того, наличие этих домов рекламируется в The New York Times. Пространство лофта на набережной занято художниками. Также проводится ежегодный тур по дому в Гринпойнт, что является еще одним намеком на джентрификацию. Арендная плата за коммерческую недвижимость на Манхэттен-авеню в некоторых случаях выросла втрое, и в нее въехали некоторые сетевые магазины, такие как Genovese Drugs и Faуva Shoes. Жители Гринпойнта не защищаются от джентрификации. В этом нет необходимости, потому что рынок жилья настолько жесток, что большинство «яппи», интересующихся Гринпойнтом, - белые. Как и домовладельцы в Лонг-Айленд-Сити, домовладельцы Гринпойнт хотели бы, чтобы район был облагорожен. С точки зрения жителей, их вложения в жилье окупятся, район будет улучшен, а выходцы из Латинской Америки будут перемещены. Большинство не осознает, что многие другие жители, такие как их арендаторы, соседи, пожилые люди и, возможно, они сами, также могут быть перемещены. Некоторые жители выразили обеспокоенность по поводу того, что Гринпойнт получает известность в The New York Times и Village Voice: «Я бы предпочел, чтобы люди не знали о нас (районе), потому что мне нравится такой, какой он есть». (1990, 118–20)

ДеСена не мог предвидеть будущую тенденцию к расширению магазинов (см. Рис. 7.1) и художников на Бедфорд-авеню и северной части Гринпойнта, где польские иммигранты были «предварительно перемещенными» латиноамериканцами. К 1990-м годам поляки уже уступили территорию элите, о чем свидетельствуют витрины магазинов и вывески шикарных и модных магазинов одежды, новые бары, танцевальные клубы, рестораны и, конечно же, кофейни. Состоявшиеся профессионалы с более высокими доходами постепенно скупали ограниченный фонд исторически и архитектурно значимых жилых построек. Даже некоторые традиционные польские рестораны и продуктовые магазины для рабочих пытались привлечь местных и приезжих яппи, становясь более «интернациональными» или «континентальными» по внешнему виду и предложениям. Мой собственный интерес к Гринпойнту был академическим и, по сути, семиотическим, и именно здесь в 1994 году был сделан мой первый шаг к визуальному сравнению Полонии и Польши.

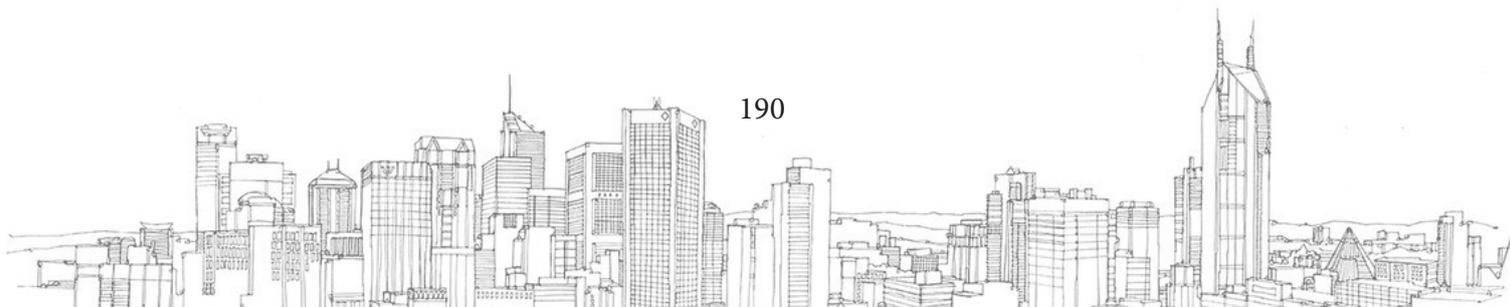

Рисунок 7.1 Внешний бар / танцевальный клуб, Гринпойнт, Бруклин, Нью-Йорк, США, 2004 г.

В 2000 году, за несколько месяцев до моего второго визита в Краков, расширение польской иммигрантской общины на запад явно сдерживалось усилением джентрификации в северной части Гринпойнт. На улицах столкновение можно было рассматривать как битву рекламы и других знаков на местных торговых улицах, где азиатские фьюжн и другие высококлассные, более модные рестораны делили визуальное пространство с оставшимися польскими рабочими. О семиотическом соревновании сообщалось в газетах Нью-Йорка. В 1999 году в «Sunday Daily News» Лоррейн Дил написала: «Хотя северная сторона наиболее удобна, особенно вдоль Дригтса и оживленного Бедфорд Авеню, где кафе, суши-ресторан и фреш-бар рядом с давними этническими заведениями - более суровая южная сторона начинает проявлять себя» (3).

Согласно Бурдье, интеллектуалы обладают «властью превращать вульгарные артефакты в самобытные произведения культуры» (1984, 282). В данном случае выполняет ли журналист ту же функцию, но с контрастом «шика» и «грубости»? Возможно, молодые художники, вторгшиеся в сообщество, сделали то же самое, о чем свидетельствует ироничная, возможно, даже подсознательная «Польская шутка» о джентрификации в форме «Галереи Пьероги». Как сообщается в статье Дилиа, галерея расположена в здании бывшей пробковой фабрики. Художники приезжали в Уильямсбург / Гринпойнт в поисках места, которое они больше не могли себе позволить, в некогда «песчаных», а теперь «шикарных» районах Манхэттена, таких как SOHO и Ист-Виллидж. Многие промышленные помещения

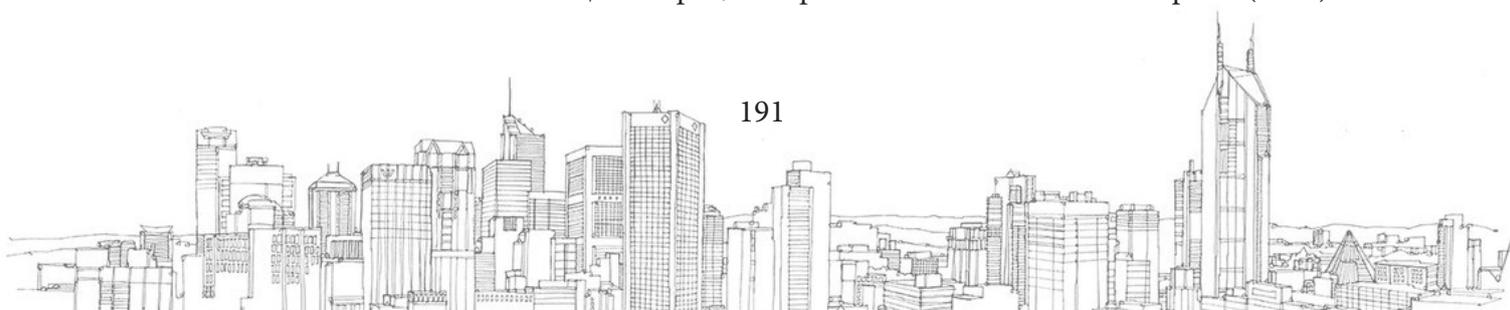

были переоборудованы для новых целей, таких как художественные галереи, жилые и рабочие чердаки, и многие из самых популярных «клубов» сами по себе неизвестны с улицы (см. Рис. 7.2).

Рис. 7.2. Высококласные магазины одежды на Бедфорд-авеню, Гринпойнт, Бруклин, Нью-Йорк, США, 2004 г.

Угроза роста джентрификации и последующего перемещения по-прежнему является проблемой, о которой говорится в польской газете *Nowy Dziennik* (польские «Daily News»), где об этом говорят как о серьезной проблеме, особенно среди наименее обеспеченных поляков-иммигрантов. Польская пресса также сообщает о последствиях джентрификации и общих жилищных проблемах для поляков в польских городах. В этнической прессе последняя глава польско-американской саги о джентрификации в Гринпойнте была написана Джейком Муни в книге «На польском все еще говорят, но промышленность - это история» (2009).

Он отметил, что ожидаемого распространения жилых башен вдоль набережной к северу от Вильямсбурга после изменения зонирования в 2005 году не произошло. Одним из недавних событий может быть глобальная рецессия, продолжавшаяся в 2009 году. В результате сделки по развитию предметов роскоши сорвались, и, например, некоторые кондоминиумы были преобразованы в аренду, а другие обанкротились. Местные жители, особенно семьи и иммигранты, по-видимому, оценили относительную стабильность:

Хотя некоторые поляки переехали в соседний Риджвуд, Квинс, поскольку арендная плата выросла, Гринпойнт по-прежнему остается центром польской жизни, с польскими вывесками на кабинетах врачей и адвокатов, аптеках и фотоателье на Манхэттене и проспектах Нассау...

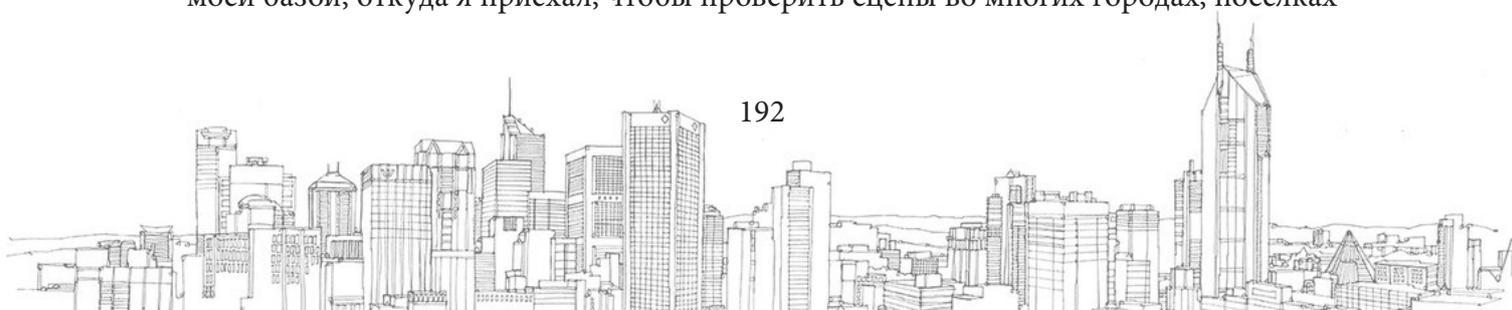
Восточная часть квартала, которая простирается за парком МакГолфрик, является домом для многих недавних иммигрантов и потомков многих, приехавших в Гринпойнт несколько десятилетий назад. Центр общины - римско-католический собор Святого Станислава Костки, построенный в 1903 году, с высоким шпилем из серого кирпича. Недавно прибывшие иного рода - молодые люди, приехавшие из Вильямсбурга - оставили свой след в окрестностях. Франклин-стрит, которая проходит параллельно Манхэттен-авеню, создала собственный коммерческий район, хотя и меньшего размера, с барами и ресторанами, винным магазином, кафе и бутиками одежды.

Не так давно, по словам г-на Денниса, большинство этих витрин «либо пустовали и были заколочены, либо использовались под жилые дома». Он добавил, что с двумя торговыми аллеями «теперь у вас почти есть две параллельные вселенные розничной торговли, которые, надеюсь, играют друг с другом».

В одной из этих параллельных вселенных: «В Гринпойнте коммерческие вывески на польском языке почти исчезли к 1960-м годам. Лишь несколько предприятий, семиотически украшенных красными и белыми знаками, коронованными польскими орлами или польскими топонимами, пережили переходный период. В 1990-е годы молодые поляки-иммигранты заполняют пространства, оставленные их ассимилированными со-националистами, и делят окрестности с остатками старой Полонии. Интересно, что многие из новых польских предприятий не отмечены стереотипными красно-белыми или орлиными мотивами предыдущих поколений. Гринпойнт теперь усеян знаками на польском языке, объявляющими все, от продуктов питания до профессиональных услуг, многоцелевого Agencja и других знаков, связанных с работой». (Krase 1997, 26).

Краков

Весной 1997 года я получил стипендию от Фонда Костюшко и Министерства национального образования Польши за «Изучение польской народной архитектуры» и лекцию на тему «Мультикультурализм в американской городской жизни» в Центре американских исследований Ягеллонского университета в Кракове. Краков был моей базой, откуда я приехал, чтобы проверить сцены во многих городах, поселках

и сельской местности. Моим главным интересом было создание визуальных связей между польско-американскими кварталами, которые я уже сфотографировал, такими как Гринпойнт, и местами в Польше, из которых эмигрировали жители. Я особенно искал местные диалекты, чтобы сравнить их с таковыми в польской Америке (см. Рис. 7.3). Я только случайно был привлечен к проблеме перемещения и джентрификации в Польше в ходе моих разговоров с краковцами о развивающейся нехватке жилья и связанном с этим повышении арендной платы. Большинство людей, с которыми я разговаривал, связывали эту проблему с увеличением числа иностранных предприятий, предпринимателей и профессионалов, находящихся в Городе всемирного наследия ЮНЕСКО, [1] и постсоциалистическим возвращением государственной собственности их досоциалистическим владельцам. Этот процесс включал передачу собственности отдельным владельцам и более крупным учреждениям, таким как Римско-католическая церковь. Еще одним трагическим осложнением была собственность евреев, которая была «передана» различными, но всегда сомнительными способами неевреям во время нацистской оккупации и впоследствии перераспределена в социалистический период. Кроме того, к 1990-м годам в городах Польши все еще не хватало достаточно большого количества местных предпринимателей. Большинство из тех, кто мог бы выполнять такие экономические роли в прошлом, составляли когорту пропавшего населения. Они были либо убиты, либо бежали из Польши после 1939 года. Те, кто пережил Вторую мировую войну, были фактически отстранены от капиталистического бизнеса в результате принудительной социализации экономики советскими оккупантами, а затем поддерживались СССР местной Партией Польского сообщества (Польская партия объединенных рабочих).

Рисунок 7.3 Местное жительство, Краков, Польша, 1997 г.

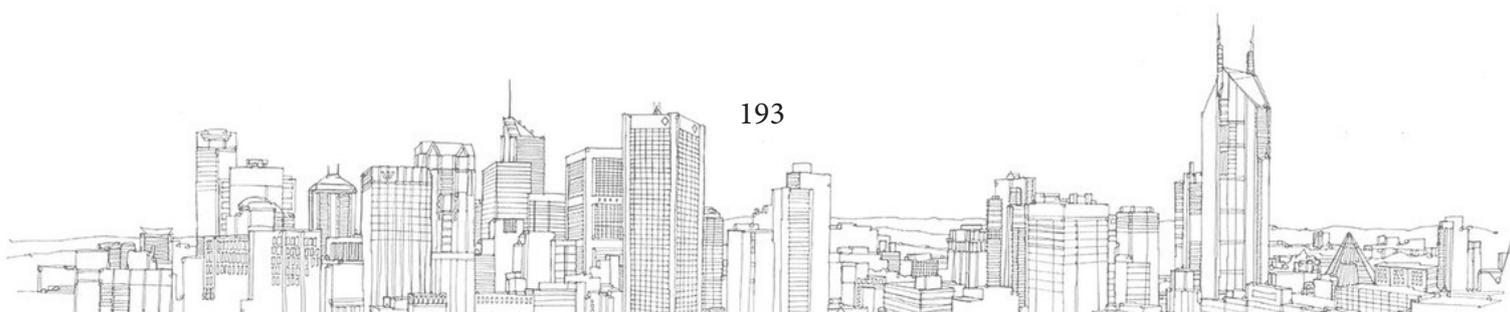

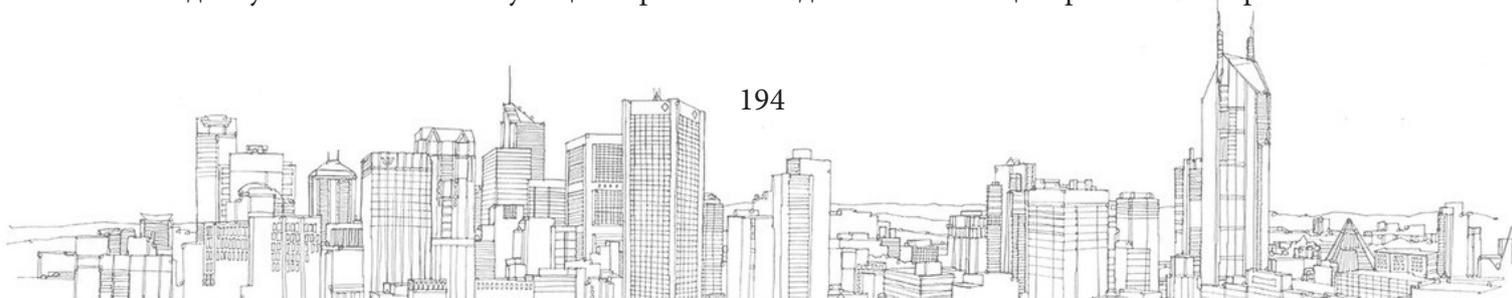

Рис. 7.4 Фрайзер, Краков, Польша, 1997 г.

Одним из многих людей, с которыми я разговаривал во время моего четырехмесячного визита, была молодая пара из Соединенных Штатов, открывшая кафе в американском стиле на окраине исторического центра Кракова. Они объяснили мне, что, по их мнению, Польша предлагает больше возможностей для таких же людей, как они, но также жаловались, что в ближайшем будущем они могут быть вынуждены закрыть свой бизнес. Приток иностранного бизнеса в наиболее привлекательные районы Кракова, особенно в прекрасно сохранившемся историческом центре, Старе Място (Старый город), привел к резкому росту арендной платы как в центре, так и в окрестностях, где располагалось их кафе. Также увеличилась конкуренция за местный и туристический злотый.

В Кракове существует давняя традиция польской Кавиарнии (очевидно, по образцу австрийского кафе), а также открытых кафе и ресторанов. Однако в социалистический период они были частично заменены более пролетарскими поставщиками еды, такими как Bar Mleczne (Молочный бар). Молочные бары были довольно механическими и очень недорогими, местами питания, которые лучше всего можно было охарактеризовать как предлагающие адекватную еду и плохое обслуживание по разумным ценам. Как постсоциалистический город, после 1989 года возрождение (реваншизм) кафе, чайных и ресторанов Кракова практически стерло их. Эти довольно простые, часто скрытые заведения были в изобилии в социалистический период, но к 2000 году были лишь редкостью приватизированной реликвии.

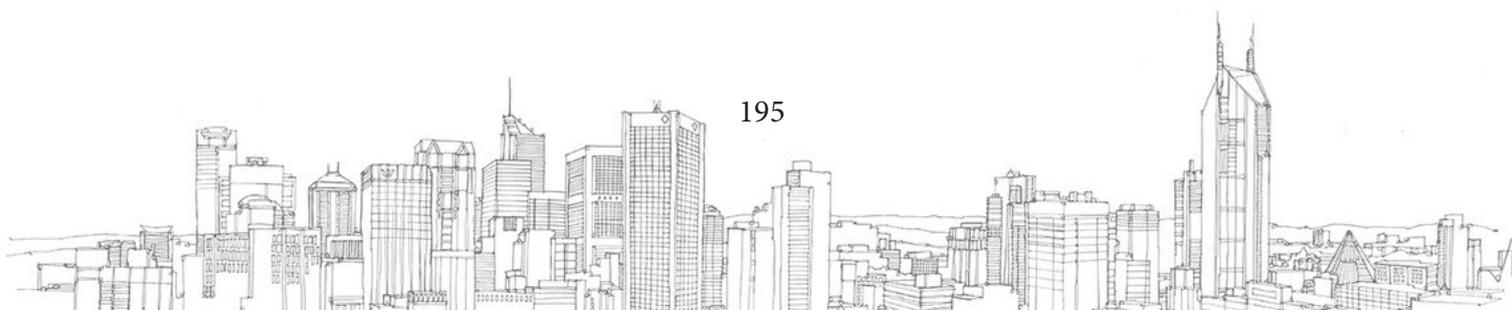
Во время моего второго визита я также смог увидеть ускоряющуюся потерю доступного жилья на улицах Кракова. Тогда многие из центральных кварталов

явились явными признаками обновления и реставрации. Первоначально Новы-Виз был элегантным районом с величественными особняками, окружавшими деревенскую зелень. В социалистический период правительство передало особняки под офисы и другие социальные нужды. Когда я был там в 1997 году, на первых этажах многих зданий быстро возникли малые предприятия. К 2000 году такие предприятия, как салоны красоты (см. Рис. 7.4), прекратили свое существование, поскольку элитное жилье в том же здании было возвращено, возможно, предыдущими владельцами (см. Рис. 7.5).

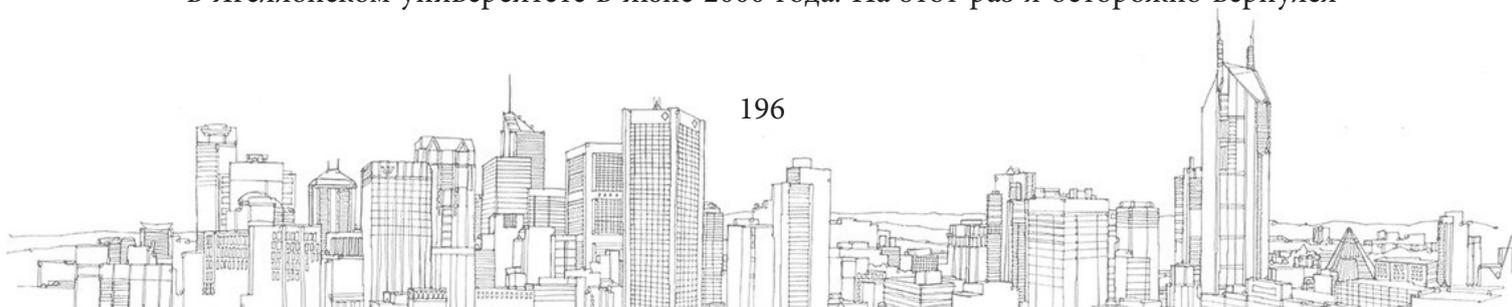
Рисунок 7.5 Вила Ядвига, Краков, Польша, 1997 г.

Во время моего первого визита в Краков польское правительство еще не удовлетворило требования католической церкви о возврате обширной собственности, которой она владела по всей стране. Однажды я посетил квартиру священника, которого я узнал, который жил в комплексе зданий в Старе Место, первоначально принадлежавшем церкви и использовавшемся исключительно для духовенства. Социалистическое правительство заставило церковь разделить резиденцию с арендаторами, не являющимися священниками. Мой друг беззастенчиво ждал того времени, когда комплекс вернется в прежнее состояние. У двух моих коллег из Ягеллонского университета была аналогичная проблема, и они разделяли схожие ожидания, но в меньшем масштабе, поскольку их семейный дом по настоянию государства по-прежнему использовался не членами семьи. Другие мои польские информаторы также рассказали о том, как поляки, в первую очередь сельские жители и жители небольших городков, впервые перебрались в город, и особенно о новом городе Нова-Гута, спланированном социалистами, куда они привозили своих животных, и не знали как использовать «современные» пространства и помещения. Сегодня такие комментарии могут быть расценены как оскорбительные с этнической точки зрения, поскольку новое поколение поляков намного вежливее.

С этической, правовой и моральной точек зрения наиболее сложной проблемой является собственность евреев, вынужденных покинуть или быстро продать свои дома и предприятия и бежать от нацистов. Еще более трагичным было, конечно, имущество, конфискованное после заключения и окончательного истребления евреев в соседнем Освенциме (Освенцим), которое я тоже посетил, но не смог заставить себя сфотографировать. В Кракове было два еврейских квартала. Самый старый и самый известный еврейский квартал, Казимеж, использовался как плацдарм гетто для их перевозки в лагеря смерти и рабочие лагеря. Во время моего визита в 1997 г. здесь только начался медленный процесс восстановления, сначала подпитываемый (частично после Холокоста) туризмом, а затем ремонтом и реставрацией собственности некоммерческими религиозными и культурными организациями.

Несколько студентов моего курса американистики сказали мне, что Казимеж был своего рода «своим» местом для студентов, художников и интеллектуалов. Эта привлекательность соседства с изрезанными пулями стенами, заваленными обломками участков и разрушающимися зданиями описывалась прежде всего с точки зрения низкой арендной платы и дешевой еды, а также близости к университету (см. Рис. 7.6). Моей целью было исследовать уличные пейзажи самых разнообразных районов Кракова. В результате я сфотографировал около четверти жилой застройки города и прилегающих к ним улиц и торговых улиц. Во время моего первого визита я заметил большое количество строительных, сносных и ремонтных работ в тех районах, которые, очевидно, были физически запущенными. По словам давних жителей Кракова, Краков переживает взрыв коммерческой и деловой активности. Магазины и рестораны возникли по всему городу, но особенно по направлению к самому желанному центру. Мой второй визит в Краков состоялся в связи с ежегодным собранием Польского института искусств и наук в Америке в Ягеллонском университете в июне 2000 года. На этот раз я осторожно вернулся

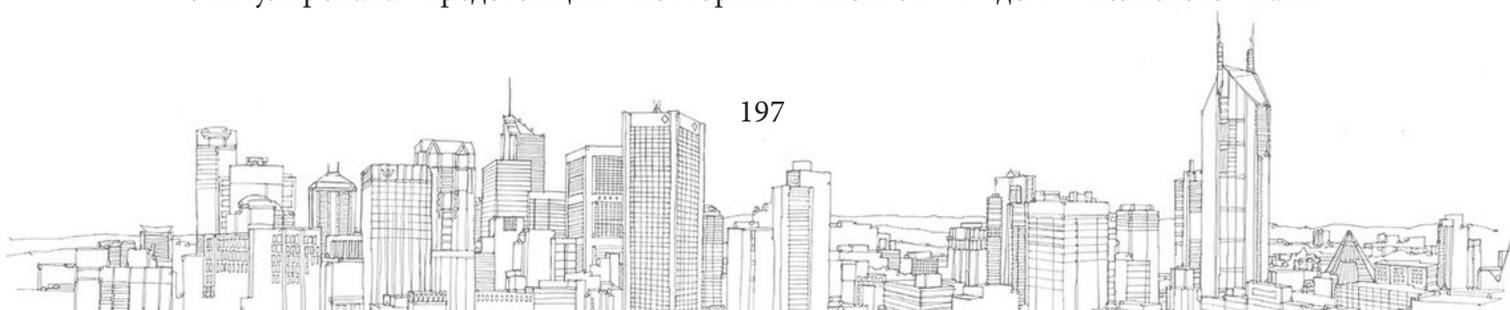

по своим следам и стал искать изменения во внешнем виде пространств и места, которые я сфотографировал в 1997 году. В поисках признаков джентрификации я сосредоточил наибольшее внимание на Старом Място и прилегающих жилых зонах Новы Свят, Пясек, Новы Виес и Казимеж. Новы Свят и Пясек прилегают к Старому Място вдоль его западной окраины и представляют собой густую смесь жилья, офисов и магазинов. Новы-Вис - это почти исключительно жилая часть города, расположенная недалеко от второго кольца города к северо-западу. Когда-то Казимеж был плотным смешанным жилым и коммерческим районом, который расположен к юго-востоку от исторического центра города.

Рисунок 7.6 Казимеж, Краков, Польша, 1997 г.

В то время джентрификация в Кракове также была непреднамеренно стимулирована предстоящим повторным визитом в дом «польского папы»

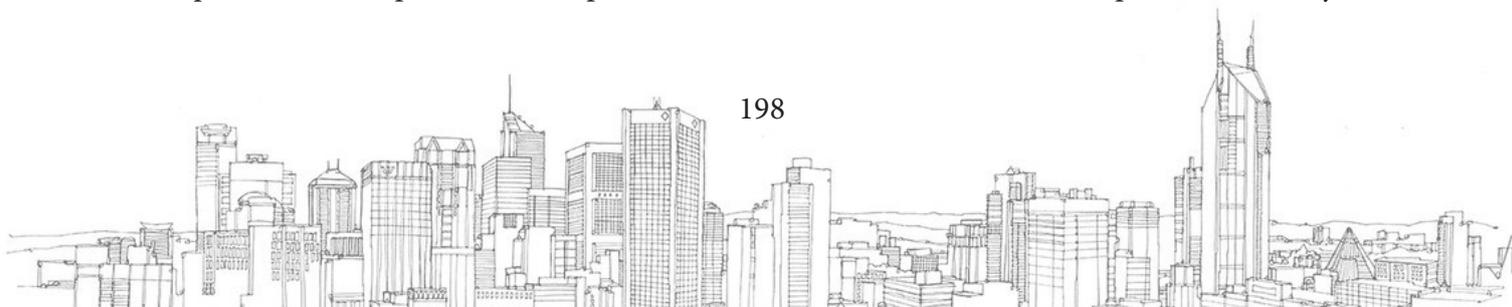
Иоанна Павла II, который был епископом Кракова и выпускником Ягеллонского университета. В ожидании огромных скоплений людей общественные лица муниципалитета были вымыты, а общественные улицы и транспортные системы были значительно улучшены. В результате соглашения с Европейской комиссией Польша также начала процесс сокращения использования мягкого угля для отопления и промышленности. Важным признаком улучшения была газификация отопления жилых домов. Переход от низкокачественных угольных печей также сделал воздух в городе более чистым, а пятна угольной пыли, которые когда-то отмечали тротуар перед каждым зданием и стены, на которые они иногда опирались, постепенно смывались.

Некоторые показатели растущего благосостояния могут помочь объяснить изменение внешнего вида и связанную с этим облагораживание города. По словам Новорола и Серафина:

Краков - историческая столица Польши и один из важнейших экономических центров страны. Как культурный и академический центр Краков уступает только Варшаве. Более 1,2 миллиона человек проживают в городских районах, из которых 740 000 (1996 г.) проживают в Кракове (включая временных жителей). Этот город единственный в своем роде - единственный крупный населенный пункт, не разрушенный во время Второй мировой войны. Посетители поражены тем, как история и традиции переплетаются с переходом к рыночной экономике и местной демократии, который происходит после краха коммунизма. Город с его давними традициями образования, торговли и культуры известен как столица южной Польши. (1997)

Они отметили рост частного сектора в сочетании с ростом располагаемого дохода, а также тенденцию к приватизации государственного или общественного сектора. Другими положительными экономическими признаками для города были то, что безработица в 1992–1995 годах была намного ниже, чем в среднем по стране. В Кракове потребительские расходы увеличились в связи с увеличением доступности товаров, а также утонченностью потребительских товаров. К 1996 году в Кракове насчитывалось 14 582 торговых точки, и почти все они находились в частной собственности. Это означало шестикратное увеличение количества магазинов с 1987 года. В качестве семиотики триумфа капитализма они отметили: «Например, компьютеры и сотовые телефоны стали не только инструментами, но и символами быстро приближающегося, ориентированного на потребление, высокого потребления мира технологий. Более того, растущая доступность ускоряет потребительские расходы». Кроме того, сообщалось, что «потребности города Кракова в жилье огромны: около 30 000 семей не имеют автономного жилья, а несколько тысяч семей живут в некачественном жилье».

Что касается официальных объяснений нехватки жилья в Кракове, Кен Копштейн сообщает, что при коммунистическом режиме жилье стало социальным правом, а не рыночным экономическим предприятием. Государство через государственную промышленность и крупные кооперативы стало поставщиком большей части жилья. К 1989 году государство контролировало около 60 процентов жилищного фонда. Люди продолжали строить дома, но за счет собственных средств. К концу

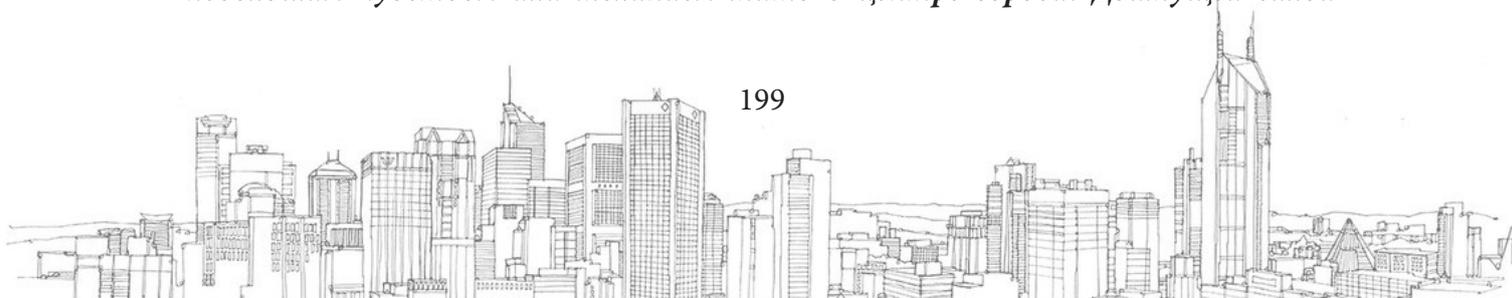
коммунистической эпохи около 40 процентов жилищного фонда находилось в частной собственности, большая часть которого находилась в сельской местности. Государство произвело 7 миллионов квартир в послевоенный период до 1989 года. Большая часть построенного государством жилья находилась в городских районах и характеризовалась низким качеством строительства и отсутствием технического обслуживания. Были неэффективные станции центрального отопления. Коммунальные предприятия контролировались государством и работали на внеэкономической основе. Жилье получало значительные субсидии, и жители привыкли платить намного меньше, чем возмещение затрат на жилье, намного меньше рыночной стоимости. Коммунистический режим произвел больше единиц жилья, чем было построено после переходного периода, благодаря существенным субсидиям, предоставленным сектору. Однако даже государственного строительства жилья было недостаточно для обеспечения того, что позже во время переходного периода было воспринято как достаточное количество единиц для растущего населения, что способствовало восприятию того, что существует значительный жилищный дефицит или «пробел» в нации (2000).

Агентство США по международному развитию представило следующий сценарий жилищных проблем Польши:

Польша вошла в 1990-е годы с жилищным фондом, значительно ниже европейских стандартов, к которому страна стремилась, и со снижающимися темпами производства жилья. В начале 1990-х годов на каждые 1000 человек приходилось 296 единиц жилья по сравнению с 334 на 1000 человек в Словакии, 397 в Чешской Республике, 383 в Венгрии и 481 в Западной Европе. Жилой фонд находился в плачевном состоянии ремонта: по общепринятой оценке 11,4 % фонда нуждались в немедленной замене, а 8 % нуждались в капитальном ремонте. Производство жилья упало со 150 000 единиц в 1989 г. до 62 000 единиц в 1996 г. (в 1997 и 1998 гг. Наблюдалось небольшое восстановление - хотя мы подозреваем, что фактическое завершение строительства значительно превышает официально сообщаемые цифры). Эти условия были следствием глубокой рецессии, отсутствия доступных ипотечных кредитов, отсутствия доверия к финансовому сектору, а также слабой правовой, институциональной и нормативной базы. (USAID 2000)

Людек Сикора внимательно следила за развитием джентрификации в посткоммунистических городах. Она отметила, что это не было основным фактором трансформации посткоммунистических городов, таких как Братислава, Словакия; Любляна, Словения; и Варшава, Польша. Однако это важно в отдельных городских районах Будапешта, Венгрия; Прага, Чешская Республика; и Таллинн, Эстония. Джентрификация происходит в основном в крупных экономических центрах из-за роли мировой экономики, а также нового, интернационализованного среднего класса, который она производит. Такие небольшие островки городских изменений были созданы в основном в результате коммерческого развития и смоделированы иностранными инвестициями.

Посткоммунистическая джентрификация не имела пионерской фазы с небольшим чувством или желанием жить в центре города. Движущей силой

этого процесса является утилитарный спрос на жилье в удобных и приятных местах, близких к местам работы профессиональной элиты. Что касается предложения, это бизнес в сфере недвижимости в определенной нише на рынках городского жилья. Пейзажи новой городской жизни артикулируются на сцене обновленных зданий, опустевших от прежнего содержания. Местные органы власти поддерживают эту социальную модернизацию. (2005, 105; см. Также Vodnar 2001).

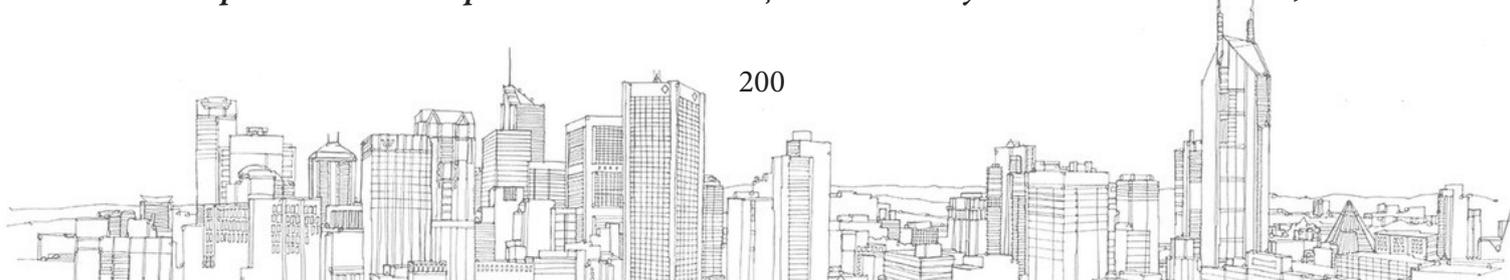
Хотя сельские жители каким-то образом строили собственное жилье, новая Польша не унаследовала институциональной инфраструктуры для строительства городского жилья. Не было такой профессии, как «разработчик». Единственной доступной формой жилищного финансирования был субсидируемый, но строго ограниченный кредит от Государственного сберегательного банка, РКО ВР. У местных властей было мало возможностей для содействия любой форме строительства частного жилья. У государственного сектора не было ресурсов для содержания или обновления жилищного фонда для домохозяйств с низкими доходами, но арендная плата за «социальное жилье» оставалась на неприемлемо низком уровне. Все эти проблемы были наследием централизованного планирования. В то же время распространено мнение, что жилье - это право, социальное благо, предоставляемое государством. (USAID 2002)

С точки зрения организаций арендаторов в Кракове «невидимая рука» была более безжалостной. Например, Зигмунт Р. Кич сообщил:

Ассоциация «Арендаторы в защиту закона» была основана в Кракове в конце 1999 года жителями «ничейных» многоквартирных домов, которые неожиданно перешли во владение кем-то, кто утверждал, что является преемником или полномочным представителем бывшего владельца. Как правило, такие дома сразу же продавались за небольшую часть их рыночной стоимости. Такая продажа - катастрофа для жителей. Здесь следует отметить, что люди в Польше были довольно привязаны к своим домам, в основном из-за упомянутого «особого режима аренды». Поэтому довольно часто арендатор остается в одной квартире на десятилетия. Во время такого длительного пребывания он вкладывает много труда и денег в обслуживание, ремонт и крупные инвестиции. Продажа обычно развязывает ад: домовладелец всеми силами пытается избавиться от жильцов, перекрывает подачу воды и газа, отключает электричество или делает другие подобные приятные вещи. Помимо того, что квартиросъемщикам рано или поздно придется лишиться доступа к квартире, их ждет выселение. (2000)

Район Казимежц в Кракове предлагает наиболее яркий пример визуальных семиотических изменений - от ужаса до шика (см. Рис. 7.7). В работе «Сцены из краковского кафе» Рут Эллен Грубер писала о ежегодном Фестивале еврейской культуры, на котором краковские и польские евреи празднуют прошлое и, возможно, будущее польской еврейской жизни, в основном с язычниками:

Солнечное утро в начале июля, и я завтракаю в открытом кафе в Казимеже, старом еврейском квартале Кракова. Я сижу в кафе на улице Зерока, главной площади Казимежа, и вокруг нее, почти 20 лет, наблюдая, как разворачиваются парадоксальные еврейские составляющие посткоммунистической Польши, и

сам Казимеж развивается из заброшенного района ветхих зданий, в некоторых из которых есть прорези на дверных косяках из пропавших мезузов - в одну из главных еврейских туристических достопримечательностей Европы, в модный город-бум с кафе в еврейском стиле, модными пабами, китчевыми сувенирами и ностальгическим шиком местечка...

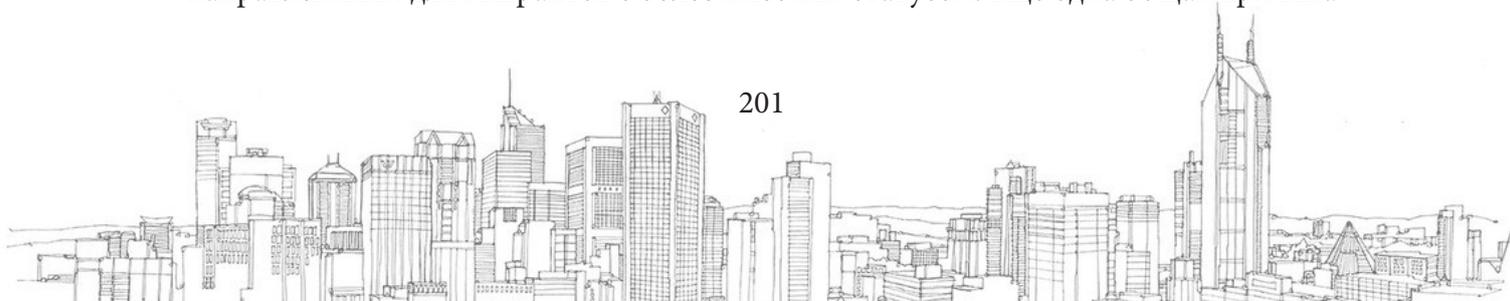

Рисунок 7.7 Казимеж, Краков, Польша, 2000 г.

Когда-то Казимеж был центром еврейской жизни и образования, но после Холокоста остался только его архитектурный скелет: 64000 евреев Кракова (среди трех миллионов из 3,5 миллиона евреев довоенной Польши) погибли, но семь синагог и несколько десятков бывших молитвенных домов, сохранились магазины, дома и кладбища. После войны, при коммунистах, Казимеж превратился в руины, и только в начале 1990-х район начал обретать новую жизнь. Еще до того, как Стивен Спилберг приехал сюда, чтобы снимать свой фильм 1993 года «Список Шиндлера», действие которого происходит во время войны в Краковском гетто и городском концентрационном лагере Плашов, Казимеж начал заново открывать для себя свою еврейскую душу. (2010)

Заключение

Если бы мы на мгновение приостановили наши идеологические наклонности, мы могли бы обнаружить некоторые серьезные исторические сходства между Гринпойнтом и Краковом. Во-первых, оба эти места сильно пострадали от физического ухудшения в 70-х и 80-х годах, но к началу века оказались желанными направлениями для мигрантов с более высоким статусом. Еще одна общая причина

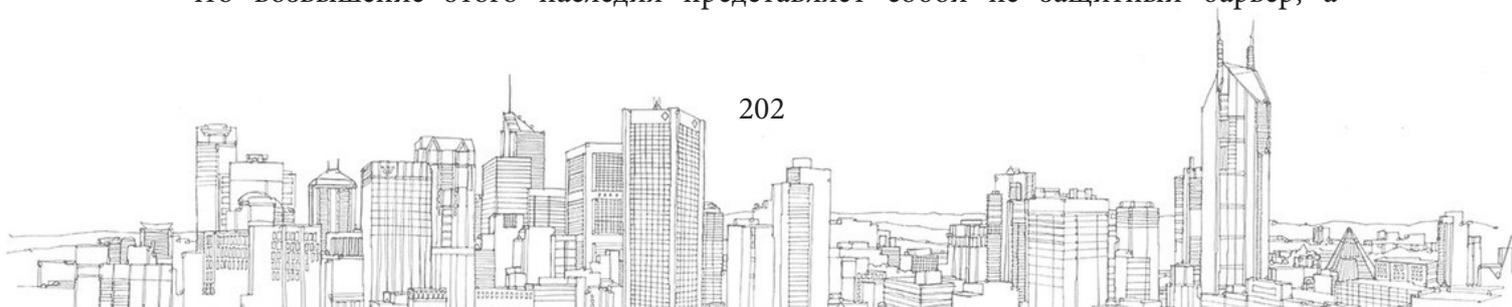

этих метаморфоз - это привлекательность для потенциальных джентрификаций, большинство из которых выходит за рамки данной статьи. Визуальные соблазны находятся в пределах нашей компетенции, например, то, что я назвал «убогим шиком» (Krase 1993) или патиной бедных и рабочих мест. В этих кварталах постройки отображают свою историю на своей поверхности, например, свидетельства промышленного или иного «захудалого» прошлого. Они действуют как магниты для молодежи, и особенно для творческих классов, и больше ориентированы на эстетику, чем на экономику ситуации, поскольку они предлагают эстетические соблазны потенциальным джентрификаторам.

Я также стремился привлечь внимание тех, кто интересуется джентрификацией, что эта визуальная и видимая эстетическая практика кажется почти повсеместной. Глядя на процесс, происходящий в пространствах, созданных единственной этнической группой в их новых принимающих и старых странах, мы можем увидеть вторжение и преемственность классов и стилей жизни как глобальный феномен. Этнические группы, как и районы, имеют свой «облик». Это позволяет выделить из ландшафта визуальные признаки джентрификации, некоторые из которых одновременно являются причинами и следствиями этого процесса.

Сохранение в некоторой степени постоянного этнического эстетического измерения также помогает нам увидеть, что является местным и/или этническим, а что очевидно международным, если не универсальной эстетикой джентрификации. В этой главе мы увидели через процессы миграции и иммиграции, как польская этническая принадлежность выражается в городских ландшафтах как в родной стране, так и за рубежом. В ходе параллельной дискуссии мы смогли наблюдать, как эти сначала «этнизированные» пространства впоследствии трансформировались посредством очевидно глобального процесса вторичной колонизации в форме джентрификации. Таким образом, джентрификация во многих смыслах угрожает коренным жителям подобных мест. Этнически польские анклав, дома и за рубежом, находятся под угрозой как в социальном, так и в визуальном плане, поскольку они объединены и перестроены из «вкуса необходимости», пусть даже «вкуса роскоши», который джентрификация направила на эти пространства. Разницу между ними можно увидеть в «наивных», а не в «элегантных» витринах краковских магазинов (см. Рис. 7.8 и 7.9). По иронии судьбы, глобальные процессы миграции населения в более ранних волнах могли как предотвратить, так и облегчить последующую повторную колонизацию посредством таких процессов, как джентрификация.

Международная познавательная география многих путешественников часто связана с недавно появившимися «респектабельными» районами центрального города, где теперь можно испытать удивление цивилизованных пространств. Эти некогда раскритикованные, а теперь одомашненные районы можно найти в Варшаве, Глазго, Барселоне или Праге, где они выглядят как успешные воспроизводимые модели экономического развития, основанные на чистых, предсказуемых и социально респектабельных пространствах. Национальное культурное наследие часто играет важную роль в уникальном облике этих мест. На другом конце света Венди Шоу посмотрела на исторические пейзажи в центре глобального мегаполиса Сиднея, где прославляется история белого поселения. Она утверждала, что возвышение этого наследия представляет собой не защитный барьер, а

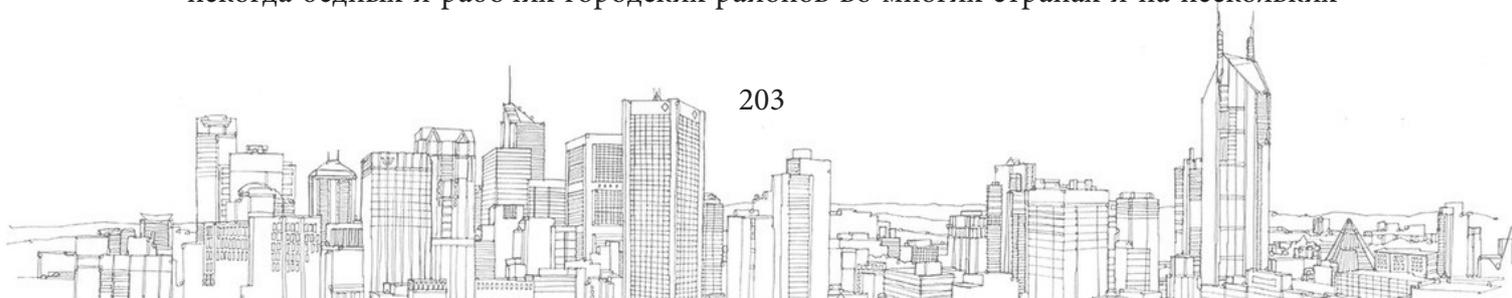
символическую противоположность обозначенному аборигенами месту, которое таится поблизости, известному как «Блок» (жилищный массив):

В районах, окружающих Блок, создаются образы прошлого, чтобы закрепить определенные права на размещение. Вне некоторой степени противоречивым образом они также представляют себе побег для аспектов повседневной жизни этого места. Такие побег осуществляются путем обращения к романтизированному и избранному прошлому и путем защиты этих воспоминаний. Для тех, кто живет в лофт-квартирах в нью-йоркском стиле, более суровые реалии «улицы» могут быть удалены с помощью нового городского образа жизни (Shaw 2001). Обе стратегии бегства порождают безразличие к «здесь и сейчас» через отрицание или исключение прошлого, которое способствовало текущим условиям, особенно с расширяющимся разрывом неравенства, ежедневно проявляемым присутствием сообщества Блока. Отрицая встречи с коренными народами, мы отрицаем нынешнюю местную обездоленность и бедность. (2005, 69–70)

Рисунок 7.8 Наивная витрина магазина, Краков, Польша, 1997 г.

Короче говоря, как убедительно продемонстрировали Роулэнд Аткинсон и Гэри Бриджес, джентрификация не ограничивается англосаксонским миром, но должна рассматриваться в его уже установленном глобальном контексте (2005). Как здесь утверждается, этот мощный международный процесс также связан с этническими и эстетическими практиками. Не только местные жители и предприятия перемещаются, но также скрываются или удаляются символические изображения людей и их деятельности. Я наблюдал и фотографировал процесс джентрификации некогда бедных и рабочих городских районов во многих странах и на нескольких

континентах. Как визуального исследователя меня поразило сходство в том, как облагороженное пространство и место выглядят. Что эти визуальные образы говорят нам о джентрификации? Мне кажется, что общие образы / эстетика свидетельствуют о некоем сетевом процессе: когда видишь, что он повторяется в столь разных местах, как турецкий Крюйцберг в Берлине и малайский Бо Капп в Кейптауне, чувствуется, что должно быть общее происхождение или субстанция процесса, которая во многих отношениях более ощутима, чем его очертание с помощью теории или эмпирических измерений.

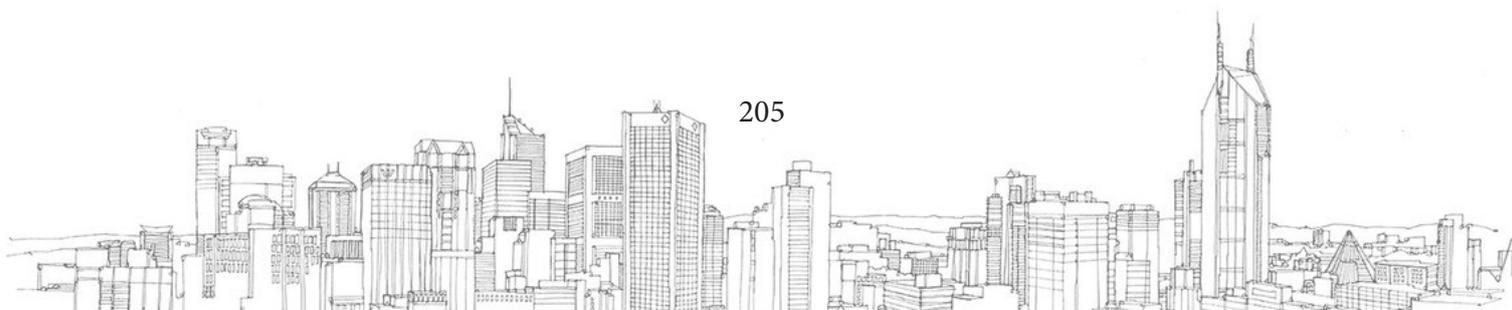
Рисунок 7.9 Элегантное окно, Краков, Польша, 2000 г.

Позвольте мне поразмышлять о значении этой работы для джентрификации в глобальном контексте. Кто-то может возразить, как мне предлагали, что сходство этих измененных ландшафтов подразумевает, что одни и те же силы могут руководить джентрификацией. В некоторых случаях также присваиваются этнические образы и обычаи бедноты и рабочего класса. Жилая архитектура в районах проживания рабочего класса сохранилась, в отличие от тех же построек в зонах крайней бедности, где здания были снесены или сожжены дотла, не оставив ничего, что можно «восстановить». Как я писал о сохранении квартала и связанных с ним проблемах в 1970-х, во многих других случаях удаление было намного более жестоким и сродни рубящим ударам. Это приводит к уничтожению бедных и рабочих сообществ, когда принимаются решения «обновить» городской ландшафт (Krase 1982). В связи с этим также была очевидная потребность в создании безопасных, но «привлекательных» зон в центральных городах, и экспроприация этнических и других интересных пространств может облегчить эту реконструкцию. Такие пространства могут стать тем, что я в другом месте назвал «этническими тематическими парками», которые, в своей крайности, представляют собой своего рода диорамы.

Сноски:

1 - <http://whc.unesco.org/en/list/29>.

Глава 8

Видеть сообщества в мультикультурном обществе

Введение

В этой заключительной главе делается попытка более тесно связать две важные и взаимосвязанные концепции: сообщество и мультикультурализм. Они имеют ключевое значение для понимания многих изменений, происходящих в городах сегодня. Всеначинается с размышлений об этнических и классовых уличных действиях сообщества в Соединенных Штатах и исследуется, как они могут быть переданы на международном уровне. Затем акцент смещается на связанную с этим концепцию мультикультурализма, в которой уличные сцены будут еще более глобальными. Великолепная демонстрация расового, религиозного, этнического и прочего образа жизни, такого как гей и лесбиянка, представлена на улицах глобальных городов. Однако разнообразие, похоже, делает возможность существования сообщества проблематичной. Как в своей диссертации, так и в своей деятельности я обращался к этой проблеме разными способами. Мое первое городское этнографическое исследование показало, что обычные люди, в отличие от социологов, думают о сообществе как о моральном состоянии реальных мест, а не как об объективной теоретической концепции. Например, люди смотрят на местную сцену и решают, является это сообществом или нет. Меня интересовало, что они видят или не видят, равно как и последствия их социальных построений. Есть много факторов, которые могут изменить впечатление от сцены и, следовательно, возможность признания сообщества наблюдателем. Как и везде, в американском обществе раса, этническая принадлежность и класс являются основными переменными и случайными препятствиями на пути признания общности. Исторически сложилось так, что афроамериканцам было труднее всего убедить публику в достоверности своих презентаций в сообществе. Варианты этой проблемы сохраняются и для недавних иммигрантов из стран, чьи видимые проявления общественной культуры конфликтуют с доминирующей англо-американской моделью.

Сообщество представлено, повторно-представлено и репрезентовано. Под «представленным» я имею в виду способы, которыми обычные люди показывают себя друг другу в ходе своей повседневной жизни, прямо или косвенно наблюдаемые посторонними. В этом отношении полезно понятие Пьера Бурдьё о «габитусе» или практиках, которые в данном случае порождают видимые «закономерности» (1977, 72–95). Иногда эти выступления или видимые практики называют «подлинным» сообществом. Хотя наблюдатели чувствуют себя вправе судить о подлинности чьих-либо действий, я считаю, что подлинность - это результат действия, которым обладают все люди. Как мы видели в этой книге, журналисты, социологи, писатели и художники наблюдают за сообществом и «повторно представляют» его в различных формах. В известном смысле это экспроприация, которую, как мы видели, также можно превратить в товар. Типичные примеры - газетные статьи, исследования районов, романы и фотографии. Когда эти «повторные представления» становятся принятыми, стандартизированными, возможно, даже превращенными в товар, то создается «репрезентация» или, в некоторых случаях, негативный стереотип.

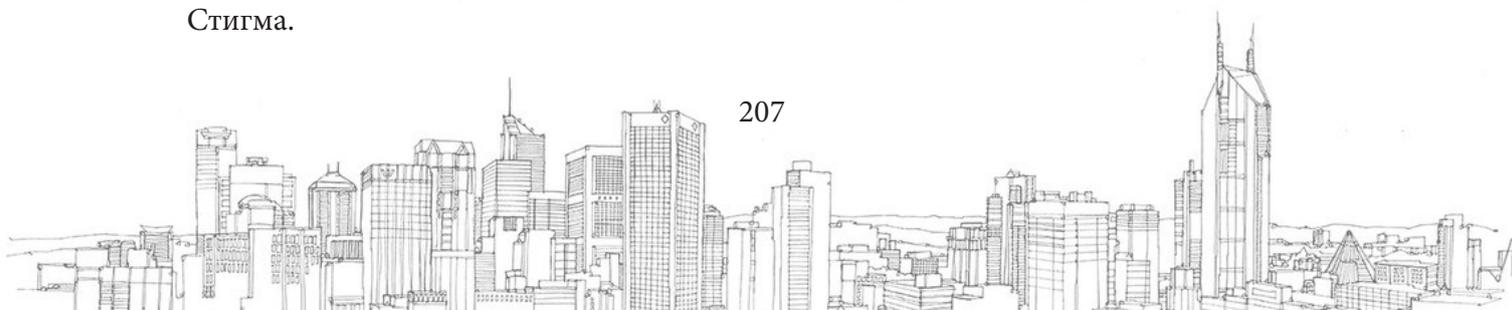
Кажется, что у всех народов есть своя собственная историческая модель или миф сообщества и представления о том, кто в нее «вписывается». В Соединенных Штатах модели сообществ имеют то же происхождение, что и американские народные ландшафты, широко обсуждаемые в предыдущих главах, - конструкции белой англосаксонской Америки до Великой иммиграции 1880–1920 годов. Эта виртуальная модель также связана с представлениями о «плавильном котле», в который, как ожидается, погрузятся различные культурные группы. Я не предлагаю наивную икону сообщества, которую критиковал архитектурный критик Деян Суджич: «Самый заветный из современных мифов - это повторяющаяся мечта сообщества. Наполовину розоватый Фрэнк Капра, наполовину паспорт в Пимлико, это фантастика, в которой прославляется магазин на углу, заимствование чашки сахара у соседей и все те другие безупречные пригородные добродетели, от материнства до яблочного пирога» (Sudjic 1992, 304). Вместо этого я обсуждаю одну конкретную версию идеального американского сообщества и проблемы, которые могут возникнуть у некоторых групп при ее драматургическом воспроизведении перед скептически настроенной аудиторией. К сожалению, когда группы не могут успешно работать в сообществе, они фактически подвергаются стигматизации и могут понести существенные социальные, политические и экономические санкции за свою очевидную моральную несостоятельность (1977, 1979). Я считаю, что эта проблема создания сообщества различными группами меньшинств в Соединенных Штатах не менее актуальна и в других странах.

Модели сообщества

Моя диссертация «Представление сообщества в городском обществе» определила сообщество как возможную социальную реальность, которая может быть подтверждена посредством наблюдения и интерпретации символических сигналов. Это было этнографическое, а также теоретическое исследование афроамериканского «внутреннего города» района в Бруклине в 1960-х и 1970-х годах. Рассказы местных жителей, которые делали и воспринимали сообщество, были проанализированы в отношении концептуальных категорий, разработанных в ходе проекта. Таким образом сообщество превратилось из эмпирического объекта в феноменологическую возможность, которую можно было разыграть или реализовать (1973, 48–9).

«Новые концептуальные категории сообщества добрососедства» были:

1. Условия единения; консенсус, солидарность и согласие.
2. Физические и социальные границы. Поиск сообщества.
3. Качество социальных отношений; дружелюбие, тепло, помощь, забота друг о друге. Бдительность.
4. Качество размера. О том, что он маленький. Восприятие размера.
5. Угнетение и уязвимость. Необходимость общественного угнетения. Преимущество уязвимости. «Они» и «Мы».
6. Уникальность местности. Физическая культура. Социальная история. Бытие особенным.
7. Желание быть узнаваемым. Сообщество и кварталы как моральная проблема. Стигма.

8. Влияние моделей личного сообщества в качестве руководства для нынешней и будущей деятельности, а также в качестве источника суждений.

9. Важность внешнего вида. О чистоте и красоте. Демонстрирует классные, подробные визуальные и чувственные подсказки.

10. Проблема организаторских способностей. Воспринимаемая потребность в организации. О внешнем виде и бытие слишком организованным. (1973, 325–6).

Для целей этой книги важнее всего внешний вид. Другой важный аспект сообщества - это внешность, наделенная моральными или нормативными качествами.

Некоторые из упрощенных, но работающих предположений могут быть сформулированы как отношения, такие как: физический порядок – моральный порядок; чистота - благочестие; и хороший вкус - хорошее воспитание. Я не собираюсь здесь критиковать такие понятия, поскольку они выходят за рамки объективной критики, когда являются частью случайной связи, основанной на здравом смысле, мнений и интерпретаций сообщества. Это очевидно социальные данности, которые воспринимаются здравомыслящими членами как действительные и, следовательно, реальные в их субъективном опыте. Похоже, что члены сообщества и активисты чрезмерно озабочены тем, чтобы быть чистыми и красивыми. Связь идеальной версии американского сообщества с достоинствами и сопутствующими товарами среднего класса проявляется в отображении класса через визуальные и другие чувственные подсказки. Сообщество - это не только этика, но и моральная эстетика. Предполагается, что ценность сообщества отражается, или, возможно, исходит от местных проявлений. Фактически, экскурсию по окрестностям лучше всего проводить в теплый солнечный день (Krase 1973, 368).

В наиболее полезных терминах Эрвинга Гоффмана (1959), возможно, из-за того, что трудно управлять впечатлениями, чтобы уверенно создать ауру сообщества, местные жители пытаются «создать» видимость сообщества, сажая цветы и деревья, или иным образом участвуя в мероприятиях по благоустройству. Такие усилия не следует недооценивать, поскольку это визуальные подсказки о социальном и экономическом облике района. Чистые и ухоженные уличные пейзажи воспринимаются как показатель довольной жизни среднего класса. Сохранение приличия, в свою очередь, становится моральным обязательством со стороны членов группы помогать не отставать. Даже без тесного контакта с соседями нормативные аспекты облика соседства наглядно передаются тем, кто нарушает правила. Как выглядит «хорошее» сообщество? Как сообщество выглядит как спектакль? Кого следует включить или исключить из картины?

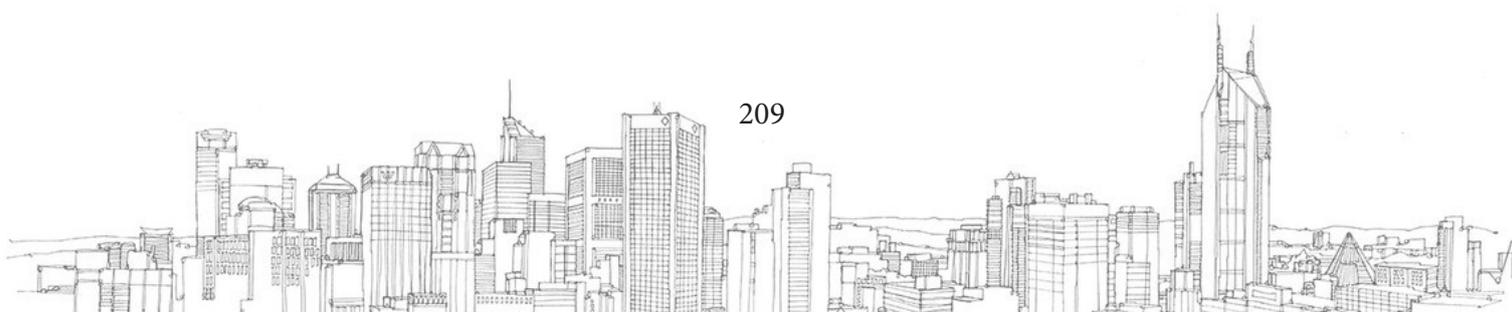
В Проспекте Lefferts-Gardens (PLG – жилой район в Бруклине) мои усилия по организации сообщества были направлены на улучшение местных результатов, чтобы оправдать ожидания ключевых аудиторий, таких как банки, страховые компании, полиция, санитария и другие государственные органы. Успешные выступления помогли в постоянной борьбе с «красной полосой» страхования и ипотеки, а также с безразличными городскими службами. Я прошу читателя подумать, почему так сложно увидеть «сообщество» на следующем изображении проспекта, взятом из всеобъемлющего архитектурного обзора 1973 года (см. Рис. 8.1). Проблема признания чернокожих жителей проспекта отличается от жителей фавел в Рио-де-Жанейро и неформальных городков в Кейптауне, Южная Африка,

где признание идеальной общественной жизни также проблематично (см. Рис. 8.2). И в фавелах, и в поселках для посторонних, визуальный «беспорядок» имеет решающее значение, в то время как для черных в визуально «упорядоченных» проспектах - это раса. Другие неформальные поселения, такие как поселения Ромов и бездомных, страдают схожими проблемами с распознаванием.

Рис. 8.1. Проспект Леффертс Гарденс, Бруклин, Нью-Йорк, США, 1973.

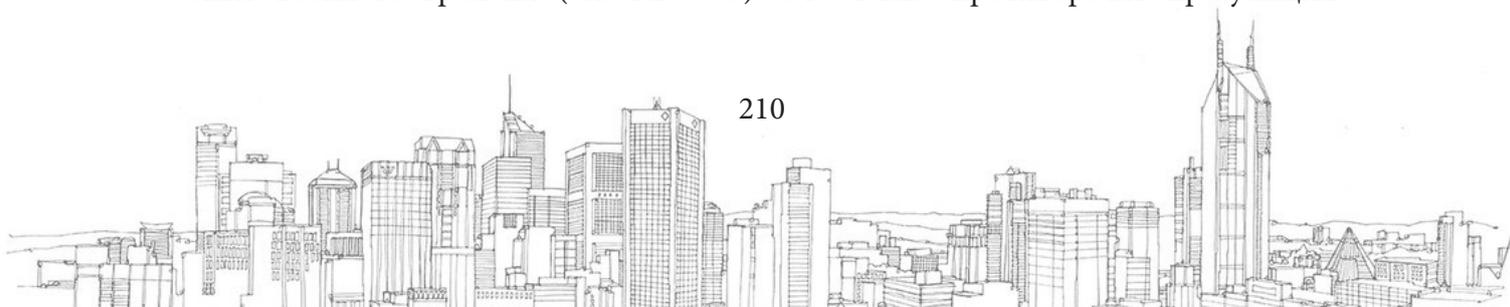
Себастьян де Грация непреднамеренно увидел визуальную связь с идеальным сообществом в усилиях нацистов по воссозданию Gemeinschaft (сообщества) и чистоту драгоценного прошлого нации в стилях строительства «homier» (напоминающих родной дом). Английский эксперт по архитектуре Джон Глоаг, совершавший поездку по Германии в 1938 году, сообщил:

«Мы не хотим экспериментов со структурой или материалами», - сказали нам. Жилищные службы точно знают, в каком жилье нуждается семья; они предпочитают использовать традиционные материалы и методы строительства; они хотят создать комфортные условия для традиционной семейной жизни. (никаких экспериментов в этом направлении тоже не требуется...) Не может быть компромисса между экспериментальным взглядом модернистов и детерминизмом национал-социализма, чтобы создать семью со всеми ее священными традиционными составляющими в плодородии и вечности... Немецкие жилищные чиновники поставили на первое место в списке: люди ненавидят плоскую крышу... И повсюду - вокруг Берлина, около крупных промышленных городов, за пределами Мюнхена, Нюрнберга, Франкфурта и Кёльна - вы видите как отражение этих домашних идей маленькое жилище с теплой крышей, которое является остановкой landflucht (нем. - бегство из деревни), распространения удовольствия и сдерживания роста нетрадиционных идей. (De Grazia 1948, 179-80, Gloag 1939, 55-62)

Рисунок 8.2 Неформальный городок, Кейптаун, Южная Африка, 2000 г.

Как ни странно, приятные уличные пейзажи Герцберга в Германии маскируют опыт военного времени (см. Рис. 8.3). Это также противоречит презумпции

универсальной морали Gemeinschaft (сообщества), поскольку она создавала фон для неопишумых ужасов.

На восточной окраине Херсбрука, у дороги на Нюрнберг, находился концентрационный лагерь Херсбрук. Это лагерь Флоссенбюрга, в его двадцати бараках теснились почти 6000 заключенных. Они были разделены на три смены для круглосуточной работы, рытья туннелей для подземного оружейного завода в горах на окраине Хаппурга. Хотя смены иногда возили поездом, чаще они маршировали под охраной СС, иногда с собаками, на работу и с работы в своей «зебровой униформе» и сабо через жилые улицы Херсбрука и весь Хаппург. Geisterzug (нем. - процессии призраков) - это то, что местные жители называли этими формированиями заключенных, ходившими по улицам шесть раз в день и ночь (Luchterhand 1982, 255).

Мой покойный коллега Элмер Лухтерханд (1911–1996) служил в армии США в Германии (1943–1946) и сказал мне, что то, что он там увидел, заставило его попытаться понять, как люди могут отрицать «знание» того, что они могут «видеть», что происходит вокруг них. Этот опыт также побудил его изучить аналогичные проблемы расы в Америке. В 2001 году я проследил и сфотографировал маршрут Гейстерцуга, из которого сделано изображение 8.3.

Ясно, что расизм, антисемитизм и другие столь же пагубные явления могут препятствовать признанию сообщества, поскольку каждая воображаемая нация, кажется, имеет свою собственную версию нетерпимости. Чтобы понять силу визуального восприятия в жизни американского мультикультурного сообщества, необходимо хотя бы вскользь упомянуть мощное заявление Ральфа Эллисона о расе:

Я человек-невидимка. Нет, я не привидение, как те, кто преследовал Эдгара Аллана По; и я не одна из ваших эктоплазм из голливудских фильмов. Я человек материальный, из плоти и костей, клетчатки и жидкостей - и можно даже сказать, что у меня есть разум. Я невидим, понимаете, просто потому, что люди отказываются меня видеть. Подобно бестелесным головам, которые вы иногда видите в цирковых представлениях, я словно окружен зеркалами из твердого искажающего стекла. Когда они подходят ко мне, они видят только мое окружение, себя или вымыслы своего воображения - действительно, все и ничего, кроме меня. (1952, 1)

Обучение тому, как видеть сообщество

На протяжении десятилетий я использовал визуальный этнографический подход в преподавании всех предметов (2010, 2002). В выпускном курсе «Социология городского сообщества» для учителей города Нью-Йорка цели включают навыки визуальной грамотности, которые можно передать ученикам из подготовительного класса в среднюю школу (K-12). Поэтому учебные упражнения максимально свободны от жаргона. Например, предлагаемое определение жилого сообщества: «та социальная организация, которая возникает из-за того, что люди разделяют жилое пространство». Студенты наблюдают одно «современное» и одно «традиционное» городское сообщество. До 2001 года класс посещал Всемирный финансовый центр и соседний жилой комплекс Battery Park City на Манхэттене, чтобы увидеть современный район, и выбирали свой собственный традиционный пример. Есть чтения, лекции и

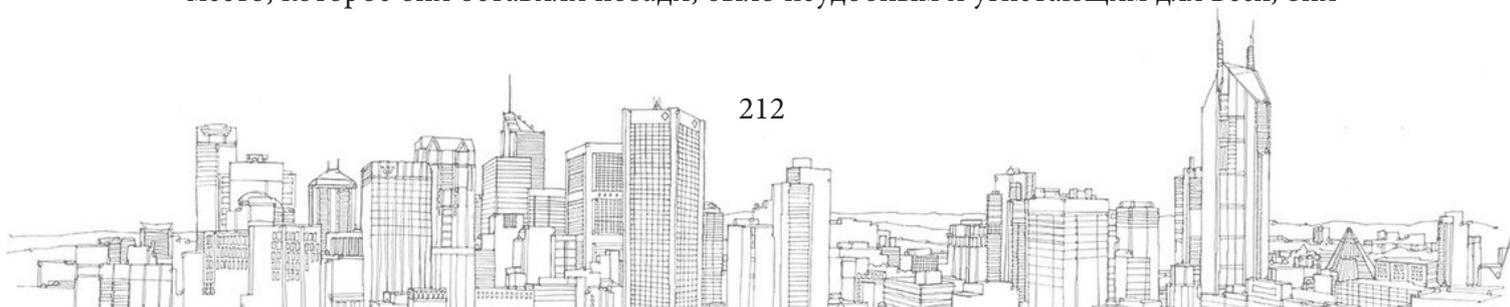
дискуссии о том, как другие описывают и теоретизируют о городских сообществах. Однако визуальная работа требует других навыков и чувствительности, поэтому перед работой на местах проводится большая визуальная подготовка.

Рисунок 8.3 Херсбрук, Германия, 2001 г.

Одно из упражнений - прочитать миф об Орфее и затем посмотреть фильм «Черный Орфей» (1959) режиссера Марселя Камю. После просмотра фильма учеников просят прокомментировать, как режиссер визуально созерцал миф. Актеры говорят на португальском (с английскими субтитрами), а действие происходит в фавелах и центре Рио-де-Жанейро во время Карнавала. Это увеличивает важность декодирования визуальных знаков для понимания кинематографических аналогий и метафор, используемых для противопоставления «хорошего традиционного сообщества» и «злого современного городского сообщества». В другом упражнении наглядного обучения учащиеся показывают короткие отрывки о том, как «сообщество» выражается в просмотренных ими фильмах. Он производит отрывки из сцен из фильмов, от «Крестного отца» Марио Пьюзо (1972) до мультфильма «Красавица и чудовище» (1991), созданного Диснеем.

В другом классе ученики исследуют изображения иммигрантов в кино. Поскольку большинство моих студентов либо сами иммигранты, либо дети иммигрантов, они легко понимают, как эти изображения отражают национальные мифы такие как приветливая «Золотая дверь». Индивидуальные задания объединены в тему «Как выглядят иммигранты?» совместный проект, в ходе которого они собирают стереотипные изображения. Одна группа в 2008 году обнаружила: «Все персонажи пришли с надеждой на лучшую жизнь и больше возможностей в Америке; То место, которое они оставили позади, было неудобным и угнетающим для всех; они

обнаружили, что «сделать это» в их новом мире было не так просто; у них были проблемы с людьми; и здесь было много нового для них в новом мире, которому они должны были научиться» (Krase 2010, 99). Общими темами для всего класса были: «Возможности; Борьба в Америке; Отрицательные реакции; Бедность и угнетение дома; Привлечение современной страны; и давление с целью ассимиляции» (там же, 101).

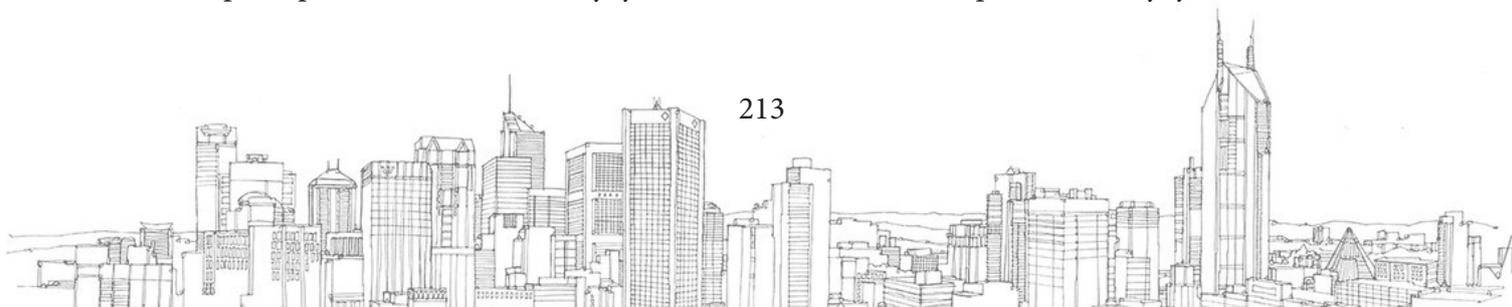
Этническое картирование - еще один ценный визуальный обучающий проект. На моих семинарах «Исследование этнической принадлежности и соседства» выбираются районы, в которых официальные границы и границы местных жителей частично совпадают. Например, район Нью-Йорка 7 (CD 7),

расположен в западной части Бруклина, представляет собой смешанный жилой, промышленный и коммерческий район. Район, где проживает этнически и экономически интегрированное население, состоит из двух сообществ: Сансет-Парк и Виндзор-Террас... Чуть более 50% населения Совета сообщества Семь - латиноамериканцы. Коренное население Пуэрто-Рико в настоящее время пополнилось большим количеством колумбийцев, мексиканцев, доминиканцев и эквадорцев. Остается большая часть европейского населения, состоящая из поляков, итальянцев, ирландцев, финнов и скандинавов, и мы начинаем видеть небольшие группы арабов и иммигрантов из стран бывшего Советского Союза. Китайцы являются наиболее быстрорастущим населением в области рекламных щитов. (NYC DCP 1999, 135-6).

Есть визуальные измерения почти каждого социального процесса, и процесс адаптации иммигрантов или джентрификации отражается в народных ландшафтах. Обычные люди не думают, что находятся в определенном районе, потому что читают данные переписи. Для них это просто «похоже». Картируя видимые этнические признаки в чрезвычайно разнообразном и быстро меняющемся Сансет-парке, учащиеся видят, как материальные культуры отражают и формируют городскую форму. Они наблюдают и документируют, как искусственная среда изменяется или сохраняется, отражая культурную самобытность. Благодаря картированию они также понимают, как местные ландшафты взаимодействуют с другими районами и городом в целом. Эти упражнения применимы как в Бруклине, так и в других глобальных или глобализирующихся городах.

В 2003 году студенты исследовали сегмент CD 7, который был разделен пополам основной рекламной полосой. Они сообщили, что его южный конец был виртуальным китайским кварталом, но, когда они шли на север, проспект выглядел менее китайским и более латиноамериканским. Для них проще всего было использовать языки рекламных вывесок. Одежда, речь и физические особенности местных жителей также коррелировали с оформлением витрины и предлагаемыми продуктами и услугами. На юге повсеместно использовались красно-золотые цвета «удачи» Китая. По пути они увидели несколько других азиатских языковых сценариев, таких как индонезийско-малазийский, арабский, пакистано-бенгальский и корейский.

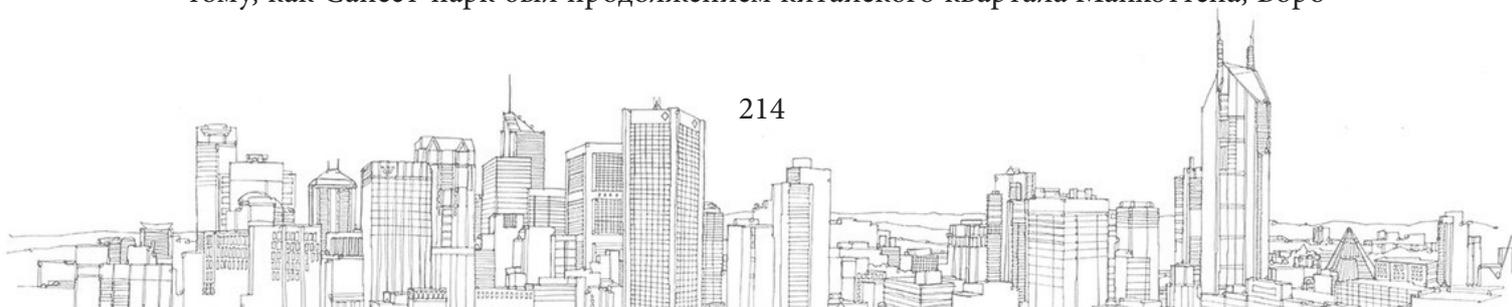
Также на южном конце, казалось бы, неуместно, находился «турецкий» рынок Биркал, рядом с магазином «мусульманской» одежды, Американской мусульманской

ассоциацией и мечетью. Пища и продукты, предлагаемые на рынке Биркал, в том числе мясо «халяль», были явно предназначены для азиатов, не являющихся китайцами, европейцев и жителей Ближнего Востока. За углом от рынка студенты заметили небольшую группу женщин в исламской одежде (длинные халаты и головные уборы), наблюдающих за маленькими детьми, играющими в замкнутом пространстве. В то время как в китайском квартале женщины в похожей одежде очень «заметны», недалеко от большого бангладешско-пакистанского анклава они сливаются с ландшафтом. Что касается следов прошлых этнических групп, студенты увидели алтарь Святого Антония на тротуаре перед одним домом, в котором предположительно жили итальянцы, и на той же улице другие средиземноморские признаки, такие как фиговые деревья и виноградные лозы.

Визуальный континуум азиатско-латиноамериканского происхождения предлагал и другие интересные визуальные остановки по пути. Несколько десятилетий назад эта часть Сансет-парка была скандинавским (норвежским) районом, который местные жители называли бульваром Лапскаус (норвежское тушеное мясо из говядины). Вивиан Ольборг Уорли изучила этнический палимпсест, стирающий признаки двухвекового норвежского языка. Она просмотрела фотоархивы, чтобы сопоставить норвежско-американскую рекламу магазинов с картами улиц того места, где сейчас находится китайский квартал, за восемьдесят лет. Объединив исторические и современные источники, она показала, как уникальное культурное наследие поселения было разделено с новыми группами, но в конечном итоге исчезло из поля зрения (2007). Одна этническая окаменелость - это небольшой магазинчик с надписью *Lute Fisk* на витрине (см. Рис. 1.1). Я объяснил своим ученикам, что лютня фиск - это блюдо, которое подают особенно во время рождественских каникул, которое готовят из соленой сушеной трески. Другими признаками этой старшей этнической группы являются протестантские (лютеранские) церкви по соседству, которые теперь на китайском языке или на испанском языке объявляют религиозные и другие службы. Студенты также обнаружили несколько скандинавских имен, таких как «Ларсен», на фасадах аккуратно ухоженных домов на одну семью в переулках.

На полпути между концентрацией китайцев и латиноамериканцев студенты снова были удивлены другой мечетью, оформленной в зелено-белых тонах ислама. Рядом было несколько магазинов с надписью на арабском языке, рекламирующей мясо халяль. Еще более загадочным было появление *Polski Delikatessi* (Польские деликатесы), оформленного в красных и белых тонах, и двух магазинов: *Odzież na Waga*, где продается подержанная одежда, и *Frysjer* (парикмахерская). Эти предприятия обслуживают польских домашних работников, нанятых ортодоксальными еврейскими семьями, живущими в нескольких кварталах от Боро-парка. Что касается объяснения присутствия мусульман, то можно только предполагать, что они, как и поляки, нашли нишу в жилом районе, за которым борются гораздо более крупные и постоянно растущие анклавы китайцев, латиноамериканцев и ортодоксальных евреев. Следует отметить, что к 2011 году численность ортодоксального еврейского населения значительно увеличилась и вырвалась наружу из своего демографического и коммерческого центра на 13-й авеню в Боро-парке. Как и в случае с населением Китая, линии метро сыграли важную роль в развитии городского парка. Подобно тому, как Сансет-парк был продолжением китайского квартала Манхэттена, Боро-

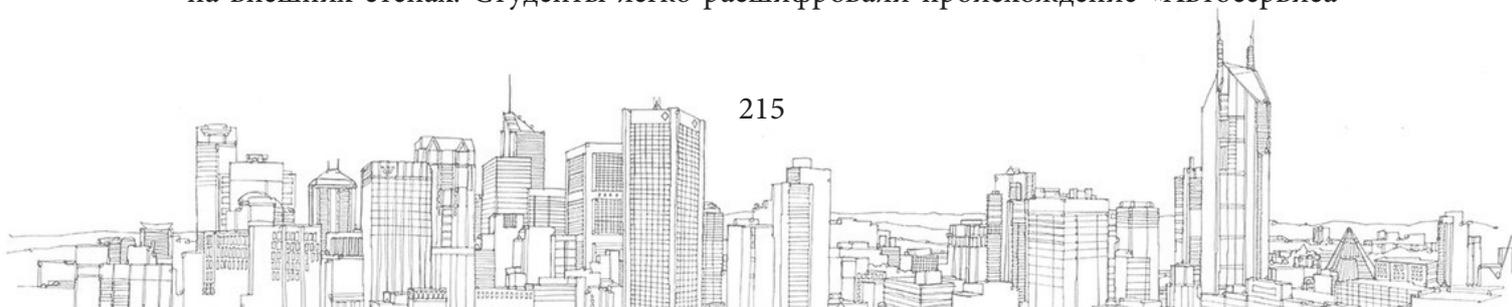
парк был связан с легендарной еврейской общиной Нижнего Ист-Сайда.

Задолго до публикации результатов переписи 2010 года мои ученики читали об этнической преемственности по распространению иврита на вывесках магазинов, «Звезды Давида», иешивы, синагоги, шулы и миквы. Они видели строго обособленные группы мужчин и женщин, парики или покрытые головы и длинные платья женщин, а также бородатых мужчин в черных шляпах, костюмах, белых рубашках без галстуков. Им гораздо труднее было понять, что мезузы прикрепляли к дверным проемам, а сукки строили на балконах квартир или во дворах. Мезузы - это заключенные в футляры отрывки Священного Писания, а сукки - это места для еды на открытом воздухе, используемые во время определенных религиозных фестивалей, и их можно найти в ортодоксальных еврейских районах во многих городах по всему миру. Как и знаки «Кошерная», они являются универсальными этническими маркерами.

Люди часто говорят о латиноамериканских кварталах, как если бы они были этнически однородными, но очевидные и тонкие признаки свидетельствуют о разнообразии латиноамериканцев в Сансет-парке. Кажется, что их всех объединяет сильно стилизованное граффити и красочные фрески, некоторые из которых посвящены трагической гибели местной молодежи. Наблюдатели могут увидеть пуэрториканские флаги, нарисованные на фресках, висящих на окнах квартир или во дворах. Такие выражения этнической гордости часто символически выражают протест против «вторжений» мексиканцев или посягательств азиатов и евреев.

Точно так же, как можно предупредить, что «не все» европейцы или азиаты похожи друг на друга, латиноамериканцы, ведущие свое происхождение от Пуэрто-Рико, Доминиканской Республики, Мексики и Центральной Америки, демонстрируют видимое физиономическое разнообразие. Кроме того, по крайней мере до тех пор, пока они не усвоят американский стиль, они еще и одеваются по-другому. Одним из примеров является «западная» одежда многих мексиканских мужчин: то, что мои студенты обычно называют «ковбойскими» шляпами и сапогами. Самые недавние иммигранты из таких мест, как Гватемала и Гондурас, также заметны, потому что они продолжают носить части своих красочных национальных костюмов. Этот переход от «иностранного» к американскому дресс-коду, кажется, актуален для всех иммигрантов Сансет-парка. Молодые мужчины из всех групп с наибольшей вероятностью и быстрее всего оденутся как подростки американского происхождения.

Что касается местных продуктовых магазинов или винных погребов, обслуживающих латиноамериканцев, то, если сообщения «Здесь говорят по-испански» (*en español*) не являются достаточными подсказками, на видном месте размещаются другие продукты, рекламирующие тропические продукты, доминиканцы или мексиканцы, а также национальные символы, такие как флаги или патриотические цветочные решения. Но здесь следует проявлять осторожность. Например, и не зря, студенты часто ошибочно воспринимают мексиканские красные, зеленые и белые триколоры как «итальянский» этнический маркер. Более определенные мексиканские иконы - это иллюстрации Богородицы Гваделупской (*Vergine de Guadalupe*) в окнах домов и предприятий или иногда нарисованные на внешних стенах. Студенты легко расшифровали происхождение «Автосервиса

Акапулько», но испытывают трудности с географическими названиями городов, таких как Халапа, или регионов, таких как Оахака, которые отображаются в витринах магазинов, предоставляющих услуги междугородной телефонной связи.

Глаз смотрящего

Весной 1997 года я читал лекцию на тему «Мультикультурализм в американской городской жизни» в Центре американских исследований Ягеллонского университета в Кракове. Поскольку мой польский был намного хуже, чем английский у моих студентов, они оценили мой визуальный подход к предмету, например, показ «Делай как надо!» Спайка Ли (1989). Также были популярны слайд-презентации этнических кварталов Бруклина. Я также исследовал визуальные сходства между польскими и польско-американскими районами и попросил студентов показать мне районы, которые «выглядели польскими».

Они преподали мне урок польского о видении, когда отвезли меня в Нова-Гута, промышленный пригород, построенный в 1950-х годах, который был ненавистным символом репрессий русских коммунистов. Кшиштоф Дыдынский описал ее как «коммунистическую мечту», которая «не сбылась», «серую бетонную пустыню» и монотонный памятник сталинской архитектуры (1993, 196).

В Новой Гуте я видел много «достопримечательностей», которые отражали то, что студенты объясняли доблестным сопротивлением Польши угнетению, например, танк, захваченный протестующими во время антиправительственных демонстраций. Как ни странно, самой запоминающейся «достопримечательностью» для меня была явно «пустая» площадь в центре планируемого многоквартирного дома, где раньше была большая статуя Ленина (см. Рис. 8.4). Они повели меня посмотреть на то, чего, по крайней мере, физически уже не было!

Рисунок 8.4 Памятник Ленину, Новая Гута, Краков, Польша, 1997 г.

Несколько лет спустя я сопровождал польских и итальянских ученых в поездках по «польскому» Гринпойнту и «итальянскому» Бенсонхерсту соответственно. Для невооруженного американского глаза они оба были стереотипно «этническими» - это шумные недавно пополненные иммигрантские анклав, где вывески магазинов и языки, на которых говорят, были иностранными. Какими бы «аутентичными» выражениями национальных культур ни казались эти области американцам, в Малой Польше и Маленькой Италии польские и итальянские гости «не видели ничего», что напоминало бы им Польшу или Италию. Почему этнические или национальные качества этих пространств были для них невидимы?

На этот вопрос можно ответить несколькими способами. Самым заметным является то, что комбинированная внешность Америки - это этническая принадлежность - это вопрос «класса». Большинство европейских профессоров считают себя представителями интеллигенции, которые исторически презирали своих соотечественников / представителей низшего класса, особенно тех, кто их представляет в американском сознании. Элиты поддерживают значительную виртуальную и реальную социальную дистанцию между собой и теми, кто ниже их в своих странах. В Италии сохраняется историческое предубеждение против южных итальянцев, от которых происходит большинство итальянских американцев. Американская Полония происходит в первую очередь от менее образованных, сельских жителей и представителей рабочего класса Польши; и, похоже, несмотря на десятилетия неудачного правления коммунистической партии, Польша все еще остается очень сознательным обществом.

Сочетание того, что эти приезжие интеллектуалы считают довольно «грубым» американским коммерциализмом, с проживающими в основном представителями рабочего класса на улицах с этнической тематикой, которые, как утверждается, «представляют» их более уважаемое культурное и национальное наследие, было достаточно, чтобы заставить их раболепствовать. Это также еще одно выражение роли, которую «видение» играет в создании социальной дистанции между теми, кто разделяет мультикультурные городские пространства. Если европейцы, когда они посещают Соединенные Штаты, не могут распознать общественную практику, которую они разделяют с живущими здесь со-националистами, это облегчает понимание того, почему им трудно распознать сообщество, которое они разделяют с новыми иммигрантами в Европу. Это также помогает нам понять близорукость в отношении разнообразных общественных практик, выполняемых на наших глазах в окрестностях мультикультурного общества Америки.

Подробнее о мультикультурализме

Есть много способов приблизиться к мультикультурализму и его пересечениям на местном, национальном и глобальном уровнях, и каждая точка зрения добавляет еще одно измерение к нашему пониманию этого сложного и меняющегося явления. Соединенные Штаты Америки, из-за их долгой истории иммиграции, часто рассматривались как парадигматический объект для изучения многоэтнической среды. Учитывая, что другие страны, такие как Бразилия или Канада, имеют аналогичный опыт, можно утверждать, что есть другие, даже лучшие модели,

которые следует рассмотреть. Глобализация сделала некогда уникальный опыт миграции почти обычным явлением во многих городских пространствах.

Прежде чем мы рассмотрим, как мультикультурная среда может быть визуализирована в разных обществах, необходимо создать некоторые основы. Первое касается терминологии и связанных с ней теоретических оснований. В американской парадигме этнического разнообразия выделяются три основные темы: политика насильственной ассимиляции (ассимиляционизм), культурный плюрализм и мультикультурализм. Эти темы также соответствуют в этом временном порядке и в общих чертах историческому опыту миграции в США. Легко не заметить, что эти темы не только исторические, но и идеологические. Как идеологии, ассимиляционизм и мультикультурализм находятся на противоположных концах теоретического спектра, тогда как большая часть реального мира находится где-то посередине - в культурном плюрализме.

Ассимиляционизм

Возможно, самым важным мыслителем этнической ассимиляции в Соединенных Штатах был Милтон Гордон (1964). Он писал, что ассимиляция или поглощение новых групп доминирующим обществом имеет как культурные, так и структурные аспекты. Для большинства групп культурные изменения и приспособления, такие как язык, были самыми легкими и быстрыми. Это помогает объяснить, как люди могут принимать культурные ценности и поведение и при этом оставаться вне основного потока, как это представлено в этнических профессиональных нишах и жилых анклавах. Именно в этом отношении решающее значение имеют физические или культурные различия с доминирующим белым англосаксонским обществом. Например, небелые христиане – не-протестанты с особой вероятностью рассматривались как менее ассимилированные члены этнических (этно-расовых) сообществ. Сторонники теории ассимиляции утверждают, что, когда у иммигрантов не больше шансов жить и работать друг с другом, чем с другими «американцами», они стали еще одним растворенным ингредиентом в этом «плавильном котле». Это означает, что, например, когда этнические анклавы исчезнут, исчезнет и сама этническая принадлежность. Для евроамериканцев Ричард Д. Альба назвал этот процесс «Сумерками этничности» (1985). Ассимиляционизм также является идеологией, утверждающей, что иммигрантские группы «должны» раствориться в целом и становиться неотличимыми от него. В этом отношении ассимиляция (иногда называемая англо-согласованностью) и ее метафора - плавильный котел, производящий амальгаму, часто понимают неправильно. И теория, и метафора подразумевают, что принимающее, доминирующее, общество также в степени изменяется этим процессом.

Культурный плюрализм

Ассимиляция и ассимиляционизм не являются ценностно-нейтральными идеями. Например, идея о том, что белые американцы европейского происхождения девятнадцатого и начала двадцатого века были неотличимы друг от друга, подвергается яростным нападкам в академических кругах и за их пределами

Майклом Новаком в книге «Восстание непоколебимых представителей этнических групп» (1971). Он убедительно утверждает, что, хотя американцы европейского происхождения в значительной степени приняли общие американские ценности, они остались уникальными и узнаваемыми в широком спектре относительно ассимилированных групп. Этот «культурный плюрализм» также превратился в социальное движение, которое многие социологи рассматривали как «защитную этничность». «Белые представители этнической группы» особенно рассматривались в либеральных СМИ как враждебные нарастающей волне черного национализма и возрождению афроамериканской культуры (Gans 1991). По иронии судьбы, подобная критика была сделана Рубеном Румбо по поводу того, что

«Один размер подходит для всех общеэтнических ярлыков» - «азиатский», «латиноамериканский», «черный», «белый» навязывается обществом в целом людям с Филиппин, Вьетнам, Южная Корея, Индия, Камбоджа, Китай, Мексика, Куба, Сальвадор, Доминиканская Республика, Гаити, Ямайка, Нигерия, Египет, Ирак, Иран, Израиль и множество других наций, которые сильно различаются по классовому происхождению, фенотипам, языкам, культуры, истории миграции поколений и способам включения в Соединенные Штаты. (1996, xvi)

В качестве идеологии культурный плюрализм признает положительную ценность разнообразия для демократических обществ, но только в тандеме с всеобъемлющими общими ценностями, которые объединяют разрозненные группы. В современной Америке социальные комментаторы и исследователи вынуждены из-за крайнего поколенческого, расового и культурного разнообразия проводить различие между «реальной» и «аутентичной», а не «символической этнической принадлежностью». Под «реальным» или «аутентичным» они подразумевают то, что идентичность существенно влияет на повседневную жизнь и жизненные шансы, в отличие от того, чтобы быть «просто» источником психологического удовлетворения или ностальгии. Некоторые считают это различие унижительным, и оно вызвало споры как в обществе в целом, так и в некоторых академических сообществах, особенно в этнических исследованиях.

Мультикультурализм

На другом конце спектра от ассимиляционизма находится мультикультурализм (и связанный с ним транснационализм). Эта идеология утверждает, что не только существуют отдельные культурные группы, но и что их самобытность «должна быть» сохранена. Джордж М. Фредриксон, рассматривая расу и гражданство в США, отметил, что «рост этнического самосознания среди чернокожих и желание латиноамериканских и азиатских иммигрантов сохранить аспекты своей культуры скорее создали «мультикультурализм», а не простой интеграционизм, доминирующая антирасистская идеология в Соединенных Штатах сегодня» (2002, 5).

В этом отношении Фредриксон мог бы использовать термин «ассимиляционизм» вместо «интеграционизма». Как уже отмечалось, рост мультикультурализма как идеологии *au courant* (хорошо осведомленный/ в моде) является ответом на то, что чаще всего называют иммиграцией «после 1965 года». В глобальном контексте можно

отметить текущую динамику масштабной иммиграции и этнических изменений в постиндустриальной Европе, а также в США.

Ассимиляционизм и мультикультурализм также находятся на противоположных концах спектра того, что Майкл Уолцер называет «толерантностью» и «терпимостью». По его мнению, терпимость как совокупность институциональных и других механизмов, а не установка терпимости, имеет решающее значение для успеха различных обществ. Для ситуации толерантности взаимное уважение менее важно, чем мирное сосуществование (1997). Реальность повседневной межгрупповой жизни и отношений меньшинств в Америке находится где-то в середине спектра, в культурном плюрализме. В то время как ассимиляционизм ненавидит различия и пытается их уничтожить или изолировать, мультикультурализм боготворит и пытается сохранить их, а также сделать их публичными. В середине находится культурный плюрализм, который признает позитивную ценность разнообразия для демократических обществ, но только в тандеме с всеобъемлющими общими ценностями, которые объединяют разрозненные группы. Феликс Гросс утверждал, что этот консенсус делает возможным общее чувство общности в мультикультурных обществах (1999).

Джулиана Прато проливает необходимый антропологический свет на сложные отношения между мультикультурализмом и осью толерантность-терпимость в своем введении к книге «За гранью мультикультурализма: взгляды из антропологии» (2009). Она отмечает, что мультикультурализм - это описательное понятие и что именно в 1950-х годах Швейцария была первой, кто был назван «мультикультурным обществом». Как и Гросс, она обеспокоена непредвиденными негативными последствиями мультикультурализма как политической практики, которые стали очевидными в широком спектре глобальных этнографических исследований. Двумя взаимосвязанными способами ограничения мультикультурного признания являются:

Во-первых, оно направлено на защиту разнообразия независимо от культурных обычаев. Антропологические дебаты о культуре предполагают, что вместо того, чтобы сосредотачиваться на культуре как абстрактном наборе ценностей, мы должны сосредоточиться на культурных практиках. Поэтому с этой точки зрения мы должны задаться вопросом, какие практики допускают условия, в которых различные образы жизни могут мирно сосуществовать, и где провести грань между либеральными правами и культурными практиками, нарушающими основные права человека. Во-вторых, мультикультурализм стремится сохранить культуры меньшинств, как если бы они были неизменными, и в то же время требует кардинальных изменений в культуре большинства; то есть, в обратной форме империализма, он требует, чтобы (особенно западные) общества учились и уважали другие культуры, разрушая при этом свою собственную. Другими словами, мультикультурная политика направлена на продвижение якобы демократической плюралистической интеграции не на основе взаимного уважения и толерантности, а на основе терпимости. В этом отношении, если мы захотим взглянуть на исторические примеры, мы сможем обнаружить, что это именно тот вид взаимности, который во многих случаях сделал возможным сосуществование различных культур и интеграцию «других»

в данном обществе. (16; см. Также Pardo 2009)

Термин «культурный плюрализм» был предшественником «мультикультурализма». Гораций Каллен ввел термин и изобрел идею культурного плюрализма, критикуя тезис о плавильном котле (ассимиляционизм) (1915a, 1915b). Джозеф Ф. Хили отмечает, что «Каллен утверждал, что людям не следует отказываться от своей культуры и традиций, чтобы стать полноправными участниками американского общества... и что американское общество могло бы быть федерацией различных групп, мозаикой гармоничных и взаимозависимых культур и народов». (2006, 50). Напротив, Говард Зинн в своей Народной истории Соединенных Штатов предлагает наиболее известный контр-миф американской истории, представленный:

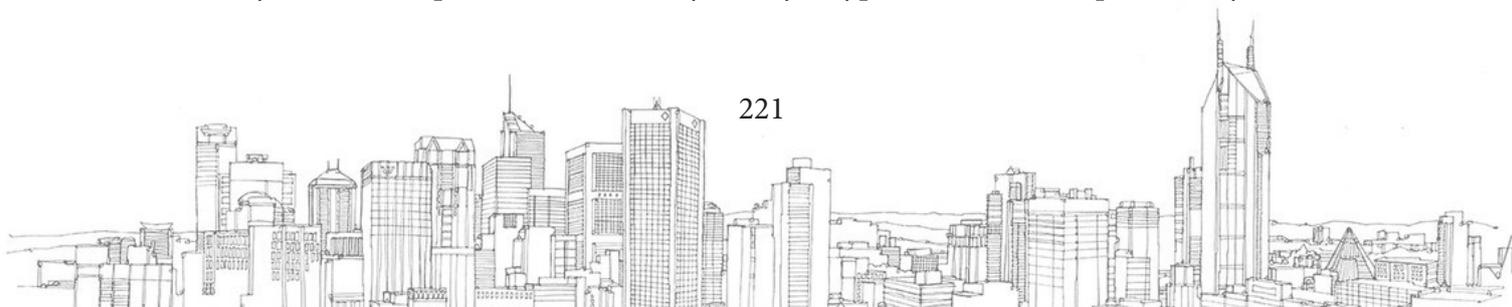
Это притворство... что действительно существует такая вещь, как «Соединенные Штаты», подверженная периодическим конфликтам и ссорам, но, по сути, это сообщество людей с общими интересами. Как будто действительно существует «национальный интерес», представленный в Конституции, в территориальной экспансии, в законах, принятых Конгрессом, в решениях судов, в развитии капитализма, в культуре образования и в средствах массовой информации. (9)

...

Моя точка зрения, рассказывая историю Соединенных Штатов, другая: мы не должны принимать память о штатах как свою собственную. Нации не сообщества и никогда не были. История любой страны, представленная как история семьи, скрывает ожесточенные конфликты интересов (иногда взрывные, чаще всего подавляемые) между завоевателями и побежденными, хозяевами и рабами, капиталистами и рабочими, доминирующими и доминирующими по признаку расы и пола. И в таком мире конфликтов, мире жертв и палачей, задача мыслящих людей, как предлагал Альбер Камю, - не быть на стороне палачей. (10)

Вероятно, самый известный представитель идеологии Чарльз Тейлор понимал, что существуют разные подходы к «политике» равного признания. В своей книге «Мультикультурализм: изучение политики признания» он писал: «Равное признание - это не просто подходящий способ для здорового демократического общества. Отказ от нее может нанести ущерб тем, кому в этом отказано». Он продолжает: «Проекция низшего или унижительного образа на другого может на самом деле исказить и угнетать до такой степени, что этот образ становится внутренним» (1994, 36). Термин «мультикультурный» часто используется как прилагательное, описывающее этническое, расовое, религиозное или иное разнообразие образа жизни. Используя такое определение, Соединенные Штаты Америки явно являются мультикультурным обществом. Хотя многие считают идею мультикультурализма чем-то новым, другие, такие как Рональд Такаки, сознательно использовали этот термин в своем описании всей истории Соединенных Штатов (1993).

Джон Нэгл критиковал мультикультурализм таким образом, что я разделяю его чувства. Он противопоставил мультикультурализм как эмпирическое условие

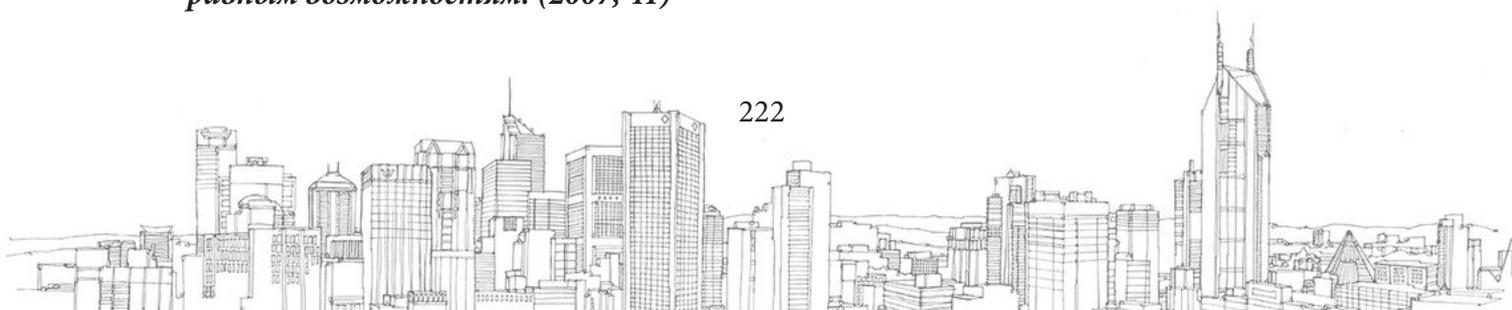
идеологической социальной цели. Основываясь на этнографическом исследовании, в первую очередь «спонсируемого государством мультикультурализма» в Великобритании, такого как фестивали искусств, он поставил под сомнение предполагаемые положительные результаты стратегии и предложил альтернативы наведению мостов между группами. Он видел в этой дилемме «растерянность, вызванную противоречивыми влияниями» мультикультурализма,

парадоксальное требование, которое ограничивает, но не полностью исключает возможность выхода «этнических меньшинств» из своего ограниченного статуса. С одной стороны, группы «этнических меньшинств» поощряются в рамках мультикультурной парадигмы к тому, чтобы сделать свою культуру инклюзивной и доступной, чтобы способствовать либеральному плюралистическому прославлению «космополитического» разнообразия и межкультурного гражданства; с другой стороны, запрещено угрожать их этническому партикуляризму, поскольку это противоречило бы их притязаниям на ресурсы как к особой группе. Эта «путаница понятий» препятствует развитию политики солидарности до неузнаваемости того, что различие само по себе хорошо, что «еще больше усложняет серьезный межкультурный диалог, единственное действие, которое может преодолеть нынешнюю ситуацию вывода из строя дееспособность потенциальных политических агентов перемен» (Ваитан 2001, 106). (2009, 5)

Для Винса Маротта мультикультурный город - это аналитическая конструкция, сложная интерпретативная концепция. Он использовал несколько методов для изучения демографических, политических и нормативных представлений о городах Австралии с разнообразным населением, особенно в Мельбурне. Таким образом он смог отличить «полиэтнические» от «мультикультурных» мест.

В своем демографически-описательном значении он относится к культурному или этническому разнообразию или сосуществованию различных культурных групп в пределах определенной местности; в этом смысле он представляет собой неоднородность выше однородности. Этот здравый смысл, принятый правительствами и государственными чиновниками в Австралии, описывает те пространства, которые разделяют различные группы, как «мультикультурные». Эту особую конструкцию мультикультурализма я бы назвал «полиэтнической» (мультиэтнической).

В идеологически-нормативном смысле мультикультурализм применяется к философским аргументам относительно легитимности утверждений, связанных с признанием групп определенной идентичности. Нормативная точка зрения признает, что плюрализм и разнообразие хороши сами по себе, и предполагает, что все различия следует оценивать. Этот тип мультикультурализма очевиден в Соединенных Штатах. В своем программно-политическом измерении, сформулированном в либеральных терминах, мультикультурализм относится к политике, разработанной для решения проблем, связанных с разнообразием. Сторонники такой политики считают, что она способствует терпимости и равным возможностям. (2007, 41)

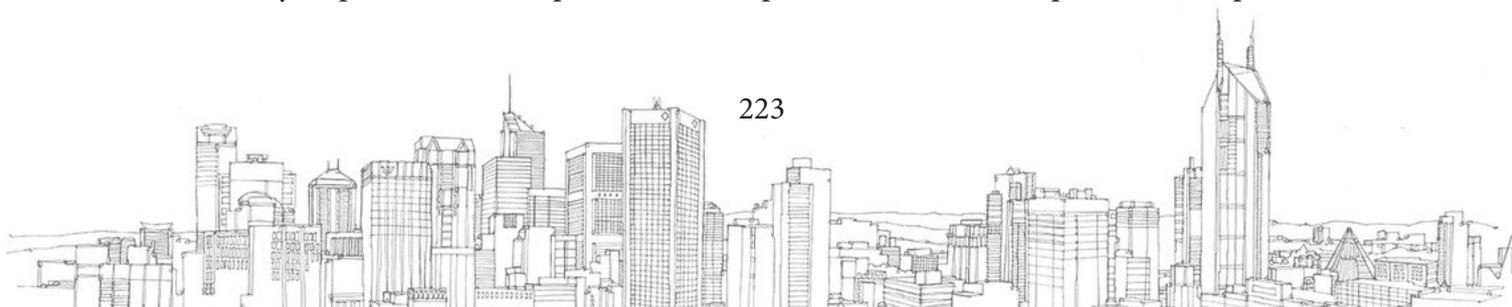
Независимо от критериев, изложенных выше, Маротта добавил, что мультикультурализм можно рассматривать просто как «отношение к другим»: можно оценивать многокультурный характер города по степени многокультурности его жителей; таким образом, мультикультурность изображает интересубъективный способ существования (41).

Еще одна важная формулировка мультикультурных проблем в глобальном масштабе связана с их основным двигателем - международной миграцией и заботой о правах человека или мигрантах. В этой связи необходимо отметить, что в США чаще всего используется термин «гражданские права», но, несмотря на семантику, проблемы не менее сложные. Во введении к книге «Миграция и права человека: Конвенция Организации Объединенных Наций о правах трудящихся-мигрантов» редакторы Рышард Холевински, Поль Гухтенеяр и Антуан Пек резюмировали глобальную ситуацию:

Расизм, ксенофобия и дискриминация также являются частыми чертами повседневного опыта мигрантов, и они способствуют обострению их и без того нестабильного положения... отчасти это вопрос напряженности между людьми разного этнокультурного происхождения, а также... социально-экономическая неопределенность и нежелание перемен, затрагивающих многие общества: безработица, дерегулирование рынка труда, сокращение ресурсов на программы социального обеспечения, политический популизм, а также опасения, связанные с глобализацией и терроризмом, - все это способствует недоверию между «коренными жителями» и «иностранцами». (2009, 3)

Очевидно, однако, что разнообразие, которое определило то, что некоторые называют «исключительной» историей Америки, претерпело множество метаморфоз. Стандартным мета-нарративом для европейского общества был мир, объединенный христианской верой, процветающий и безопасный от различных определений «варваров». В то время как Европа ссылалась на «Старый» Иерусалим и «Старую» обетованную землю, Америка беззастенчиво оформляла себя как «Новый» Иерусалим и «Новую» обетованную землю. Однако, несмотря на сложные мета-нарративы, солидарность была и остается проблематичной. Как писал историк Ричард Поленберг в своей книге «One Nation Divisible» («Одна нация делима») (1980), в отличие от бесклассовой и единой нации, на которую претендует миф о плавильном котле, классовая, расовая и этническая идентичность отделили страну от Великой депрессии за счет Уотергейтского скандала. История после 11 сентября не менее противоречива.

Жан-Франсуа Лиотар выдвинул аргумент, что «состояние постмодерна» означает потерю способности верить в мета-нарративы (1984). Однако за пределами академических кругов они, похоже, сохраняются и даже процветают. На самом базовом уровне обычные люди все еще помещают себя в «большую» историю, чтобы объяснить свою собственную. Другие, кажется, ищут в них «высшую цель». Национальные мифы Америки, такие как чрезмерно используемый Израилем Зангвиллом «Плавильный котел» (1917), объединяют реальные и вымышленные биографии и обеспечивают удобную общую основу для них. Постмодернисты также утверждали, что марксистские, дюркгеймовские и веберовские теории, по

сути, сама социальная наука, представлены как универсальные мета-нарративы и претендуют на превосходство над местными или более обоснованными историями. Следовательно, часто звучат призывы к возвращению к местному и отказу от «великой» теории, а также к политически привилегированному положению научных нарративов.

Напряжение между личными и социальными нарративами - не новая проблема. Фактически, это общепринятое социологическое понимание, которое Ч. Райт Миллс несколько десятилетий назад описал как центральное для социологического воображения: «Это качество ума, которое, кажется, наиболее драматично, обещает понимание интимных реальностей нас самих в связи с более крупными социальными реальностями» (1959, 15). Социологическое воображение позволяет людям «уловить, что происходит в мире, и понять, что происходит в них самих, как мельчайшие точки пересечения биографии и истории в обществе» (7).

Визуализация теорий и идеологий этнического разнообразия

Как и в предыдущих главах, кажется, что проблемы социологов часто хорошо, если не лучше, представлены в популярных СМИ. Международная миграция не является исключением из этого правила представительства. Во время подготовки этой книги я попросил членов Международной ассоциации визуальной социологии предложить фильмы, посвященные теме миграции в европейском контексте. С их разрешения, ниже я предлагаю некоторые из их наиболее интересных и информативных примеров. Прочитав сюжеты большинства из них, мне кажется, что темы, признанные моими студентами в американских фильмах, такие как надежда на лучшую жизнь и страдания от отторжения местных уроженцев, отражают проблемы и перспективы мигрантов в Европе. Как отметила Грациэлла Парати в отношении итальянского кино, кинематографисты также проводят параллели между старыми и новыми миграциями - практику, которую мы видели в американских жанрах (2005). Паоло Пармеджиани предложил Lamerica (1994) об албанских иммигрантах в Италию и «Mónica Farkas Panne e Ciocolatta» («Моника Фаркаш Хлеб и шоколад») (1973) об итальянских мигрантах в Швейцарии. Сара Мартель предложила широкий круг тем, двумя из которых были «Страх Али ест душу» (1974), о романтических отношениях между немкой и берберским гастарбайтером, и «Нет страха, нет смерти» (1990), посвященный африканским иммигрантам во Франции. Мигранты из Румынии часто становились предметом озабоченности официальных властей принимающих стран Европейского Союза. Евгений Главан предоставил фильмы о румынских мигрантах в Италии - Франческа (2009); «Hai paura del buio» («Боишься ли ты темноты») (2010 г.); и Арриведерчи (2006) - и другие, такие как «Один дома, румынская трагедия» (2010) в Испании. Еще один сложный вопрос в Европе, который является предметом международных правозащитных организаций, - это обращение с ромами. В этом отношении Дафна Штейнберг рекомендовала документальный фильм «Ромские истории» (2003). Это «общественное» введение в фильм можно найти на веб-сайте:

В Джапигии, районе на окраине Бари, Италия, небольшая община ром (цыган) выживает в незаконном, ветхом лагере. Местная церковь предложила им участок

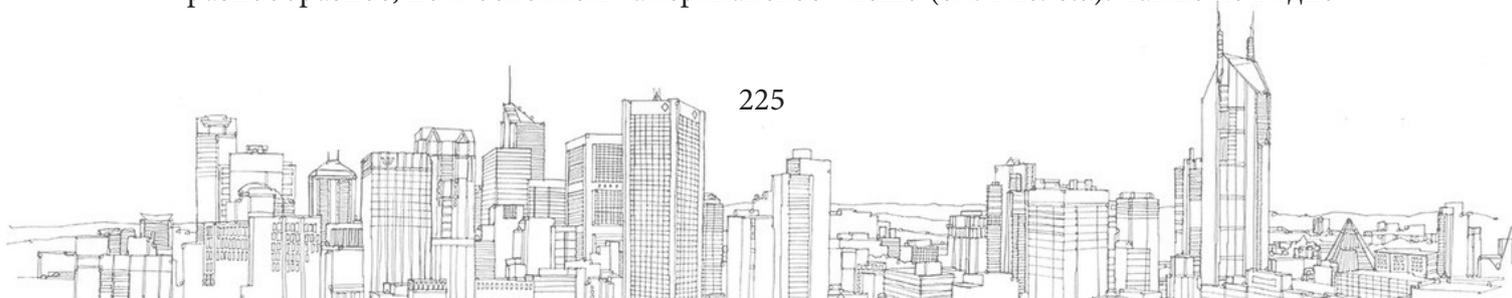

земли с сборными домами, но мэрия не принимает это предложение из-за их собственных планов на будущее железнодорожной станции. Постоянно находясь под угрозой эвакуации и зарабатывая на жизнь в основном попрошайничеством денег, цыганам все же удается создать сильное сообщество и живую социальную атмосферу. (1)

Стейнберг также предложил «Dirty Pretty Things» («Грязные прелести») (2002) о трех нелегальных иммигрантах в Лондоне, обнаруживших «самую изоощренную сторону преступного предприятия», и «Цветы из другого мира» (1999), в котором рассказывается история женщин-иммигрантов, которых привели в маленькую испанскую деревню для встречи с потенциальными мужьями. Предложение членов IVSA, вызвавшее наибольшую дискуссию, было предложено Беатой Энгельбрех: Нигури (Ниггеры) (2009). Следующий синопсис, взятый из показа фильма в 2011 году на Международном фестивале документальных фильмов о правах человека «Единый мир», говорит о многом. Это также важное дополнение к этой книге по сравнению с рассмотрением положения мигрантов в Италии в главе 6.

Это была мирная деревня, которая превратилась в Африку после прибытия иммигрантов, - это жалоба, которую можно услышать в начале этого документального фильма от члена небольшой общины на юге Италии, где сейчас находится один из крупнейших лагерей беженцев в Европе. И пока сотни отчаявшихся беженцев ждут, получают ли они шанс хотя бы жить нормальной жизнью, местные жители размышляют, почему они должны делить место, где они живут, с кем-то еще. Их мнения отражают отношение большей части итальянского общества, в котором сочетаются недоверие, сомнения и страх перед всем иностранным. В своем последнем фильме Антонио Мартино спрашивает, возможно ли это и каким образом его страна может отреагировать на текущую ситуацию в мире и работать с бесчисленным количеством лиц, ищущих убежища. Это также напоминает итальянцам об их не слишком далеком прошлом, когда они сами в большом количестве уезжали, чтобы попытаться счастья за границей. (2)

В заключение мы рассмотрим несколько изображений, которые показывают, как этническое разнообразие и городские изменения визуально отражаются в местных ландшафтах вокруг земного шара с особым вниманием к парадигмам ассимиляции, культурного плюрализма и мультикультурализма. Ассимиляция, вероятно, является наиболее трудным для визуализации результатом разнообразия, поскольку следствием этого будет исчезновение различия, которое можно увидеть на изображении этнического ресторана в Личфилде. Город с населением около 9000 жителей расположен в основном в сельской северо-западной части штата Новая Англия, Коннектикут. Он был основан в 1721 году и сегодня является богатым городом, в котором 97 процентов жителей составляют белые. Доминирующая архитектура - американское колониальное и колониальное возрождение. Городские власти требуют, чтобы постройки не выходили за рамки этого самого американского местоположения. Ресторан и пиццерия Francesca's, с небольшой видимой разницей между ними и всеми другими ресторанами на улице, предлагает разнообразное, но в основном «американское» меню (см. Рис. 8.5). Также не видно

того факта, что Francesco's принадлежала и управлялась иммигрантами из Италии. Все многочисленные надписи на Франческо были на английском, и ни одна из них не объявляла о событиях или проблемах итальянской этнической принадлежности

Рисунок 8.5 Ресторан и пиццерия Francesco's, Личфилд, Коннектикут, США, 2007 г.

Для тех, кто, как я, не разбирается в признании менее очевидных этнических различий среди огромного населения Китая, предоставление примеров этнического языка является проблемой. С благодарностью, в 2005 году я был гостем правительства Шэньчжэня на одном из этапов проекта визуальных исследований в Китае. Население Шэньчжэня резко увеличилось за счет внутренней, национальной миграции с нескольких сотен тысяч в 1980 году до более чем двенадцати миллионов в конце 2005 года. Среди них менее двух миллионов имели законное место жительства, а остальные считались «мигрантами». Официально Китай, несмотря на значительное генетическое, языковое и культурное разнообразие, является домом только для 56 признанных этнических групп. Самая большая группа, ханьцы (Han), составляют более 92 процентов населения Китая, насчитывающего более одного и трети миллиарда человек. Именно это общее ядро ханьской культуры рассматривается как «китайская культура». Мы посетили несколько «этнических» мест в этом южном китайском городе, который соседствует с Гонконгом. Центральной достопримечательностью был «Великолепный Китай». Изображение интерьера корейского дома в народном стиле на рис. 8.6 взято из коллекции из двадцати четырех деревень китайской народной культуры, «населенных настоящими этническими людьми, которые представляют свое традиционное искусство, обычаи, языки и кухни. Каждый день здесь проходят представления традиционной культуры» (Правительство Шэньчжэня, 2007). Сохранение, а возможно, даже окостенение этих этнических различий является примером официального мультикультурализма в Шэньчжэне.

В настоящее время в Сиане проживает более 60 000 мусульман. Город с населением почти девять миллионов человек находится в конце исторического Шелкового пути в центральном Китае. Фасад мусульманско-китайского ресторана, показанный на рис. 8.7, явно комбинирован в режиме культурного плюрализма, который одинаково заметен в США и Европе. Даже не понимая китайских иероглифов или арабского языка, если на то пошло, можно увидеть сосуществование двух культур в этническом просторечии. В уличном пейзаже можно увидеть смесь «китайского» золотого и красного, а также зеленого и белого цветов ислама. Фотография была сделана в коммерческом и жилом районе, который окружает Большую мечеть в Хуа Цзюэ, которая также является главной туристической достопримечательностью.

К сожалению, несмотря на официальное признание и периодическое празднование разнообразия в Китае, в последние годы миграция миллионов китайцев-хань в поисках работы в некогда удаленные районы Народной Республики вызвала межэтническую напряженность и насилие. В 2009 году 156 человек были убиты в Урумчи, столице провинции Синьцзян на западе Китая, в результате серии нападений мусульманских уйгуров на ханьцев. В ответ ханьцы напали на уйгуров. По данным Associated Press:

Было трудно достичь гармонии в Синьцзяне, суровом регионе, в три раза превышающем Техас, с пустынями, горами и обещаниями огромных запасов нефти и природного газа. Синьцзян также является родиной 9 миллионов уйгуров, тюркоязычной группы.

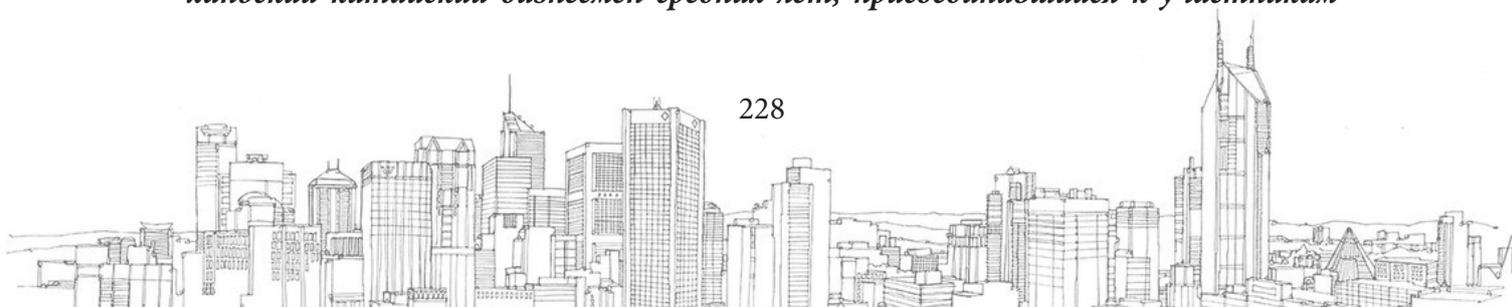

Рисунок 8.6 Корейский дом в народном стиле, китайские народные деревни, Шэньчжэнь, Китай, 2005 г.

Многие уйгуры считают, что ханьские китайцы, наводнившие регион в последние годы, пытаются их вытеснить. Они часто обвиняют ханьцев в предрассудках и ведении кампаний по ограничению их религии и культуры. Китайцы-ханьцы утверждают, что уйгуры отсталые и неблагодарные за все экономическое развитие и модернизацию, которые ханьцы принесли в Синьцзян. Они также жалуются, что религия уйгуров - умеренная форма суннитского ислама - не позволяет им сливаться с китайским обществом, которое официально является коммунистическим и в значительной степени светским.

«Мы хорошо к ним относились. Мы хорошо о них заботимся», - сказал Лю Цян, ханьский китайский бизнесмен средних лет, присоединившийся к участникам

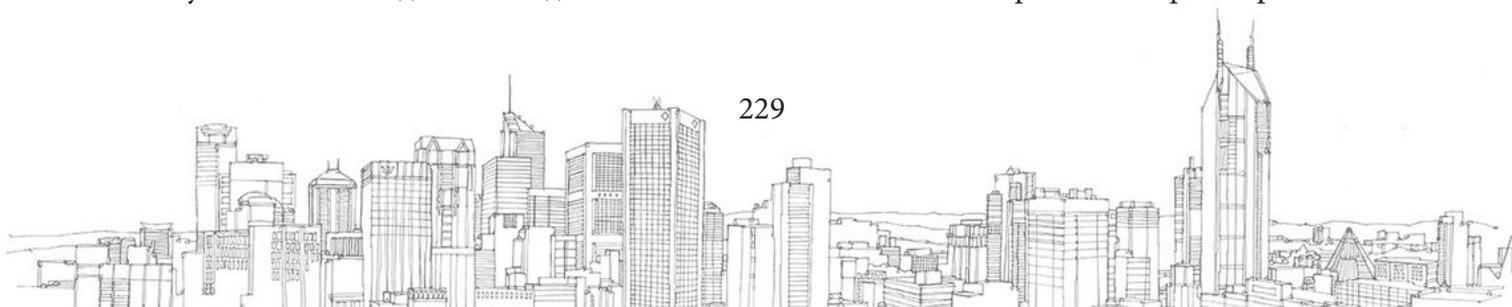

марша. «Но уйгуры глупы. Они думают, что у нас больше денег, чем у них, потому что мы несправедливы по отношению к ним». (2009)

Рисунок 8.7 Фасад магазина мусульманского китайского ресторана, Сиань, Китай, 2005 г.

Из-за размеров некогда глобальной Британской империи Лондон долгое время был многонациональным городом. Однако в последние годы это разнообразие и размер этнически и религиозно разнообразного населения значительно увеличились. Одним из недавних аспектов изменений стало развитие и расширение

Европейского Союза, что позволило менее экономически развитым, но все еще «европейским» странам более легко экспортировать свою избыточную рабочую силу. Одной из стран, которая воспользовалась этим, была Польша. Польские мигранты «наводнили» многие районы Великобритании. Признаки более или менее недавнего польского влияния можно найти на улицах нескольких кварталов Лондона. Например, Хаммерсмит долгое время был домом для солидного польского населения, где можно найти множество примеров гибридных польско-английских поставщиков продуктов питания и услуг на Кинг-стрит в центре района недалеко от Польского культурного центра. На углу возле станции метро в этнически разнообразном Ислингтоне находится другой вид видимого индикатора местного культурного разнообразия. На рисунке 8.8 показан ящик для польских газет в районе Ислингтон, который на момент создания фотографии менялся как в результате иммиграции, так и джентрификации. Под вывеской «Польской газеты» скрывается то, что может быть идеологическим мультикультурным изречением. Там написано на английском: «Только польский язык. Не беспокойте, если не умеете читать по-польски».

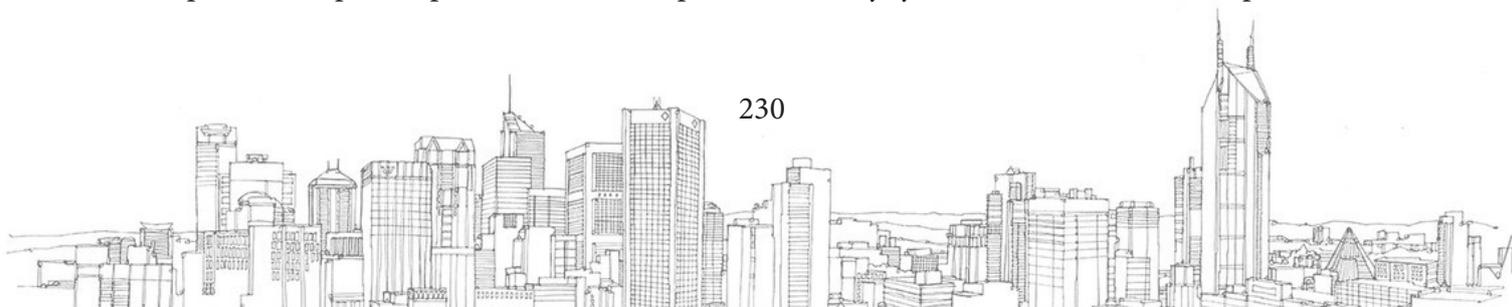
Следует также отметить, что польские мигранты не всегда были хорошо приняты в Великобритании, и многие из них стали жертвами уличного насилия на этнической почве. Марк Таунсенд писал об этой проблеме в 2007 году под заголовком «Польские мигранты бегут из Британии из-за насилия: преступления с применением огнестрельного оружия и расистские нападения заставляют многих рано возвращаться в Восточную Европу»:

Сотни польских мигрантов решили покинуть Великобританию, обвиняя высокий уровень преступности и расизм в их преждевременном возвращении в Восточную Европу. В то время как детективы Скотланд-Ярда вчера вечером продолжали расследование убийства 26-летней Магды Пневской из Бжега на юге Польши, представители 600-тысячной польской общины Великобритании ссылались на насилие в центре города как на побуждение людей уехать.

Что касается проблемы сообщества в мультикультурных обществах:

Польский медицинский работник был застрелен на прошлой неделе по дороге домой с работы после того, как попал под перекрестный огонь перестрелки на юге Лондона. Трое мужчин и женщина были арестованы и освобождены, а еще один мужчина был освобожден под залог, чтобы вернуться в полицейский участок в ожидании дальнейших расследований, хотя столичная полиция вчера не выявила никаких новых событий по этому делу... 150-тысячное польское население Лондона заявило, что новое Поколение иммигрантов было вынуждено селиться в более неблагополучных городских имениях, где они подвергались насилию со стороны банд и дискриминации. Пневскую застрелили в Нью-Кросс, одном из наиболее криминальных районов столицы. (2007)

Район, прилегающий к Hauptbahnhof во Франкфурте-на-Майне, представляет собой многонациональный жилой и коммерческий центр, который имеет много общих социальных и физических характеристик с римским L'Esquilino и другими основными транспортными центрами глобальных городов. Многие центральные районы города прошли этапы заброшенности, ухудшения состояния и притока

иммигрантов, и сегодня демонстрируют признаки облагораживания и возрождения городов. Несмотря на масштабные изменения в железнодорожном центре Франкфурта и вокруг него, большое количество иммигрантов или иным образом некоренных «немцев» живут, работают и делают покупки. Знаки народного пейзажа, такие как Orientalische Lebensmittel (Восточные блюда), подразумевают, что, по крайней мере, здесь уникальные культурные способы питания таких разнообразных групп, как пакистанцы и марокканцы, считаются «азиатской едой» и продаются с немецким пивом. Еще одним признаком культурного плюрализма является то, что немецкие способы питания также изменились в ответ на иммиграцию. На переднем плане рис. 8.9 показан магазин, рекламирующий как Doener Kebab, так и Pizza, которые, вероятно, так же популярны в Германии, как колбасы, как продукты первой необходимости на вынос (auch zum mitnehmen). Далее, на заднем плане фотографии, можно увидеть как знаки с указанием этнически специфической турецкой кухни, так и многоязычный указатель мечети.

Рисунок 8.8 Польские газеты, Ислингтон, Лондон, Англия, 2007 г.

Рисунок 8.9. Денер и Моши, Франкфурт-на-Майне, Германия, 2005 г.

Рисунок 8.10 Брюссельский уличный рынок, Брюссель, Бельгия, 2011 г.

Передвижение по глобальным городам пешком, на велосипеде, на автомобиле, автобусе или трамвае - лучший способ увидеть универсальные признаки городских изменений. Уличный рынок в Брюсселе (рис. 8.10) и меняющий облик китайский квартал Бельвиль в Париже (рис. 8.11) - два хороших примера. Последний снимок (рис. 8.12) был сделан в облагораживающейся части Стамбула, Турция, где традиционная культура бедняков и представителей рабочего класса сталкивается с более светскими захватчиками. Джонатан Льюис запечатлел некоторые из этих противоречий в книге «Джентрификация Стамбула открывает второй фронт культурной войны»:

Центром движения по джентрификации Стамбула является традиционный район Топхане. Район издавна известен своим консервативным вкусом; женщины одеты в более традиционном стиле, посещаемость мечетей высока, и, несмотря на то, что они находятся в пяти минутах ходьбы от основных мест проведения вечеринок в Стамбуле, здесь очень мало баров, где подают алкоголь.

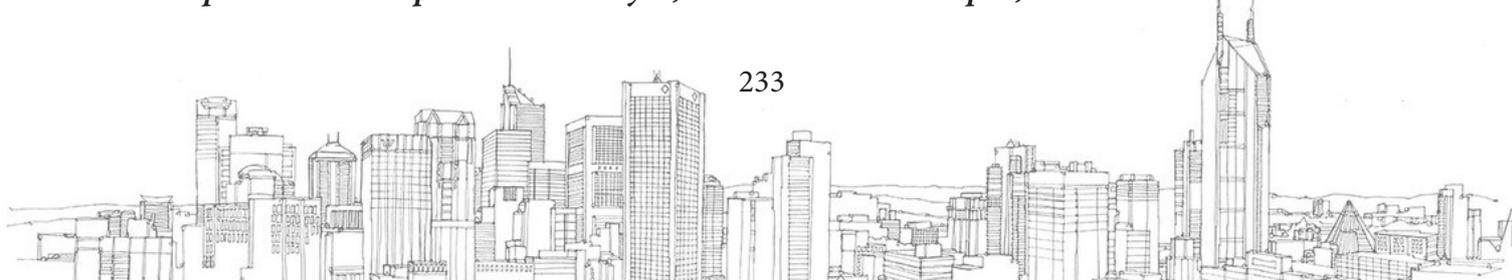

Рисунок 8.11 Китайский квартал, Бельвиль, Париж, Франция, 2011 г.

Рисунок 8.12 Джентрификация, Стамбул, Турция, 2007 г.

Но в то же время повсюду признаки постепенных изменений. Наиболее примечательно то, что за последние пять лет в этом районе открылось все больше художественных галерей, привлеченных к этому району благодаря относительно низкой арендной плате и непосредственной близости от нового здания «Стамбул Модерн» и переоборудованного завода по производству пушечных ядер, который теперь представляет собой галерею. Между этими новыми галереями и чайными домами и магазинами, где собираются старожилы, существует резкий эстетический и финансовый контраст. Социальная напряженность в районе была высокой после беспорядков в конце сентября, когда посетители шести одновременных открытий галереи были атакованы местными жителями с перцовыми баллончиками и разнообразными битами. В результате драки пять человек были госпитализированы и вызвали волну самоанализа, которая достигла высших уровней правительства. (2011)

И последнее замечание необходимо сделать в отношении преобладания изображений, которые визуальнo подразумевают гегемонию культурного плюрализма в противоположность ассимиляционизму или мультикультурализму. Выборка не должна быть результатом случайной или иной статистической выборки. Несмотря на представленный здесь аргумент о том, что большая часть социальной и культурной реальности, переживаемой в этнически разнообразных городских обществах, находится между крайностями ассимиляционизма и мультикультурализма, эти образы не представлены в качестве количественного доказательства этого утверждения. Для таких усилий потребуется гораздо более масштабное количественное исследование. Для более любознательных читателей предлагается значительно более полный образец моих собственных изображений, из которых представленные в этой книге изображения можно посмотреть на сайте www.brooklynsoс.org.

Сноски:

1 - <http://www.der.org/films/roma-stories.html>.

2 - <http://www.oneworld.cz/2011/films-a-z/17936-nigger>.

Заключение

В качестве своей цели эта книга была разработана, чтобы продемонстрировать полезность визуального подхода, используемого визуальными социологами, антропологами и этнографами, наряду с изучением народных ландшафтов для документирования и анализа того, как искусственная среда отражает меняющуюся культурную и классовую идентичность жителей района. Например, городские уличные пейзажи отражают конкурентные взаимодействия между практиками коренных народов и мигрантов, которые привели к появлению видимых маркеров глобализации (глокализации) и других показателей городских изменений. Эти преобразования не являются несущественными. Они связаны с критическими вопросами, такими как все более жаркие споры в некоторых странах между сторонниками интеграции, с одной стороны, и мультикультурализмом, с другой.

С академической стороны уравнивания утверждалось, что визуальный подход может помочь навести мосты между различными теоретическими и прикладными дисциплинами, которые сосредоточены на форме и функциях мегаполиса. Подход является междисциплинарным, межнациональным и сравнительным, чтобы синтезировать некоторые из наиболее важных старых и новых теоретических взглядов на взаимосвязанные городские явления. Например, иногда непрозрачные идеи тех, кто теоретизирует о городской жизни и культуре, можно сделать более прозрачными, отметив заметность конкурирующих пространственных практик в жилой и коммерческой среде. Для исследователей пространства, а также для романистов или сценаристов, которые часто более четко высказываются о городе, видимое и символическое были центральными как в их анализе, так и в описаниях. Среди социологов до недавнего времени это было отставлено на периферию.

После теоретических и методологических обсуждений во Введении в книгу были отдельные главы, в которых описывались, обсуждались и приводились примеры того, как глобальные силы и конкуренция между городскими жителями в порой жестко оспариваемых территориях меняют облик городов по всему миру. Также был рассмотрен связанный с этим процесс джентрификации, в котором играл роль класс или относительный экономический статус «захватчиков» и местных жителей. Так же, как в случае этнической преемственности и резко видимого ухудшения состояния городских территорий, изменение внешнего вида местных городских пейзажей по всему миру также было важным аспектом классовых преобразований в городских кварталах.

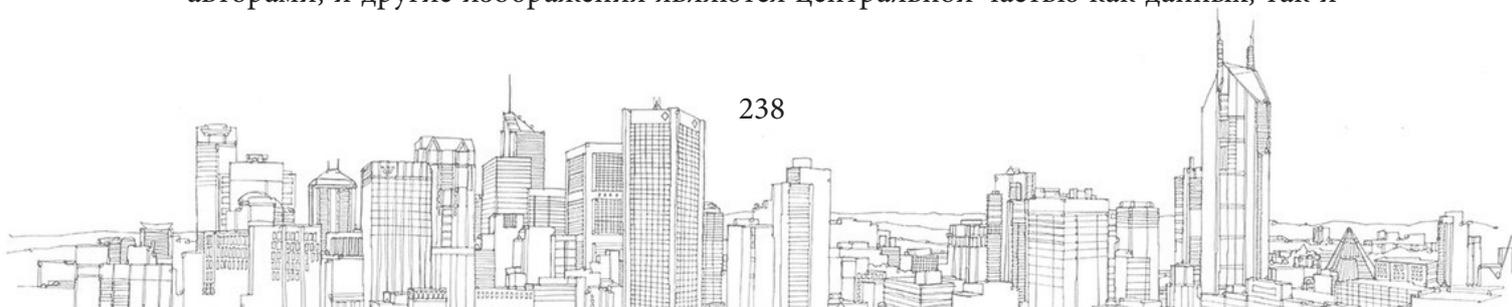
Каждая глава пыталась объединить воедино различные научные источники и источники средств массовой информации. Было отмечено, что для многих популярных фильмов и телевизионных программ, особенно в жанре криминал, визуальное разнообразие классов, рас и этнических принадлежностей в городских пейзажах по-прежнему является центральной особенностью художественного оформления. Что касается связанных современных проблем и интересов, таких как мультикультурализм, диаспоры и аутентичность, взгляды многих исследователей сегодня переориентированы на конкуренцию между идентичностями мигрантов и местных жителей и то, как пространственные практики мигрантов являются индикаторами глобализации. То, как повседневная жизнь городских жителей

представлена в искусственной среде и как она влияет на нее, гораздо дольше интересовало архитекторов и проектировщиков. Эти изменения также имеют практические последствия, и во многих городах глокализация бросила вызов устоявшимся представлениям об общем сообществе; и во многих случаях также ослабляли гражданское единение. Это особенно верно, когда община и другие формы социального единения зависят от национальной, этнической, расовой или религиозной однородности. В этой связи предполагается, что визуальный подход также может помочь построить мост между различными теоретическими и прикладными дисциплинами, которые сосредоточены на форме и функциях мегаполиса. Использование визуальных подходов в публичных программах, таких как фотовыставки или кинопоказы общих проблем, также может помочь в обучении различных групп городских жителей осознанию их общей гуманности.

Несмотря на свою маргинализацию, все номинально «городские» дисциплины используют визуальные подходы более или менее явно, будь то картографирование, архитектурная визуализация, фотографические исследования или исследования землепользования и состояния зданий. В архитектуре и планировании визуализация всегда была важна в документации, презентациях, исследованиях и обучении. Исторические фотоархивы используются в процессах исследования, реставрации и сохранения исторических достопримечательностей. Исследования «лобового стекла», проводимые с помощью глаз, фотоаппаратов и видеокамер, также имеют давнюю традицию в урбанистике. В большинстве случаев визуальные методы используются в качественных или описательных исследованиях. Тем не менее, можно утверждать, что обобщения могут быть сделаны на основе визуальных обзоров, а также могут быть использованы для крупномасштабной выборки и проверки статистических гипотез. Простейшими типами аналитических исследований были бы многолетние исследования физических изменений, вызванных указанными переменными. Однако, чтобы соответствовать строгим требованиям, конкретный используемый метод и связь между доказательствами, представленными, например, на фотографиях «до и после», должны быть достаточно четкими.

По крайней мере, в качестве чисто качественного метода такое визуальное исследование должно давать восхитительные идеи, которые могут привести к более интенсивным качественным или даже производным количественным исследованиям. Моя собственная методика заключалась в том, чтобы обращаться со своими собственными и чужими наблюдениями и фотографиями так же, как и со всей другой собранной информацией, такой как интервью или демографические данные, относящиеся к районам, кварталам, улицам, организационным границам и районам переписи. Это более или менее надежные и достоверные данные о мирах, в которых мы живем. Здесь я должен отметить, что мои, часто несфокусированные, снимки стараются быть как можно ближе к тому, что может увидеть обычный человек, пересекая пространство. Очевидно, что в большинстве случаев они не являются попытками репрезентации художника, а предназначены для минимального документирования того, что я или другие люди могли бы увидеть в этом месте в то время. Учитывая быстрое развитие издательских технологий, многие новые книги о городах украшены изображениями. Во всех моих работах изображения, созданные авторами, и другие изображения являются центральной частью как данных, так и

итогового текста. Фотографии представляют то, что мы видим и неразрывно связаны со структурными и культурными способами, которыми мы думаем об обществах, в которых мы живем и через которые проходим.

В дополнение к общей полезности этого визуального подхода, я считаю, существуют явные преимущества документированных визуальных опросов для социальных исследований и городского планирования, а также для информирования политиков. Результаты визуальных исследований могут значительно отличаться от данных переписи или других опубликованных данных. В Соединенных Штатах, в дополнение к общему учету, который проводится только раз в десять лет, перепись и другие данные могут быть не столь актуальными, как это необходимо, при решении этнических, расовых или культурных проблем, которые иногда резко возникают на местном уровне, например, драки между уличными торговцами и местными торговцами или молодежные банды, претендующие на одну и ту же территорию посредством граффити. Многие опубликованные данные, как правило, не относятся к более мелким участкам территории, которые можно было бы изучить, например, к отдельному перекрестку улиц или небольшому скоплению зданий.

В Соединенных Штатах, например, по мере того, как кто-то движется вниз к уровню блоков-районов в данных переписи, категории становятся менее значимыми для общества. Мало того, что официальные иммиграционные данные не имеют достаточной точности, так еще и недокументированные данные, большинство из них, сообщаются с различными географическими параметрами, такими как почтовые индексы для регистрации иностранцев-резидентов. По моему опыту, видимое присутствие людей, не имеющих документов, может быть значительным и очевидным в определенных районах, например, бездомных и других «статистически невидимых» жителей соседних общин. К этим преимуществам мы можем добавить простые наблюдения за незаконным бизнесом и другой деятельностью «на всеобщее обозрение», которая часто противоречит официальным данным.

Наконец, в некоторых случаях видение (то есть видеть) - единственный способ узнать. Этнические и другие социальные группы могут быть довольно сосредоточены в небольших «очагах», но из-за географии переписи или других карт, числа могут быть разделены между двумя или более единицами. Аналогичным образом, на основе опубликованных данных и случайных наблюдений можно не заметить значительную концентрацию групп, образующих образ жизни, таких как геи и лесбиянки. В таких отдаленных друг от друга местах, как Китай и Албания, я обнаружил и сфотографировал множество неформальных жилых сообществ, которых нет на официальных картах. Существует так много глобальных пространственных практик, таких как попрошайничество, уличная торговля, торговля наркотиками, проституция, уличный перформанс, торговля с лотков, игры и т. д., которые лучше всего подходят для социального анализа посредством визуального или этнографического наблюдения. В противоположном символическом направлении, как обсуждалось в нескольких главах, люди часто ошибочно обозначают этнический или иной характер района, читая символическую среду его самых оживленных торговых улиц. Даже несмотря на то, что члены недавно появившейся, отличающейся от этой культуры, группы иммигрантов могут доминировать в домах и квартирах в городских районах, обычно только магазины на торговой улице объявляют о своей

гегемонии, и район получает «правильное» этническое обозначение. Точно так же в 2010 году латиноамериканцы преобладают во многих городах США, но увидеть различия между испаноязычными людьми, скажем, из Мексики и Доминиканской Республики в общих баррио, будет так же просто, как расшифровать Productos Mexicanos от Productos Dominicanos. Распознать национальные флаги, культурные символы и религиозные изображения, такие как Ла Верджин-де-Гуадалупе (Дева Гваделупская), сложнее. Сложнее всего расшифровать вариации туземной одежды, которую носят новоприбывшие в паназиатском районе, будь то Париж или Сидней.

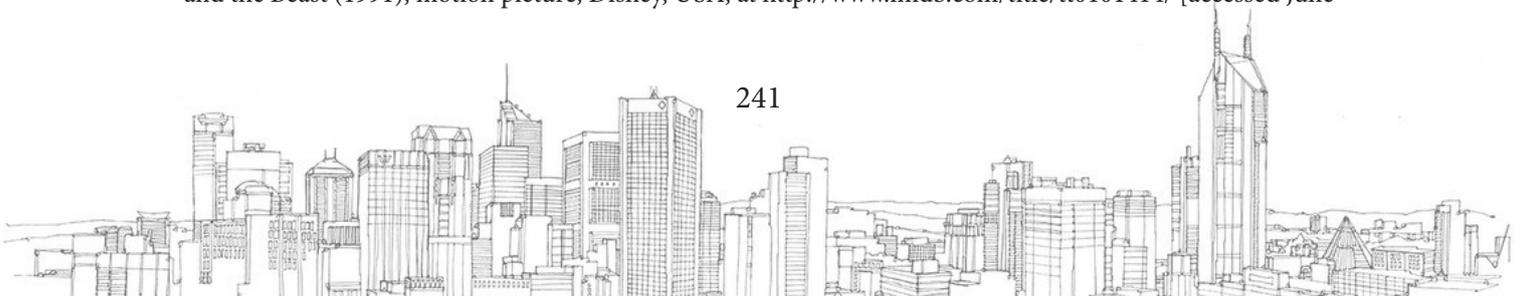
Географическая направленность этой книги началась в Нью-Йорке с рассмотрения некоторых знаковых мест и народов, которые обеспечивают прочную основу для расширенных сравнений. Ускоренное создание явно новых городских ландшафтов вряд ли ограничится «Большим яблоком». Действительно, существует богатая коллекция исследований и публикаций об этих процессах в других странах США, Европы и за их пределами. Чайнатауны, Маленькие Италии и другие анклавные привлекательны как популярные, так и научные попытки описать и раскрыть и проанализировать различные городские мозаики, начиная с американских социальных наук, с Чикагской школы и, совсем недавно, с гетеротопий Лос-Анджелеса. Иногда жестокие уличные протесты молодежи из числа иммигрантов и меньшинств в пригородах (*les banlieues*) французских городов, таких как Париж, в последние годы привлекли большое внимание средств массовой информации. Непредвиденное создание сегрегированных этнических сообществ в европейских городах на первых порах произошло в значительной степени из-за послевоенной иммиграции из бывших колоний. За этим последовал приток легальных и нелегальных иммигрантов (имеющих документы и рабочих без документов) из стран Ближнего Востока, Восточной и Центральной Европы, Африки и Азии, что также привело к созданию многоэтнической среды, отмеченной культурной неоднородностью.

На обложке и страницах этой книги 61 изображение, сделанное в девяти городах США и 14 других городах мира. Это лишь небольшая часть из тысяч, которые я снял в сотнях мест по всему миру. Многие из этих фотографических экскурсий можно найти в галереях на веб-сайте [BrooklynSOC](http://BrooklynSOC.com), который я делю с моим коллегой по кафедре социологии Бруклинского колледжа профессором Тимоти Шортеллом. Короче говоря, эта книга попыталась продемонстрировать глобально и наглядно, как значения городских пространств меняются обычными людьми, которые живут и работают или просто проходят через них, и в процессе того, как их собственное действие помогает им стать одновременно продуктами и производителями этих мест.

Источники:

- Aalborg Worley, V. (2007), "Retracing the Past: the Norwegian Presence in Brooklyn—Uncovering the Layers of an Ethnic Community 'in Palimpsest,'" University of Bergen Masters Thesis, Department of Foreign Languages, November 20. Abu-Lughod, J.L. (1994), *From Urban Village to East Village: The Battle for New York's Lower East Side* (Cambridge, MA: Blackwell). Alba, R.D. (1985), *Italian Americans: Into the Twilight of Ethnicity* (Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall). Alba, R.D., Crowder, K., and Logan, J.R. (1997), "White Ethnic Neighborhoods and Assimilation: The Greater New York Region, 1980–1990," *Social Forces*, 75(3), 883–909. Alba, R.D., Logan, J.R., and Crowder, K. (1995), "White Ethnic Neighborhoods in an Immigration Metropolis: The Greater New York Region, 1980–1990," Department of Sociology, State University of New York at Albany. Ali: *Fear Eats the Soul* (1974), motion picture, Filmverlag der Autoren, Germany, at <http://www.imdb.com/title/tt0071141/> Allcock, J.B., and Bruner, E.M. (eds.) (1995), *International Tourism: Identity and Change* (London, Thousand Oaks & New Delhi: Sage Publications). Allemann-Ghionda, C. and Bukow, W. (eds.) (2010), *Orte der Diversität: Formate, Arrangements und Inszenierungen* (Wiesbaden, Germany: VS Verlag). Alonso-Zaldivar, R. (2004), "Census Projects an America of Greater Racial Diversity by 2050," *Los Angeles Times*, March 18 2004, at <http://www.c3.ucla.edu/newsstand/community/census-projects-anamerica-of-greater-racialdiversity-by-2050/> [accessed May 23 2009]. Amato, F. (1997), "La Citta come Immagine: il Suq di Piazza Garibaldi a Napoli e l'Integrazione Povera," in *Africa e Mediterranea* (Bologna: Editore Pendragon), 20–23. Ambrosini, M., and Schellenbaum P. (1994) (eds.), *La comunità sommersa Un'indagine sull'immigrazione egiziana a Milano*, Fondazione CariploIsmu, Milano. American Renaissance, at <http://www.amren.com/siteinfo/index.html>. Anderson, E. (2006), "Inadequate Responses, Limited Expectations," in Birch and Wachter (eds.), 193–200. Anderson, E. (2004), "Urban Ethnography," in *Workshop on Scientific Foundations of Qualitative Research* (Washington, D.C.: National Science Foundation), 33–38. Anderson, E. (2003), *A Place on the Corner: A Study of Black Street Corner Men* (Chicago: University of Chicago Press). Anderson, E. (1999), *Code of the Street: Decency, Violence and the Moral Life of the Inner City* (New York: W.W. Norton). Anderson, E. (1990), *Streetwise: Race, Class and Change in an Urban Community* (Chicago: University of Chicago Press). Anderson, K.J. (1995), *Vancouver's Chinatown. Racial Discourse in Canada, 1875–1980* (Montreal and Kingston: McGill-Queen's University Press). Anderson, K.J. (1988), 'Cultural Hegemony and the Race-Definition Process in Chinatown, Vancouver: 1880–1980', *Environment and Planning D. Society and Space*, 6, pp. 127–49. Associated Press (2009), "Mobs Spread Ethnic Strife in Western China," at http://www.msnbc.msn.com/id/31753771/ns/world_newsasia_pacific/t/mobsspread-ethnic-strife-western-china/ [accessed June 18 2011]. Aste, M., Kruse, J., Napolitano-Carmen, L., and Worrall, J. (eds.) (1997), *Industry, Technology, Labor and the Italian American Communities* (Staten Island, NY: American Italian Historical Association). Atkinson, R. (2001), "Domestication by Cappuccino or a Revenge on Urban Space," *Institute of British Geographers, University of Plymouth*, January 5. Atkinson, R., and Bridge, G. (eds.) (2005), *Gentrification in a Global Context: The New Urban Colonialism* (London: Routledge). Atroshencko, V.I., and Grundy, M. (1991), *Mediterranean Vernacular: A Vanishing Architectural Tradition* (New York: Rizzoli International). Audi, T (2011), "Latino Gang Targeted Blacks, U.S. Says," *World Street Journal*, at <http://online.wsj.com/article/SB10001424052702304906004576371823857839048.html#> [accessed 10 June 2011]. Ball, S., and Gilligan, C. (2010), "Visualising Migration and Social Division: Insights From Social Sciences and the Visual Arts," *Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research*, 11:2, Art. 26, at <http://nbnresolving.de/urn:nbn:de:0114-fqs1002265> [accessed May 5 2011]. Banfield, E.C. (1958), *The Moral Basis of A Backward Society* (New York: The Free Press). Banks, M. (1998), "Visual Anthropology: Image, Object and Interpretation," in Prosser (ed.), 9–23. Banks, M., and Morphy, H. (eds.) (1997), *Rethinking Visual Anthropology* (London: Yale University Press). Barr, A. (1996), *Black Texans: A History of African Americans in Texas, 1528–1995* (University of Oklahoma Press). Barthes, R. (1985), "Day by Day with Roland Barthes," in Blonsky (ed.), 98–117. Basler, B. (1982), "Black Man is Killed by Mob in Brooklyn: Attack Called Racial," *The New York Times*, June 23, A1. Baudrillard, J. (1988), *America* (New York: Verso), at <http://www.scribd.com/doc/2891928/Baudrillard-America> [accessed January 1 2011]. Baudrillard, J. (1983), *Simulations*, trans. P. Foss, P. Patton, and P. Beitchman (New York: Semiotext(e)). Bauman, Z. (2001), *Community: Seeking Safety in an Insecure World* (Cambridge: Polity Press). *Beauty and the Beast* (1991), motion picture, Disney, USA, at <http://www.imdb.com/title/tt0101414/> [accessed June

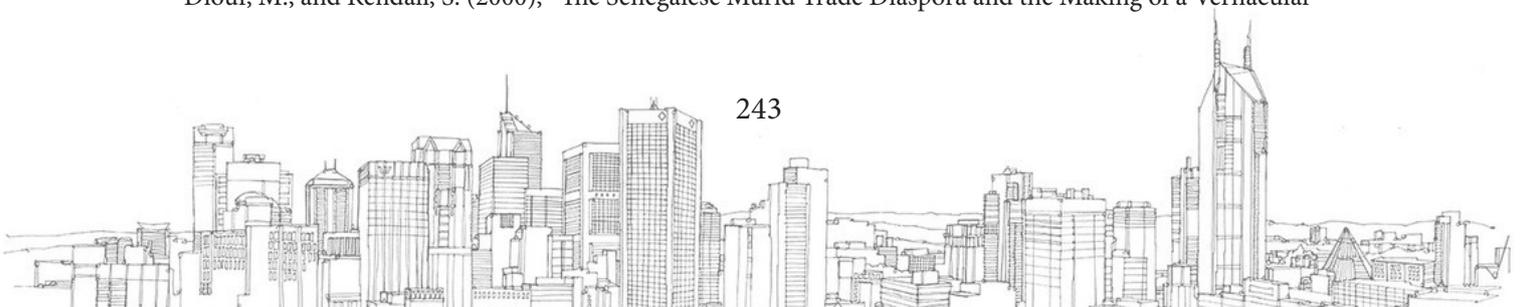

19 2011]. Beaugregard, R.A., and Haila, A. (2000), "The Unavoidable Continuities of the City," in P. Marcuse and R. van Kempen (eds.), *Globalizing Cities: A New Spatial Order?* (Oxford; Blackwell), 22–36. Becker, H.S. (1995), "Visual Sociology, Documentary Photography, and Photojournalism: It's (Almost) All a Matter of Context," *Visual Sociology* 10(1–2), 5–14. Becker, H.S. (1974), "Photography and Sociology," *Studies in the Anthropology of Visual Communication* 1(1), 3–26.

Berger, J. (2007), *The World in a City* (New York: Random House). Berger, J. (2002a), "Well, the Ices are Still Italian," *New York Times*, September 17, at <http://www.nytimes.com/2002/09/17/nyregion/wellicesare-still-italian-immigration-patterns-shift-altering-oldneighborhood.html?pagewanted=all&src=pm> [accessed November 11 2006]. Berger, J. (2002b), "Sit in this chair, go back in time; barber is unchanged as old neighborhood vanishes," *New York Times*, November 11, at [http://www.nytimes.com/2002/11/11/nyregion/sit-this-chair-go-backtime-barberunchanged-old-neighborhood-vanishes.html? scp=1&sq=Sit%20in%20this%20chair,%20go%20back%20in%20time&st=cse](http://www.nytimes.com/2002/11/11/nyregion/sit-this-chair-go-backtime-barberunchanged-old-neighborhood-vanishes.html?scp=1&sq=Sit%20in%20this%20chair,%20go%20back%20in%20time&st=cse) [accessed November 11 2006]. Berger, P.L., and Luckmann, T. (1967), *The Social Construction of Reality* (Garden City, NY: Anchor Books). Bianculli, D. (2010), "'Treme': A Haunting Snapshot Of Life After Katrina," *NPR.org*, April 5, at <http://www.npr.org/templates/story/story.php?storyId=125510481> [accessed May 5 2011]. Birch, E.L., and Wachter, S.M. (eds.) (2006), *Rebuilding Urban Places after Disaster: Lessons from Hurricane Katrina* (Philadelphia: University of Pennsylvania Press). Black Orpheus (1959), motion picture, Dispat films, Brazil, at <http://www.imdb.com/title/tt0053146/> [accessed January 4 2010]. Blonsky, M. (ed.) (1985), *On Signs* (Baltimore, MD: Johns Hopkins Press). Bodnar, J. (2001), *Fin de Millénaire Budapest: Metamorphoses of Urban Life* (Minneapolis, MN: University of Minnesota Press). Bodnar, J. (1985), *The Transplanted: A History of Immigrants in Urban America* (Bloomington, IN: Indiana University Press). Bogadóttir, A.M. (2009), "Touba in New York: 116th & Lenox," *Urbanomnibus*, March 30 2009, "Make It Visible," at <http://urbanomnibus.net/2009/03/toubain-new-york/> [accessed March 2 2011]. *The Bonfire of the Vanities* (1990), motion picture, Warner Brothers, USA, at <http://www.imdb.com/title/tt0099165/> [accessed June 18 2011]. Bonner, K. (2007), "Reflexive Theorizing while Travelling through Montreal and Toronto: The Global Cities Discourse, New Urbanism and the Travel Essays of Jan Morris," in Sloan, J. (ed.), *Urban Enigmas: Montreal, Toronto, and the Problem of Comparing Cities* (Montreal and Kingston: McGill-Queens University Press), 274–98. Borer, M.I. (2006), "The Location of Culture: The Urban Culturalist Perspective," *City and Country* 5(2), 173–97. Bourdieu, P. (1984), *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste* (Andover: Routledge and Kegan Paul). Bourdieu, P. (1977), *Outline of a Theory of Practice* (New York: Cambridge University Press). Boyer, M.C. (1992), "Cities for Sale: Merchandizing History at South Street Seaport," in Sorkin (ed.), 181–204. Brand-Williams, O. (2011), "Jury to Decide if Pastor can Protest at Dearborn Mosque," *The Detroit News*, April 11, at <http://detnews.com/article/20110421/METRO/104210459/Terry-Joneswon%E2%80%99t-pay-bond--jury-toweigh-protest> [accessed May 12 2011]. Brandon J., B. (2008), "'Irangeles': Will Romeo Get Circumcized for Love?," *The New York Theatre Wire*, at <http://www.nytheatrewire.com/bj09061t.htm> [accessed April 20 2011]. Brentano, C. (1989), "Italian Roots in Bay Area Architecture," Paper to the American Italian Historical Association Annul Meeting, San Francisco. Bricocoli, M., and Savoldi, P. (eds.) (2010), *Milano Downtown: Azione Pubblica e Luoghi Dell'Abitare* (Milano: et al Edizione). *A Bronx Tale* (1993), motion picture, Price Entertainment, USA, at <http://www.imdb.com/title/tt0106489/> [accessed June 16 2011]. Brown, E. (2004), "The Caribbean Nation-State in Brooklyn Politics," in Krase and Hutchison (eds.), 221–44. Burgess, E.W. (1925), "The Growth of the City," in Park et al. (eds.), 114–23. Butterfield, S.P. (2004), "Being Racialized Ethnic: Second Generation West Indian Immigrants in NYC," in Krase and Hutchison (eds.), 107–36. Camarota, S.A. (2000), "Reconsidering Immigrant Entrepreneurship: An Examination of Self-Employment among Natives and the Foreign-Born," January 2000, at <http://www.cis.org> [accessed June 2 2011]. *Camera Dei Deputati* (1998), "Seminario di Studio, Modelli di Criminalita' Metropolitana: il Caso di Roma," Roma, June 16. Campani, G. (1995), "Albanians in Italy: Asylum Seekers, Refugees, Immigrants," in Delle Donne (ed.), 221–41. Cance, A.E. (1978), "Piedmontese on the Mississippi," in Tomasi (ed.), 280–81. Canclini, G. (1995), *Hybrid Cultures* (Minneapolis: University of Minnesota Press). Candeloro, D. et al. (eds.) (1990), *Italian Ethnic: Their Languages, Literature and Life* (Chicago: American Italian Historical Association). Caritas (1998), "Gli Studenti Stranieri nell'Area Romana," Forum per l'interculturala Promosso dalla Caritas Diocesana di Roma, Centro Studi & Documentazione, April. Castells, M. (1989), *The Informational City* (Oxford: Blackwell Publishers. Castells, M. (1996), "Conclusion: The Reconstruction of Social Meaning in the Space of Flows," in LeGates and Stout (eds.), 494–8. Castells,

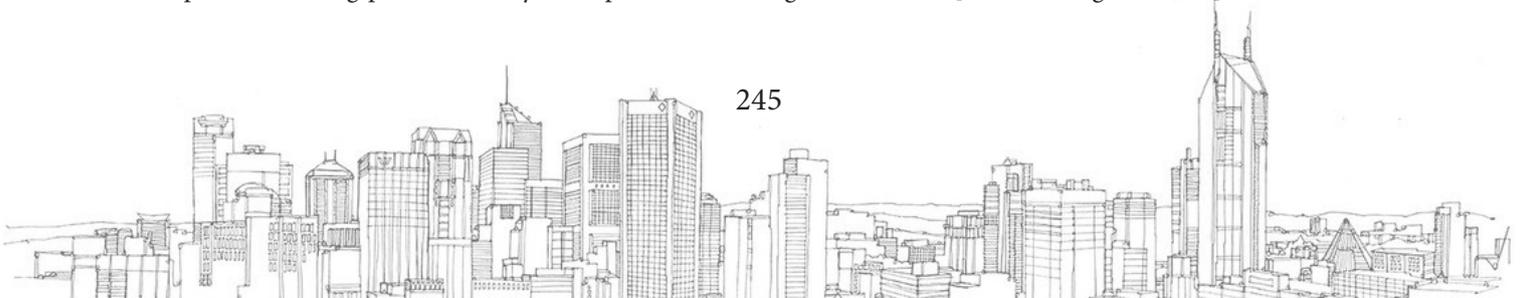
M. (1983), *The City and the Grassroots* (Berkeley: University of California Press). Chang, H. (2008), *Chinatown Beat* (New York: Soho Crime). Chase, G. (1999), "Flatbush Avenue between Hawthorne Street and Church Avenue," Brooklyn College of The City University of New York, unpublished paper. Chaskin, R.J. (1995), *Defining Neighborhood History, Theory, and Practice* (Chicago: Chapin Hall, University of Chicago). Chaudhuri, S. (2009), "Sharing Cultures: Integration, Assimilation and Interaction in the Indian Urban Context," in Prato (ed.), 189–200. Chin, M. (2003), "Moving On: Chinese Garment Workers after 9/11," Working Papers Series (New York: Russell Sage Foundation). *Chinatown* (1974), motion picture, Paramount Pictures, USA, <http://www.imdb.com/title/tt0071315/> [accessed June 15 2011]. Cholewinski, R., de Guchteneire, P., and Pecoud, A. (eds.) (2009), *Migration and Human Rights: The United Nations Convention on Migrant Workers' Rights* (Cambridge: Cambridge University Press). Clark, K.B. (1950), *The Dark Ghetto: Dilemmas of Social Power* (New York: Harper & Row). Cole, G. (1997), *The New Racism in Europe: A Sicilian Ethnography* (Cambridge: Cambridge University Press). Colombo, A., and Sciortino, G. (2004), "Italian Immigration: The Origins, Nature and Evolution of Italy's Migratory Systems," *Journal of Modern Italian Studies* 9(1), 49–70. Conforti, J.M. (1996), *Annals of Tourism Research*, 23(4), 830–42. Conzen, K.N., Gerber, D. Morawska, E., Pozzetta, G., and Vecoli, R. (1990), "The Invention of Ethnicity: A Perspective from the USA," *Altreitalia* 3, 37–63. Conzen, M.P. (1990), "Ethnicity on the Land," in Conzen (ed.), 221–68. Conzen, M.P. (ed.) (1990), *The Making of the American Landscape* (Boston: Unwin Hyman). Critchfield, R. (1994), *The Villagers* (New York: Anchor Books). CSIS (1990), *Italy Today: Social Picture and Trends, 1989* (Milano: Centro Studi Investimenti Sociali, Franco Angeli). The Cultural Landscape Foundation (2009), at <http://www.tclf.org/> [accessed January 27 2009]. Dahrendorf, R. (2002), "Separate but Equal Revisited," *IWM Newsletter*, 4, 22–3. Dave, S. (2005), "Celebrity Sightings and Sensationalist Mysteries: Chinese Americans, Inter-Racial Borders and Being American in Popular Culture," *Journal of Asian American Studies* 8(3), 313–21. Davico, L., and Mela, A. (1999), "Aspetti spaziali dei nuovi fenomeni migratori," *Sociologia urbana e rurale* 21(59), 33–60. Davis, M. (2001), *Magical Urbanism: Latinos Reinvent the U.S. City* (London: Verso). Davis, R.C., and Schleifer, R. (eds.) (1994), *Contemporary Literary Criticism: Literary and Cultural Studies* (White Plains, NY: Longman Publishing Group). Debord, G. (1994), *The Society of the Spectacle*, trans. D. Nicholson-Smith, (Brooklyn, NY: Zone Press). DeCampo, S. (1991), *The Linguistic Minorities of New York City* (New York: Community Service Society). De Certeau, M. (1985), "Practices of Space," in Blonsky (ed.), 122–45. de Grazia, S. (1948), *The Political Community: A Study of Anomie* (Chicago: University of Chicago Press). Delle Donne, M. (1995), "Difficulties of Refugees toward Integration: The Italian Case," in Delle Donne (ed.), 110–41. Delle Donne, M. (ed.) (1995), *Avenues to Integration: Refugees in Contemporary Europe* (Napoli: Ipermedium). DeParle, J. (2007), "Migrant Money Flow: A \$300 Billion Current," *New York Times, Week in Review*, November 18, at http://www.nytimes.com/2007/11/18/weekinreview/18deparle.html?_r=2 [accessed March 2 2011]. De Saussure, F. (1966), *Course in General Linguistics*, ed. C. Bally and A. Sechehaye with A. Riedlinger, trans. by W. Baskin (New York: McGrawHill Book Company). DeSena, J.N. (2006), "What's a Mother To Do?: Gentrification, School Selection, and the Consequences for Community Cohesion," *American Behavioral Scientist* 50(2), 241–57. DeSena, J.N. (2000), "Gendered Space and Women's Community Work," in Hutchison (ed.), 275–97. DeSena, J.N. (1999), *People Power: Grass Roots Politics and Race Relations* (Lanham, MD: University Press of America). DeSena, J.N. (1998), "Low Income Women and Community Power," *Sociological Spectrum* 18(3), 311–32. DeSena, J.N. (1994), "Local Gatekeeping Practices and Residential Segregation," *Sociological Inquiry* 64(3), 307–21. DeSena, J.N. (1990), *Protecting One's Turf: Social Strategies for Maintaining Urban Neighborhoods* (Lanham, MD: University Press of America). DeSena, J., and Shortell, T. (eds.) (2011), *The World in Brooklyn, Brooklyn in the World: Gentrification, Immigration, and Ethnic Politics in a Global City* (Lanham, MD: Lexington Books), forthcoming. De Souza, B.X., Mueller, E., and Sullivan, M. (1997), "From Neighborhood to Community: Evidence on the Social Effects of Community Development," Community Development Research Center, Robert J. Milano Graduate School of Management and Urban Policy, New School for Social Research. Di Donato, P. (1970), *Naked Author* (New York: Phaedra Inc.). Di Donato, P. (1937), *Christ in Concrete* (New York: Bobbs-Merrill Company). Dickinson, J. (1996), "Entropic Zones: Buildings and Structures of the Contemporary City," *CNS* 7(3), 81–95. Diehl, L. (1999), "Historic Williamsburgh: Brooklyn Bound," *Sunday Daily News, "Lifeline Section,"* June 20, 1–3. Diouf, M., and Rendall, S. (2000), "The Senegalese Murid Trade Diaspora and the Making of a Vernacular

Cosmopolitanism,” *Public Culture*, 12(3), 679–702. Dirks, T. (2011), *Chinatown* (1974), reviewed in *Filmsite*, at <http://www.filmsite.org/chin.html> [accessed March 24 2011]. *Dirty Harry* (1971), motion picture, Warner Brothers, USA, at <http://www.imdb.com/title/tt0066999/> [accessed June 14 2011]. *Dirty Pretty Things* (2002), motion picture, BBC Films, United Kingdom, at <http://www.imdb.com/title/tt0301199/> [accessed July 6 2011]. *Do the Right Thing* (1989), motion picture, 40 Acres and A Mule Filmworks, USA, at <http://www.imdb.com/title/tt0097216/> [accessed June 15 2011]. Donadio, R. (2010), “Chinese Remake the ‘Made in Italy’ Fashion Label,” *New York Times*, September 12, at <http://www.nytimes.com/2010/09/13/world/europe/13prato.html> [accessed May 6 2011]. Duneier, M. (1999), *Sidewalk* (New York: Farrar, Straus and Giroux). Dydyński, K. (1993), *The Lonely Planet Travel Survival Kit: Poland* (Hawthorn, Australia: Lonely Planet Publications). Eftychia, A.E. (2010), *GENTRIFICATION Digest – 26 October to 28 October (#2010-18)*. Egelman, E. (2003), “Italian Americans in New York City: 1980 to 2000: A Demographic Summary,” *American Italian Historical Association*, Boca Raton, FL. Egelman, W., and Salvo, J. (1994), “Italian Americans in New York City,” in Krase and DeSena (eds.), 114–26. Ellison, R. (1952), *The Invisible Man* (New York: Random House). “Empowerment of Grassroots Blocked while Gentrification Grows,” *Black News*, at <http://www.blacknews.com/pr/houston101.html> [accessed April 12 2011]. Erdmans, M.P. (1998), *Opposite Poles: Immigrants and Ethnics in Polish Chicago, 1976–1990* (University Park, PA: The Pennsylvania State University Press). Erdmans, M.P. (1995), “Immigrants and Ethnics: Conflict and Identity in Chicago Polonia,” *The Sociological Quarterly* 36(1), 175–95. Farina, P., et al. (eds.) (1997), *Cina a Milano: “Cataloghi – AIM,”* (Milano: Abitare Segesta). Fainstein, S.S. (2005), “Cities and Diversity: Should We Want It? Can We Plan For It?,” *Urban Affairs Review* 41(1), 3–19. Fainstein, S.S., and Gladstone, D. (1999), “Evaluating Urban Tourism,” in Judd and Fainstein (eds.), 21–34. Feagin, J.R. (1998), *The New Urban Paradigm: Critical Perspectives on the City* (Lanham, MD: Rowman and Littlefield). Feldstein, S., and Costello, L. (eds.) (1974), *The Ordeal of Assimilation* (Garden City: Anchor Books). Ferretti, F. (1980), “Chinatown Leaps the Wall and Moves into Little Italy,” *New York Times*, July 13. Fernandez Kelly, P. (1995), “Social and Cultural Capital in the Urban Ghetto: Implications for the Economic Sociology of Immigration,” in Portes (ed.), 213–47. Fertitta, N. (2009), *New York: The Big City and its Little Neighborhoods* (New York: Universe). Firey, W. (1947), *Land Use in Central Boston* (Cambridge: Harvard University Press). Firey, W. (1945), “Sentiment and Symbolism as Ecological Variables,” *American Sociological Review* 10, 295–302. Fitch, R. (1993), *The Assassination of New York* (New York: Verso). *Flag Wars* (2007), motion picture, Zeitgeist Films, USA, at http://www.amazon.com/Flag-WarsColumbus/dp/B000LXS6HA/ref=sr_1_1?s=dvd&ie=UTF8&qid=1304436756&sr=1-1 [accessed May 12 2011]. Flanagan, W.G. (1999), *Urban Sociology: Images and Structures* (Boston: Allyn and Bacon). *Flores De Otro Mundo* (1999), motion picture, Alta films, Spain, at <http://www.imdb.com/title/tt0193167/> [accessed May 6 2011]. *Focus on Greenpoint* (2004), at <http://www.waterwire.net/World/Neighborhoods.cf?ContID=1131> [accessed November 13 2003]. Foner, N. (2007), “How Exceptional is New York? Migration and Multiculturalism in the Empire City,” *Ethnic and Racial Studies* 30(6), 999–1023. Foner, N. (2005), *In a New Land: A Comparative View of Immigration* (New York: New York University Press). Foner, N. (2000), *From Ellis Island to JFK: New York’s Two Great Waves of Immigration* (New Haven: Yale University Press). Fong, E. (2009), “Immigration and its Impacts on Canadian Cities,” in Prato (ed.), 39–55. *Francesca* (2009), motion picture, Mandragora Movies, Italy, at <http://www.imdb.com/title/tt1353168/> [accessed May 7 2011]. Fredrickson, G.M. (2002), “The Historical Construction of Race and Citizenship in the United States,” *UNRISD News*, 25 (Autumn/Winter), 45. Freeman, R.C. (1987), “The development and maintenance of New York City’s Italian American Neighborhoods,” in Krase and Egelman (eds.), 223–37. Friedenfels, R. (1992), “Gentrification in Large American Cities from 1970– 1980,” in Hutchison (ed.), 63–93. Frisby, D. (ed.) (2001), *Cityscapes of Modernity* (London: Polity Press). Frisby, D. (2001), “The City Observed: The Flaneur in Social Theory,” in Frisby (ed.), 27–51. Gabaccia, D.R. (2007), “Inventing ‘Little Italy,’” *Journal of Gilded Age and Progressive Era* 6(1), 7–41, at <http://www.historycooperative.org/cgi-bin/jsttop.cgi?act=justtop&url=http://www.historycooperative.org/journals/jga/6.1/gabaccia.html> [accessed March 8 2011]. Gabaccia, D.R. (1984), *From Sicily to Elizabeth Street* (Albany, NY: State University of New York Press). Gans, H. (1982), *Urban Villagers: Group and Class in the Life of Italian– Americans* (New York: The Free Press). Garbarine, R. (1990), “New York’s Changing Neighborhoods: An Expanding Chinatown is Now Getting Condos,” *New York Times*, November 16. Gardaphe, F.L. (1996), *Italian Signs, American Streets: The Evolution of Italian American Narrative* (Durham, NC: Duke University Press).

Giddens, A. (1984), *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration* (Cambridge: Polity). Glass, R. (1964), *London: Aspects of Change* (London: Centre for Urban Studies and McGibbon and Kee). Glazer, N., and Moynihan, P. (1970), *Beyond the Melting Pot: The Negroes, Puerto Ricans, Jews, Italians and Irish of New York City* (Cambridge, MA: MIT Press). Glazer, N. (1990), "Hansen's Hypothesis and the Historical Experience of Generations," in Kivisto and Blanck (eds.), 104–13. Glionna, J.M. (2010), "In Indonesia, 1998 Violence against Ethnic Chinese Remains Unaddressed," *Los Angeles Times*, July 4, at <http://articles.latimes.com/2010/jul/04/world/la-fg-indonesia-chinese20100704> [accessed March 15 2011]. Gloag, J. (1939), *Word Warfare, Some Aspects of German Propaganda and English Liberty* (London: Nicholson and Watson, Ltd). Global Scale (2007), "The Global Scale of Migrant Money Flows," *New York Times*, Week in Review November 17, at http://www.nytimes.com/interactive/2007/11/17/weekinreview/20071117_MIGRATION_GRAPHIC.html [accessed March 2 2011]. *The Godfather*, motion picture, Paramount Pictures, USA, at <http://www.imdb.com/title/tt0068646/> [accessed June 5 2011]. Goffman, E. (1963), *Behavior in Public Places: Notes on the Social Organization of Gatherings* (New York: Free Press). Goffman, E. (1959), *The Presentation of Self in Everyday Life* (New York: Doubleday Anchor Books). Gold, J.S. (2004), "Love, Discord and Cannoli," *New York Times*, October 17, at http://www.nytimes.com/2004/10/17/nyregion/thecity/17feat.html?pagewanted=1&_r=1&fta=y [accessed April 15 2005]. Gold, S.J. (2006), "The Arab American Community in Detroit, Michigan," Photo Essay, in Healey (ed.), 400–401. Gold, S.J. (2005), "Dearborn Arab–American Festival," Photo Essay, at <http://www.commurb.org/features/sgold/detroit.html> [accessed April 23 2011]. Gold, S.J. (2002), "The Arab–American Community in Detroit Michigan," Photo Essay, *Contexts* 1(2), 48–55. Gonzalez, D. (2004), "A Romantic Ideal of Italy, Over a Samba Beat," *New York Times*, May 18. Gordon, M. (1964), *Assimilation in American Life: The Role of Race, Religion, and National Origins* (New York: Oxford University Press). Gotham, K.F. (2005), "Theorizing Urban Spectacles: Festivals, Tourism and the Transformation of Urban Space," *City* 9(2), 225–46. Gottdiener, M. (1994a), *The New Urban Sociology* (New York: McGraw Hill). Gottdiener, M. (1994b), *The Social Production of Urban Space* (2nd edn) (Austin: University of Texas Press). Grady, J. (1996), "The Scope of Visual Sociology," *Visual Sociology* 11(2), 10–24. Gross, F. (1999), *Citizenship and Ethnicity* (Westport, CT: Greenwood Press). Gruber, R.E. (2010), "Scenes from a Krakow Café," *Moment*, January/February, at <http://momentmag.com/Exclusive/2010/201002/201002-Poland.html> [accessed May 3 2011]. Gutierrez, D.G. (1999), "Migration, Emergent Ethnicity, and the 'Third Space': The Shifting Politics of Nationalism in Greater Mexico," *Journal of American History* 86(2), 481–517. Hackworth, J., and Smith, N. (2001), "The Changing State of Gentrification," *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie* 92, 464–77. *Hai paura del buio* (2010), motion picture, Indigo Film, Italy, at <http://www.imdb.com/title/tt1614981/> [accessed May 2 2011]. Hannerz, U. (1996), *Transnational Connections: Culture, People, Places* (London: Routledge). Harper, D. (1998), "An Argument for Visual Sociology," in Prosser (ed.), 24–41. Harvey, D. (1989), *The Urban Experience* (Baltimore, MD: John Hopkins University Press). Harper, D. (1988), "Visual Sociology: Expanding Sociological Vision," *American Sociologist* 19(10), 54–70. Harvey, D. (2006), *Paris, Capital of Modernity* (New York: Routledge). Haughney, C. (2010), "For One Real Estate Investor, Vinyl Siding Never Lost Its Shine," *New York Times*, November, A32, at <http://www.nytimes.com/2010/11/09/nyregion/09appraisal.html> [accessed April 29 2011]. Hayden, D. (1990), "The Potential of Ethnic Places for Urban Landscapes: Using Ethnic History to Understand Urban Landscapes," *Places* 7(1), 11–17. Healey, J.F. (2006), *Race, Ethnicity, Gender, and Class: The Sociology of Group Conflict and Change*, 4th edn (Thousand Oaks, CA: Pine Forge). Henke, H., and Irish, J.A.G. (2004), "Relations between the Jewish and Caribbean American Communities in New York City: Perceptions Conflict and Cooperation," in Krase and Hutchison (eds.), 193–220. Herzfeld, M. (1985), "Of Horns and History: The Mediterraneanist Dilemma Again," *American Ethnologist* 12(4), 778–80. Herzfeld, M. (1984), "The Horns of the Mediterraneanist Dilemma," *American Ethnologist* 11(3), 439–54. Horowitz, A. (2011), "How to Memorize Everything," Review of Joshua Foer, *Moonwalking with Einstein: The Art and Science of Remembering Everything*, *New York Times*, Book Review Section, March 13, 11, at http://www.nytimes.com/2011/03/13/books/review/book-review-moonwalking-with-einstein-by-joshua-foer.html?_r=1&ref=todayspaper [accessed March 20 2011]. Horowitz, H.L. (ed.) (1997), *Landscape in Sight: Looking at America*/John Brinckerhoff Jackson (New Haven: Yale University Press). Horowitz, J.M. (2011), "Widespread Anti-Immigrant Sentiment in Italy," Pew Global Attitudes Project, January 12, at <http://pewresearch.org/pubs/1461/italy-widespread-anti-immigrantsentiment> [accessed August 1 2011]. House,

G. (2011), "Houston Destroys Largest Black Historic District In United States Empowerment of Grassroots Blocked while Gentrification Grows," *Black News*, at <http://www.blacknews.com/pr/houston101.html> [accessed April 12 2011]. Howe, M. (1984), "Polish Newcomers Revive Dying Greenpoint Customs," *New York Times*, June 22, B1. Howenstine, E. (1996), "Ethnic Change in Chicago," in Roseman et al. (eds.), 31–47. Huang, Y. (2010), *The Untold Story of the Honorable Detective and His Rendezvous with American History* (W.W. Norton and Company). Hum, T. (2004), "Immigrant Global Neighborhoods in New York City," in Krase and Hutchison (eds.), 25–55. Hunter, A. (1985), "Private, Parochial and Public Social Orders: The Problem of Crime and Incivility in Urban Communities," in Suttles and Zald (eds.), 230–42. Hutchinson, J. (2011), "Freedmen Town Project: Houston, Texas," at http://www.anthropology.uh.edu/hutchinson/b_st_project.htm [accessed June 11 2011]. Hutchison, R. (ed.) (2000), *Research in Urban Sociology* (Greenwich, CT: JAI Press). Hutchison, R. (ed.) (1992), *Gentrification and Urban Change* (Greenwich, CT: JAI). Hutchison, R., and Krase, J. (eds.) (2007), *Ethnic Landscapes in an Urban World* (Greenwich, CT: JAI Press). Hutter, M., and Miller D. (2011), "Tourism and the Rebranding of New Orleans 5+ Years After Hurricane Katrina," Paper presented for the Stone/Couch Society for the Study of Symbolic Interaction Symposium, Las Vegas, Nevada, April 1–3. INCMR (2003), *Seminario di Approfondimento Giuridico sulla Convenzione internazionale sulla protezione dei diritti dei lavoratori migranti e dei membri delle loro famiglie, adottata dall'Assemblea Generale delle Nazioni Unite il dicembre 1990* (Italian National Committee for Migrants' Rights in Collaboration with La Sapienza University, Rome, May 6). Irangeles (2011), Amazon.com Product Description, at <http://www.amazon.com/Irangeles-Iranians-Angeles-RonKelley/dp/0520080092> [accessed May 8 2011]. Irangeles (2003), motion picture, Relic Productions, USA, at <http://www.imdb.com/title/tt0375845/> [accessed May 8 2011]. IRES Piemonte (1994), *Le Chiavi della città: politiche per gli immigrati a Torino e Lione* (Torino: Rosenberg & Sellier). Jackson, J.B. (1984), *Discovering the Vernacular Landscape* (New Haven: Yale University Press). Jacobs, J. (1969), *The Death and Life of Great American Cities* (New York: Vintage). Jakobson, R. (1972), "Verbal Communication," *Scientific American*, Communication (San Francisco: Freeman), 39–44. Jakobson, R. (1960), "Closing Statement: Linguistics and Poetics," in Sebeok (ed.), 350–77. Jijiao, Z. (2009), "Migration, the Emergence of Multi-ethnic Cities and Ethnic Relations in China," in Prato (ed.), 173–88. Johnson, J.H., and Oliver, M.L. (1989), "Interethnic Conflict in Urban America: The Effects of Economic and Social Dislocations," *Urban Geography* 10, 449–63. Jones, R.G., Jr., and Foust, C.R. (2008), "Staging and Enforcing Consumerism in the City: The Performance of Othering on the 16th Street Mall," *Liminalities: A Journal of Performance Studies*, 4(1), 1–28, at <http://liminalities.net/4-1/16thstreet.htm> [accessed June 26 2010]. Judd, D.R., and Fainstein, S.S. (eds.) (1999), *The Tourist City* (New Haven and London: Yale University Press). Judt, T. (2004), *The New York Times*, Op-Ed., at <http://www.nytimes.com/2010/11/08/opinion/08judt.html?pagewanted=all> [accessed April 20 2011]. Juliani, R.J. (ed.) (1983), *The Family and Community Life of Italian Americans* (Staten Island, NY: American Italian Historical Association). *Jungle Fever* (1991), motion picture, 40 Acres and A Mule Filmworks, USA, at <http://www.imdb.com/title/tt0102175/> [accessed June 5 2011]. Kallen, H. (1915a), "Democracy versus the Melting Pot," *The Nation*, 190–94. Kallen, H. (1915b), "Democracy versus the Melting Pot," *The Nation*, 217–22. Karpathakis, A. (1999), "Home Society Politics and Immigrant Political Incorporation: The Case of Greek Immigrants in New York City," *International Migration Review* 33(1), 55–78. Karpathakis, A., and Roudometof, V. (2004), "Changing Racial Conceptualizations: Greek Americans in NYC," in Krase and Hutchison (eds.), 265–89. Kasinitz, P. (1988), "The Gentrification of 'Boerum Hill': Neighborhood Change and Conflict over Definitions," *Qualitative Sociology* 11(3), 163–82. Kasinitz, P., Mollenkopf, J.H., and Waters, M.C. (eds.) (2004), *Becoming New Yorkers: Ethnographies of the New Second Generation* (New York: Russell Sage Foundation). Kasinitz, P., Mollenkopf, J.H., Waters, M.C., and Holdaway, J. (2008), *Inheriting the City: The Children of Immigrants Come of Age* (Russell Sage Foundation). *Katrinaville* (2011), television series, at <http://www.tv.com/kville/show/68692/summary.html> [accessed April 21 2011]. Kelley, R., Friedlander, J., and Colby, A. (1993), *Irangeles: Iranians in Los Angeles* (Berkeley: University of California Press, 1993). Kich, Z.R. (2000), Report on Housing in Poland, at http://www.habitants.de/archiv/cities_for_all/housing_rights/poland1.htm (Knut Unger) [accessed June 6 2002]. Kifner, J. (1991), "A Boy's Death Ignites Clashes in Crown Heights," *New York Times*, August 21, at <http://www.nytimes.com/1991/08/21/nyregion/a-boy-sdeath-ignitesclashes-in-crown-heights.html?scp=3&sq=yankel+rosenbaum&st=nyt> [accessed February 19 2011]. Kifner, J.

(1989), "Bensonhurst: A Tough Code in Defense of a Closed World," *New York Times*, September 1, at <http://www.nytimes.com/1989/09/01/nyregion/bensonhurst-a-tough-code-in-defense-of-a-closed-world.html?src=pm> [accessed February 19 2011]. King, A.D. (1996), "Introduction: Cities, Texts and Paradigms," in King (ed.), 1–19. King, A.D. (ed.) (1996), *Re-Presenting the City: Ethnicity, Capital and Culture in the Twenty-First Century Metropolis* (London: Macmillan). King, R. (1996), *Emancipating Space: Geography, Architecture, and Urban Design* (New York: The Guilford Press). King, R., and Andall, J. (1999), "The Geography and Economic Sociology of Recent Immigration to Italy," *Modern Italy*, 4(2), 135–58. Kinkead, G. (1992), *Chinatown: A Portrait of a Closed Society* (New York: Harper Perennial). Kivisto, P. (1990), "The Transplanted Then and Now: The Reorientation of Immigration Studies From the Chicago School to the New Social History," *Ethnic and Racial Studies* 13, 455–81. Kivisto, P., and Blanck, D. (eds.) (1990), *American Immigrants and Their Generations* (Urbana, IL: University of Illinois Press). Kleniewski, N. (1997), *Cities, Change, and Conflict: A Political Economy of Urban Life* (New York: Wadworth Publishing Company). Knutsen, C., and Steiker, V. (eds.) (2008), *Brooklyn Was Mine* (New York: Riverhead Books). Kopstein, K. (2000), *USAID Assistance Program to Poland in Local Government and Housing Sector Reform – A History and Assessment from 1990–2000*, The United States Agency for International Development, April 16. Krase, J. (2011), "Riding the Bus in Brooklyn, New York: The Spectacle of Quotidian Multicultural Life," in DeSena and Shortell (eds.), forthcoming. Krase, J. (2010), "Diversity and Urban Living: Ethnic Crossroads – Visualizing Urban Narratives," in Allemann-Ghionda and Bukow (eds.), 93–112. Krase, J. (2009), "A Visual Approach to Multiculturalism," in Prato (ed.), 1–38. Krase, J. (2007), "Seeing Ethnic Succession in Little and Big Italy," in Meier and Frers (eds.), 97–118. Krase, J. (2006), "Visualizing Ethnic Vernacular Landscapes in American Cities," in McCright and Clark (eds.), 63–84. Krase, J. (2005a), "Poland and Polonia: Gentrification as Ethnic Aesthetic Practice and Migratory Process," in Atkinson and Bridges (eds.), 185–208. Krase, J. (2005b), Review of "The Familiar and the Unfamiliar in Twentieth Century Architecture" by Jean La Marche, *Visual Studies* 19(2), 195–9. Krase, J. (2005c), "The Visual Presentation of Community," in Chapman, R. (ed.), *Senses of Place: Urban Narratives as Public Secrets*, Pace University Institute for Environmental and Regional Studies, 4, 151–75. Krase, J. (2004a), "Seeing Community in a Multicultural Society," in *Perspectives of Multiculturalism: Western and Transitional Countries* (Zagreb: Croatian Commission for UNESCO, FF Press), 151–77. Krase, J. (2004b), "Visualizing Ethnic Landscapes," in Krase and Hutchison (eds.), 1–24. Krase, J. (2003), "Italian American Urban Landscapes: Images of Social and Cultural Capital," *Italian Americana* 22(1), 17–44. Krase, J. (2002a), "Navigating Ethnic Vernacular Landscapes Then and Now," *Journal of Architecture and Planning Research* 19(4), 274–81. Krase, J. (2002b), "The Inner City/Teaching about Seeing," in Papademas (ed.), 92–112. Krase, J. (1997a), "Polish and Italian Vernacular Landscapes in Brooklyn," *Polish American Studies* 54(1), 9–31. Krase, J. (1997b), "The Spatial Semiotics of Little Italies and Italian Americans," in Aste et al. (eds.), 98–127. Krase, J. (1994a), "Bensonhurst, Brooklyn: Italian American Victimizers and Victims," *Voices in Italian Americana* 5(2), 43–53, at http://alljournals.com/via/ViaVol5_2Krase.htm [accessed May 16 2011]. Krase, J. (1994b), "The Anatomy of Inter-ethnic Conflict," in *Proceedings of the New York State Sociological Association* (New York: Oakdale), 225–35. Krase, J. (1993), "Traces of Home," *Places* 8(4), 46–55, at <http://repositories.cdlib.org/ced/places/vol8/iss4/JeromeKrase/> [accessed May 30 2010]. Krase, J. (1990), "America's Little Italies: Past, Present, and Future," in Candeloro (ed.), 169–84. Krase, J. (1983), "The Italian American Community: An Essay on Multiple Social Realities," in Juliani (ed.), 95–108. Krase, J. (1982), *Self and Community in the City* (Washington, D.C.: University Press of America), at <http://www.brooklynsoc.org/PLG/selfandcommunity/index.html> [accessed May 20 2010]. Krase, J. (1979), "Community in the Inner City as a Moral Problem," *Humanity and Society* 3(1), 35–52. Krase, J. (1977), "Reactions to the Stigmata of Inner City Living," *Journal of Sociology and Social Welfare*, 4(7), 997–1011. Krase, J. (1973), "The Presentation of Community in Urban Society," Ph.D. Dissertation, Sociology Department, New York University, Ann Arbor, MI: University Microfilms #74–1916. Krase, J. (2006), "The Blending of America," in Healey (ed.), 47–9. Krase, J., and DeSena, J.N. (eds.) (1994), *Italian Americans in a Multicultural Society* (Stony Brook, NY: Forum Italicum). Krase, J., and Egelman, W. (eds.) (1987), *The Melting Pot and Beyond: Italian Americans in the Year 2000* (New York: American Italian Historical Association). Krase, J., and Hutchison, R. (eds.) (2004), *Race and Ethnicity in New York City* (London: Elsevier/JAI Press). Krase, J., and LaCerra, C. (1992), *Ethnicity and Machine Politics: The Madison Club of Brooklyn* (Washington, D.C.: University Press of America). Krase, J., and Shortell, T.

(2007), "Imagining Chinatowns and Little Italies: A Visual Approach to Ethnic Spectacles," "Le Beau dans La Ville" Conference, Université François Rabelais à Tours. Krase, J., and Sorrentino, F. (eds.) (2000), *The Review of Italian American Studies* (Lanham, MD: Lexington Books).

Kristeva, J. (1994), "Semeiotics: A Critical Science and/or a Critique of Science," in Davis and Schleifer (eds.), 274–82. Kromkowski, J.A. (1990), "A Compendium of Social, Economic, and Demographic Indicators of Polish Ancestry and Selected Populations in the United States," *Polish American Studies* 47(2), 5–74. Kwong, P. (1987), *The New Chinatown* (New York: Hill and Wang). La Marche, J. (2003), *The Familiar and the Unfamiliar in Twentieth-Century Architecture* (Urbana: University of Illinois Press).

Lamerica (1994), motion picture, Alia Film, Italy, at <http://www.imdb.com/title/tt0110299/> [accessed May 6 2011]. Lanfant, M.F., Allcock, J.B., and Bruner, E.M. (eds.) (1995), *International Tourism. Identity and Change* (London, Thousand Oaks, and New Delhi: Sage Publications). Laguerre, M.S. (2006), *Diaspora, Politics, and Globalization* (New York and Basingstoke: Palgrave Macmillan). Laguerre, M.S. (2004), "The Muslim Chronopolis and Diasporic Temporality," in Krase and Hutchison (eds.), 57–81. Laguerre, M.S. (2003), *Urban Multiculturalism and Globalization in New York City: An Analysis of Diasporic Temporalities* (New York and Basingstoke: Palgrave Macmillan Press). Lai, D.C. (1990), "The Visual Character of Chinatowns," *Places* 7(1), 29–31. Lanfant, M.F., Allcock, J.B., and Bruner, E.M. (eds.) (1995), *International Tourism: Identity and Change* (London, Thousand Oaks, and New Delhi: Sage Publications).

Laska, S., and Spain, D. (eds.) (1980), *Back to the City: Issues in Neighborhood Renovation* (New York: Pergamon). Lees, L. (2003), "Super-gentrification: The Case of Brooklyn Heights, New York City," *Urban Studies* 40(12), 2487–509. Lefebvre, H. (1991), *The Production of Space* (Oxford: Blackwell). LeGates, R.T., and Stout, F. (eds.) (1996), *The City Reader* (London: Routledge). Leland, J. (2003), "A New Harlem Gentry in Search of Its Latte," *New York Times*, August 8, F1, F6, F7. Lemke, J.L. (2011), "General Semiotics," On-Line Office, <http://www.personal.umich.edu/~jaylemke/theories.htm#General%20Semiotics> [accessed March 30 2011].

Leong, K.J., Airriess, C.A., Wei Li, W., Chen, A.C., and Keith, V.M. (2007), "Resilient History and the Rebuilding of a Community: The Vietnamese American Community in New Orleans East," *Journal of American History* 94, 770–79, <http://www.journalofamericanhistory.org/projects/katrina/Leong.html> [accessed April 12 2011]. Levi-Strauss, C. (1967), *Structural Anthropology* (Garden City, NY: Doubleday and Company). Lewis, J. (2011), "Istanbul Gentrification Opens Second Front in Culture War," *Eurasianet* January 3, at <http://www.eurasianet.org/node/62653> [accessed June 18 2011]. Liebow, E. (1967), *Tally's Corner: A Study of Negro Cornermen* (Boston: Little Brown and Company). Liggett, H. (2007), "Urban Aesthetics and then Excess of Fact," in Meier and Frers (eds.), 10–23. Lin, J. (1998), *Reconstructing Chinatown: Ethnic Enclave, Global Change* (Minneapolis, MN: University of Minnesota Press). Lind, A.W. (1962), "Adjustment Patterns Among the Jamaican Chinese," *Social and Economic Studies* 7(2), 144–64. Lofland, L.H. (1998), *The Public Realm: Exploring the City's Quintessential Social Territory* (New York: Aldine de Gruyter). Lofland, L.H. (1991), "History, The City and The Interactionist: Anselm Strauss, City Imagery, and Urban Sociology," *Symbolic Interaction* 14(2), 205–23. Lofland, L.H. (1985), *A World of Strangers: Order and Action in Urban Public Spaces* (Prospect Heights, IL: Waveland Press). Logan, J.R. (2003), *America's Newcomers* (Albany, NY: University at Albany, Lewis Mumford Center for Comparative Urban and Regional Research). Logan, J.R. (2000), "Still a Global City: the Racial and Ethnic Segmentation of New York," in Marcuse and Kempen (eds.), 158–85. Lollack, L. (2001), "The Foreign-Born Population of the United States: March 2000," *Current Population Reports*, P20–534, U.S. Census Bureau, Washington, D.C. Lopata, H.Z. (1976), *Polish Americans: Status Competition in an Ethnic Community* (Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1976).

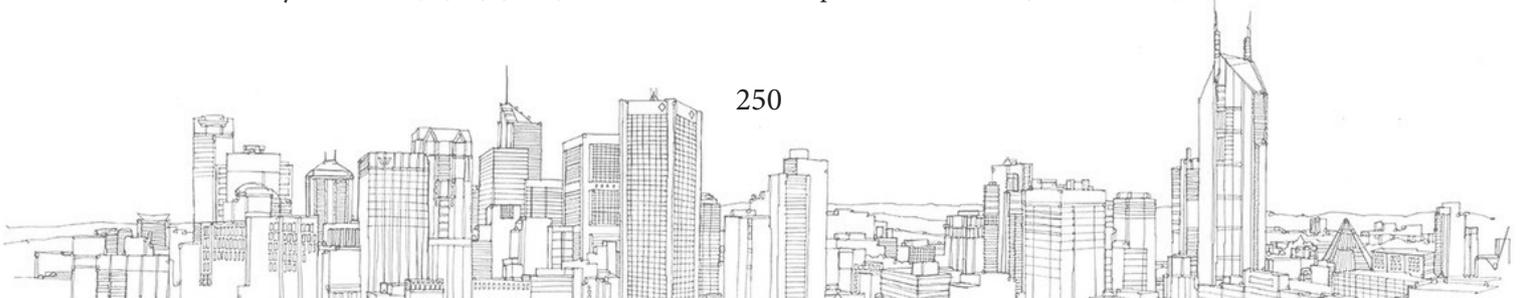
Lopate, P. (2008), "Introduction," in Knutsen and Steiker (eds.), 1–10. Loukaitou-Sideris, Anastasia (1997), "Inner-City Commercial Strips: Evolution, Decay: Retrofit?," *The Town Planning Review* 68(1), 1–29, at <http://www.jstor.org/stable/40113438> [accessed June 2 2011]. Loy, A.L. (2007), "The Chinese Shop as Nation Theatre in West Indian Fiction," *Anthurium: A Caribbean Studies Journal* 5(1), at http://anthurium.miami.edu/volume_5/issue_1/leeloy-chineseshop.html [accessed March 16 2011]. Low, S.M. (1995), "Indigenous Architecture and the Spanish American Plaza in Mesoamerica and the Caribbean," *American Anthropologist* 97(4), 748–62, at <http://www.jstor.org/stable/682595> [accessed October 20 2010]. Luchterhand, E. (1982), "Knowing and Not Knowing: Involvement in Nazi Genocide," in Thompson (ed.), 251–72. Lui, M.T.Y. (2005), *The Chinatown Trunk Mystery: Murder, Miscegenation, and Other Dangerous Encounters in Turn-of-the-Century New York City* (Princeton: Princeton University Press). Lynch, K.

(1960), *The Image of the City* (Cambridge: MIT Press). Lyotard, J.F. (1984), *The Postmodern Condition: A Report on Knowledge*, ed. G. Bennington and B. Massumi (Minneapolis, MN: University of Minnesota Press). MacDougall, D. (1997), "The Visual in Anthropology," in Banks and Morphy (eds.), 276–95. Magnani, N. (2005) "Migration, New Urban Ethnic Minorities and the Race/Ethnic Relations Approach in a Recent Immigration Country: The Case of Italy," in Hutchison and Krase (eds.), 63–95. Martucci, S. (2010), "Necessity and Luxury: A Visual Account of Retail Gentrification in Williamsburg, Brooklyn," Eastern Sociological Society, Boston, Massachusetts. Mangano, A. (1974), "The Associated Life of the Italians in New York City," in Feldstein and Costello (eds.), 107–11. Marcuse, P., and Van Kempen, R. (eds.) (2000), *Globalizing Cities: A New Spatial Order?* (Oxford: Blackwell). Marrota, V. (2007), "Multiculturalism and Multiethnic Cities in Australia," in Hutchison and Krase (eds.), 41–62. Mayer, D. (2009), "Young Urban Migrants between 2 Cultures, Danila Mayer," in Prato (ed.), 151–72. McCright, A.M., and Clark, T.N. (eds.) (2006), *Community and Ecology: Dynamics of Place, Sustainability, and Politics* (London: Elsevier/JAI Press). Meinig, D.W. (ed.) (1979), *The Interpretation of Ordinary Landscapes: Geographical Essays* (New York: Oxford University Press). Meier, L., and Frers, L. (eds.) (2007), *Encountering Urban Places: Visual and Material Performances in the City* (Aldershot: Ashgate). Merton, R.K. (1968), *Social Theory and Social Structure* (New York: The Free Press). Mewshaw, M. (2004), "In Churches, A Mosaic of Cultures," *The New York Times*, Travel Section, June 27, 12–13. *Migration News* (1996), "Italy: Amnesty for Enforcement Assistance?" 3(10), October, at <http://migration.ucdavis.edu/mn> [accessed June 11 2011]. Mildenberg, D. (2011), "Census Finds Hurricane Katrina Left New Orleans Richer, Whiter, Emptier," *Bloomberg News*, February 4, at <http://www.bloomberg.com/news/2011-02-04/census-finds-post-katrinanew-orleans-richer-whiteremptier.html> [accessed April 11 2011]. Mills, C.W. (1959), *The Sociological Imagination* (New York: Oxford University Press). Minckler, D. (2008), "U.S. Minority Population Continues to Grow, Minorities make up 34 percent of U.S. population in 2007," 14 May, at <http://www.america.gov/st/diversityenglish/2008/May/20080513175840zjsredna0.1815607.html> [accessed May 15 2011]. Miranda, G.E. (1974), "Ozone Park revisited," in Feldstein and Costello (eds.), 443–9. Miranda, E.J., and Rossi, I.J. (1976), *New York City's Italians* (New York: Italian American Center for Urban Affairs Inc). Mitchell, S. (2006), "A Walk thru Slavic Village," *About.com*, at <http://cleveland.about.com/od/neighborhoods/ss/slavicvillage.htm> [accessed April 20 2011]. Mokha, K. (2011), "Growing Pains on Hillside Avenue in Queens," *The Wall Street Journal*, January 7, A18, at <http://online.wsj.com/article/SB10001424052748704405704576063901453484920.html> [accessed January 7 2011]. Monteleone, R., and Manzo, L.K.C. (2010), "Canonica Sarpi. Un Quartiere Storico in Fuga dal Presente," in Bricocoli and Savoldi (eds.), 133–61. Mooney, J. (2009), "Polish Is Still Spoken, but Industry Is History," *New York Times*, May 31, at <http://www.nytimes.com/2009/05/31/realestate/31living.html> [accessed April 24 2011]. Moran, K. (2006), "The Story of Black Cowboys and their Town Comes Back to Life," *Houston Chronicle*, at <http://www.chron.com/disp/story.mpl/chronicle/3666127.html> [accessed April 12 2011]. Morawska, E. (1985), *For Bread with Butter: The Life Worlds of East Central Europeans in Johnstown, Pennsylvania, 1890–1940* (Cambridge: Cambridge University Press). Morris, M. (1995), "Life as a Tourist Object in Australia," in Lanfant et al. (eds.), 177–91. Musick, J. (1971), "Ethnicity and the Economic Squeeze," *The University of Michigan School of Social Work*, April. Nagel, J. (1994), "Constructing Ethnicity: Creating and Recreating Ethnic Identity and Culture," *Social Problems* 41(1), 152–76. Nagle, J. (2009), *Multiculturalism's Double-Bind: Creating Inclusivity, Cosmopolitanism and Difference* (Aldershot: Ashgate). Napoli, P.F. (2004), "Little Italy: Resisting the Asian Invasion, 1965–1995," in Krase and Hutchison (eds.), 245–63. Niguri (Niggers) (2009), motion picture, Antonio Martino Productions, Italy, at <http://www.viaemiliadocfest.tv/film-N%C3%ACGURI-hd-20.html>, Ninth Ward Rebirth Bike Tours, at <http://ninthwardrebirthbiketours.com/> [accessed April 12 2011]. *No Fear, No Die* (1990), motion picture, Cinea, France, at <http://www.imdb.com/title/tt0100536/> [accessed May 10 2011]. Notariani, P.F., and Raspa, R. (1983), "The Community of Helper, Utah," in Juliani (ed.), 23–33. Novak, M. (1971), *The Rise of the Unmeltable Ethnics* (New York: McMillan Publishing Company). Noworol, A., and Serafin, R. (1998), *Krakow towards a Sustainable Urban Life: Economic Commission for Europe Workshop on Encouraging Local Initiatives towards Sustainable Consumption Patterns*, Vienna, Austria, February 2–4. NYCDPC (1992), *The Newest New Yorkers: An Analysis of Immigration into New York City during the 1980s* (New York: New York City Department of City Planning). O'Neill, J. (2008), *Netherland* (New York: Pantheon). Okome, M.O. (2004), "Emergent African Immigrant Philanthropy in New York City," in Krase and

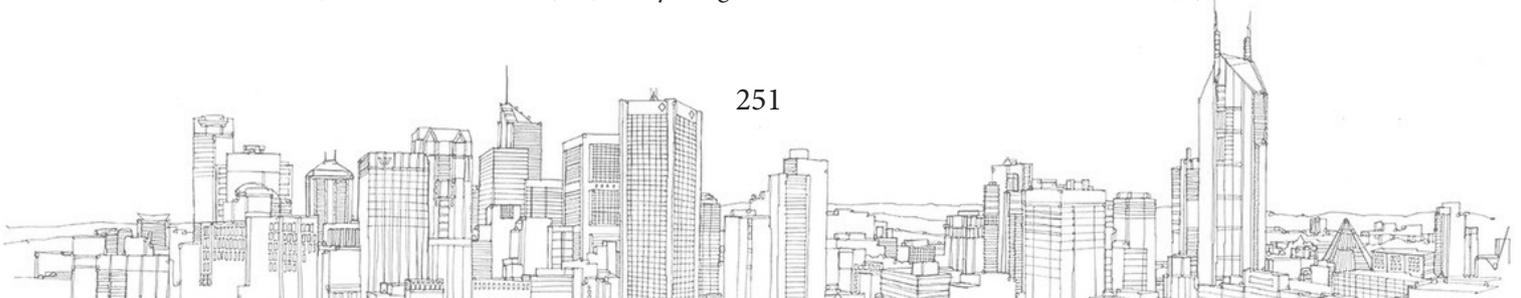
Hutchison (eds.), 179–91. Oliver, M.L., and Grant, D.M. (1995), 'Making Space for Multiethnic Coalitions: The Prospects for Coalition Politics in Los Angeles', in Yu and Chang (eds.), 1–34. Onishi, N. (2007), 'South Korea's Main Chinatown Lacks Only the Chinese', *The New York Times*, March 2, at [http://www.nytimes.com/2007/03/02/world/asia/02korea.html? scp=1&sq=South%20Korea%E2%80%99s%20Main%20Chinatown%20Lacks%20Only%20the%20Chinese%20&st=cse](http://www.nytimes.com/2007/03/02/world/asia/02korea.html?scp=1&sq=South%20Korea%E2%80%99s%20Main%20Chinatown%20Lacks%20Only%20the%20Chinese%20&st=cse) [accessed March 16 2011]. Orsi, R.A. (1985), *The Madonna of 115th Street: Faith and Community in Italian Harlem, 1880–1950* (New Haven, CT: Yale University Press). Osman, S. (2011), *The Invention of Brownstone Brooklyn: Gentrification and the Search for Authenticity in Postwar New York* (New York: Oxford University Press). Osterhammel, J., and Petersson, M.P. (2005), *Globalization: A Short History*, trans. D. Geyer (Princeton: Princeton University Press). Ouroussoff, N. (2009), "The Lessons of Las Vegas Still Hold Surprises," *New York Times*, December 23, <http://www.nytimes.com/2009/12/23/arts/design/23yale.html> [accessed April 14 2011]. Palidda, S. (ed.) (2000), *Socialità e inserimento degli immigrati a Milano* (Milano: Franco Angeli). *Pane e Cioccolata* (1973), motion picture, Verona Produzione, Italy, <http://www.imdb.com/title/tt0070506/> [accessed May 5 2011]. Papademas, D. (ed.) (2002), *Visual Sociology: Teaching with Film/Video, Photographs and Visual Media*, 5th edn (Washington, DC: American Sociological Association). Parati, G. (2005), *Migration Italy* (Toronto: University of Toronto Press). Pardo, I. (2009), "Dynamics of Exclusion and Integration: A Sobering View from Italy," in Prato (ed.), 103–22. Pardo, I. (2006), "Political Expedience and Mismanagement of Responsibility: An Italian Case," in Prato (ed.), 21–9. Park, R. (1925; 1966), "The City: Suggestions for the Investigation of Human Behavior in the Urban Environment," in Park et al. (eds.), 1–46. Park, R.E., and Burgess, E.W. (eds.) (1924), *Introduction to the Science of Sociology* (Chicago: University of Chicago Press). Park, R.E., Burgess, E.W., and McKenzie, R.D. (eds.) (1925), *The City* (Chicago: University of Chicago Press). Patch, J. (2004), "The Embedded Landscape of Gentrification," *Visual Studies* 19(2), 169–87. Pauwels, L. (2000), "Taking the Visual Turn in Research and Scholarly Communication: Key Issues in Developing a More Visually Literate (Social) Science," *Visual Studies* 15(1), 7–14. Pedraza, S., and Rumbaut, R.G. (eds.) (1996), *Origins and Destinies* (New York: Wadsworth). Pink, S. (2008), "Mobilising Visual Ethnography: Making Routes, Making Place and Making Images," *Forum: Qualitative Social Research* 9(3), Art. 36, at <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:0114-fqs0803362> [accessed June 6 2011]. Pink, S. (2006), *Doing Visual Ethnography* (London: Sage Publications Ltd. Podagrosi, A., and Vojnovic, I. (2008), "Tearing Down Freedmen's Town and African American Displacement in Houston: The Good, the Bad, and the Ugly of Urban Revival," *Urban Geography* 29(4), 371–401. Polenberg, R. (1980), *One Nation Divisible: Class, Race, and Ethnicity in the United States since 1938* (New York: Penguin Books). Portes, A. (ed.) (1995), *The Economic Sociology of Immigration: Essays on Network, Ethnicity, and Entrepreneurship* (New York, NY: Russell Sage Foundation). Portes, A., and Bach, R. (1985), *Latin Journey: Cuban and Mexican Immigrants in the United States* (Berkeley: University of California Press). Portes, A., and Rumbaut, R.G. (1990), *Immigrant America: A Portrait* (Berkeley: University of California Press). Portes, A., and Zhou, M. (1992), "Gaining the Upper Hand: Economic Mobility among Immigrant and Domestic Minorities," *Ethnic and Racial Studies* 15(4), 491–522. Poznan, M. (2003), "Greenpoint Speaks Polish," *Nowy Dziennik* September 20–21, translated from Polish in *Gotham Gazette*, "The Citizen" (November 2003), at http://www.gothamgazette.com/citizen/nov03/Polish_polish.shtml [accessed April 24 2011]. Prato, G.B. (2009), "Introduction – Beyond Multiculturalism: Anthropology at the Intersections Between the Local, the National and the Global," in Prato (ed.), 1–19. Prato, G. (2009), "Minorities in Italy: The Cases of Arbëresh and Albanian Migrations," in Prato (ed.), 79–101. Prato, G. B. (ed.) (2009), *Beyond Multiculturalism* (Aldershot: Ashgate Publishing. Prato, G.B. (ed.) (2006), *Political Ideology, Citizenship, Identity, Anthropological Approaches* (Florence: University of Florence Press). Prosser, J. (1996), "What Constitutes an Imaged-based Qualitative Methodology?," *Visual Sociology* 11(2), 26–34. Prosser, J. (ed.) (1998), *Image-based Research: A Sourcebook for Qualitative Researchers* (London: RoutledgeFalmer). Prosser, J., and Schwartz, D. (1998), "Photographs within the Sociological Research Process," in Prosser (ed.), 115–29. Publishers Weekly (2006), *Chinatown Beat*, reviewed in *Publishers Weekly*, September 18, at <http://www.publishersweekly.com/978-1-56947-437-2> [accessed May 10 2011]. Publishers Weekly (1989), *Amy Tan, The Joy Luck Club*, reviewed in *Publishers Weekly*, March 22, at <http://www.publishersweekly.com/9780-399-13420-3> [accessed May 10 2011]. Pula, J.S. (1992), "Polish–Black Relations: Ethnic Tensions During the Civil Rights Movement," *The Fiedorczyk Lecture in Polish American Studies*, New Britain, Connecticut, Central Connecticut State University. Rainhorn, J. (ed.) (2005), *Petites Italies de l'Europe du Nord-Ouest* (Presses Universitaires de

Valenciennes). Ramirez, M. (1996), "Forgotten Man: Kin Seeks Justice in Crown Heights 2nd Slay," *New York Post*, September 4. Rath, J. (ed.) (2007a), *Tourism, Ethnic Diversity and the City* (London: Routledge). Rath, J. (2007b), "The Transformation of Ethnic Neighborhoods into Places of Leisure and Consumption," *The Center for Comparative Immigration Studies Working Paper 144* (San Diego: University of California). Rath, J. (ed.) (2002), *Unravelling the Rag Trade: Immigrant Entrepreneurship in Seven World Cities* (Oxford and New York: Berg and University of New York Press). Rath, J. (ed.) (2000), *Immigrant Businesses: The Economic, Political and Social Environment* (Houndmills, Basingstoke, Hampshire, and New York: Macmillan Press and St. Martin's Press). Regione Toscana e Fondazione Michelucci (eds.) (1997), *Il Colore dello Spazio: Habitat Sociale e Immigrazione in Toscana* (Firenze: Angelo Pontecorboli Editore). Reuter, A. (ed.) (2007), *Klein-Italien: zwischen Industriebrache un Naturreservat* (Centre de Documentation sur les Migrations Humains: Dudelange, Luxembourg). Rieder, J. (1985), *Canarsie: The Jews and Italians of Brooklyn against Liberalism* (Cambridge: Harvard University Press). Rieger, J.H. (1996), "Photographing Social Change," *Visual Sociology* 11(1), 5–49. Ritzer, G. (2000), *Sociological Theory*, 5th edn (New York: McGraw-Hill). Roberts, S. (2011a), "Fewer Broken Windows, and a Decline in Crime," *New York Times*, February 23, at <http://cityroom.blogs.nytimes.com/2011/02/23/fewer-broken-windows-and-a-decline-in-crime/?scp=1&sq=broken%20windows&st=cse> [accessed February 25 2011]. Roberts, S. (2011b), "New York's Little Italy, Littler by the Year," *New York Times*, February 21, Print A20, February 22, at http://www.nytimes.com/2011/02/22/nyregion/22littleitaly.html?_r=1&ref=todayspaper [accessed February 22 2011]. Robertson, R. (1997), "Comments on the 'global triad' and 'glocalization,'" in Nobutaka, I. (ed.), *Globalization and Indigenous Culture*, Institute for Japanese Culture and Classics, Kokugakuin University, at <http://www2.kokugakuin.ac.jp/ijcc/wp/global/index.html> [accessed October 30 2007]. Robinson, R. (1993), "The Polish Community of Greenpoint," *Sociology Department Seminar Paper*, Brooklyn College CUNY.

Roma Stories (2003), motion picture, Giovanni Princigalli, Italy, at <http://www.der.org/films/roma-stories.html> [accessed April 4 2011]. Rome, Italy Home ID# 35807 (2004), July, at www.Homeexchange.com [accessed July 5 2007]. Roseman, C.S., Laux, H.D., and Thieme, G. (eds.) (1996), *EthniCity: Geographic Perspectives on Ethnic Change in Modern Cities* (Lanham, MD: Rowman and Littlefield). Rosenthal, E. (2006), "A Poor Fit for an Immigrant: After 20 Years of Hard Work in Italy, Still Not Italian," *New York Times*, January 1, <http://www.nytimes.com/2006/01/01/international/europe/01italy.ready.html?pagewanted=all> [accessed June 24 2011]. Rosenwaike, I. (1972), *Population History of New York City* (Syracuse, NY: Syracuse University Press). Rudofsky, B. (1964), *Architecture without Architects* (Albuquerque: University of New Mexico Press). Rumbaut, R.G. (1996), "Prologue," in Pedraza and Rumbaut (eds.), xvi–ix. Russo, J.P. (2000), "From Italophilia to Italophobia," in Krase and Sorrentino (eds.), 337–74. Ryan, J.A. (ed.) (1973), *White Ethnics: Life in Working Class America* (Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall). Sampson, R.J., and Raudenbush, S.W. (2004), "Seeing Disorder: Neighborhood Stigma and the Social Construction of 'Broken Windows,'" *Social Psychology Quarterly* 67, 319–42. Sampson, R.J., and Raudenbush, S.W. (1999), "Systematic Social Observation of Public Spaces: A New Look at Disorder in Urban Neighborhoods," *American Journal of Sociology* 105, 603–51, at http://www.wjh.harvard.edu/soc/faculty/sampson/articles/1999_AJS_Raudenbush.pdf [accessed February 17 2011]. Sandburg, C. (1916), *Chicago Poems* (New York: Henry Holt and Company), at <http://carl-sandburg.com/chicago.htm> [accessed March 31 2011]. Sassen, S. (2001), "The Global City: Strategic Site/New Frontier," at <http://www.india-seminar.com/2001/503/503%20saskia%20sassen.htm> [accessed December 1 2007]. Sassen, S. (2000), "Foreword," in Valle and Torres (eds.), ix–xiii. Sassen, S. (1998), *Globalization and its Discontents* (New York: The New

Press. Schumach, M. (1977), "Metropolitan Baedeker: Astoria, the Largest Greek City Outside Greece," *New York Times*, October 07, Travel Section, 'Accent on The Sun', 81, at <http://select.nytimes.com/gst/abstract.html?res=F70B15F9385A167493C5A9178BD95F438785F9&scp=1&sq=Astoria,%20the%20largest%20Greek%20City%20outside%20Greece&st=cse> [accessed March 3 2011]. Schutz, A. (1964), *Collected Papers, Volume 2* (The Hague: Martinus). Sciorra, J. (1996), "Return to the Future; Puerto Rican Vernacular Architecture in New York City," in King (ed.), 60–92. Scott, A.J., and Soja, E.W. (1996), *The City: Los Angeles and Urban Sociology at the End of the Twentieth Century* (Berkeley: University of California Press). Scully, V. (1969), *American Architecture and Urbanism* (New York: Praeger). Sebeok, T.A. (ed.) (1960), *Style in Language* (Cambridge, MA: MIT Press). Seed, Patricia (1993), "Taking Possession and Reading Texts," in Williams, J.M., and Lewis, R.E. (eds.), *Early Images of the Americas: Transfer and Invention* (Tucson:

University of Arizona Press), 111–48. Seelye, K.Q. (2011), “Abandoned Homes on the Northeast Side of Detroit Tell the Story of a City whose Residents have Fled in Record Numbers,” *New York Times*, March 22, http://www.nytimes.com/2011/03/23/us/23detroit.html?_r=1&scp=1&sq=detroit%20population&st=cse [accessed March 24 2011]. Selwyn T. (ed.) (1996), *The Tourist Image: Myths and Myth Making in Tourism* (Chichester: John Wiley and Sons). Sennett, R. (1990), *The Conscience of the Eye: The Design and Social Life of Cities* (New York: Norton). Severson, K. (2011), “Immigrants Are Subject of Tough Bill in Georgia,” *New York Times*, at http://www.nytimes.com/2011/04/16/us/16immigration.html?_r=1&hwpw [accessed April 21 2011]. Severson, K., and Healey, M. (2011), “This Lady Liberty Is a Las Vegas Teenager,” *New York Times*, April 14, at <http://www.nytimes.com/2011/04/15/us/15stamp.html> [accessed April 15 2011]. Seymour, L. (1991), “House Recalls City’s Italian Heritage,” *Torrington Register Citizen*, August 13, 13. Shah, P. (2005), “Globalization and the Challenge of Asian Legal Transplants in Europe,” *Singapore Journal of Legal Studies*, 348–61. Shapiro, E.S. (2006), *Crown Heights: Blacks, Jews, and the 1991 Brooklyn Riot* (Lebanon, New Hampshire: University Press of New England). Shaw, W. (2005), “Heritage and Gentrification: Remembering the Good Old Days in Postcolonial Sydney,” in Atkinson and Bridges (eds.), 57–71. Shaw, W. (2001), “Ways of Whiteness: Negotiated Settlement Agendas in (Post) Colonial Inner Sydney,” unpublished Ph.D. Thesis, University of Melbourne. Shenzhen Government (2007), http://english.sz.gov.cn/tis/200708/t20070830_231726.htm Shorto, R. (2004), *The Island at the Center of the World: The Epic Story of Dutch Manhattan and the Forgotten Colony That Shaped America* (New York: Random House). Shortell, T. (2009), “Brooklyn and Belleville: On the Spatial Semiotics of Ethnic Identity in Immigrant Neighborhoods,” *International Visual Sociology Association*, Carlisle, UK. Shortell, T., and Krase, J. “Seeing Difference: Spatial Semiotics of Ethnic and Class Identity in Global Cities,” *Visual Communication*, forthcoming. Simmel, G. [1908] (1924), “Sociology of the Senses: Visual Interaction,” in Park and Burgess (eds.), 356–61. Smith, N. (2007), “Excerpts from: New Globalism, New Urbanism,” *The Urban Reinventors 2* (December), at <http://www.urbanreinventors.net/archive.php?issue=2> [accessed April 30 2011]. Smith, N. (2002), “New Globalism, New Urbanism: Gentrification as Global Urban Strategy,” *Antipode* 34, 427–50. Smith, N. (1996), *The Urban Frontier: Gentrification and Revanchist City* (New York: Routledge). Smith, N. (1992), ‘New City, New Frontier: The Lower East Side as Wild, Wild West,’ in Sorkin (ed.), 61–93. Soja, E.W. (1996), *Thirdspace: Journeys to Los Angeles and Other Real-and-Imagined Places* (Oxford: Blackwell).

Soja, E.W. (1989), *Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory* (London: Verso). Sollors, W. (ed.) (1989), *The Invention of Ethnicity* (New York: Oxford University Press). Solvang (2011), *City of Solvang*, at <http://www.cityofsolvang.com/> [accessed April 20 2011]. Sorkin, M. (ed.) (1992), *Variations on a Theme Park* (New York: Hill and Wang). Stolle, S.R. (1996), Interview, Brooklyn, New York, May 15. Stoller, P. (2001), *Money Has No Smell: The Africanization of New York City* (Chicago: University of Chicago Press). Stone, M. (1989), “What Really Happened in Bensonhurst?” *New York Magazine*, November 6, 46–56. Strauss, A.L. (1961), *Images of the American City* (New York: The Free Press). Suchar, C.S. (1992), “Icons and Images of Gentrification: the Changed Material Culture of an Urban Community,” in Hutchison (ed.), 165–92. Suchar, C.S. (1988), “Photographing the Changing Material Culture of a Gentrified Community,” *Visual Sociology Review* 3(2), 17–22. *Suddivisione del Territorio Comunale in Venti Circoscrizione* (1972), *Deliberazione* 695, February 11. Sudjic, D. (1992), *The 100 Mile City* (London: Flamingo). Sundilson, E. (2011), “Kevin Lynch: City Elements Create Images in Our Mind, 1960,” *Center for Spatially Integrated Science*, at <http://www.csiss.org/classics/content/62> [accessed June 2 2011]. Surrenti, S. (2009), “The Consumption of Experience and the Ethnic Market: Cosmopolitan Identity beyond Multiculturalism,” in Prato (ed.), 201–16. Susser, I. (1982), *Norman Street: Poverty and Politics in an Urban Neighborhood* (New York: Oxford University Press). Suttles, G.D. (1972), *The Social Construction of Communities* (Chicago: University of Chicago Press). Suttles, G.D. (1968), *The Social Order of the Slum* (Chicago: University of Chicago Press). Suttles, G., and Zald, M. (eds.) (1985), *The Challenge of Social Control: Citizenship and Institution Building in Modern Society* (Norwood, N.J.: Ablex Publishing).

Sulzberger, A.G. (2011), “Czech Village in Cedar Rapids Struggles for a Comeback,” *New York Times*, March 19, at http://www.nytimes.com/2011/03/20/us/20czechs.html?_r=1&ref=todayspaper [accessed March 20 2011]. Sykora, L. (2005), “Gentrification in Post-communist Cities,” in Atkinson and Bridges (eds.), 90–105. Takaki, R. (1993), *A Different Mirror: A History of Multicultural America* (Boston: Little, Brown, and Co.). Tan, A. (1989), *The Joy Luck Club* (New York: Ivy Books). Taylor, C., et al. (1994),

Multiculturalism: Examining the Politics of Recognition (Princeton: Princeton University Press). Tchen, J.K.W., and Genthe, A. (1984), *Genthe's Photographs of San Francisco's Old Chinatown* (New York: Dover Publications). Tchen, J.K.W. (2001), *New York Before Chinatown: Orientalism and the Shaping of American Culture, 1776–1882* (Baltimore: The Johns Hopkins University Press). Tchen, J.K.W. (1988), *The Chinese Laundryman: A Study of Social Isolation* (New York: New York University Press). Thomas, W., and Znaniecki, F. [1918–1920] (1958), *The Polish Peasant in Europe and America* (New York: Dover Publications). Thompson, P. (ed.) (1982), *Our Common History: The Transformation of Europe* (Atlantic Highlands, NJ: Humanities Press). Tirabassi, M. (2005), "Petites Italies / Little Italies / Piccole Italie: Colloquio con Marie-Claude Blanc-Chaléard e Bénédicte Deschamps," *Altretalia*, 31. Tobier, E. (1979), "The New Face of Chinatown," *New York Affairs* 5, 68. Tomasi, L.F. (ed.) (1978), *The Italian in America: The Progressive View* (New York: Center for Migration Studies). Tosi, A. (1997a), "Verso un'Analisi Urbana della Presenza degli Immigrati," in Farina et al. (eds.), 241–5. Tosi, A. (1997b), "Habitat sociale, territorialità e politiche pubbliche," in Regione Toscana e Fondazione Michelucci (ed.) *Il Colore dello Spazio: Habitat Sociale e Immigrazione in Toscana* (Firenze: Angelo Pontecorboli Editore), 29–40. Touzenis, K. (2009), "Migration and Human Rights in Italy: Prospects for the ICRMW," in Cholewinski et al. (eds.), 343–59. Townsend, M. (2007), "Polish migrants flee violent Britain," *The Observer*, October 7, <http://www.guardian.co.uk/uk/2007/oct/07/immigration.immigrationandpublicservices> [accessed June 19 2011]. Tricarico, D. (1984), *The Italians of Greenwich Village* (New York: Center for Migration Studies). Tsai, G. (1998), "Middle Class Taiwanese Immigrants, Adaptation to American Society: Interactive Effects of Gender, Culture, Race, and Class," unpublished Ph.D. dissertation, University of Pennsylvania, Philadelphia, PA. USAID (2002), The United States Agency for International Development, Mission to Poland SEED Reports, at <http://www.usaid.gov/pl/> [accessed November 26 2005]. Vaca, N.C. (2004), *The Presumed Alliance: The Unspoken Conflict Between Latinos and Blacks and What It Means for America* (New York: HarperCollins). Valle, V.M., and R.D. Torres, R.D. (eds.) (2000), *Latino Metropolis* (Minneapolis, MN: University of Minnesota Press). Van Kempen, R., and Marcuse, P. (1997a), "The Changing Spatial Order in Cities," in Van Kempen and Marcuse (eds.), 285–98. Van Kempen, R., and Marcuse, P. (eds.) (1997b), "The Changing Spatial Order in Cities," special issue, *American Behavioral Scientist* 41(3). Vanderkam, L. (2011), "The Korean Grocer Disappears, the American Dream Lives On," *New York Daily News*, at http://www.nydailynews.com/opinions/2011/01/13/2011-01-13_the_korean_grocer_disappears_the_american_dream_lives_on.html [accessed January 13 2011]. Vegara, C.J. (1995), *The New American Ghetto* (Camden, NJ: Rutgers University Press). Venturi, R., Brown, D.S., and Izenour, S. (1972), *Learning from Las Vegas* (Cambridge, MA: MIT Press). Vergati, S. (1994), *Le Oasi Immaginarie* (Bonanno Editore). Vergati, S. (1982), *L'Urbanizzazione* (Palermo: Palumbo Editore). Vigdor, J. (2009), 'New York City and the Genius of Immigrant Assimilation,' *New York Daily News*, at http://www.nydailynews.com/opinions/2009/10/14/2009-10-14_new_york_city_and_the_genius_of_immigrant_assimilation.html [accessed January 13 2011]. Waldinger, R.D., and Bozorgmehr, M. (eds.) (1996), *Ethnic Los Angeles* (New York: Russell Sage Foundation). Walker, B. (2008), "US Census Bureau Presents Diversity Propaganda as Impartial Information," *VDARE.com* [accessed May 22 2009]. Waldinger, R. (1991), "Immigrants Rescue the Rag Trade," *The City Journal* 1, 47. Waldinger, R.D. and Bozorgmehr, M. (eds.) (1996), *Ethnic Los Angeles* (New York: Russell Sage Foundation). Walzer, M. (1997), *On Toleration* (New Haven: Yale University Press). Ware, C. (1965), *Greenwich Village 1920–30* (New York: Harper and Row). Warner, C.A.B. and Karner, T.X. (2005), *Discovering Qualitative Methods: Field Research, Interviews and Analysis* (Los Angeles: Roxbury Publishing Company). *The Warriors* (1979), motion picture, Paramount Pictures, USA, at <http://www.imdb.com/title/tt0080120/> [accessed June 6 2001]. Waters, M. (1990), *Ethnic Options: Choosing Identities in America* (Berkeley: University of California Press). Weber, M. (1947), *The Theory of Social and Economic Organization*, edited by T. Parsons (New York: The Free Press). Wei, W. (2002), "An American Hate Crime: The Murder of Vincent Chin," *Tolerance.org*, at http://www.tolerance.org/news/article_hate.jsp?id=552 [accessed February 17 2011]. *West Side Story* (1961), motion picture, Mirisch Corporation, USA, at <http://www.imdb.com/title/tt0055614/> [accessed June 6 2011]. Whitman, W. (1900), "Give me the Splendid, Silent Sun," *Leaves of Grass*, 1900, at <http://www.bartleby.com/142/130.html> [accessed November 8 2010]. Whyte, W.F. (1955), *Street Corner Society: The Social Structure of an Italian Slum* (Chicago: University of Chicago Press). Wiley, Norbert (2006), "Peirce and the Founding of American Sociology," *Journal of Classical Sociology*, 6(1), 23–50. Williams, C. (2010), "Detroit Worried about ABC Drama

Pushing 'Murder City' Image: Detroit 187 to Air in September," Huffington Post, September 26, http://www.huffingtonpost.com/2010/07/26/detroit-worried-about-abc_n_659979.html [accessed April 12 2011]. Williams, D. (2004), "Chinatown Is a Hard Sell in Italy," Washington Post, March 1. Wilson, J.Q., and Kelling, G.L. (1982), "Broken Windows: The police and neighborhood safety," Atlantic Monthly, March, at <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/1982/03/brokenwindows/4465/> [accessed June 20 2011]. Wirth, L. (1938), "Urbanism As A Way of Life," American Journal of Sociology 44, 1–24. Wirth, L. (1928), *The Ghetto* (Chicago: University of Chicago Press). Wise, A. (2010), "Sensuous Multiculturalism: Emotional Landscapes of Interethnic Living in Australian Suburbia," Journal of Ethnic & Migration Studies 36(6), 917–37. Wittberg, P. (1992), "Perspectives on gentrification: A Comparative Review of the Literature," in Hutchison (ed.), 17–46. Wohl, R.R., and Strauss, A. (1958), "Symbolic Representation and the Urban Milieu," American Journal of Sociology 53, 523–32. Wolfe, T. (1987), *The Bonfire of the Vanities* (New York: Farrar Straus Giroux. Workers of the Federal Writers' Project (1969), *The Italians of New York*, Works Progress Administration of the City of New York (New York: Arno Press/New York Times). Wrobel, P. (1979), *Our Way: Family, Parish, and Neighborhood in a Polish– American Community* (Notre Dame: University of Notre Dame Press. Wrobel, P. (1973), "Becoming a Polish American: A Personal Point of View," in Ryan (ed.), 52–8. Wu, J.T. (2005), *Doctor Mom Chung of the Fair-Haired Bastards: The Life of a Wartime Celebrity* (Berkeley: University of California Press). Wyly, K., and Hammel, D.J. (2005), "Mapping Neo-liberal American Urbanism," in Atkinson and Bridge (eds.), 18–38. Yu, E.Y., and Chang, E.T. (eds.) (2005), *Multiethnic Coalition Building in Los Angeles: A Two-day Symposium* (Los Angeles: Regina Books). Yurick, S. (1965), *The Warriors* (New York: Grove Press). Zangwill, I. (1917), *The Melting-Pot: Drama in Four Acts* (New York: Macmillan. Zinn, H. (1980), *A People's History of the United States* (New York: Harper & Row). Zelinsky, W. (1991), "Seeing Beyond the Dominant Culture," Places 7(1), 32–5. Zelinsky, W. (1973), *The Cultural Geography of the United States* (Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall). Zukin, S. (2002), "What's Space Got to Do with It?," City & Community 1(4), 345–8. Zukin, S. (1996), "Space and Symbols in an Age of Decline," in King (ed.), 43–59. Zukin, S. (1995), *The Cultures of Cities* (Cambridge, MA: Blackwell). Zukin, S. (1987), "Gentrification: Culture and Capital in the Urban Core," Annual Review of Sociology 13, 129–47. Zukin, S. (1982), *Loft Living: Culture and Capital in Urban Change* (Baltimore, MD: Johns Hopkins). Zhou, M. (1992), *Chinatown: The Socioeconomic Potential of an Urban Enclave* (Philadelphia: Temple University Press)

